

ВЛАДИМИР ТОРИН

ОЛЕГ ЯКОВЛЕВ

МИСТЕР ВЕЧНЫЙ КАНУН

УЭЛИХОЛН

18+

фэнтези

МИОО

ПОРЯДОК ЧТЕНИЯ

Мистер Вечный Канун. Уэлихолн

Мистер Вечный Канун. Город Полуночи

Red Violet. Темные миры

ВЛАДИМИР ТОРИН
ОЛЕГ ЯКОВЛЕВ

МИСТЕР
ВЕЧНЫЙ
КАНУН
УЭЛИХОЛН

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2022

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос)6-445.13

Т60

Торин, Владимир

Т60   Мистер Вечный Канун. Уэлихолн / Владимир Торин, Олег Яковлев. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. — 544 с. — (Red Violet. Темные миры).

ISBN 978-5-00195-734-8

Туманный Уэлихолн, затерянный в графстве Эссекс. Получив таинственное письмо, Виктор Кэндл возвращается в город детства, где происходят мрачные и загадочные события, уходящие корнями далеко в прошлое. Старинный семейный особняк полнится заговорами. Все родственники ведут себя очень странно, а вокруг творятся необъяснимые вещи. В дом прибывают необычные гости, среди которых явно есть тот, чье присутствие все отрицают. Близится Хэллоуин...

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос)6-445.13

Все права защищены.

Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00195-734-8

© Владимир Торин, Олег Яковлев, 2022

© Оформление. ООО «Манн, Иванов
и Фербер», 2022

Всем тем, кто...

Багровый, как дорожка свежей крови, поезд полз между серыми холмами вересковых пустошей. Он выкашливал пар из трубы локомотива, скрипел и скрежетал, да и вообще выглядел так, будто вот-вот развалится, но, несмотря ни на что, упрямо пробирался все дальше и дальше на восток. Вагоны качались из стороны в сторону, колеса стучали по рельсам, угрюмо светились рыжие глаза-окна.

Туман вплотную подступал к поезду, и человеку впечатлительному могло бы показаться, что в нем проглядывают зыбкие очертания фигур в пальто и шляпах, а иной, кроме белесой бесформенной мглы, ничего бы там не увидел.

За одним из окон последнего вагона, в единственном купе во всем поезде, где не горел свет, виднелась чья-то голова. Голова эта прислонилась к стеклу, лицо было прикрыто темно-зеленой твидовой шляпой. Человек спал. Хотя спать ему оставалось недолго.

— Проснись... — едва слышно пролепетал тоненький птичий голос.

— Проснись... — вторил ему другой.

— Проснись... — подключился третий.

Черное одеяло, которым укрылся спящий человек, зашевелилось, и оказалось, что оно будто бы сплетено из угольных птичьих перьев, — да и не одеяло это было вовсе: человека в купе сплошь облепили черные птицы! Коготки царапали кожу сквозь одежду, тонкие острые клювики тыкали и кололи грудь, плечи, руки, и с каждым мгновением эти уколы становились все болезненнее. На костюме появились дыры, из пальто полезли нитки, а на рубашке, впитываясь в ткань, проступила кровь. Одна из птиц вонзила клювик между ребрами спящего человека. Он вздрогнул и заворочался, и тогда птицы начали тлеть и сворачиваться, распадаясь пылью, как засыхающие опавшие листья. Черное одеяло исчезло, словно его никогда и не было, но голоса продолжали звучать:

— Проснись, проснись, проснись... Проснись!

Шепот превратился в пронзительный крик, колеса вагона ударились о стык между рельсами, вагон трянуло, и Виктор Кэндл очнулся.

Он убрал шляпу с лица, потер заспанные глаза и сел ровно. Зевнув в кулак, Виктор легонько помассировал онемевшую от неудобной позы шею.

В купе было холодно и темно: керосиновая лампа на откидном столике потухла. За окном туман затянул собой все видимое пространство, и Виктору показалось, что, пока он спал, мир за пределами поезда исчез. Временами вдалеке вспыхивали и сразу же гасли огни, словно пустоши подмигивали не до конца проснувшемуся пассажиру, — это были то ли семафоры на параллельной ветке железной дороги, то ли просто фонари рабочих с болот, то ли...

Виктор вдруг почувствовал шевеление напротив и повернул голову — то, что он увидел, заставило его проснуться окончательно...

Птицы из его полузабытого, рваного сна марки «Сидячий дорожный сон» не остались где-то там, в вотчине дремы, а перебрались следом за ним в купе. Всего птиц этих было

около двух дюжин — они раскачивались на скрипучих жердочках в небольших клетках и, судя по всему, принадлежали пожилой даме, сидевшей рядом с ними. Дама глядела в окно и шепотом пересчитывала вспыхивающие в тумане огни на пустошах.

Выглядела попутчица довольно причудливо. Она куталась в серую шерстяную шаль, настолько длинную и кашлатую, что благодаря ей напоминала огромный сгорбленный ком пыли. На крючковатом носу старухи сидели очки с толстыми стеклами, из-за которых ее глаза казались просто громадными, но самым странным в попутчице была дряхлая острокопечная, с мятыми полями шляпа, какие не носят уж лет этак двести.

Виктор нескромно уставился на шляпу и ее хозяйку, пытаясь понять, откуда они здесь взялись, ведь он точно помнил, что перед тем, как заснул, он был в купе один — только он и его страхи, присыпанные, будто кофе корицей, тревожными догадками о ближайшем будущем, о прибытии и о людях, которых он давно не видел.

Когда же старуха здесь появилась?

Виктора вдруг посетила странная мысль, что попутчица уселась напротив буквально за одно мгновение до того, как он проснулся. А перед этим просочилась в вагон сквозь какую-то щель в виде клока тумана. Или — попытался он умерить воображение — все обстояло намного прозаичнее, и она просто пересела из другого купе.

Виктор снова зевнул.

— Здравствуйте, — поздоровалась попутчица, оторвавшись от созерцания туманных холмов. Голос ее был густым и вязким, как мед в горшочке.

— Здравствуйте, мэм. Вы не будете против, если я зажгу лампу?

Положив шляпу на столик, Виктор потянулся к карману за спичками, но попутчица покачала головой.

— О, я была бы против, — дама кивнула на свои клетки. — Мои любимцы не слишком жалуют яркий свет. У них, понимаете ли, очень чувствительные глаза...

— Это кто у вас? — вежливости ради поинтересовался Виктор. — Дрозды? Хотя они больше похожи на маленьких воронов...

— О! Ни те и ни другие, молодой человек! — дама внезапно обрадовалась: очевидно, питомцы являлись ее излюбленной темой для разговора. Она всем телом повернулась к клеткам и склонилась над ними, едва не задев прутья стеклами очков. — Это черные катарки — редчайшие и красивейшие птицы! Помимо меня, в Англии их разводит лишь сэр Макторкок из Лэк-Эдина, что на границе с Шотландией.

Виктор вгляделся в птиц. То, что черные катарки редкие, он допускал, поскольку никогда о них прежде не слышал, но вот по поводу их красоты он бы поспорил: обладатели тонких клювиков и матовых глаз выглядели, как застывшие сгустки смолы.

— Значит, вы их разводите...

— Да, а потом нахожу для них новые домики. Мои малыши нуждаются в заботе и уходе... — Тут попутчица оторвала взгляд от птиц и вонзила его в Виктора. — Прошу простить мою неучтивость. Юджиния Хэтти... Мисс Юджиния Хэтти.

— Виктор Кэндл, — представился Виктор.

— Едете в Уэлихолн? В отпуск или по работе?

«Лучше бы она продолжала нахваливать своих птичек», — подумал Виктор. Он не слишком-то любил откровенничать с первыми встречными, но закон вежливости, к его большому сожалению, никто не отменял. Парадоксальный закон вежливости... В свое время он не помешал Виктору устроить скандал — по сути, сбежать из дома и уехать в столицу без материнского благословения, — но при этом сейчас обязывал отвечать какой-то незнакомой старухе.

— Еду домой. К празднику.

— К празднику? — недоуменно подняла брови мисс Хэтти, а потом улыбнулась: — А, Канун! Ну конечно!

— А вы? — спросил Виктор, хотя, по правде, ему не было дела: сейчас все его мысли занимало другое. Стоило удивлению от неожиданного возникновения попутчицы отступить, как к нему вернулись его прежние страхи. Скоро он придет домой. Скоро он увидит Ее. Интересно, Она ему что-то скажет? Или молча вышвырнет за порог?

— А я... — мисс Хэтти глядела в пустоту перед собой. Она также сейчас находилась мыслями где-то далеко. — Меня позвали... Я не была в Уэлихолне много-много лет и еще столько же не появлялась бы, но подарочки... да, подарочки, которыми они меня заманили, стоят поездки. Стоят того, чтобы я собрала свою любимую козловую сумку и своих малышей в дорогу.

«Странный ответ», — подумал Виктор — зловещие нотки в голосе этой чудаковатой женщины пробудили в нем неясную тревогу. Что-то с ней все же было не так...

— Я еду повидать внуков, — добавила мисс Хэтти, и Виктор про себя усмехнулся собственной мнительности. — Давно не видела маленьких негодников — совсем забыли старую.

Виктор поглядел в окно — все те же туманные холмы, все те же огни, что порой на них вспыхивают...

Мисс Хэтти продолжила рассказывать о своих внуках, но он ее не слушал. Виктор думал о том, что его ждет, гадал, не совершил ли ошибку, и спрашивал себя: «Зачем... ну зачем ты едешь домой?» Сердце настойчиво твердило: «Ничего хорошего тебя там не ждет».

Семь прошлых лет он отправлял открытки к праздникам, и этого всегда хватало. Из дома приходили пространные и душевные, чем-то напоминающие выдержки из личного дневника письма сестры, яркие и пестрые самодельные открытки младших членов семьи и добродушные, беззаботные,

подчас анекдотичные послания дядюшки. Еще были письма от отца, в которых между строк проглядывала неизбывная тоска: когда Виктор читал отцовские письма, его не покидало ощущение, что он вовсе не держит в руках покрытый чернилами лист бумаги, а стоит перед распахнутым в холодное утро окном...

Ему писали почти все, только Она — никогда.

В этом году Виктор, как обычно, домой не собирался — у него было много работы, близился праздник, тем более господин редактор требовал осветить шумиху вокруг Хэллоуинского Дерева, которое неизвестно откуда появилось вдруг ночью в Гринвичском парке. Виктору не терпелось увидеть все своими глазами — еще бы, ведь на этом дереве росли... тыквы.

Он влез в пальто, подхватил саквояж с фотоаппаратом и портативным фонографом; шляпа заняла положенное ей место на растрепанных рыжих волосах. Наматывая на шею шарф, он уже повернулся было к выходу, когда... в щель для писем в двери протиснулся коричневый конверт. Падению конверта на круглый зеленый коврик сопутствовали бой дедушкиных часов в гостиной и грохот взволнованного сердца.

Виктор застыл в нелепой позе, будто персонаж на фотографии, выхваченный из жизни в момент пляски с шарфом. Он не спешил брать конверт, поскольку уже знал, откуда именно тот пришел, а еще его посетило неприятное предчувствие: кажется, Хэллоуинскому Дереву в Гринвичском парке не доведется сегодня раскрыть ему свои тайны.

Виктор пришел в себя, нагнулся и подобрал конверт.

Получатель:

«Мр. Виктор Кэндл, Роудвуд-парк, 34, Лондон, Соединенное Королевство».

Отправитель:

*«Мисс Бетти Сайзмор, Крик-Холл, Уэлихолн, графство
Эссекс, Соединенное Королевство».*

Все верно, письмо из дома. Но кто такая эта Бетти Сайзмор?

Пальцы Виктора дрожали, когда он вскрывал конверт и разворачивал письмо. С одной стороны, его одолевало любопытство, но с другой, ему совсем не хотелось узнавать, что внутри... Любопытство взяло верх, и он словно откинул крышку колодца, которым лет восемьдесят не пользовались: из письма тянуло затхлостью, сыростью и... опасностью. Оно было чертовски странным, это письмо. Почерк был незнаком.

«Дорогой Виктор!

Я догадываюсь, какой ворох чувств вызвал у тебя указанный на конверте адрес отправителя и какое недоумение — стоящее там имя. Поэтому сперва хочу признаться: Бетти Сайзмор не существует — я выдумала ее, поскольку не могу выдать себя, если письмо попадет не в те руки...

Я пишу тебе с просьбой — нет, с мольбой! — о помощи, ведь, кроме тебя, я больше никому не могу доверять. Любой из тех, кто здесь живет, может участвовать в том, что грядет...

Ты должен приехать как можно скорее! В Крик-Холле что-то затевается... На праздник приглашены опасные и безжалостные личности, и вскоре дом будет многолюден как никогда. Некто по имени Иероним... Он уже здесь, хотя все отрицают это. Он бродит среди нас, но все делают вид, что его нет.

Это письмо, я полагаю, застало тебя врасплох, тебя переполняют сомнения, но, к сожалению, я не могу раскрыть в нем всего (не те руки близости!). Когда ты переступишь порог дома, ты сам все поймешь!

Прошу, поверь: все это не розыгрыш и не уловка, чтобы заманить тебя в Уэлихолн. Если ты не откликнешься, то

надеяться мне больше не на кого. Поспеши! Будь осторожен и, молю тебя, внемли!

Р. С. Когда приедешь домой, никому не говори о письме. Помни: Иероним!»

Подпись отсутствовала — лишь внизу было выведено: «Крик-Холл». К письму прилагался билет на поезд. И... все. Подлинная загадка, загаданная в нескольких чернильных строках.

Виктор несколько раз перечитал письмо, но ничего так и не прояснилось. Что все это значит? Кто на самом деле скрывается под псевдонимом «Бетти Сайзмор»? В чем именно могут участвовать обитатели дома? Что грядет? И еще Иероним этот странный...

Несмотря на любопытство, он не собирался делать то, что просил неизвестный отправитель... не собирался, а затем словно какая-то незримая сила заставила его забыть обо всем, о чем он думал перед тем, как открыл конверт, и вспомнить о жизни, которую он называл кратко «То, вчера», всегда предпочитая сменить тему, когда кто-то о ней заговаривал. Эта незримая сила толкнула его в спину, буквально вышвырнув за порог лондонской квартиры, и понесла напрямик на вокзал. Вот так он и оказался в этом поезде, в этом вагоне, в этом самом купе...

Дверь купе неожиданно открылась. Ее стук оторвал Виктора от тяжелых мыслей, а мисс Хэтти — от рассказа о всевозможных посредственных достижениях ее неинтересных внуков. На пороге стоял высокий человек в длинном сером пальто и шляпе. Руки мужчины безвольно повисли вдоль туловища, он ссутулил плечи и выдвинул вперед шею. На бледном лице читалась смертельная усталость.

Незнакомец принес с собой холод. Сквозняк прошелся по ногам Виктора, и ему стало зябко. На коже выступили

мурашки, изо рта при дыхании начал подниматься пар: должно быть, кто-то из пассажиров открыл окно в конце вагона, а проводник и не заметил.

С появлением мужчины в пальто птицы мисс Хэтти начали вести себя странно — в них словно что-то вселилось: пернатые принялись прыгать и мельтешить по своим клеткам, оббивая крылья о прутья.

— Гвинн... — проговорил незнакомец заунывно, будто зевая. — Гвинн Моулинг. Вы знаете ее?

— Э-э-э... Нет, простите, — непонимающе ответил Виктор и поглядел на мисс Хэтти. Птичница пристально смотрела на незваного гостя.

А тот будто бы и не услышал ответа.

— Моя милая Гвинн... — со стоном продолжал он. — Она была несчастна и сделала то, что сделала. Я не виню ее. Но... Гвинн, моя милая Гвинн... Как же я хочу тебя увидеть вновь.

Сложившаяся ситуация показалась Виктору крайне нелепой.

— Простите, мы не знаем Гвинн, — сказал он твердо. Таким тоном он обычно разговаривал с назойливыми коммивояжерами. — Будьте добры, закройте дверь. Здесь настоящий сквозняк. Холодно!

Мужчина в пальто не ответил. Он просто повернулся и пошагал по проходу прочь.

— Эй!

Виктор резко поднялся на ноги; задетая им шляпа упала со столика на пол. Подойдя к двери, он выглянул в проход. Там никого не было. Мужчина, спрашивавший о Гвинн, вероятно, зашел в соседнее купе. Виктор раздраженно поморщился и затворил дверь. А затем вернулся на свое место у окна.

— Ваша шляпа, молодой человек. — Попутчица услужливо протянула Виктору его головной убор.

— Благодарю. — Взяв шляпу, он кивнул на закрытую дверь. — Странно, правда?

— Не вижу ничего странного. Они все возвращаются домой...

Ее ответ лишь усугубил абсурдность происходящего.

— Кто «они»?

— Те, кто покинул дом.

— Да уж... — пробормотал Виктор и подумал: «Спрашивается, и почему нельзя говорить по-человечески, как в Лондоне? Вот она, неумолимо приближающаяся чертова родная провинция с ее чудаками».

— Вы не знаете, сколько еще осталось до Уэлихолна? — спросил он, сомневаясь, что получит внятный ответ.

— Станция Уэлихолн будет через четыре часа тридцать восемь минут, — не задумываясь ни на мгновение, ответила мисс Хэтти. Должно быть, у нее где-то под шалью тикал идеально точный хронометр или она просто сказала первое, что пришло ей в голову. Виктор не стал вдаваться в подробности.

— Тогда вы не против, если я посплю где-то... м-м-м... четыре часа тридцать пять минут?

— Как я могу быть против вашего сна? — попутчица прищурилась. — Но вы должны помнить, что сон в пути опасен.

— Чем же? — удивился Виктор.

— Вы полагаете, что просто засыпаете и едете себе дальше, а потом просыпаетесь, и жизнь продолжается как ни в чем не бывало, так? А вот и нет! Не понимаете? Пока вы спите, произойти может всякое. К примеру, поезд свернет куда-то не туда и вы прибудете в такое место, о котором лучше даже не задумываться. Или еще хуже: быть может, вы никогда так и не проснетесь, а вместо вас на вашей станции, прикидываясь вами, сойдет кто-то другой. Пока подлинный вы где-то там — потеряны в темном купе какого-то поезда в пустошах... — Мисс Хэтти поправила очки и вдруг

рассмеялась. — О, не смотрите так — да я же шучу, разумеется... А если серьезно, то все же стоит порой быть чуточку менее беспечным: вы не можете знать, кто зайдет в ваше купе, пока вы спите, кто сядет напротив и какая встреча не значит ничего, а какая значит... что-то.

Виктор кивнул, непонятно с чем соглашаясь. После чего вновь надвинул шляпу на лицо и закрыл глаза. И хоть он не доверял этой явно сумасшедшей женщине (она запросто могла что-то украсть или вытворить еще какую-нибудь пакость), его успокоил следующий мрачный вывод: «Вряд ли со мной сейчас может случиться что-нибудь хуже возвращения домой, которое вскоре меня ожидает. И может быть, даже лучше, если поезд свернет не туда или вместо меня на станции сойдет кто-то другой. И тогда кто-то другой вместо меня придет домой. И все, что намечается, свалится на него...»

С этой логичной мыслью он и заснул.

Поезд качнулся и встал. Виктор тоже качнулся и стукнулся головой о стекло. Шляпа слетела с макушки и упала на лампу, будто на специально предназначенную для нее подставку.

— Уэлихолн! — за окном раздавался трубный, как гудок паровоза, голос встречающего пассажиров станционного смотрителя. — Уэлихолн!

Виктор оглядел купе — никого... Пустое сиденье напротив выглядело тоскливо и даже несколько угрюмо. Не было ни намека на то, что там вообще кто-то недавно находился: пернатый или же в очках и нелепой остроконечной шляпе.

Виктор похлопал себя по карманам, после чего проверил замки на саквояже. Похоже, птичница все же была не из тех, кто обирает сонно-доверчивых попутчиков: и бумажник, и билет, а также — он удостоверился отдельно — письмо от Бетти Сайзмор никуда не делись.

Виктор вдруг поймал себя на том, что уже в пятый раз открывает и закрывает защелки на саквояже. Ему совершенно не хотелось надевать пальто и обматывать шею этим удрушающим шарфом. Не хотелось вставать и куда-то идти...

Мимо окна прошел станционный смотритель в шинели и фуражке. В руке он держал колокол, заливающийся, как кот, которому прищемили дверью хвост. Гаркнув очередное «Уэлихолн», служащий вокзала привел Виктора в чувство.

«Неизбежное, как говорит шеф, неизбежно, — подумал он, — поэтому или ты выпустишь тираж, или тебя сдадут в тираж — третьего не дано. Так что отрывай задницу от сиденья, Кэндл, и вперед».

— Вперед, — поморщился Виктор с презрением к самому себе и своей нерешительности.

Он поднялся рывком, будто бы отклеивая себя от сиденья. Мгновение — на пуговицы пиджака. Мгновение — на пальто. Шарф — спиралью вокруг шеи. Переместить шляпу с лампы на макушку, не забыть саквояж...

Виктор сошел с подножки на мощный плиткой перрон и погрузился в утренний туман и паровозный пар. Он мгновенно утонул в толпе отправляющихся, встречающих, носильщиков с их вездесущими тележками и продавцов с их не менее вездесущими переносными лотками. И вдруг в этом шевелящемся в серых клубах многоголовом, многоногим и многочемоданном существе Виктор Кэндл увидел это лицо.

Было видно, что она заготовила совершенно иную реакцию — быть может, даже холодность, строгость и едкую обиду, — но стоило им встретиться взглядом, как на ее губах сразу же расплылась широкая улыбка, и Виктор вспомнил, почему в детстве называл ее лягушонком.

Правда, сейчас она мало чем напоминала ту костлявую, несуразную одиннадцатилетнюю девчонку, которую он

оставил здесь семь лет назад. Перед ним стояла красивая девушка в узеньком бордовом пальтишке. Волосы цвета воронова крыла торчали длинными прядями-перьями из-под красной вязаной шапки. Больше Виктор ничего разглядеть не успел...

— Вик!

Она бросилась ему на шею с такой порывистостью, какая возникает лишь в последний момент и которую нельзя запланировать заранее.

Виктору стало неловко.

— Здравствуй, кроха Крис, — пробормотал он в ухо сестре — или, точнее, в прядь черных волос, закрывающих это ухо. — Я тоже очень рад тебя видеть, но обниматься с дорожной сумкой в руке, знаешь ли, не очень удобно.

Кристина Кэндл отстранилась и снова сделала «лягушонка».

— Занудой был — занудой и остался. А я-то думала, университет и Лондон тебя изменили!

— Боюсь, это им оказалось не под силу.

Люди вокруг толкались. Туфли ступали по ногам Виктора, чемоданы бились окованными углами в его бока. Порой кто-то бурчал «извините», но чаще пассажиры даже не замечали причиненных ими неудобств. На станции было слишком людно для такого маленького города, как Уэлихолн, и в основном перрон заполнили прибывшие. Виктор решил, что, как и он, они приехали к празднику, который только здесь, кажется, и умеют отмечать.

Сестра рассматривала его не моргая. Виктор потупил взгляд: он не мог долго смотреть в эти беспросветно черные глаза — такие же глаза, как у Нее.

— Ладно, пошли скорее отсюда.

Кристина подхватила тяжеленный саквояж брата и с показной легкостью потащила его прочь с перрона, мимо выплевывающих последних пассажиров вагонов, больших часов

и билетных касс. Виктор следовал за сестрой, как собачонка на поводке, и они уже почти покинули здание вокзала, когда вдруг кое-что привлекло его внимание.

На одной из скамеек зала ожидания он заметил знакомую фигуру. Виктор мог бы поклясться, что видел остроконечную шляпу и блеснувшие площадки очков, но стоило между ним и бывшей попутчицей пройти какому-то торопящемуся пассажиру, как на том месте, где она только что вроде находилась, никого не оказалось.

— Эй! — раздался сопровождаемый шелчком пальцев возглас от дверей. Это Кристина пыталась привлечь его внимание. — Я понимаю, что ты домой не торопишься, но у меня еще дела в городе — нужно по дороге заехать за Крендельком.

— Твой ухажер? — невесело усмехнулся Виктор, подойдя к сестре. Вслед за ней он протиснулся через старую вращающуюся дверь. — Ты называешь его Кренделек? Как омерзительно мило...

— Ха! Можно сказать, ухажер — хлопот от него не меньше! — Кристина звонко рассмеялась. — Крендельком его называю только я. За то, что он ворует крендельки из блюда в гостиной. Вообще, он любит, когда его величают Коннелли, — он у нас птица тщеславная. Сейчас Кренделек у ветеринара — какая-то напасть с глазами. Отдали позавчера. Сегодня не только ты возвращаешься домой.

— Ты что, завела канарейку?

Округлившиеся глаза сестры можно было использовать в качестве двух печатей под документом, заверяющим, что Виктор — болван.

— Почему канарейку? Коннелли — кот!

— Ну ты что-то говорила о тщеславной птице, я и подумал...

— Это же фигура речи! А вы ведь у нас репортер, мистер Кэндл, — вам ли не знать таких вещей! Канарейка, хм...

— Отстань. — Виктор насупился. Он не виноват в том, что сейчас почти не соображает и будто бы плывет по ветру, как один из этих влажных туманных клочьев, в ожидании, пока его не принесет к порогу, который он с радостью обошел бы стороной.

Кристина снова шелкнула пальцами — судя по всему, это была ее новая вредная привычка. Раньше, как он помнил, она то и дело чесала нос, причем всей пятерней, что выглядело жутковато.

— Помнишь «Драндулет»? — спросила сестра с улыбкой, ткнув пальцем в громадину, которая стояла у входа в здание вокзала.

Виктор застыл. Это был он...

«Драндулет» на самом деле был стареньким двухдверным «Фордом» модели «А». Бордовая краска облупилась, радиатор, напоминающий кривой оскал, насквозь проржавел, две круглые фары на покатых передних крыльях походили на усталые глаза хронического больного.

На этой машине Бэзил, покойный дворецкий Кэндлов, отвозил их с сестрой в школу, после чего заезжал на рынок и в лавки, забирал почту, встречал на вокзале деловых партнеров отца и доставлял их на свечную фабрику Кэндлов, а затем вновь ехал в школу, но уже чтобы забрать детей семейства.

Годы прошли. Бэзил умер. Семейное предприятие зачахло, и на кованые ворота фабрики повесили огромный замок. Детей начали возить на школьном автобусе, а «Драндулет» остался стоять в гараже, и после смерти Бэзила его никто не мог завести. Странно, что Кристине удалось заставить эту железяку двигаться.

Сестра затащила сумку Виктора на заднее сиденье «Драндулета», села за руль и отворила для брата дверь.

— Ну, чего ждешь? — спросила она. Кристина всегда была непоседливой и нетерпеливой — что ж, это не изменилось.

Виктор, задумчивый и преисполненный угрюмых воспоминаний, ступил на подножку и сел в салон. Дверь захлопнулась за ним сама собой. Не успел он этому удивиться, как машина дернулась и, скрежеща, сорвалась с места...

«Драндулет» трясло и качало на ухабистой мостовой.

Виктор молча глядел в окно.

Улочки, по которым они ехали, были туманно-серыми и неприятно-знакомыми. Все здесь о чем-то напоминало. Вот в этой пекарне он подрабатывал после школы: таскал мешки с мукой, топил печи и следил за противнями. По этой улице за ним гнались мальчишки, любившие поиздеваться над «хилым сыночком» тогда еще «богатеньких» Кэндлов. В той подворотне он от них прятался. А у мясной лавки мистера Брекли его таки отыскивали. Ох и крепко тогда досталось... Вот в этом темно-зеленом газетном киоске на углу работал когда-то мистер Кинни, который зачитывал прохожим утренние новости, добавляя от себя жуткие и животрепещущие подробности. Обычно его не слушали — либо игнорировали, либо потешались над ним: сумасшедшим был этот мистер Кинни...

Улица за улицей... «Драндулет» катил будто бы вовсе не по городу, а по страницам памяти и снов, по выцветшим фотографиям, запечатлевшим то, что все так любят называть этим тоскливым словом «прошлое»...

Виктор спрятал руки в карманы пальто, чтобы сестра не заметила, как они дрожат. Впрочем, он мог этого и не делать — она беззаботно болтала и ни на что не обращала внимания.

Кристина не замолкала ни на минуту с того самого момента, как они сели в машину: она с восторгом жаловалась на родственников и соседей, с не меньшим восторгом рассказывала о парне с Можжевеловой улицы, который продает розы в лавке своей матери, говорила о своей скучной работе

в библиотеке и о подругах Дороти и Эбигейл, которые «ну точно тебе понравятся, Вик!».

Виктор почти ее не слушал — он глядел на ржавые фонарные столбы, на облетевшие деревья и вороньи гнезда в их ветвях. В этих скверах они когда-то гуляли с Сашей и думали, что все у них будет хорошо, что они навсегда останутся такими — счастливыми и любящими друг друга. По этим тротуарам они когда-то с ней ходили, обнявшись. В этих кафе они сидели, потягивали кофе и целовались.

Саша... самый бледный и хрупкий из всех призраков прошлого, которых он пытался забыть. Саша... именно из-за нее он бросил все и сбежал, прикрываясь неумемным желанием учиться и работать в большом городе, в самой столице! Но к сожалению, легче не стало, и, по сути, он лишь сменил парки с тихими аллеями и древними деревьями Уэлихолна на свинец Темзы и ледяную брусчатку Лондона. Грызущую днями и ночами тоску, чувство утраты и разбитое сердце не излечить переменой обстановки. Кто бы. Что. Ни говорил.

Виктор поглядел на сестру. Она совсем на него не похожа. Такие люди просто не умеют унывать: эмоциональные, яркие и обжигающие, как огонек свечи, они скорее сожгут полгорода, чем позволят кому бы то ни было вогнать себя в меланхолию.

Что может больше сказать о человеке, чем его профиль? Что ж, профиль Кристины был таким же болтуном, как и она сама, — он говорил о многом... Нос со слегка вздернутым кончиком, изогнутая, будто в вечном изумлении, бровь, прищуренный глаз и слегка опущенный уголок губы. Много задора и немного коварства, непреклонная, по-детски непримиримая — вот какой была Кристина Кэндл. Даже матери она, помнится, устраивала «веселые» деньки — единственная, кто смел сказать ей слово поперек.

— ...И ты совершенно его не узнаешь, — продолжала щебетать Кристина, словно находясь в совсем ином временном потоке. — Он повсюду бродит в этом нелепом халате и носит с собой бумажник, полный носовых платков. Вот смех-то...

— Как ты узнала, что я приеду? — спросил Виктор.

Вопрос был вроде как совершенно обычным — простое любопытство без какой-либо подоплеки. Якобы. Но Кристина вдруг замолчала и нервно посмотрела на него, после чего вновь переключила внимание на туманную улочку, по которой ехал «Драндулет».

— Что? — спросила она дрогнувшим голосом. — О чем ты?

«Быть может, таинственная Бетти Сайзмор — это Кристина?» — предположил Виктор, глядя на сестру.

— Ну я ведь не писал, что приеду, — с деланным безразличием сказал он. — Думал еще, что буду добираться до Крик-Холла битый час. Схожу с поезда, а тут ты...

Услышав объяснение брата, Кристина заметно успокоилась.

— Дядюшка Джозеф сказал. Шепнул сегодня за завтраком: «Приедет Виктор. Первым утренним поездом. Тринадцатый вагон. Встреть его. Только никому не говори». У-у-у... — протянула сестра, сложив губы трубочкой, после чего рассмеялась. — Какие мы скрытные! Хотя... — Кристина вдруг помрачнела, и Виктор понял: «Подумала о Ней», — я прекрасно понимаю, почему ты никому не сообщил о своем приезде.

«Значит, дядюшка Джозеф знал, что я приеду, — нахмурился Виктор. — Неужели письмо было от него и это он подписался “Бетти Сайзмор”? Странность какая. Да и на него это совсем не похоже... он ведь такой веселый, такой беззаботный, от него никогда не стоило ничего ожидать...»

— Признайся, — сказал Виктор, — отчего ты занервничала, когда я спросил тебя о встрече?

Кристина бросила на него очередной короткий взгляд. На этот раз Виктор успел прочесть в нем смущение.

— Ладно. Только никому ни слова. Особенно... сам знаешь кому. Она будет в ярости, если узнает, что я ездила на Можжевеловую улицу.

— Как мой приезд связан с Можжевеловой улицей? — непонимающе уставился на Кристину Виктор.

— Я едва не проворонила твой поезд, потому что... ну... Тот парень из цветочной лавки с Можжевеловой улицы, о котором я рассказывала. Я заехала в эту лавку купить цветок — ну, ты понимаешь, — перед тем как встретить тебя, и едва не опоздала на вокзал, а его мамаша — та еще пиявка: «Мы Кэндлам цветов не продаем...» Ой-ой-ой, тоже мне, как будто мне есть дело до ее...

Виктор больше не слушал и вновь уставился в окно.

«Драндулет» вынырнул из тесных квартальчиков и оказался возле большого старого парка. Фасадом на парк глядела школа, в которую когда-то ходил Виктор. Сейчас там, должно быть, учится Томми, его младший брат. Ему около одиннадцати. Интересно, какой он? Похож на отца или на Нее?..

Они остановились на перекрестке. По пешеходному переходу с трудом тащила себя и покупки, торчащие из коричневого бумажного пакета, какая-то старушка. Мимо по тротуару пробежал облезлый пес и скрылся в тумане.

До Виктора донеслись звуки музыки, и он повернул голову. Чуть в стороне стояли четверо уличных музыкантов, подыгрывавших скрипу ветвей деревьев и вою ветра. Музыканты эти будто только что вылезли из какой-то канавы: залатанные штаны, выдавшие виды пальто, обувь столь же чиста и опрятна, как и лужи, в которых она находится, — настоящие бродяги. Да и инструменты были им под стать — облезлые, пошарпанные, хлипкие. Перед музыкантами на тротуаре лежала шляпа, голодным подкладочным ртом молящая о нескольких пенни.

Один из бродяг пел хриплым пропитым голосом. Виктор встрепенулся, когда услышал собственное имя.

...Виктор и его демоны ищут тебя...

В Лондонском смоге я встретил его,
Пропивал свою жизнь и не знал он того,
Что хоть пей, хоть не пей, а сгинешь, как все:
Скорбя о любви. ...Вот я и рядом присел.
Он все скулит: «Что за черт? Как же быть?
Эй, друг, посоветуй, как мне поступить!»
«Вот, выпей, дружище», — налил я ему.
И вместе в тот вечер пошли мы ко дну.

Виктор болтал — он был навеселе.
Уверял, что сбежала она на метле,
Что компас его сломан и карт не достать,
Что не может невесту нигде отыскать.

Сбоку вдруг раздался скрип, и Виктор, вздрогнув, поглядел на сестру.

Кристина закусила губу и скрючилась, наклонившись всем телом к лобовому стеклу, напоминая в этот миг какого-то жуткого горбуна. При этом она сжимала руль с такой силой, что он, казалось, вот-вот треснет. Сестра испепеляла взглядом старушку, переходившую улицу. А старушка все шла и шла. Дюйм за дюймом...

Бродяги меж тем запели нестройным хором. Судя по всему, это был припев:

...Виктор и его демоны заявили в город,
Уж поздно сбегать — им дай только повод,
За пинтой не спрячешься, душу скребя.
Виктор и его демоны ищут тебя...

Сказал он: «Прости мне, друг, это нытье,
Мне б в Темзы объятья, чтоб не помнить ее,
Но за каждым углом и в каждом окне
Ее вижу лицо, ее слышится смех.

И зачем обвенчался я с ведьмой?! Вот черт!
Уже третий по счету этот город и порт...»
Виктору сказал я, чтоб впредь меньше пил.
А сам ему виски до края налил.

«Драндулет» фыркал и трясся.

Кристина зашипела. В ее понимании старушка была самым нерасторопным существом во вселенной и волочилась так медленно ей назло. В силу своей энергичности и непоседливости Кристина не могла выносить подобное спокойно. Она явно воспринимала каждое едва заметное движение старушки как личное оскорбление.

Музыканты тем временем продолжали свою заунывную историю:

И вот мы сидим: он говорит, а я пью.
Изливает он душу мне, ему я — свою.
Не слышу, что наши истории схожи,
Что жалобы те же. Эх, две пьяные рожи!

Трактирщик кричит вдруг: «Плати-ка за виски!»
Я глянул: приятель мой ушел по-английски.
Я хотел объясниться, ничего не тая,
Но хмуро трактирщик глядит... на меня?..

И виски закончился, и хмель отпустил.
Дурно мне — видимо, лишку хватил.
И за столом никого, кроме разве меня,
Как будто я — это Виктор, а он — это я.

И они снова затянули угрюмый припев про этого Виктора, который то ли существовал, то ли не существовал, и про шайку его демонов.

— Давай... давай... — шептала Кристина. — Еще дюйм... еще полдюйма... Да!

Старушка с покупками наконец сдвинулась на указанные полдюйма, и Кристина вдавила педаль в пол. «Драндулет» рыкнул, фыркнул, чихнул дымом из выхлопов и сорвался с места.

Фигуры бродячих музыкантов в круглом треснутом зеркале заднего вида все уменьшались. А музыка и слова песни постепенно становились тише, поедаемые воем осеннего ветра.

Виктора вдруг посетила тревожная мысль о совпадении...

«Виктор и его демоны заявили в город...»

Конечно же, он слышал раньше эту старую ирландскую песню, но то, что он ее услышал сейчас, когда вернулся домой... когда он вернулся в... город...

А каких демонов он, словно герой песни, мог привезти с собой? Тоску? Свою извечную спутницу — меланхолию? Мрачные воспоминания? Страхи перед возвращением в родной дом? Да, демонов набралось на маленький карманный ад.

«Виктор и его демоны заявили в город...»

О, если бы он только мог знать...

Виктор и до того чувствовал себя неуютно в старой семейной машине, сидя возле родной сестры, которой сейчас он был чужим ровно настолько, насколько был близок в детстве. Но теперь с ними в «Драндулете» присутствовал еще кое-кто. Или, вернее — некто. А уж если учесть его самолюбие, то и вовсе — Некто.

Весьма валяжный и эксцентричный джентльмен сидел сзади и молчал всю дорогу. Виктор буквально спиной ощущал

его многозначительно невысказанное недовольство, презрение ко всему сущему и к этим людишкам спереди.

Кот Коннелли возлежал на мягкой подушке с его же вышитым изображением на наволочке и, несмотря на то что «Драндулет» постоянно подпрыгивал на неровной мостовой, умудрялся не шевелиться. На его шее красовался алый галстук-бабочка, а на глазах — что выглядело весьма странно — была белая повязка.

— Это временно, — пояснила Кристина и свернула возле городской библиотеки. Она помахала какому-то пешеходу — знакомый ответил на приветствие.

— А что с ним?

— Я не разбираюсь во всей этой кошачьей медицине, но кажется, у него появился... эм-м... негативный взгляд.

— Кот-пессимист? — удивился Виктор.

— Нет! — фыркнула сестра. — Просто Кренделек видит все в обращенных тонах — кругом для него, как... ну... негатив фотографии.

Кот раздраженно повернулся к Кристине. Механически медленный и отточенный поворот головы мог значить лишь одно: «Не называй меня этим глупым прозвищем при нем».

— Только представь, — восторженно продолжала Кристина, — белое стало черным, а черное — белым! Ужас! Поэтому с повязкой ему лучше.

Коту, очевидно, вся эта тема была не слишком приятна, и выражалось это в его недовольном выражении видимой части морды. Виктор решил не продолжать расспросы.

«Драндулет» нырнул под ржавую арку, на которой неровными бронзовыми буквами было выведено: «*На холм Ковентли*».

Туман отступил, будто кто-то разом стянул чехольную ткань со старой мебели, открывая гидранты, почтовые ящики, проволочные линии телеграфа, а еще двух- и трехэтажные

дома с черепичными крышами, которыми, точно деревьями, порос холм.

А затем — Виктор даже вздрогнул от неожиданности — показались знакомые очертания их дома.

Это место было старым, морщинистым, от него веяло чем-то нездоровым. Подобные дома обычно обходят стороной, но только не этот. О, только не этот. Здесь всегда ошивалось множество народа: дальние родственники, различные неприятные знакомые родителей и совсем уж странные личности, заявляющиеся порой без приглашения и чувствующие себя как дома.

Крик-Холл был большим особняком: три этажа и чердак в придачу. Стены сплошь поросли плющом, и дом казался одетым в зелень, как огромный зверь в шкуру. Зеленоватая черепичная крыша требовала ремонта, но у хозяев уже примерно с полвека все никак не доходили руки. Как, впрочем, и до окружавшего дом неухоженного, поросшего бурьяном сада.

«Подумать только... семь лет прошло, а здесь ничего не изменилось», — хмуро отметил Виктор.

Он бросил взгляд на свое окно. Чернеет... Значит ли это, что Она никого не поселила в его комнате?

Возле садовой ограды сидел старый соседский пес. Завидев «Драндулет», он вскочил на все четыре лапы и радостно завилял хвостом. Судя по всему, Кристина его подкармливала.

— Слушай, Вик, — сестра прервала молчание, когда они заехали на вымощенную камнем подъездную дорожку, — я поставлю «Драндулет» в гараж, а ты пока иди в дом.

— Хитрая какая. Хочешь избежать бури?

— А что если и так? — с вызовом бросила Кристина и, повернувшись к заднему сиденью, стряхнула с подушки явно осуждающего ее поведение кота. Под подушкой обнаружилась небольшая сумочка.

— Хорошо-хорошо, — поспешил успокоить ее Виктор. — Буду выдерживать напор грозы в одиночку.

— Ты заслужил, — безжалостно добавила сестра.

— Гм... еще бы...

«Драндулет», пытая и фыркая, исчез за домом, а Виктор направился к крыльцу.

Поднявшись по ступеням, он оказался в полутьме, созданной нависающим эркером. Со стороны могло показаться, будто нервно сжимающий саквояж человек в пальто и шляпе, который только что был тут, вдруг перешагнул куда-то в совершенно другой мир и исчез. Что ж, в каком-то смысле так оно и было...

Виктор нервно сжимал ручку саквояжа, глядя на дверь. Вишневого цвета, в некоторых местах с облупившейся краской, на уровне груди — дверной молоток: бронзовый треугольник, каждая сторона которого выполнена в виде символической свечи как дань семейной традиции.

Виктор кое-что вспомнил и, опустив взгляд, сглотнул вставший в горле ком: он по-прежнему был там, на своем месте.

Порог Крик-Холла возвышался над площадкой крыльца всего лишь на полтора дюйма или около того. С левой стороны он, будто нижняя губа, искривленная в усмешке, был чуть выше — покосился за то время, что здесь жили Кэндлы.

Дедушка рассказывал, что их дом, как дерево, вырос именно из этого порога и почти за четыреста лет, что Крик-Холл стоит на холме Ковентли, он много чего повидал. Этот порог видел и чумные шествия, и костры, на которых сжигали ведьм, и даже битву под холмом Ковентли, когда, по легенде, мечи скрещивались с ведьмовскими веретенами, а благочестивые рыцарские сердца оплавливались под воздействием колдовских чар.

Кто только не переступал через порог Крик-Холла! Виктор не помнил имен, которые называл ему дед, но в его памяти

четко отпечаталось, что эти имена были грозными и величественными. Дедушка напугал Виктора своими мрачными и жестокими сказками, в которых всегда проливалась кровь, полыхали пожары, звенели кандалы и неизменно упоминался покосившийся порог Крик-Холла. Виктор никогда не любил эту кривую деревяшку. В детстве он даже старался не наступать на нее лишний раз.

Сейчас же и порог чуть постарел, и сам дедушка отбыл на тот свет с котомкой, полной грехов и благостей, да и Виктор стал старше и, как он надеялся, умнее. Он больше не верил в суеверия и стариковские рассказы, доверяя лишь типографской краске на газетной бумаге, но...

Виктор вдруг будто бы вновь вернулся в свои двенадцать лет. Он словно пришел из школы и боится зайти внутрь, ожидая наказания за какую-то оплошность. Да уж, сейчас его «оплошность» заключалась ни много ни мало в побеге из дома...

Дрожащими пальцами Виктор достал из внутреннего кармана пальто связку ключей. Найдя нужный, он просунул его в замочную скважину.

Неизвестно, на что он рассчитывал: должно быть, собиравшись распахнуть дверь, ворваться в дом, как стремительный порыв ветра, и как можно скорее пережить ожидающий его миг встречи с Ней, но все его планы рухнули в одночасье. Ключ и не думал поворачиваться.

— Что за черт? — Виктор шлепнул саквояж на крыльцо, двумя руками схватился за головку ключа и принялся с силой на нее давить. Пальцам было больно, лоб под шляпой покрылся потом, от напряжения даже скрипнули зубы. И все же ключ не подавался ни на волосинку.

«Постучать? — подумал Виктор и тут же испугался собственной мысли: — А что если Она откроет дверь? И тут же захлопнет ее перед моим носом... Что же делать?»

— Вам помочь, сэр? — раздался вдруг за спиной хриплый голос.

Виктор даже подпрыгнул от неожиданности и обернулся.

Снизу вверх на него глядел неопрятный старик в ветхом черном пальто с заплатами на локтях; красно-синий выцветший шарф висел на тощей шее. Старик был почти полностью лыс, хотя несколько длинных сальных прядей свисали по сторонам его покрытого щетиной лица. Глаза в прожилках из лопнувших кровеносных сосудов выглядели из разношенных мешков век — они пытливо взирали на Виктора.

— Вам помочь, сэр? — повторил незнакомец и склонил голову набок, подставляя свое большое вислое ухо под будущий ответ.

— Вы кто такой? — не совсем вежливо или, если точнее, совсем невежливо спросил Виктор.

— Я здесь служу, — старик кивнул на дверь. — У Кэндлов, сэр. У вас не получится открыть дверь.

— Вы садовник? Она наняла садовника? — Виктор с сомнением поглядел на неухоженный сад. — Это на Нее не похоже... И что же с дверью?

— Дело не в двери, сэр.

— А в чем тогда?

— В замке и ключе.

— И что садовник может понимать в замках и ключах?

Старик покачал головой.

— Я не садовник, сэр. И не говорил, что я садовник. Да и цветы я не слишком-то жалую. Разве что чертополох, когда он цветет. На моем окне сейчас цветет чертополох. Полезное растение, смею заметить, сэр, и очень красивое... Вам нравится чертополох?

«Никому не нравится чертополох», — подумал Виктор, но вместо этого спросил:

— Тогда кто же вы такой, если не садовник?

— Мое имя Стюарт Биггль, я хранитель ключей.

— Кто-кто? — недоуменно проговорил Виктор.

— Хранитель ключей — служу у Кэндлов в Крик-Холле.

— Да, я услышал. Просто не знал, что в этом доме развелось столько дверей, что без ключника не обойтись.

— Не смею судить об этом, сэр, — пробормотал Биггль. — Вам помочь открыть дверь?

— Если вас не затруднит.

Виктор вытащил — почти выдрал — ключ из замочной скважины.

— О, меня не затруднит — это ведь моя работа.

Старик полез под пальто и достал оттуда большую связку ключей; их на кованом кольце было столько, что сам собой напрашивался вывод: либо этот Биггль служит хранителем ключей не только в Крик-Холле, но и еще в доброй дюжине домов, либо в родовом гнезде за время отсутствия непутевого Кэндла действительно развелось множество незнакомых ему дверей.

Что-то бормоча, Биггль начал ощупывать ключ за ключом, глядя не на связку, а прямо перед собой, полностью доверяя кривым узловатым пальцам. Наконец он довольно хмыкнул и шагнул к двери. С виду ключ, который держал в руке старик, был точь-в-точь таким, как и у Виктора, только несоизмеримо древнее.

— И вы даже не спросите, кто я? — поинтересовался Виктор. — Вам что, разрешается впускать в дом кого угодно?

— Я знаю, кто вы, мастер Кэндл.

Глядя в глаза Виктору с нескрываемой усмешкой, старик с завидной легкостью повернул ключ в замочной скважине.

— Добро пожаловать домой, сэр.

Мистер Биггль вытащил ключ и толкнул дверь. После чего отошел за спину Виктора, давая ему пройти, но тот замер, точно восковая статуя, не в силах отвести взгляд от дверного проема. Из дома на него дхнуло жаром, как из печки с открытой заслонкой. В прихожей было темно и тихо.

— Биггль, а вы случайно не знаете, где...

Виктор обернулся к старику и замолчал, не закончив вопрос. На крыльце «мастер Кэндл» был в полном одиночестве. Хранителя ключей и след простыл — должно быть, незаметно удалился, пока хозяйский сын всматривался в темноту и топтался на месте в нерешительности.

— Что ж...

Виктор поднял саквояж. Набрав в грудь побольше воздуха, он сделал широкий шаг, чтобы невзначай не зацепить порог, и оказался в доме.

Дверь закрылась за его спиной...

Дом встретил его тишиной, лишь старые напольные часы тикали в прихожей.

Виктор снял шляпу, пальто и шарф — повесил все на знакомую с детства вешалку-стойку. Надо же, вот и отцовское клетчатое пальто! Рядом — дядюшкино пальто с отсутствующей третьей пуговицей, а немного в стороне висит Ее строгое темно-зеленое пальто.

Виктор огляделся. Не только вешалка и вещи на ней остались прежними — в прихожей будто бы даже все тени располагались на своих старых местах. Зеркало у двери, узкий коридорчик, ведущий в библиотеку, чернеющие проходы в прочие помещения дома. Широкая лестница напротив входной двери соединяла этажи, словно ломаный хребет. Где-то там, наверху, стоит пустой и холодной его старая комната...

Виктор пересек прихожую, направляясь к лестнице, и уже собрался было подняться к себе, когда услышал приглушенные голоса из-за двери справа. Кухня...

«Ну еще бы! — подумал Виктор. — Время ведь близится к полудню — готовка обеда, должно быть, в самом разгаре. И что делать? Пойти сразу в комнату или сперва?..»

Победив последние сомнения, Виктор направился на кухню, открыл дверь и остановился в проходе.

Он не ошибся: как раз готовился обед. По полу густым туманом стелился пар, вытекающий из кипящих кастрюль и казанков. На плите ярко горел огонь, а в углу сонно урчал и порой вздрагивал огромный бурый холодильник. Из-под потолка свисали гирлянды сковородок и котелков, половников и ножей; с ними соседствовали связки сухих грибов, пучки трав и кореньев. В кухне стоял сильный запах пряностей — Виктору захотелось чихнуть...

Голоса, которые он услышал из-за двери, вырывались из большого радиоприемника. Тот едва проглядывал среди банок, полных чего-то столь отвратительного, что желудок Виктора мгновенно рухнул куда-то вниз. Он заставил себя отвести взгляд, который тут же натолкнулся на то, что его обладатель поначалу принял за очередной клуб пара.

Виктор затаил дыхание, его сердце забилося сильнее.

Это была Она. Конечно же, он мгновенно узнал Ее. Как будто и не прошло столько лет.

Ловко управляясь с ножом, спиной к нему стояла худощавая женщина с пышной копной рыжих, слегка прихваченных сединой волос, собранных в узел на затылке.

Мама... На ней было то же самое платье, что и тогда — в последний раз, как он ее видел: вязаное зеленое платье с цветочным узором; на месте был даже передник.

На глазах у Виктора выступили слезы. Правда, выступили они оттого, что она как раз нарезала лук: нож, словно кладающий клык, стучал по дощечке.

Станный необъяснимый порыв толкнул Виктора вперед. Он быстро подошел к маме, поставил саквояж на пол и, не подумав, что она может порезаться, закрыл ей глаза руками: «Угадай кто?»

Нож завис в воздухе — она прекратила резать.

— Иероним? — спросила мама. — Что, уже начинается? Так скоро, но я ведь не готова, и ты знаешь...

Она оторвала ладони Виктора от глаз и с улыбкой обернулась.

Мама, казалось, совсем не постарела, лишь несколько морщинок появилось на ее высоком лбу и в уголках глаз, да и щеки чуть впали. Все остальное было прежним: острый нос, тонкие губы, пронзительный взгляд.

Улыбка мамы мгновенно потускнела, стоило ей понять, кого она видит перед собой.

— А, это ты...

Как будто ничего не случилось. Как будто он не покидал родной дом, а всего лишь вышел на минутку за газетой.

Виктор стоял, словно пыльным мешком прихлопнутый, — настолько его обескуражила реакция матери. Лучше бы она начала ругать его, проклинать, плакать... Он ожидал чего угодно, надеясь на объятия, боясь ее гнева, но эта холодность, это равнодушие... И еще ее слова...

Иероним, о котором говорилось в письме! Она полагала, что это он стоит у нее за спиной? Очевидно, что так. Но что же должно начаться?! К чему именно она пока не готова?..

— Ты еще долго будешь стоять, как тролль, обращенный в камень рассветными лучами? — спросила мама, после чего отвернулась и продолжила нарезать лук как ни в чем не бывало. — Я бы на твоём месте пошла и разложила вещи. Твоя комната готова. Обед будет в три часа, как обычно.

Виктор машинально кивнул, подхватил саквояж и быстро пошагал прочь.

В дверях кухни он замер и обернулся — мама по-прежнему стояла к нему спиной. Она тонула в волнах пара, и казалось, вот-вот растает, растворится в нем без следа.

Нож стучал по доске, радио продолжало бубнить, огонь шипел на плите, а вода бурлила в кастрюлях.

Все это происходило и до его возвращения, до того, как он вошел в кухню. Его приход ничего не изменил.

Томми Кэндл знал, что тайны и секреты когда-нибудь сыграют с ним злую шутку. И все равно не мог с собой бороться.

Если кого-то судьба и обделила любопытством, то на нем отыгралась в полной мере: стоило ему только подсмотреть что-то вполглаза, услышать что-то вполуха, а то и просто почуять витающий в воздухе запах чего-нибудь загадочного, таинственного или же непонятного, как все его мысли с этого момента начинали работать лишь в одном направлении.

Томми всегда заранее знал, что ему подарят на день рождения, Рождество, Хэллоуин и *другие* праздники... праздники, которые были в мамином календаре и которые, как Томми однажды понял, отмечаются далеко не всеми.

Любопытство мальчика не ограничивалось одними лишь подарками. Он наравне со взрослыми знал всю подноготную внутрисемейных дразг и мог, к примеру, в подробностях рассказать, отчего на самом деле тошнит дядюшку Джозефа, какую очередную пакость задумала тетушка Рэммора или куда ходит папа, когда говорит маме, что отправляется в библиотеку.

Все, что творилось в доме, и все, что скрывали от детей, для Томми никогда не было секретом. И тем не менее он понимал, что взрослые хранят тайны не просто так, ведь не зря же их злит, когда кто-то сует в их дела свой праздный детский нос. А еще он понимал, что именно шатание по чужим комнатам и любовь к замочным скважинам и ящичкам комодов приводят к наказаниям.

Наказания он терпеть не мог. Его не лишали сладкого и даже не запирали в чулан, как других детей. Мама просто глядела на него, говорила ледяным тоном: «Ты наказан, Томас Кэндл», и все — уходила, возвращаясь к своим, маминым, делам. А Томми застывал посреди холла, или своей комнаты, или на лестнице, не в силах пошевелиться. Он был

так испуган, что горло сводило судорогой, а глаза не могли моргнуть — казалось, даже сердце переставало биться. И так он стоял час, два, три, пока кругом, не замечая его, ходили люди, где-то раздавались смех и разговоры, повсюду витали запахи, доносящиеся с кухни. Нет уж, пусть лучше некоторые (особенно мамыны) тайны бродят себе стороной, чем такое...

После очередного наказания Томми Кэндл всегда обещал себе больше ни во что не ввязываться, не бродить, где не положено, и не лезть в тайны взрослых, но всякий раз ему снова попадалось нечто такое, что будто нарочно испытывало его любопытство, и он мгновенно забывал обо всем на свете.

Сегодня же его ждал как раз такой, загадочный до колики в боку, случай. Случаю этому предстояло произойти в самом конце последнего перед каникулами урока. Но предшествовало ему еще одно довольно странное событие: лучший друг убегал от него вниз по главной школьной лестнице...

— Чарли, стой! — крикнул Томми, но тот будто бы не услышал.

Съехав по перилам, Чарли спрыгнул на пол у основания лестницы и, нырнув в толпу учеников, исчез в ней.

Томми бросился за другом.

Перепрыгивая ступени, он обогнул старого учителя географии мистера Клуда, заснувшего прямо на лестнице, миновал парочку девочек, игравших в «колыбель для кошки», и едва не натолкнулся на учителя математики мистера Эдвуда, который на миг потерял равновесие и подбросил вверх голову мумии из папье-маше.

— Не бегать, мистер Кэндл! — прикрикнул мистер Эдвуд, поймав самодельную голову.

— Да, мистер Эдвуд! — ответил Томми, даже не думая останавливаться.

Оказавшись на первом этаже, он встал на носочки, высматривая друга.

Отыскать Чарли оказалось не таким уж простым делом: в холле школы имени Губерта Мола царила предпраздничная суматоха.

Здесь сейчас было не протолкнуться. Помимо учителей и учеников, по холлу расхаживали скелеты, то и дело приветственно снимающие шляпы и скрежещущие зубами. В разросшейся на стенах паутине ползали пауки, повизгивали летучие мыши в клетках.

Школьные музыканты под присмотром мистера Дреббина, занудного учителя музыки, играли медленный тягучий вальс, но всякий раз, лишь стоило ему отвлечься, они тут же, посмеиваясь и перемигиваясь, начинали играть веселый «Танец тыквоголовых».

Библиотекарь мистер Блум и учительница английского языка мисс Полсон развешивали под сводами на первом этаже свечи, с которых время от времени на пол, головы учеников и шляпы учителей капал горячий воск. Двое старшеклассников волочили куда-то огромную тыкву, в которой уже были вырезаны глаза, нос и рот. От тыквы исходил сладкий запах, как будто в холле взорвалась пирожная бомба.

— Куда же ты подевался? — пробормотал Томми, озираясь кругом. Здесь сейчас был кто угодно, но только не Чарли — друг будто взял и просто превратился в кого-то другого.

Томми влез в толпу, как в густой кисель, и... тут же случайно наступил кому-то на ногу.

— Осторожнее, мистер Кэндл! — раздался резкий скрежещущий голос.

Томми глянул на того, кто его окликнул, и обомлел.

— Простите, мисс Саметри! Я не заметил...

— Тогда пусть ваша мама купит вам очки! — последовал ответ, и Томми предпочел уже сам спрятаться в толпе учеников.

Девочки из младших классов выстраивались парами под суровым взглядом мисс Саметри, самой злой и безжалостной учительницы в школе.

— Быстрее, мисс Блейкли! — строго проговорила она. — Мы все будем ждать вас одну?

— Простите, мисс, — всхлипнула одна из девочек и резво застегнула пальто.

— Все готовы? Следуйте за мной!

Учительница развернулась на каблуках и зашагала к выходу. Ее подопечные поплелись следом.

Стоило мисс Саметри скрыться за дверью, как Томми позволил себе вздох облегчения. И тут возле раздевалки он заметил знакомую лохматую голову.

Чарли Уиллинг торопливо натягивал темно-синее вельветовое пальто, одновременно пытаясь вывернуть наружу вязаную шапку с кисточкой. Портфель, закрытый всего лишь на одну из двух защелок, он при этом сжимал коленками.

Было ясно, что Чарли задумал: он собирался сбежать с занятий. Снова. И снова перед ее уроком. Притом что он не был на истории уже два месяца, постоянно находя какой-то предлог, чтобы улизнуть домой.

Чарли Уиллинг любил историю, когда ее преподавала старая миссис Кирчен, но миссис Кирчен вышла на пенсию, ее заменила новая молодая учительница, и Чарли совсем перестал посещать класс на третьем этаже северной башенки школы.

— Думал сбежать и ничего не сказать? — обиженно спросил Томми, подходя к другу.

Чарли с досадой глянул на него — было видно, что именно так он и думал.

— Мне надо идти. У меня срочное дело.

— Кому ты врешь? Ты просто решил пропустить последний урок...

— И когда это ты стал таким занудой? — спросил Чарли.

Занудой Томми стал, когда мама пообещала сварить его в котле, если он принесет домой перед праздником плохие отметки.

Чарли наконец застегнул пальто и натянул шапку. Схватив портфель, он притаился за дверью, украдкой высматривая через пробитое в ней окно что-то на улице.

— Сделай доброе дело, — сказал он. — Если увидишь мистера Грокха, свистни. Вдруг он решил сегодня не пойти за школу. Не хочу, чтоб этот старый хрыч подкрался со своей тростью.

Школьный смотритель мистер Грокх вечно сидел на своем стуле у входа и зорко следил за тем, чтобы ученики не сбежали с занятий — Томми и Чарли нередко от него доставалось. Сейчас старик куда-то отлучился — должно быть, отправился перекинуться парой слов и фляжкой бренди со своим приятелем, мистером Тёрнером, школьным садовником.

Томми сделал последнюю попытку образумить друга:

— Ты не можешь уйти прямо сейчас! Самый последний урок!

— Не пойду, и все! — упрямо бросил Чарли.

Он как-то сказал, что мама якобы запретила ему посещать уроки мисс Мэри. Томми знал, как его друг боится свою маму. Говорили, что миссис Уиллинг злющая как ведьма и что она бьет Чарли за любую провинность. Нет, Томми тоже дважды подумал бы перед тем, как перечить своей маме, но в сравнении с миссис Уиллинг его мама могла бы показаться очень даже доброй.

— Но мисс Мэри... — начал было Томми.

— Ну ты правда не понимаешь! Стоит ей меня увидеть — и все! Мне точно конец!

Вдалеке показался сгорбленный ковыляющий старик с тростью. Еще дюжина ярдов, и мистер Грокх остановится

раскурить свою зловонную трубку возле колодца, как он это всегда и делает. Вот тогда можно будет и прошмыгнуть...

— Чего ты ее боишься, Чарли? — все никак не мог взять в толк Томми. — Мисс Мэри очень добрая, не то что мисс Саметри! Когда вела миссис Кирчен, можно было умереть со скуки, а мисс Мэри все так интересно рассказывает! Ты бы сразу полюбил ее уроки и ее саму, и... — Томми вдруг замолчал. Он сделал это так неожиданно, что Чарли даже отвлекся от неспешно бредущего через парк мистера Грокха. — А может... Может, ты в самом деле в нее того... э-э-э...

Чарли глянул на него волком.

— Заткнись, Кэндл! — рявкнул он.

Томми усмехнулся — как ему казалось, он с легкостью вывел друга на чистую воду. Тот вновь бросил взгляд в окно: мистер Грокх приставил свою трость к колодцу и принялся раскуривать трубку. Вот оно, самое время!

Чарли подхватил портфель, уже собрался было толкнуть тяжелую дверь и выбраться наружу, как вдруг обернулся.

— Я же тебе уже сто раз говорил! — раздраженно бросил он. — Она ведь моя двоюродная тетка, а не просто какая-то там мисс Мэри! Они с мамой на дух друг друга не переносят и... и... Да что ты понимаешь!

Томми и правда не понимал. И что такого, если двоюродная тетка при этом еще и твоя учительница? Вот его родных теток хлебом не корми — дай понаставлять да позанудничать.

— Ладно-ладно, — сказал Томми. — Можешь не признаваться. Я и так все понял. Не бойся, я — могила. Но вам с Уилли Паттоном придется сразиться — он ведь тоже тайно влюблен в мисс Мэри.

Чарли хотел что-то ответить, но передумал, решив, вероятно, что на это совсем нет времени, и исчез, хлопнув дверью.

— Эй, не забудь, что у нас дело! — крикнул ему вслед Томми.

Чарли уже не слышал, и Томми лишь оставалось надеяться, что друг не забудет об их общей тайне.

Колокол на Часовой башне зазвонил, и мисс Мэри влетела в класс, как обычно, с самым последним ударом.

Ученики уже заняли свои места, и пустота рядом с Томми прямо-таки вопила о том, что кое-кого не хватает. К несчастью, их парта была еще и в первом ряду.

По мнению Томми, не заметить отсутствие его друга было в принципе невозможно, но мисс Мэри, кажется, забыла, что в ее классе должен быть еще кто-то, и с удивлением разглядывала небольшую тыкву, неизвестно откуда появившуюся в кабинете. В тыковке горела свеча: огоньки в разрезах рожицы отбрасывали забавные тени на стол учительницы.

Так и не догадавшись, кто из учеников ее туда поставил, мисс Мэри поправила изящные круглые очки и промурлыкала свое привычное:

— Здравствуйте, мои дорогие. Никто не опоздал?

Само собой, опоздавшие и отсутствующие и не подумали признаваться.

Сидевший позади Томми зубрила Бобби Тэммин, известный любитель ябедничать, как-то подозрительно заерзал на стуле. Томми, спиной почуяв крамольные мысли, обернулся и так красноречиво на него зыркнул, что у бедняги рот хоть и остался открытым, но вот слова застряли где-то на полпути.

— Только попробуй, — на всякий случай предупредил Томми, продемонстрировав Бобби кулак.

Соседка Бобби Тэммина, легкомысленная Сьюзи Кларк, тут же прыснула со смеху. Томми давно подозревал, что девчонка без ума от некоего мистера Томаса Кэндла и только

и норовит, что обратить на себя его внимание, посему показал кулак и ей тоже.

Сьюзи в ответ насупилась, а Томми подумал, что это к лучшему, — еще не хватало попасть в девчоночьи сети, а после уроков таскать чей-то там набитый битком портфель.

— Мистер Кэндл, перестаньте наконец вертеться, — сделала ему замечание мисс Мэри.

Томми сел ровно и посмотрел на учительницу.

Если бы его спросили, сколько мисс Мэри лет, он бы не смог ответить. Он знал, что она намного младше его мамы, но точно старше Кристины, его сестры. У нее были неимоверно путанные каштановые волосы, слегка заостренное лицо, тонкий нос и живые, подвижные губы, которые редко оставались без улыбки.

Мисс Мэри всегда носила одно и то же платье, словно других у нее попросту не было. Богатенькая Констанция Уайли говорила, что, мол, мисс Мэри — нищенка, но высокомерную задаваку в этом никто не поддерживал: все любили добрую и приветливую учительницу. Тем более ее фиолетовое платье из шотландки ей очень шло.

— Дети, — сказала мисс Мэри, обращаясь к классу, — все вы, должно быть, знаете, какой сегодня день.

— Конечно! Последний день учебы! — раздалось со всех сторон. — Завтра каникулы!

— Правильно, — кивнула учительница. — У нас в школе осенние каникулы традиционно наступают именно за неделю до кануна... кануна чего, кто мне подскажет?

— Кануна Дня Всех Святых! — объявил очевидное на весь класс Бобби Тэммин. — Наш главный городской праздник! Хэллоуин!

— Наш главный городской праздник — Хэллоуин, — проворчал Томми, который терпеть не мог зануд, выскочек, а еще людей, которые успевают ответить раньше него. — Клянусь, это даже старая псина миссис Торчвуд знает.

— Ай-ай-ай, мистер Кэндл, — укоризненно улыбнулась учительница. — Надеюсь, вы имели в виду именно собачку Торчвудов, а не уважаемую всеми нами старушку?

— Собаку.

Томми смутился. Прозвучало и впрямь двусмысленно. Хотя жившая возле школы старуха, по мнению мальчика, мало чем отличалась от своего питомца — она всякий раз рычала и скалила кривые коричневые зубы, стоило ей заметить Томми.

— Итак, ученики, — начала мисс Мэри, — я хотела сегодня попросить вас рассказать мне историю образования Шотландского королевства — вы должны ее отлично помнить с прошлых уроков. Но скоро и вправду Хэллоуин, а значит, можно провести особый урок.

Надо сказать, что у мисс Мэри «особым» уроком обычно был каждый третий, а то и каждый второй. В отличие от других учителей, она не слишком придерживалась школьной программы и часто позволяла себе отойти в сторону от рекомендованной темы, с головой окунаясь в различные исторические домыслы и самые невероятные теории. Так, например, на одном из прошлых занятий мисс Мэри очень подробно рассказывала про легенды о гоблинах и их Под-Королевстве. При этом она с совершенно серьезным видом утверждала, что короли гоблинов по-прежнему ведут кровопролитные войны за Ржавый трон, а их кузнецы куют невиданное оружие и варят волшебные зелья!

Да, от таких уроков ученики были просто в восторге. А кто бы не был, когда вам вместо скучных дат и пыльных фактов рассказывают захватывающие легенды. И теперь всех мучил вопрос: что же она приготовила на этот раз, на самый последний урок перед каникулами?

— Итак, канун Дня Всех Святых... — сказала мисс Мэри. — Многие верят, что в ночь на тридцать первое октября пропадающие души возвращаются в наш мир — проходят через

могилы, в которых лежат их тела, будто через двери. Неприкаянные и едва выбравшиеся из крошечной тьмы и стылой пустоты, первым делом они направляются туда, где раньше жили, — в свои старые дома. Изначально люди наряжались в жуткие костюмы именно для того, чтобы напугать призраков и прогнать их прочь, а не для того, чтобы выклянчить побольше конфет, — жаль вас огорчать, мистер Брин. Тыква «Светильник Джека», — учительница кивнула на тыкву, стоящую на ее столе, — заменила в свое время репу, которая также служила охранным амулетом против незваных гостей с того света. Злющая жуткая рожа у двери никого не пустит дальше порога — так считалось. Да-да, мисс Кларк, это не просто причудливое украшение для вашего дома — именно такая вот тыква помешает вашей злой мертвой прапрабабушке заявиться к вам в гости в полночь Хэллоуина и схватить вас за пятки. Также это касается и угощения, традиционно оставляемого за порогом. Когда-то это делалось вовсе не для того, чтобы порадовать соседских детишек, а чтобы задобрить умерших. Люди полагали, что, насытившись, призраки не проникнут к ним в дом, не застанут их в постелях и не начнут обживать в их комнатах, а спокойно себе уйдут. Это все можно не записывать, мистер Тэммин.

Мисс Мэри обвела взглядом класс. В ее глазах блеснули озорные искорки.

— Впрочем, с тех пор прошло много времени, и никто уже почти не помнит, откуда пошли те или иные традиции. Сейчас все это просто забавные тыквы, переодевания в жуткие костюмы монстров и охота на конфеты. Давайте и мы с вами сдуем пыль старины, оставим ветхие традиции и поговорим о современном празднике. Что Хэллоуин значит лично для вас? Кто мне расскажет? Да, мистер Бэрри?

По классу прокатились смешки. Доджи Бэрри был тучным и долговязым. Он был настоящим громилой. Почти по всем предметам он едва-едва вытягивал и всегда выражал свои

мысли грубо и отрывисто — так, будто английский был ему неродным языком. Ученики в школе и дети с улицы называли его Троллем. Он отвечал им взаимностью: обзывал «мелочью» и гонялся за ними, но очень редко догонял — Тролль Бэрри был неповоротливым.

— Мой папа говорит, что Хэллоуин — плохой день, — глухо сказал Доджи. — Папа запрещает мне выходить на улицу в Хэллоуин. Потому что по городу бродят ведьмы. Они хотят меня поймать и заставить им служить.

Почти все ученики фыркали и переглядывались. Если бы не присутствие мисс Мэри, которая не позволяла никому издеваться над Троллем Бэрри, они бы начали покатываться со смеху.

Но и она была удивлена:

— Служить, мистер Бэрри?

— Подравнивать серебряными ножницами их метлы. Натирать до блеска котлы. А еще таскать их самих на спине.

Томми, в отличие от одноклассников, смешно не было. Ему не нравилось, когда потешаются над Бэрри. Он считал, что тот ведет себя как громила, потому что на самом деле боится других детей.

— Я полагаю, ваш отец просто шутит, мистер Бэрри, — сказала учительница и улыбнулась ему.

Доджи был словно придавлен ее улыбкой — так ведут себя многие громилы, когда к ним относятся по-доброму. Он пробурчал нечто вроде: «Нет, не шутит», но его уже никто не слушал. Мисс Мэри дала слово еще одному из учеников.

— Да, мистер Брин, — кивнула она толстяку за задней партой. — Вы хотите нам что-то рассказать о Хэллоуине?

— Ну... м-м-м... э-э-э... Мне нравится Хэллоуин.

— Из-за сладостей, которые достаются толстякам просто так, — вставил Уилли Паттон, главный заводила и остряк в классе.

Уилли Паттон быстрее всех в школе гонял на велосипеде. А еще у него был глупый (для Томми) и изумительный (для всех девчонок) чубчик. Уилли вел себя как настоящий бунтарь: хоть он вынужденно и носил форменное школьное пальто из синего вельвета, но обычно поднимал его воротник, помимо этого, он подкатывал отвороты брюк. Шапку же, напротив, он не носил никогда. Были дни, когда Томми еще не знал, что с мамой лучше не спорить, и пытался отвертеться от шапки, приводя в пример Уилли Паттона, который ее никогда не носит. И тогда мама сказала: «Уилли Паттон, знаешь ли, может себе позволить не надевать шапку, поскольку умрет от простуды через два года». Так как мама никогда не шутила, Томми сразу же поверил ей, а к обожаемому всеми Уилли с того дня относился с жалостью — ему ведь умирать скоро.

— Нет, не из-за сладостей, — заплетающимся языком пытался оправдаться Дэнни Брин, но одноклассникам было все равно. Все смеялись над шуткой Уилли.

— Дайте ответить вашему товарищу, дети, — призвала учеников к порядку мисс Мэри. — Мистер Брин, прошу вас.

— Да... э-э-э... — начал толстяк. — Я люблю Хэллоуин, потому что каникулы! Потому что бабуля печет пироги и повсюду вкусные запахи. А еще потому, что в городе так красиво! Везде тыквы, все фонари зажжены и горят всю ночь! А ведьмы делают из дыма, который поднимается из дымоходов, разные странные и красивые фигуры!

— Достойный ответ, мистер Брин, — похвалила мисс Мэри. — Полагаю, многие из нас согласятся с вами. Мне тоже нравится все вами перечисленное. Мисс Уайли?

Высокомерная Констанция Уайли сидела во втором ряду, у окна, и всегда вела себя со всеми так, будто они ее слуги. Мама говорила: «Это потому, что единственный достойный Уайли погиб на войне, а никчемная дочурка не в состоянии даже искру высечь — вот и бесится». Томми так и не понял

ничего об искрах, но уяснил, что ничего особенного в Констанции нет.

— Ну, моя мама и тетушка Джилл говорят, что все ностится как угорелые по городу в Хэллоуин. И от них житья нет: вечно стучат в двери и все такое. А еще все отпускают своих собак и котов, и они гоняются за нашим старым филином Биллом. Ну а ведьмы отчего-то возомнили себе, что наша крыша самая удобная в городе для взлетов и приземлений. Всю ночь в Канун слышу шаги по черепице и шорох метел...

Мисс Мэри неожиданно помрачнела. Томми бросил осуждающий взгляд на Констанцию: он решил, что это она своим высокомерным ответом как-то оскорбила учительницу. Не задумываясь, он готов был встать на защиту мисс Мэри и наброситься на Констанцию Задранный Нос Уайли с уничижительными упреками. Он собирался сказать ей, что она сама ведьма и вообще ничего не понимает и... и... и не может даже искру высечь.

Томми не понимал, как смешно он выглядит в эту минуту. Учítывая то, что он говорил Чарли совсем недавно, он ни за что не признался бы себе, что он сам... что мисс Мэри... самая добрая и красивая...

— Что вам так покоя не дают эти ведьмы? — строго спросила мисс Мэри. — Все говорят о ведьмах... Как будто вы знаете лично хотя бы одну, и я не имею в виду кого-то из ваших скверных тетушек. Ведьм ведь не существует, верно?

Томми с этим бы поспорил. Лично он знал множество жутких старух, которые по определению не могли не быть ведьмами. Их городок просто кишел такими старухами. Та же миссис Торчвуд! А еще нельзя забывать о тетушке Рэмморе...

Однажды Томми увидел, как она подожгла пальцем свою сигарету! Тетушка заметила его и сказала: «Ловкость рук!», а еще: «Кыш, малявка!» — но Томми не обманешь. Такая склочная и ехидная женщина, как тетушка Рэмми, просто

обязана летать по городу на метле, а не ездить на своей маленькой горбатой машине. А еще она любит носить полосатые чулки, что тоже явный признак. Мама, помнится, сказала, что такие чулки носят... там было какое-то незнакомое слово, что-то вроде «очень-очень плохой ведьмы», а затем добавила, обращаясь уже к старшей сестре Томми: «Если увижу тебя в таких чулках, Кристина, выжгу у тебя на пятках клеймо (той самой “очень-очень плохой ведьмы”)». Само собой, сестра с того дня носит именно такие чулки, о чем мама пока вроде как не догадывается, иначе воплотила бы свою угрозу в жизнь — она на такое способна.

— Эти ведьмы! — хмыкнул Уилли Паттон. Он, что невероятно злило Томми, сох по мисс Мэри и пытался привлечь ее внимание своим чубчиком. — Им здесь не место. Взять всех ведьм за шиворот, засунуть в мешок и вышвырнуть из города. А с ними вместе ту сумасшедшую, которая бродит по улицам. Проклятую Ворону, пророчащую всем беды.

— Да, особенно эту чертовку Ворону! — поддержал кто-то из дружков Уилли.

— И так бродяг всяких развелось!

— Мама говорит, что...

— Замолчите! Немедленно!

Мисс Мэри поднялась на ноги. Точеным жестом она передвинула очки ближе к глазам. В стеклышках отразился огонь от горелок газовых ламп.

Томми показалось, что в класс вдруг заползла темнота, тени начали клубиться у стен и под потолком, растекаясь, будто пролитые чернила, по полу и партам. Окно отворилось и хлопнуло. В класс залетело несколько сорванных ветром листьев.

Ученики, оцепенев, застыли на своих местах. Все боялись даже моргнуть. В таком состоянии учительницу никто еще не видел.

— Мисс Мэри? — глухо проговорил Томми.

— Да, мистер Кэндл, — она перевела на него медленный и тягучий взгляд.

Томми почувствовал, будто его схватили за горло чьи-то ледяные пальцы. Душа мальчика ушла в пятки.

— Мед... — сказал он.

— Что? — спросила мисс Мэри.

— Мед. Медовый пирог, — пояснил Томми дрожащим голосом. — И кленовый сироп. Пахнет ими, и от этого запаха никуда не деться. Папа везет нас с Кристиной и Марго в город. И даже радио в машине работает, а по нему идет праздничная передача. В городе люди, и все покупают открытки и подарки. И мы тоже едем за подарками, ищем их по лавчонкам на главной улице и складываем в «Драндулет», это наша машина, ну, вы понимаете. А потом мы заезжаем в «Сову в фонаре». И там ужинаем. Папа смеется и много шутит — он как будто вылечился от своей болезни. И говорит: «Жаль, что с нами нет Вика». И передает Кристине кусочек медового пирога, и снова шутит. И все смеются. Никто не злится, как мама, никто не ворчит, как дядюшка Джозеф, никто не обвиняет в чем-то дядюшку Джозефа, как тетюшка Мэг, никто не кричит и не устраивает истерику, как тетюшка Рэмми. Потому что их с нами нет. Может, это плохо так говорить, но это мое самое-самое любимое время в году. Потому что их нет...

Томми выдохся. Он говорил с такой горячностью, что даже покраснел и весь взмок. Пока он рассказывал, чем для него является Хэллоуин, мисс Мэри незаметно вновь стала собой, ее очки сползли к кончику носа, а на губах появилась улыбка. Она села, уперла локти в стол и, сцепив пальцы, опустила в них подбородок, заслушавшись.

В классе как будто ничего и не произошло: ярко горел свет, окно было закрыто. Одноклассники молчали, глядя на Томми, никто над ним не потешался, никто не шумел и не переглядывался.

— Я вам завидую, мистер Кэндл, — сказала мисс Мэри с грустью. — Праздновать Хэллоуин с близкими — что может быть лучше этого?

Учительница дернула головой, словно стряхивая грусть, и, откинувшись на спинку стула, обвела взглядом класс.

— Что ж, дорогие мои, я узнала, что значит для некоторых из вас праздник, который скоро наступит. Мне действительно было интересно вас слушать, но давайте вернемся к предмету, который мы здесь изучаем. К истории...

Со всех уголков класса раздалось синхронное, полное разочарования «ну-у-у».

— Но, — продолжила мисс Мэри, — меня интересует конкретная история. История, которую все вы хорошо знаете и которую каждый год слышите у камина незадолго до полуночи в канун Дня Всех Святых. И вот как мы поступим: мы сыграем с вами в игру. Вы будете мне рассказывать, а я буду слушать. А после, если мне понравится ваша история, в качестве подарка я расскажу вам свою версию этой истории. Вам интересна такая идея?

Общий гул выражал единое мнение: интересна.

— История, само собой, о Джеке-Фонаре. Все и так уже поняли, правда, мистер Бэрри? — широко улыбнулась учительница. — Итак, начнем. Пусть каждый из вас расскажет всего по два-три предложения. Договорились? Мистер Торни, вы первый. За ним мистер Кэндл, мисс Фаули, мистер Грей и так далее. Начинаем!

— Ну... э-э-э... да... — начал Пит Торни, отец которого держал бакалейную лавку на Грейвз-стрит. — Жил... э-э-э... в Ирландии один хитрый пройдоха. Его звали Джек. И однажды в Хэллоуин в пабе он повстречался с самим Дьяволом.

— Неплохое начало, мистер Торни! — похвалила мисс Мэри и кивнула Томми.

— Джек даже не догадывался, кого встретил, — сказал Томми, — пока не пропил последние деньги: Джек, как говорит

мой дядюшка Джозеф, был совсем на мели. А выпить еще ему ой как хотелось — хотя бы одну кружечку! И тут очень удачно подвернулся некий господин. Он предложил Джеку купить кружку эля в обмен на его пропащую душу.

Томми замолчал, уступая право продолжать сидящей через пустое место Лиззи Фаули, стеснительной и замкнутой девочке.

— И... и Джек... — неуверенно начала Лиззи, но под ободряющим взглядом мисс Мэри немного расхрабрилась. — И Джек согласился. Они ударили по рукам, и тогда Дьявол заказал Джеку кружку эля, а затем превратился в шестипенсовик, чтобы заплатить за нее. Но хитрый пройдоха Джек не стал отдавать шестипенсовик трактирщику — он сказал ему, что спрос с того, кто заказывал эль, а тот, мол, сбежал. При этом сам Джек быстро засунул монетку в карман. Там у него лежал серебряный крестик, и Дьявол, как ни пытался, не смог выбраться наружу...

— И Джек! — выпалил Джимми Грей, не вытерпев, стоило Лиззи сделать паузу. — Джек не выпускал Дьявола до тех пор, пока тот не пообещал, что не будет пытаться забрать его душу целых десять лет! Дьявол сдержал слово, но через десять лет вернулся и подкрался к Джеку на дороге, когда тот шел ночью домой из паба.

— Дьявол уже собирался забрать Джека с собой, — добавила Сьюзи Кларк, — но Джек, сообразив, что к чему, попросил Дьявола о последнем желании: ему вдруг захотелось яблок. Дьяволу не терпелось забрать душу Джека, и он не спорил. Забравшись на росшее поблизости дерево, он сорвал яблоко и уже собирался слезать, но тут хитрый Джек вытащил нож и вырезал на стволе яблони крест. Дьявол снова оказался в ловушке.

— И Джек заставил Дьявола пообещать, — вставил Уилли Паттон своим размеренным ироничным голосом, — что тот никогда за ним не явится и вообще перестанет претендовать на его душу. Дьявол был в безвыходном положении и поэтому

согласился. Джек закарябал ножом вырезанный крест, и Дьявол, выругавшись напоследок в лучших дьявольских традициях, исчез. — Уилли самодовольно поглядел на Доджи Бэрри, предоставляя ему право продолжать.

Доджи молчал.

— Что? — Тролль Бэрри не понял, почему все хихикают и глядят на него. — Это же конец.

— Нет, это не конец, болван, — высокомерно изрекла Констанция Уайли. — Год спустя Джек умер — подавился, когда ел репу, и его не пустили на небеса, потому что он вел разгульную жизнь и много грешил. Мама и тетя Джилл говорят, что все ирландцы такие. — По нарочито язвительному тону Констанции, в котором проскальзывали мечтательные нотки, можно было понять, что она все бы отдала, чтобы иметь друга-ирландца. — И тогда Джек спустился в ад, но Дьявол захлопнул перед ним двери, ведь он обещал, что больше не станет претендовать на душу Джека. Дьявол сказал, что больше не хочет видеть Джека. Его нельзя винить, ведь Джек был ирландцем, а все ирландцы...

— Мисс Уайли! — оборвала девочку мисс Мэри. — Мы уже поняли ваше отношение к ирландцам. Кто-то может продолжить?

— Да, я могу, — сказал Дэнни Брин. Толстяк так волновался, что по его широкой физиономии струился пот, хотя в классе было не то чтобы очень жарко. — Джек спросил Дьявола, что ему делать и куда теперь идти, и Дьявол посоветовал ему идти туда, откуда пришел. Но путь назад был страшным, ведь дорога пролежала в крошечной тьме и стылой пустоте. Джек напоследок попросил у Дьявола какой-нибудь источник света, чтобы не заблудиться и отыскать путь обратно.

— Я тоже знаю! — вскинул руку Бобби Тэммин. Ему стоило невероятных усилий дождаться своей очереди. И когда по вине Констанции через него перескочили на толстяка с задней парты, он так перевозволился, что едва не забрался

на столешницу вместе с ногами. — Дьявол достал прямо из адского пламени горящий уголек и швырнул его Джеку. Чтобы тот не затух по дороге, Джек выдолбил в репе, которую ел прямо перед смертью, дырку и засунул уголек туда. Но все это было напрасно: он так и не отыскал дорогу назад и с тех самых пор был обречен на вечные скитания в этой самой крошечной тьме и стылой пустоте, пока не настанет Судный день. Конец.

— Молодцы! — похвалила мисс Мэри. А затем прищурилась и даже, как показалось Томми, в какое-то мгновение ему подмигнула. — Вы очень подробно рассказали историю о Джеке-Фонаре. Все ее знают и любят — это неотъемлемая часть Хэллоуина, но... вам не кажется, что в этой легенде есть несколько нестыковок? Что она звучит не слишком... правдиво?

— Что значит «не слишком правдиво»? — тут же попался на ее уловку Томми.

Мисс Мэри улыбнулась. И в этой ее улыбке было больше каверзного задора, чем привычной мягкости.

— Ну, к примеру, откуда у пропившего все, кроме разве что души, пьяницы, в кармане оказался серебряный крестик? Ладно бы он носил его на шее, боясь прогневить Всевышнего, но раз уже положил в карман — значит, решил продать, а если было что продавать, то зачем тогда закладывать душу? Или хотя бы взять другую часть этой истории, с возвращением Дьявола через десять лет и последним желанием Джека поесть яблок — с какой стати Дьяволу нужно было выполнять его прихоти?

— Мисс Мэри, но это всего лишь легенда, — возразил Томми. — Никто же не говорит, что Джек был на самом деле.

— А почему это Джек вдруг менее настоящий, чем, например, вы, мистер Кэндл? — в упор посмотрела на него учительница.

Томми пожал плечами, не зная, что на это ответить.

— Что ж, я ведь обещала вам свою версию этой истории, так? — сказала мисс Мэри и подняла свои извечно путешествующие очки на переносицу. — Итак, дети, всем известного Джека в действительности звали Джек Мэйби, жил он вовсе не в Ирландии, а здесь, в нашем городе, лет сто тому назад, и все это было на самом деле...

...История эта произошла в канун большого и светлого праздника — Дня Всех Святых.

Джек Мэйби жил на окраине города и слыл человеком пропащим: у него не было друзей, а брошенные жена и дети давно уже плевались при одном упоминании его имени.

Он о них, впрочем, и не думал, и большую часть времени пропадал в местном пабе.

Вот и в тот вечер Джек отправился в паб, ведь у него в кармане лежало целых шесть пенсов — именно столько тогда стоила кружка крепкого эля. Эти шесть пенсов были последним богатством Джека — всем, что осталось от заложенного у менялы серебряного крестика, который подарила ему бабушка.

«Отдашь его — все равно что душу заложишь», — говорила Джеку бабушка, но старушка давно уже была в могиле и не могла остановить беспутного внука.

Врученные за крестик две кроны исчезли меньше чем за неделю, и остался лишь тот самый шестипенсовик.

Шагая по улице в сторону паба, Джек в предвкушении вытащил из кармана монетку и принялся вертеть ее в руках.

— Пока ты у меня есть, все не так уж и плохо, — усмехнулся он и с нежностью погладил дрожащими пальцами ребристую поверхность монетки, продолжая шептать себе под нос: — Дьявол меня заберет, как же ты прекрасна...

И тут словно тот самый Дьявол ткнул Джека в руку — шестипенсовик выскользнул из пальцев и покатился по уходящей вниз мостовой.

Джек бросился следом, но странное дело: монетка, будто отравив ноги, бодро улепетывала от своего преследователя прочь. Она со звоном прыгала по камням брусчатки, а Джек, ругаясь на всю улицу, бежал за ней.

Он не заметил, как кругом вдруг стало темно, исчезли фонари и город преобразился. По сторонам улицы выросли древние дома с черными крышами, и впереди показался мост, которого в городе, где жил Джек, никогда не было.

Шестипенсовик закатился на мост и, будто ожидая Джека, принялся прыгать на месте: прыг-скок, прыг-скок.

Джек подбежал и схватил монетку.

— Думала, уйдешь от меня?! — со смехом воскликнул он и разжал кулак.

В ладони ничего не было.

— Да будь я проклят!

И тут Джек услышал звон. Повернув голову, он увидел, как в конце моста, словно насмехаясь над ним, прыгает его монетка! Он ринулся к ней, а шестипенсовик будто только того и ждал — поскакал прочь.

Улица на другой стороне моста была еще темнее и древнее, почти в упор друг к другу подступали кованые ограды, поросшие черным шевелящимся плющом, но Джек, как и прежде, ничего не замечал. Всем его вниманием завладела проказливая монетка, которой вдруг вздумалось оставить его с носом.

Вскоре погоня завершилась. Джек успел увидеть, как шестипенсовик, сверкнув в темноте, в очередной раз подпрыгнул и вдруг отскочил в сторону, скрывшись под воротами какого-то дома. Джек выругался и задумался. Оставлять шестипенсовик неизвестно кому означало окончательно протрезветь, а подобная перспектива пугала его куда больше, чем вторжение в чьи-то владения.

Кряхтя и чертыхаясь, он полез через ограду и вскоре ему наконец удалось перебраться на ту сторону. Во дворе никого

не было: ни грозного хозяина с ружьем, ни злощих собак. Но Джек и не думал радоваться — он лишь презрительно усмехнулся беззубым ртом и поскорей опустил на корточки. Где-то здесь, в луже недалеко от ворот, должно было лежать его потерянное сокровище. Нужно только найти его и отправиться в паб, где уже ждет — Джек даже сглотнул — миленькая кружка, полная пенящегося темного эля...

Он все ползал в грязи, пытаясь нащарить монетку, но шестипенсовик как сквозь землю провалился.

— А ведь и впрямь провалился, — вдруг раздалось за спиной.

Джек резко обернулся. Сказать, что он был зол, значило ничего не сказать. Он прямо-таки вспыхнул ненавистью к тому, кто не просто посмел прочесть его мысли (или Джек по неосторожности бормотал себе под нос?), но еще и имел наглость смеяться над приключившейся с ним напастью.

В нескольких шагах от Джека стоял высокий незнакомец в длинном темно-зеленом плаще и зеленой шляпе, лицо его было совершенно неразлично, если не считать широкую треугольную улыбку.

— Мистер, — нагло процедил Джек, будто позабыв, что это он тут незваный гость, — кто бы вы ни были, лучше бы вам убраться отсюда подобру-поздорову, иначе...

— Иначе что? — осведомился незнакомец, и от его слов вдруг повеяло подлинным могильным холодом.

Джек перепугался не на шутку.

— Э-э-э... Что вам нужно, мистер?

Сердце пьяницы дрогнуло. Даже затмившая все остальное вожаденная кружка эля вдруг как-то померкла в его сознании и опустела на треть. При этом в горло так и не попало ни капли!

— Что нужно? Да так, самую малость, — расхохотался незнакомец — в его смехе Джеку почудилось воронье карканье. — Каких-то шесть пенсов.

— Что, тоже на пинту не хватает? — ухмыльнулся Джек, неожиданно позабыв про страх, — злость и жадность возобладали над ним. Теперь ему все стало ясно! Должно быть, этот незнакомец увидел, как он, Джек, умудрился потерять монетку, и теперь смеет претендовать на его кровное имущество! Не на того напал!

— Попробуй-ка забери! — зло вскинулся пьяница. Воображаемая кружка эля в его сознании вдруг опустела уже на две трети и грозила вот-вот исчезнуть полностью.

— Забрать-то нетрудно. — Незнакомец вытащил из кармана сверкающую монетку и картинно повертел ее в руке.

Джек готов был взвыть от ярости — этот пройдоха успел подсуесться раньше него и уже отыскал денежку! Вот почему он, Джек, не нашел ее в луже!

— Но ты сам должен отдать мне шесть пенсов, — как ни в чем не бывало продолжил обладатель зеленой шляпы, как будто это не у него в руках была монетка. — Отдать мне... добровольно. С чистой... *душой*...

— Отдать?! Отдать шесть пенсов?

Джек уставился на незнакомца, выпучив глаза. О его способности здраво мыслить разговора уже не шло. Он мог думать лишь о совершенно пустой, до дна выпитой кем-то (но точно не им!) заветной кружке, которая маячила в его воображении.

— Конечно, — сказал незнакомец. — Но не просто так. Ты мне шесть пенсов, а я тебе...

И тут Джек с удивлением обнаружил у себя в руках ту самую кружку, о которой мечтал весь вечер. Даже не подумав удивиться, он торопливо кивнул, соглашаясь, и тут же поднес ее к губам.

Эль был крепким и душистым. Это был лучший эль, который Джек пробовал в своей жизни! Он все пил и пил, а кружка и не думала пустеть. Его желудок вскоре наполнился, и эль плескался уже где-то в горле, но Джек не останавливался...

В конце концов он допился до того, что разум его окончательно угас, но Джек все равно продолжал пить, захлебываясь и проливая эль на себя.

А незнакомец в зеленом хохотал, глядя, как черная пенящаяся жидкость начинает выливаться из ушей несчастного Джека вместе с кровью. Волосы пьяницы опадали, а кожа облезала прямо на глазах.

Когда от головы Джека остался лишь один голый череп, незнакомец подошел и стукнул его по лбу монеткой. В тот же миг череп превратился в кованый железный фонарь, и внутри вспыхнул крошечный подрагивающий огонек...

Незнакомец исчез. Город вновь преобразился и стал собой. Джек стоял посреди улицы. Повсюду горел свет, залаяла собака, мимо прошла группка детей в поисках конфет.

— Сладость или гадость! — раздался голос, и Джек в ужасе бросился бежать, подгоняемый детским смехом, в котором ему отчетливо слышался вороний хохот незнакомца в зеленом...

С тех самых пор Джека, с фонарем вместо головы, не раз видели в городе, понуро бредущим по улице. Обычно это случалось в канун Дня Всех Святых.

Говорят, что несчастный Джек до сих пор ищет свой шестипенсовик, но на самом-то деле ему нужна не сама заколдованная монетка, а его душа, заключенная в ней. Если вы вдруг отыщете ее — верните глупому Джеку, иначе ему никогда не обрести покой...

...Едва мисс Мэри завершила рассказ, как ударил колокол, знаменующий окончание занятий.

Ученики — просто небывалое дело! — остались сидеть на своих местах.

Дети были подавлены и угрюмы. Праздничная история, которую все так ждали, оказалась вовсе не забавной сказкой про хитроумного ловкого пройдоху. Невзирая на различные

странности и даже колдовство, она больше напоминала... жизнь. Неприятную, отвратительную жизнь без надежды. В истории мисс Мэри было слишком много мерзких подробностей о Джеке, его грязных мыслей и слов... он не казался «старым добрым Джеком, дважды облапошившим самого Дьявола», он выглядел тем, кто получил по заслугам: ужасное наказание — для гадкого человека...

— Кто-то хочет получить последнюю отметку перед каникулами? — спросила учительница. — Кто назовет мне главное отличие истории, которую все вы знаете с детства, от той, что я вам рассказала сейчас? — Не видя энтузиазма на унылых лицах, мисс Мэри попыталась раззадорить хотя бы кого-нибудь. — Мистер Тэммин? — Не вылезая из-за парты, мальчик принялся аккуратно складывать учебники в портфельчик. Он даже не подумал откликаться. — Мистер Кэндл?

Томми, в свою очередь, одним махом сгрел в портфель все, что было у него на парте. Учебники, тетради и пишущие принадлежности внутри перемешались, и теперь он с невероятным трудом защелкивал замки.

— Не Джек обманул Дьявола, — сказал Томми. — А Дьявол — Джека.

— Дьявол? Гм... — мисс Мэри покачала головой, и мальчик уж было решил, что ошибся, но учительница неожиданно сказала: — Вы правы, мистер Кэндл: основное отличие этих двух историй в том, кто кого водит за нос. Людям часто хочется думать, что они очень умные и ловкие, хитрые и находчивые, что они могут обмануть саму смерть, Дьявола — да кого угодно, но правда в том, что они обманывают лишь себя. Урок окончен. Встретимся с вами после каникул. Мое почтение вашим родителям!

Ученики потянулись к выходу, ворча и толкаясь.

Мисс Мэри встала из-за стола и подошла к книжному шкафу.

— Мистер Кэндл, задержитесь на минутку!

Томми услышал это, уже стоя одной ногой за порогом.

— Да, мисс Мэри? — он обернулся.

Учительница что-то искала на полках.

— Я хотела бы поговорить с вами о вашем друге.

«Ну вот, — с досадой подумал Томми. — Началось. Что бы такое придумать, чтобы она...»

— О, мистер Кэндл, не нужно беспокоиться. Подойдите. Томми послушался.

Мисс Мэри вернулась к столу. В руках она держала ветхую книгу в пурпурной обложке, в центре которой красовалось тиснение: цветок чертополоха. Под ним было витиевато выведено: *«История основания королевства Шотландского. Правда-Полуправда-Вымысел»*.

— Мистер Уиллинг не будет наказан, — сказала учительница. — Неужели вы думаете, что я силой могу заставить кого-то присутствовать на своих занятиях?

Томми удивился, ведь все остальные учителя делали именно это.

Мисс Мэри продолжила:

— Я не настолько жестока. И не настолько глупа, чтобы не заметить постоянное отсутствие одного из своих учеников. Ничего не говорите. Я прекрасно знаю о причинах, по которым мистер Уиллинг предпочитает избегать мои уроки и меня лично. Мы, как вы, должно быть, знаете, с ним одной крови, если можно так выразиться. А еще мы с его матерью немного повздорили — у нас не слишком теплые отношения. Она не хотела, чтобы я преподавала в этой школе.

«Значит, Чарли сказал правду, — подумал Томми. — Мисс Мэри и правда его двоюродная тетка. Дело вовсе не в том, что он в нее влюбился».

Мисс Мэри продолжила:

— Не нужно так смотреть, мистер Кэндл. Я всего лишь прошу вас передать вашему другу эту книгу. Скажите ему,

что он обязан прочитать ее полностью, от корки до корки. Если он осилит ее за каникулы, я поставлю ему отметку за триместр. Если нет (а я узнаю, читал он или нет, уж поверьте), то отметки ему не видать. И еще кое-что, мистер Кэндл, скажите ему: пусть не сбегает, стоит ему только услышать мои шаги на главной школьной лестнице или мой голос. Я его не съем — не люблю блюда из детей, знаете ли. Если я права, то скоро, очень скоро вся нужда прятаться от меня у него отпадет сама собой. — Это было сказано угрюмо и мрачно. Как угроза. — Вы свободны, мистер Кэндл. Счастливых праздников!

Томми кивнул, взял учебник и развернулся было, чтобы поскорее покинуть кабинет мисс Мэри, но тут учительница вдруг положила руку ему на плечо. Ее тонкая изящная ладошка весила, казалось, целую тонну.

— Я хочу кое о чем предупредить вас, мистер Кэндл. Я запрещала себе вмешиваться, но...

Она развернула его лицом к себе. Глаза мисс Мэри были пусты, с них будто ластиком стер кто-то все эмоции.

— Опасайтесь человека в зеленом костюме и зеленой шляпе, — сказала она. — Вы не должны доверять ему.

— Ч-что вы говорите, м-мисс Мэри? — Томми от удивления и страха даже начал заикаться.

— Бойтесь Человека в зеленом, мистер Кэндл. Я знаю, он уже в городе.

Мисс Мэри убрала руку, подняла за хвостик тыквенную шляпку со стоявшей у нее на столе тыквы и задула свечу.

В комнате было тихо, лишь сонно тикали каминные часы.

Виктор Кэндл сидел на краю кровати и безучастно смотрел в окно на медленно проезжающие мимо бурые машины, на порой появляющихся велосипедистов и редких прохожих. За окном все растворилось в серости: небо и улочка, дома и почтовые ящики. Даже сама жизнь, словно устав от пестрых нарядов, казалось, надела на себя неказистый мышиный плащ.

Монотонность снаружи лишь усугубляла снотворность темной комнаты. Виктор и сам напоминал сейчас одну из множества затаившихся по углам теней. Сутулую и понурую засыпающую тень, которая вот-вот широко зевнет и опустится на кровать, если ничего вдруг не...

На противоположной стороне улицы остановилась стройная женщина в рыжем пальто. Она поглядела на него. Сонливость как рукой сняло. Виктор вздрогнул.

Саша?!

Он моргнул. На том месте, где, как ему казалось, стояла Саша, никого не было — лишь осенние листья, взметенные порывом ветра, носились по тротуару.

«Ты видишь то, что хочешь видеть...»

Виктор вздохнул.

Внутри у него было пусто, словно в выеденной ложечкой консервной банке. Он так боялся своего возвращения, столько думал о том, что его ждет, что, когда, по сути, ничего не произошло, в нем попросту ничего не осталось...

Тревог и страхов больше не было, но их место никто не занял. Ожидание, которым он жил с момента, как получил письмо, все заготовленные им слова и оправдания... они больше ничего не значили.

Он снова в этом доме. Снова в своей комнате. А за окном — хмурая осень. И тихо... так усыпляюще тихо...

— *Гррых-дамнаих*, — раздался хриплый шепот за спиной.

От неожиданности Виктор дернулся и обернулся. Бросил взгляд на дверь — та, как и прежде, была закрыта.

В первый миг Виктор решил, что кто-то вошел в комнату и подкрался к нему, но он по-прежнему был здесь один. Тогда кто же это шептал?!

Виктор вслушивался. Он так сосредоточился, пытаясь снова уловить этот шепот, что не замечал ничего кругом. Ни того, что тени углубились, налившись чернотой, ни поселившегося вдруг в комнате запаха свежего осеннего ливня, ни того, что часы на каминной полке больше не тикают.

«Мне же не послышалось?» — пронеслось в голове.

С каждым утекающим мгновением уверенности в том, что не послышалось, становилось все меньше. Что-то внутри настойчиво твердило: «Здесь никого нет. В комнате только ты. В комнате... в комнате...»

А что если тот, кто шептал, вовсе и не в комнате?

Поднявшись на ноги, Виктор осторожно подошел к двери, чуть приоткрыл ее и выглянул в коридор. Коридор темнел...

Никого не увидев, Виктор вздохнул и покачал головой.

«Что и требовалось доказать, — подумал он, закрыв дверь. — Уже мерещится невеста что. Сперва она, стоящая на улице, теперь вот...»

— Проклятая *кейлек*, — раздавшийся вновь шепот тут же пресек эту мысль.

— Кто здесь? — спросил Виктор у своей комнаты.

Комната немного помолчала, будто бы обдумывая ответ.

— Проклятая *кейлек*, — повторил голос, и на этот раз Виктор уловил в нем бесконечную тоску — обладатель голоса о чем-то сожалел, как может сожалеть лишь тот, кто совершил роковую ошибку. — Заманила... Заманила... Я выпью твои глаза, проклятая *кейлек*. Я выпью их, как сырые вороньи яйца.

Шепот, казалось, звучал из камина, и Виктор на мгновение вроде бы даже увидел в его глубине сгорбленную фигуру.

Виктор проглотил вставший в горле ком и двинулся к камину. Приблизившись, он со смесью облегчения и разочарования увидел, что фигура в выложенной кирпичом черной утробе — это всего лишь причудливая тень от покрытой сажей решетки и стойки с кочергой.

— Где вы? — спросил Виктор, развернувшись и вновь окинув комнату быстрым взглядом. — Что вам нужно?

— Проклятая *кейлек*, — ответил голос. — Проклятая *кейлек*. Пусть выпадут все твои огненные волосы и свечные зубы. Из волос я сделаю себе шарф, а из зубов — серьги. Проклятая *кейлек*...

Голос, судя по всему, говорил сам с собой. И шел он совершенно точно не из камина. В призраков Виктор не верил, но этот дом... да, этот дом был таким старым и мрачным, что здесь могло поселиться что угодно. Когда Виктор был маленьким, ему порой казалось, будто за ним по пятам кто-то ходит, — притом что ходить было некому. Сами собой скрипели половицы, открывались и закрывались двери. Окно в комнате, хоть и должно было быть закрыто, имело скверную

привычку вдруг распахиваться. Особняк Кэндлов жил своей жизнью...

И все же прежде Виктор никогда не слышал, чтобы по дому бродил ничейный, отделившийся от хозяина, голос. А между тем шепот этот, как ни странно, его не пугал — он просто хотел разобраться, в чем тут дело.

«Всему этому есть логичное объяснение, — заверил себя Виктор. — Его просто не может не быть...»

Застыв посреди комнаты, он спросил:

— Вы еще здесь?

— *Кейлех*... — сказал голос.

Виктор никак не мог взять в толк: то ли это имя, то ли всего лишь слово на незнакомом языке. Но то, что за ним кроется нечто важное, он уже догадался, учитывая, сколько раз оно было произнесено.

«Нужно... нет, я просто обязан записать его!»

Виктор бросился к саквяжу и достал оттуда рабочую тетрадь, чернильницу и ручку.

«*Кейлех*», — нацарапал он, а голос тем временем продолжал:

— Я сбежал от *келлах*, чтобы попасться в лапы к *кейлех*.

Виктор записал в тетради новое незнакомое слово и повернулся к камину. Ему снова почудилось, будто шепот раздается из него. Но он же буквально только что проверил: там никого нет!

— *Келлах* страшна, а я глупец.

Взгляд Виктора сполз с камина на стоявший рядом с ним старый комод темного дерева с фигурными медными ручками и резными львиными ножками.

«Гм...»

Он положил тетрадь и ручку, подошел к комоду и, затаив дыхание, распахнул дверцы. Если не считать постельного белья и пропахших нафталином занавесок, в комодке ничего не было. Разве что в уголке приютилась катушка алых ниток.

— Эй! Вы здесь?

В ответ тишина. Голос будто устал жаловаться.

Виктор ждал, но ничего не происходило. А любопытство меж тем все растекалось по его телу.

— Это не очень вежливо, знаете ли! Вот так заинтриговать, а потом взять и замолчать!

Всем было плевать на его чувства. Голос не отвечал.

Виктору стало обидно...

Тайна странного голоса вывела его из оцепенения, оборвала тяжелые мысли и заставила подняться на ноги. И что теперь? Ему предлагается просто все забыть? Нет уж, он не может бросить эту тайну на полпути, так ничего и не узнав! Он должен все выяснить!

Виктор решил рискнуть.

— Кейлех? — спросил он, засунув голову в комод.

— Проклятая *кейлех*... — раздалось вновь.

Виктор так обрадовался, что резко распрямился, позабыв, что голова его в ящике. Больно стукнувшись, он извлек себя из комода.

Потерев макушку, Виктор еще раз произнес незнакомое слово, и незримый собеседник повторил свой предыдущий ответ. После чего смолк. Виктор понял: обладатель голоса слышит его, но говорит вовсе не с ним, а сам с собой.

Незнакомец заговорил снова, и на этот раз он соизволил сказать что-то новенькое:

— Нужно было бежать на *кладах муир*. Как я мог поверить, что холмы мне помогут?

Голос раздавался очень близко. Виктор отодвинул стоявшую на комоду вазу с давно завядшим сухим чертополохом. Ага, вот оно!

В стене за вазой обнаружилась небольшая кованая решетка: то ли воздуховод, то ли остаток древней печи. Он не помнил, была ли эта решетка тут раньше... Виктор схватил ручку и, торопливо макнув перо в чернильницу, записал новые слова.

— Кладах муир, — пробубнил он себе под нос, выводя буквы в тетради.

— *Муир* — сыто и голодно в одно и то же время, — сообщил голос, чем доказал теорию Виктора. Обе теории: незнакомец реагировал, но продолжал говорить сам с собой, и его шепот звучал из-за решетки. — Оно пожирает и выплевывает. *Кей-лех* заманила *Иарран Ри*, предложив *фион* и *фоскадх*. *Фоскадх*. *Фоскадх*. Здесь нет *фоскадх*. Здесь лишь *мбраих-денаис*. Унижение и позор для *Иарран Ри*.

Виктор записал незнакомые слова, и вдруг его посетила мысль: «Постой-ка! Неужели это только что прозвучало твое имя?»

— Эй! — позвал он, приблизив губы прямо к решетке. — Вы там? Вы слышите меня? *Иарран Ри*?

— *Иарран Ри* попался, как глупый кролик, в силки *шиннах*. *Кейлех* поймала *Иарран Ри*.

Виктор понял: решетка и воздухопровод за ней ведут в соседнюю комнату.

— Погодите, я сейчас!

Он шагнул к двери, застыл на секунду у порога (не пронесет ли голос что-нибудь еще?), после чего поспешно вышел в коридор. С его комнатой соседствовала гостевая спальня.

«Эх, — с грустью подумал Виктор. — Вот и вся тайна... За стенкой просто остановился кто-то из гостей, приехавших к празднику...»

И тем не менее нельзя же просто развернуться и уйти — нужно хотя бы сказать этому гостю, что его голос слышен в соседней комнате, а заодно... может, удастся узнать, о чем он там шепчет? И что за «кейлех»?

Виктор закусил губу и постучал в дверь. Никакого ответа. Виктор постучал снова. Все то же.

«Что делать? Вряд ли жилец гостевой комнаты обрадуется, если к нему кто-то неожиданно ввалится...»

Неожиданно Виктору вспомнились слова его шефа, господина редактора: «Настырность, настырность и еще раз настырность, Кэндл! Если ты будешь топтаться за дверью, то никогда не узнаешь ничего важного. Учись игнорировать чью-то там приватность, а еще — уклоняться от летящих в тебя башмаков...»

Виктор повернул ручку и приоткрыл дверь.

Комната встретила его пустотой и тишиной. Стоявшая там мебель пряталась под серыми чехлами, а кровать выставляла на обозрение голую полосатую перину, отбивая любое желание прилечь. Картины и зеркала на стенах были зашвешены, в углу угрюмо примостились скатанные в рулоны ковры. Заклеенное старыми газетами окно почти не пропускало света, но и так было видно, что в комнате все покрыто пылью, а квартируют в ней лишь дохлые мухи...

Но как же голос? Как же человек, шептавший из-за стены? Он должен быть здесь! Больше ему просто негде быть! Не живет же он в стене, в самом деле!

Виктор с разочарованием и мыслью «А на что ты надеялся? На приятную беседу?» закрыл дверь и уже собрался было вернуться к себе, когда из гостевой комнаты раздалось тоскливое:

— У *Иарран Ри* не было шансов. *Даир* не прорастет, пока его корни точит жаба. Пока из его ветвей *кейлек* вырезает метловище. Но в ночь, когда крона сплетется, *Иарран Ри* сбежит.

Виктор распахнул дверь. Все было по-прежнему. Никого.

— Что за шутки? *Иарран Ри*?

Комната не ответила.

— *Иарран Ри*? Где вы?

Голос смолк окончательно, и сколько Виктор ни пытался его спровоцировать на хоть какой-то ответ, так ничего и не добился.

Немного постояв на пороге, он вернулся в собственную комнату. Закрыв дверь спальни, Виктор сел на краешек

кровати и принялся писать. Репортерская привычка все записывать не оставляла Виктора Кэндла и в родном доме. С чернильной ручкой в руке ему всегда думалось как-то легче, лихорадочные и сумбурные мысли замедляли свой бег и упорядочивались, а любые странности, оказываясь на бумаге, вроде как становились почти-почти понятными. Он надеялся, что и сейчас хоть что-то да прояснится.

Виктор записывал все, что услышал, время от времени замирая и бросая любопытные взгляды на решетку над комодом. Тайна непонятого шепота затянула его с головой. На какое-то время он и думать забыл о том, где находится и что его сюда привело...

Поскрипывало перо ручки, на каминной полке вновь тикали часы. А за окном ветер носил по улочке опавшие листья. На своем скрипучем велосипеде с корзинкой, полной позвякивающих бутылок, проехал старый молочник. Он покосился на затянутый плющом дом и поморщился. По другой стороне улицы прошел долговязый почтальон с сумкой на ремне. Он засунул в почтовый ящик Барнсов письмо, после чего достал из кармана шинели носовой платок и шумно высморкался. Глянул в платок — а там угольная пыль.

— Ну вот, опять... — раздраженно пробормотал почтальон и направился дальше.

Сонная улочка снова опустела, немного посопела дымом из каминной трубы дома Кэндлов и перевернулась на другой бок досыпать.

Меж старых сморщенных вязов разгуливал ветер. В парке было холодно и сыро, но Томми Кэндл этого не замечал. Он прятался за деревом и во все глаза глядел на возню у главного входа школы имени Губерта Мола. Последние ученики забирались в чрево ржавого желтого автобуса.

Когда внутрь, едва не застряв в дверях, протиснулся Троль Бэрри, раздался знакомый хриплый голос:

— Все на месте?

Ему что-то ответили, и обладатель голоса рявкнул:

— Трогай, Уирджил!

Отвечал за посадку учеников и порядок в салоне школьного автобуса, естественно, мистер Грокх, отчего поездка редко когда бывала приятной.

Обычно Томми и Чарли устраивались на заднем сиденье, где всю дорогу строили планы и придумывали себе новые приключения, но сегодня у них были дела поважнее. Так что у юного Томаса Кэндла даже на миг не закралось мысли возвращаться домой в обществе двух дюжин надоевших ему еще за время занятий мальчишек и девчонок, а также злобного старика, который обычно так задымляет салон автобуса своей трубкой, что хочется кашлять, чихать и плакать.

Увидев, как желтая громадина, скрежеща и скрипя колесами, отходит от здания школы, Томми с облегчением вздохнул и улыбнулся. Ему все же удалось ускользнуть — старый хмырь его не заметил...

Томми немного выждал, пока автобус отъедет на достаточное расстояние, а затем выбрался из-за дерева и побрел вглубь парка. Не останавливаясь, он пнул ворох опавших листьев. Листья, желтые, красные и огненно-рыжие, разлетелись в стороны, вспорхнув причудливыми осенними птицами, пару мгновений покружились в воздухе, а после опали обратно на землю. Мисс Мэри как-то говорила, что эти листья...

Томми вздрогнул. Крепче сжав в руке книгу в пурпурном переплете, он обернулся. Сквозь путанные черные кроны вдали можно было разглядеть школьные башенки. В окнах кабинета истории свет не горел.

То, что там произошло, было очень странно. Мисс Мэри вообще сегодня была очень странной... Сперва она посреди

урока накинута на учеников, чего за ней никогда не водилось, — она же не мисс Саметри, в самом деле. Потом рассказала эту жуткую историю о Джеке-Фонаре. А затем... предупредила его о Человеке в зеленом.

Кого она имела в виду? Дьявола из своей истории? Вероятно. Но что она подразумевала, сообщив Томми, что ему угрожает опасность? А может, она просто решила напугать его в духе праздника?

Томми не мог понять этих взрослых. Ни мисс Мэри, ни Дьявола. Что Дьяволу может от него понадобиться? Мама говорила, что Дьяволу нет никакого дела до детей — что он слишком занят, забавляясь с умами грешников и церковных фанатиков.

История о Человеке в зеленом и без того была жуткой, но то, что он, видите ли, уже в городе, и вовсе пугало до дрожи. Вот и сейчас, стоило Томми вспомнить об этом, как ему тут же стало не по себе. Он вдруг отчетливо представил, как высокий незнакомец, от которого веет смертью, бродит по улочкам Уэлихолна, стучит в двери домов и спрашивает: «Вы не видели Томаса Кэндла? Он должен мне жизнь». Человек в зеленом все выпытывает у них, где можно найти Томми, подходит к прохожим и каждому задает свой вопрос. Кто-то точно скажет ему, где Томми живет или учится. Человек в зеленом вот-вот найдет его и... а может, он его уже нашел? Может, он где-то рядом?! Может, даже здесь, в этом парке?!

Томми поежился и огляделся по сторонам, ожидая увидеть за одним из деревьев таинственного незнакомца в зеленом костюме и с тенью вместо лица. Бр-р-р...

Где-то совсем рядом каркнула ворона. Это произошло так неожиданно, что Томми даже дернулся.

Почувствовав себя глупо, мальчик нагнулся и поднял с земли камешек, после чего глянул вверх, выискивая птицу в кронах, но та, словно почуяв неладное, быстро умолкла, по-видимому опасаясь за свою пернатую шкуру.

— То-то же, — назидательно пробормотал Томми и, размахнувшись, швырнул камешек. Тот угодил в разлапистый ствол ближайшего вяза и отскочил, зарывшись в палую листву.

Откуда-то сверху тут же раздалось наглое и насмешливое «Крра-а-аэ!» — ворона будто хихикала, и Томми успел пожалеть о столь поспешно выброшенном камешке. Он тут же наклонился в поисках нового, но под ногами их больше не наблюдалось.

— Крра-хр-хр! — каркнула ворона на этот раз уже где-то за спиной, и теперь ее крик был хлюпающим и рваным, словно ее душили.

— Ну и закаркайся себе, — проворчал мальчик и пошагал через парк.

Мысли его снова вернулись к мисс Мэри и ее зловещему предупреждению. Томми повернул голову — окно кабинета истории за ветвями уже было не разобрать.

«Все это очень похоже на какую-то тайну, — думал мальчик. — Нужно было сразу же обо всем ее расспросить. И почему я не догадался?!»

Томми так задумался и так засмотрелся на едва проглядывающее за деревьями здание школы, что не заметил, как у него на пути кто-то появился.

— Ой-ой! Простите! — в первый момент выпалил мальчик, натолкнувшись на этого кого-то, и только потом вздрогнул: вдруг это Человек в зеленом?!

К облегчению Томми, перед ним стоял вовсе не вышедший прямиком из истории учительницы оживший вдруг персонаж. Это была высокая и тонкая, как жердь, женщина в похожем на трубу, застегнутом на все пуговицы коричневом пальто. Неухоженные путанные волосы незнакомки торчали во все стороны, вокруг ее шеи был намотан очень грязный дырявый шарф. В руках женщина держала метлу и, водя ею по земле из стороны в сторону, проворно разгребала листья.

«И откуда она только здесь взялась?» — подумал мальчик.

— Смотри, куда идешь, негодник, — не прекращая мести, грубо проскрипела женщина сиплым, простуженным голосом. Она и в целом выглядела довольно болезненно: узкое лицо дворничихи было невероятно бледным, тяжелые веки сонливо наваливались на глаза, а нос раскраснелся. — Или ты настолько увлекся швырянием камней в моих ворон, что ничего кругом не замечаешь?

— Вообще-то я не попал ни в одну, — справедливости ради заметил Томми, отпрыгнув на шаг назад, чтобы не быть подметенным.

— Но ведь собирался, а? — хмуро произнесла женщина, не поднимая головы и шаркая метлой по земле. — А между тем на улице все еще осень. Нельзя охотиться на ворон осенью — плохая примета.

— Э-э-э... простите, мэм...

Чем больше Томми всматривался в лицо этой женщины, тем более молодой она ему казалась. А ведь поначалу он принял ее чуть ли не за старуху! Наверное, виной всему были сутулость и дерганность дворничихи — она дрожала и трясла головой совершенно по-старушечьи.

Женщина проигнорировала извинения, продолжая орудовать метлой. И только сейчас мальчик заметил длинный вороний хвост — пучок черных перьев торчал из кармана ее пальто.

— А вы не боитесь примет? — поинтересовался он.

— Каких таких примет? — спросила дворничиха, по-прежнему не глядя на Томми.

— Что плохо охотиться на ворон осенью.

— Не слыхала такой приметы.

Томми недоуменно на нее вытаращился.

— Но вы ведь только что сами сказали...

— Да, да, мети, — перебила дворничиха. — Мети-мети... Детский язык — что метла. Думаешь меня заболтать, но не выйдет... Мисс Брум знает, что тебя тут не должно быть...

Мальчишки любят сбегать, прятаться за деревьями и охотиться на ворон. Чего они не любят — так это ехать домой, когда уроки заканчиваются...

«Кажется, она знает, что я должен быть в автобусе со всеми, — с тревогой подумал Томми. — Ох и влетит же, если она пожалуется...»

— У меня еще полным-полно дел! — тем не менее твердо сказал он. — И меня ждет мой друг Чарли. Мы с ним договорились встретиться здесь. Вы, кстати, его не видели?

— Шустрый пугливый негодник в синем пальто и вязаной шапке с кисточкой? — Дворничиха довольно точно описала Чарли Уиллинга, разве что «пугливым» Томми друга бы не назвал. — Не припомню. Впрочем, глаза могли меня подвести — слишком много развелось в округе мальчишек, которых здесь не должно быть.

— Так видели или нет? — уточнил Томми. — Я так и не понял.

— Видела. Но не его, должно быть, — очень странно ответила женщина, затем вдруг уперла в землю метлу, облокотилась на нее и, прищурившись, посмотрела на Томми. — А вот тебе, маленький Кэндл, вместо того чтобы шляться неизвестно где и заниматься не пойми чем в компании подозрительных личностей, не пора ли уже быть дома и читать свои перевернутые вверх ногами книжки?

— Что-что? Книжки? — Томми опешил от такого поворота в разговоре. Она назвала его «Кэндл»? Откуда она его знает? Кто она вообще такая, эта мисс Брум? И еще кое-что... — Откуда вы знаете про Виктора?

Виктор... Старший брат Томми жил в Лондоне и работал — страшно сказать кем! — репортером! Мама всегда произносила это слово с нескрываемым презрением, будто оно было не менее ругательным, чем, например, лоботряс, лжец или ничтожество. Впрочем, зачастую она могла наградить своего старшего сына и гораздо более обидными

словами. А тетушка Мэг и вовсе говорила, что Виктор — сама неблагодарность, поскольку за все эти годы он ни разу их не навестил.

Брат покинул дом так давно, что Томми даже не помнил его лица (все фотографии Виктора мама порвала или сожгла). Но кое-что Томми все же помнил: Виктор был высоким, носил клетчатые штаны и длинный шарф. Он давал Томми конфеты, когда мама или тетки не видели, и шутил о котях, которые спотыкаются на лестницах. А еще у него была очень красивая и очень печальная подруга — Саша. Мама запрещала ему с ней видиться. Томми помнил, что Саша сирота и что от нее пахло шоколадом и сладкими пряностями, потому что она работала в кондитерской. Томми казалось странным, что он всегда вспоминает Сашу, когда думает о Викторе, как будто она неотъемлемая часть его брата.

Но было еще кое-что. То, что Томми не смог бы забыть, даже если бы захотел. Виктор всегда читал книжки кверху ногами — водилась за ним такая странная привычка. Вот только откуда об этом знать какой-то дворничихе?

Мисс Брум уже, казалось, позабыла о его присутствии и вновь принялась мести. Ее движения стали суматошными и нервными. То она взмахивала метлой с каким-то недюжинным ожесточением, то мела еле-еле, лениво, будто засыпая. После чего все повторялось.

— Никогда не ходите по метле, — приговаривала она себе под нос. — Никогда не метите, если в доме — мертвец...

— Откуда вы знаете про Виктора? — повторил вопрос Томми.

— О! Я много чего знаю... И я знаю твою маму — она не слишком была бы рада узнать, что ты бродишь по парку вместо того, чтобы ехать домой в автобусе с прочими детьми. Кыш, кыш! Пошел прочь! — Мисс Брум разогнулась и принялась прогонять его, точно надоевшего приставучего кота, остервенело сметая листья прямо на него. Мальчик

поспешил отскочить в сторону. — Ходят тут всякие... Месті мешают...

— Но вы же мне так ничего и не сказали... — начал было Томми, но мисс Брум и не подумала отвечать.

Дворничиха повернулась к нему спиной. Она, казалось, с головой погрузилась в свое дело, и лишь осенние листья разлетались в стороны от движений ее метлы.

Томми показал этой странной мисс Брум язык, пользуясь тем, что она не могла заметить, и зашагал прочь — дальше, вглубь парка.

Не успел мальчик пройти и пары десятков шагов, как с ветки растущего неподалеку вяза спрыгнул обладатель знакомой шапки с кисточкой. Судя по всему, Чарли прятался на дереве все время, что Томми разговаривал с угрюмой дворничихой.

Через плечо на ремне у друга болталась большая, набитая битком сумка, а на руках он держал облезлого и с ног до головы мокрого черного кота, все норовившего вырваться из цепких мальчишечьих пальцев.

— Ну наконец-то! — вместо приветствия обрушился он на Томми. — Кажется, ты совсем не торопился — я тут уже целый час жду!

— Если бы кто-то не сбежал с урока, то и ждать бы не нужно было! — не остался в долгу Томми. — Ну да ладно. Можешь уже перестать дрожать: это была вовсе не мисс Мэри.

— А то я не видел! Что это за старая карга, с которой ты с таким интересом общался?

Чарли поудобнее перехватил свою все еще не смилившуюся с положением пленника ношу, уцепившись коту в шерсть на загривке, чтобы тот поменьше кусался и ерзал. Котяра ответил яростным и обреченным шипением.

— Старая? Ты где старую тут увидел? Ей лет не больше, чем моей маме.

— Ну, мне отсюда так показалось, — Чарли пожал плечами. — Так кто она такая?

— Наверное, знакомая мамы. Откуда-то меня знает и...

— Она что, произнесла твое имя?! — Чарли выглядел испуганным — он всегда боялся незнакомцев. — Эта стару... эта женщина, она назвала тебя по имени?!

— Не помню, может быть, — соврал Томми. Его самого гораздо больше занимало то, что напоминало намек на брата. Томми намеренно умолчал про Виктора: о нем он вообще никогда ни с кем не говорил. — А что в этом такого?

— Это очень плохо, когда тебя окликают по имени незнакомые люди, — угрожающе зашептал Чарли. — Мама говорит, что это самая жуткая примета из всех, которые она знает... Она велела, чтобы я никогда не заговаривал с незнакомцами и сразу же убегал от тех, кто называет мое имя...

«Что-то многовато этих примет развелось, — подумал Томми, — на ворон не охоться, по метле не ходи, с незнакомцами не заговаривай...»

— Да какая там примета? — раздраженно бросил он. — Я ведь уже сказал: эта мисс Брум, наверное, просто какая-то знакомая мамы. Знаешь, сколько у моей мамы таких вот «знакомых»? Одна страннее другой. Обычно они как раз с приближением Хэллоуина и объявляются. Ладно, не важно. — Он кивнул на кота. — Кто это у тебя?

— Это? — Чарли усмехнулся. — Его зовут Утопленник.

— Мияууу! — поздоровался (или, вернее, пожаловался) кот.

— Я смотрю, ты даром времени не терял. Кстати, неплохое имечко, — похвалил Томми. У Чарли была хорошая фантазия на всякие мрачные и жуткие прозвища: предыдущий пойманный ими котяра с легкой руки друга и вовсе стал Джеком Потрошителем: мол, мышей зубами рвал так, будто тесаком орудовал.

— Этот подлец заставил меня побегать, — сообщил Чарли. — Улепетывал через парк, пока сам же сдуру не рухнул

в пруд, — еле его оттуда выловил. Хотя на плаву он держался так себе. Так что теперь он Утопленник.

— Утопленник так Утопленник, — согласился Томми. — Идем скорее, а то меня уже дома ждут.

Двое мальчишек с одним подневольным котом двинулись вглубь парка и вскоре вышли на берег того самого пруда, где недавно осуществил свою неудачную попытку расстаться с жизнью Утопленник. Впрочем, пруд этот был совсем небольшим: с одного берега на другой спокойно можно было забросить камень; по водной глади плавали опавшие листья.

Когда мальчишки вышли на ползущую вдоль высокого берега тропинку, Утопленник испуганно мяукнул, явно поймав, что его вновь решили отправить в «плавание». Но Чарли ласково погладил кота и почесал его за ушами. Тот сразу успокоился — видимо, уяснил, что бросать в воду его никто не собирается.

— Мисс Мэри, кстати, передала тебе книжку. — Томми вспомнил, что до сих пор сжимает в руке «Историю основания королевства Шотландского». — Сказала, чтобы ты за каникулы прочитал ее целиком. И тогда она поставит тебе отметку за триместр. Вот удача! Мне бы так легко! И еще сказала, чтобы ты не жульничал, — она узнает.

— Ясно.

— Сегодня на уроке она рассказала историю про Джека-Фонаря.

Чарли это несколько не впечатлило.

— Ну и что? В Канун все кому не лень рассказывают страшилку про Джека.

— Сразу видно, что ты не знаешь мисс Мэри, — хмыкнул Томми. — Хоть она и твоя какая-то тетка. Стала бы она вспоминать старую страшилку! Нет, она рассказала совсем другую историю, намного более жуткую... А еще мисс Мэри сказала, что Джека на самом деле зовут Джек Мэйби и что он жил

в нашем городе. А еще — что якобы это никакая не легенда и все происходило по-настоящему... Как думаешь, зачем она все это понапридумывала?

— Учителя ничего не способны придумать, — сказал Чарли. — Они старые и глупые. И эта твоя мисс Мэри такая же, как и остальные...

Томми с сомнением глянул на друга.

— То есть ты и правда веришь, что Джек был на самом деле? — спросил он. — И что мы запросто можем его встретить, если прогуляемся ночью по Уэлихолну? Хотя бы даже сегодня?

— Сегодня — нет. Сегодня же еще не Хэллоуин.

— И что с того?

— А то, что только в Хэллоуин Джек будет выглядеть настоящим — с башкой-фонарем. А сегодня, если ты его встретишь, то просто скажешь: «Здравствуйте, мистер Мэйби. Как ваши дела? Нет ли для нас какой-нибудь почты?»

— Ха-ха-ха! А ведь у нашего почтальона и вправду фамилия Мэйби! Только зовут его вовсе не Джек, а Питер.

— Да какая разница! — дернул головой Чарли. — Это я так, для примера. Наш мистер Мэйби все равно не мог бы быть Джеком — он скучный.

— Это точно.

Пруд давно остался позади, мальчишки углубились в нехоженую часть парка, которая плавно перешла в лес, — здесь, почти на окраине города, деревья росли так, как хотели, из земли торчали кривые узловатые корни, дорожек не было и в помине. Никому и в голову не пришло бы здесь подметать, даже мисс Брум.

Это было тихое уединенное место, и именно тут находилась та самая, общая на двоих тайна Томми и Чарли, которую они никому бы не выдали даже под страхом смерти, что с мальчишеского языка переводилось как «под страхом быть запертыми у себя в комнате до конца своих дней».

На дне темной лощины, в тени огромного древнего вяза, стояла почти полностью развалившаяся хижина. Прежние очертания строения едва угадывались: вероятно, когда-то здесь случился пожар, и теперь на дне лощины лишь гнили старые бревна и осыпались трухлявые стены. Но кое-что все-таки уцелело...

Томми и Чарли набрали на хижину случайно. Как-то они играли в «следопытов и людоедов», и в какой-то момент Чарли-следопыт, убежавший от Томми-людоеда, споткнулся, зацепившись за корень, и покатился в лощину. Его падение остановила кирпичная кладка старой печи...

Мальчишки не знали, кому принадлежала хижина, — скорее всего, леснику. Но друзья после бурного обсуждения договорились считать, что на самом-то деле здесь квартировала банда лесных разбойников, державшая награбленное под землей. Как бы там ни было, все свои сокровища лесники-разбойники за сотни лет, что здесь стояла хижина, успели вывезти, не оставив обнаружившим ее мальчишкам ни единого медного фартинга. Но зато у Томми с Чарли появилось место, куда можно было прийти и кое-что спрятать, да так, чтобы никто не нашел.

Мальчишки зашли в покосившийся дверной проем; их шаги спугнули парочку тут же разразившихся карканьем и поспешивших убраться подальше ворон. Томми расчистил от дерна и земли участок пола в одном из углов хижины, а затем приподнял ржавую железную крышку. Снизу сразу же раздалось дружное мяуканье.

— Оголодали совсем.

Томми достал из тайничка небольшой свечной фонарь и быстро зажег его.

Пока Чарли удерживал Утопленника, явно заинтересованного раздающимися снизу звуками, Томми осветил в люк и начал осторожно спускаться, держась за вбитые в каменную кладку железные скобы, от которых на руках и одежде оставались грязные ржавые следы.

Оказавшись в погребѣ, Томми поднял фонарь повыше. Здесь было темно, сыро, а еще очень сильно воняло недельной кошачьей запертостью. У дальней от лестницы стены в три яруса стояли большие деревянные ящики с пробитыми в стенках дырками — для воздуха. В двенадцати из них уже разместились жильцы — черные, как смоль, коты, которые, заведѣв мальчика, принялись громко мяукать, требуя поесть.

— Сейчас, мои хорошие, сейчас, подождите чуть-чуть, — попытался успокоить их Томми, но голодный кошачий ор лишь усилился — бедолаги не ели со вчерашнего вечера.

— Чарли, давай сюда свою сумку!

Когда сумка оказалась внизу, Томми открыл ее и на глазах у взбудораженных котов достал связку копченых колбасок. Следом показались здоровенная бутылка с молоком, сосиски, немного вяленой рыбы и хлеб. Сняв со спины портфель, мальчик вытащил из него еще и свой собственный школьный завтрак — прожаренный кусок бекона и сэндвич с сыром. Недолго думая, Томми принялся раскладывать еду и разливать молоко по заготовленным мискам.

— Ничего-ничего, потерпите еще немного, — приговаривал он. — Скоро уже Хэллоуин. Вот только он пройдет, и мы вас всех выпустим. Это для вашего же блага...

Все сидящие в ящиках коты, как уже говорилось, были черного цвета — ни единой белой полоски или пятнышка. Именно таким котам в Уэлихолне незадолго перед кануном Дня Всех Святых грозила настоящая опасность: кто-то их отлавливал, а затем, по слухам, через несколько дней их тушки находили валяющимися на перекрестках города. С некоторых пор Томми и Чарли задались целью остановить подобное безобразие. В преддверии праздника уже два года кряду они сами устраивали облавы на черных котов и всех, кого им удавалось изловить, тащили сюда, в этот самый

погреб, чтобы сберечь их черные мохнатые души от этой печальной участи.

— Чарли, давай сюда Утопленника! — крикнул кошачий повар. — Ты его уже покормил?

— Нет, он же царапается, а еще сбежать норовит, только слабину дай.

— Ладно, я ему тут оставлю. Спускай осторожно.

— Ага. Только сумку мне брось, а то как бы не вырвался — шустрый, пройдоха...

Томми швырнул Чарли опустевшую сумку. Сверху послышалась характерная возня, после чего яростно орущая сумка с котом внутри была торжественно спущена вниз, прямо в руки поджидавшего Томми. Очередной постоялец отправился в подготовленный для него ящик, в котором его уже ждал роскошный обед из сосиски, куска рыбы и блюда с молоком.

«Утопленник» — наскоро накарябал Томми на ящике мелком и пририсовал рядом цифру: «13».

— Чертова черная дюжина, — сообщил он наверх и стал выбираться.

Коты начали царапать свои ящики, и этот звук вдруг напомнил Томми о метле, шаркающей по земле в парке. Мысли его вернулись к чудаконатой мисс Брум и ее словам.

День, полный странностей... Люди, странно себя ведущие...

В душе у Томаса Кэндла поселилось такое же, как и весь день, *странное* чувство: ожидание чего-то. Чего-то очень нехорошего.

Виктор писал уже полчаса. На страницы его тетради из головы переключивались не только подозрения по поводу неведомого голоса, но и мысли касательно перемен в Кристине, в матери, в доме.

Что-то здесь творилось. Что-то неладное. Он пока не понимал, что именно, но в той напускной сонливости, в которую был закутан Крик-Холл, ясно ощущалась угроза. Еще и странный голос не давал покоя...

Виктор мучительно пытался не ломать голову, изобретая объяснения произошедшему, пока все не запишет. И тут, когда перо чернильной ручки вывело «...уж не связан ли шепот из пустой комнаты с таинственной Бетти Сайзмор?», до Виктора донеслись крики.

Кричала женщина. На два голоса. Или, что вероятнее, кричали две женщины. У одной голос был густым, как звук виолончели, у другой — высоким и истеричным, как надорванная скрипка. На первом этаже явно кто-то ссорился. Сосредоточиться в такой обстановке было попросту невозможно...

Виктор отложил тетрадь и ручку, вышел из комнаты и зашагал к лестнице. Он понимал, что встречать в чью-то склоку — не лучшая идея, да и вообще это не слишком удачный момент для появления, но все же надеялся, что, если они там ссорятся друг с другом, их гнев и раздражение минуют его, ну, или заденут лишь краешком...

Как и в детстве, он медленно и осторожно спускался по этим деревянным ступеням, касаясь левой рукой резных перил и пытаясь услышать, не ходит ли там где-то мама.

Голоса из гостиной становились все громче и отчетливей, и в какой-то момент идти туда уже совершенно расхотелось. Виктор подумал, что, быть может, стоит все-таки вернуться в комнату, закрыть дверь и повернуть ключ. И не выходить. Никогда не спускаться к обеду. Остаться там навсегда...

Но нет. Что-то все же тянуло его вниз. Это «что-то», помимо любопытства, было пониманием: он приехал сюда вовсе не для того, чтобы ото всех прятаться.

На выступе перил сидел кот. По мнению Виктора, ничего не видя (а глаза кота по-прежнему скрывались под повязкой),

сидеть так высоко было довольно опасно, но кота это, похоже, не слишком заботило.

— Осторожнее, Конни, — шепнул Виктор.

Кот презрительно повернул к нему голову: мол, занимайся своими делами. И еще: «Для тебя я не Конни. А мистер Коннелли».

— Ну и ладно... — то ли коту, то ли самому себе сказал Виктор и продолжил спуск.

Стоило ему сойти с последней ступеньки, как его тут же посетила тревожная и действительно пугающая мысль: «Началась война».

Из гостиной на паркет перед лестницей лился рыжий свет — там ярко горел камин, и в его отсветах панели вишневого дерева, ступени и пара огромных резных буфетов словно пылали. Треск огня смешивался с мрачностью и зловещестью симфонического оркестра, играющего из старенького бабушкиного радиоприемника. Тот, к слову, едва ли не надрывался, но никто и не думал о том, чтобы немного приглушить звук.

Гостиная была охвачена... бурей эмоций. По ней метались два вихря: вихрь в сиреновом и вихрь в алом.

— И как ты только додумалась это сделать?! — кричала женщина в длинном алом платье.

Это была тетушка Мегана, старшая сестра матери Виктора. Ее боялись все представители мужской части семьи Кэндл, а особенно — ее супруг, несчастный дядюшка Джозеф. Тетушка Мегана была городской светской львицей — или, вернее, таковой себя считала. Дни напролет она занималась тем, что разъезжала по городу на таксомоторе мистера Эндрю, который получал двадцать фунтов в неделю и был несказанно счастлив возить такую великолепную видную даму. Мегана заезжала в ресторан, наводила суматоху в единственном в городе книжном клубе, заглядывала в ратушу, где часок или около того сводила с ума господина мэра, скандалила

в попечительском совете школы имени Губерта Мола, а потом вторгалась в церковь, где пыталась «вывести на чистую воду» местного пастора.

Тетушка была очень занятой особой и ненавидела все семейное: готовку еды, уборку, вязание, шитье и ухаживание за домашними животными — такими как кошки, собаки, канарейки, крысы и дети. Но при этом она, как бы странно это ни звучало, просто обожала «быть миссис Кэндл». Она гордилась своей родовой фамилией и из всех сил напоминала окружающим, кто она, отчего все в городе считали Кэндлов поголовно заносчивыми, высокомерными ханжами, с которыми дел лучше не иметь.

— А что такого?! Хлам и есть хлам! — кричала женщина в вязаном сиреновом платье.

Это была тетушка Рэммора, младшая сестра матери Виктора. Злобная, завистливая, мелочная, подлая, мстительная, невероятно склочная и ненавидящая всех кругом. Она была так худа, что казалось, будто все ее тело состояло из одной лишь ядовитой змеиной железы. Хотя Рэммора почти постоянно и пребывала в доме (если только не строила козни где-то еще), из-за своего характера и неуживчивости она была вынуждена обретаться в небольшом пристроенном к особняку флигеле с отдельным входом. К слову, свою бывшую спальню в доме, откуда ее со скандалом выселили, она лично наполнила коллекцией мерзких жаб, чтобы никто не вздумал там поселиться после нее. В этом была вся Рэммора.

— Это не хлам! Это антиквариат, пришибленная ты истеричка! — тетушка Мегана нависала над сестрой и, казалось, вот-вот набросится на нее.

— Неужели? — скривила злобную усмешку тетушка Рэммора и потрясла головой. Самой яркой отличительной особенностью ее внешности всегда были странные и дикие прически, в которые тетушка вплетала различный хлам.

К примеру, сейчас в ее черных блестящих волосах виднелись часы на цепочке с разбитым стеклышком, чей-то монокль, птичьи перья, вязальная спица и несколько катушек ниток.

— Да, именно так! — Мегана сжала кулаки. Ее прическа, в отличие от прически сестры, всегда была строгой и ухоженной. Она туго затягивала каштановые волосы в пучок на затылке и закалывала их изогнутым золоченым гребнем. — Когда ты уже наконец-то соришь, мерзавка?!

Вместо ответа тетушка Рэммора вдруг одновременно смешно и жутковато растопырила руки, взгляд ее остекленел, и она нелепой ломаной походкой, будто кукла, которую ведут на ниточках, двинулась по гостиной. В какой-то момент она шагнула к камину, наклонилась и засунула голову в огонь. Багровые и желтые языки пламени сомкнулись вокруг ее торчащей во все стороны шевелюры.

Виктор оцепенел, а тетушка Рэммора, постояв так около двух секунд, извлекла из камина свою голову в целости и сохранности. Из рта у нее торчала обнимаемая тонкими губами длинная дымящаяся сигарета.

— Ты знаешь, дорогая, — Рэммора уселась в кресло у журнального столика, закинув ногу на ногу, — я никак не могу взять в толк, в чем ты меня винишь.

— Не можешь взять в толк?! — яростно бросила тетушка Мегана. — Ты. Отдала. Какой-то бродяжке. Мою. Метлу!

— Я никогда не видела, чтобы ты хотя бы раз подметала пол, — ехидно усмехнулась тетушка Рэммора и стряхнула пепел с сигареты прямо на ковер.

— Это не для подметания, змея с ногами! Ты прекрасно знаешь!

— Хм... Полетать вздумалось? Да какая метла?! Твое Величество даже кресло с трудом выдерживает!

— Нет-нет, тетушка Рэмми! — раздался третий голос. Это была Кристина, чьего присутствия из-за двух бушующих теток Виктор до сих пор не замечал. — Это ведь для

костюма к празднику! Тетушка Мэг хотела переодеться в ведьму!

— Да ей и переодеваться не нужно! Карга!

— Но ты ведь тоже хотела переодеться в ведьму, тетушка! — невинным голоском напомнила Кристина.

— Да, все мы хотели быть ведьмами на празднике, — не хотя признала Рэммора, — но при этом не все мы устраиваем скандалы из-за костюмов или метел!

— То есть ты *меня* сейчас пытаешься обвинить? — Мегана не поверила своим ушам. — Ах ты, жаба трехглазая! Сначала отдала мою метлу! А теперь еще и пытается... Нет, вы это видали?! Наглость-то!

— Ты так кричишь, как будто это была какая-то особенная метла.

— Так и было, дурья твоя башка!

Тетушка Мегана так трагично заламывала руки, что казалось, они вот-вот все-таки отломаются и запрыгают по полу, подскочат к Рэмморе и схватят ее за горло.

— Я ее ждала целый год! Мне прислали ее из самого Лондона по специальному заказу! Полированное ясеневое метловище, покрытое алым лаком, двойная перевивка серебряными нитями, специально подстриженная прическа прутьев... Отдала какой-то бродяжке на второй день после доставки! Дворничихе — точную копию легендарной метлы Сибиллы из Галена! Нет, вы только подумайте!

— Самой Сибиллы?! — вдруг ужаснулась Рэммора. От потрясения глаза ее широко распахнулись, губы задрожали. Должно быть, именно в этот момент она осознала всю глупину совершенной ею ошибки.

— Да, Сибиллы! — в ярости воскликнула Мегана.

— Той Сибиллы, что из самого Галена?

Тетушку Рэммору даже стало немного жаль — так сильно она переживала.

— Да, которая из Галена.

— Ой. Что я натворила?! Сибилла из Галена! — Раскаивающееся лицо тетушки Рэммори вдруг изменилось. Оно искажилось в насмешке и злорадстве. — А кто это?

— Мерзавка! — прошипела Мегана.

Старшая сестра Кэндл никому не позволяла с собой так обращаться. Дамы из Клуба ее боялись, в городе тут же стихали разговоры, стоило ей появиться, и даже кошки начинали плакать, если она ими была недовольна, но при этом Мегана так и не смогла заставить уважать себя собственную младшую сестру. Их мать (бабушка Виктора), госпожа Джина Кэндл, как-то сказала: «Обуздать Рэммору не в силах даже Дьявол. А он пытался, уж можете мне поверить...»

— Ой, ну вы только послушайте! — между тем фыркнула тетушка Рэммора. — Прическа прутьев, полированное метловище, специальный заказ... Экая важность! А личный таксист к ней не прилагался?

— Она стоила почти триста фунтов, чертова неудачница!

Виктор заключил, что дела у тетушки Меганы идут исключительно хорошо. И это было весьма странно, если учесть, что она вроде бы нигде никогда не работала и вряд ли что-то изменилось. Триста фунтов! Виктор в жизни столько денег за один раз не видел! И не он один...

Кристина явно получала от всего происходящего ни с чем не сравнимое удовольствие. Она развалилась поперек кресла, свесив голову с одного подлокотника и закинув ноги в полосатых черно-белых чулках на другой, весело болтая ими и при этом поедая засахаренную мышь.

Сестра одним махом умудрилась нарушить как минимум три правила матери: не сидеть в кресле неправильно, не носить легкомысленную одежду, не есть сладости перед обедом. По ней было видно, что на всяческие правила ей абсолютно наплевать, будто она выпила эликсир вседозволенности, хотя Виктор предположил, что мама просто куда-то вышла — в лавку или еще куда.

В общем, Кристина лишь нарочно подзуживала тетушек, с невинным видом и едва заметной коварной улыбочкой что-то уточняя, сопереживая, якобы утешая, но вместе с тем опытной рукой подливая масло в огонь:

— Что-о-о?! — делано ужаснулась она, схватившись рукой за сердце. — Сколько-сколько она стоила, тетушка Мэг?!

— Да почти триста фунтов! И продавец, любезный мистер Бэррон, сделал мне шикарную скидку, ведь...

— Триста фунтов за метлу! — возмутилась тетушка Рэммора. — Да за такие деньжищи можно было новую машину купить вместо этой «Развалюхи»!

— «Драндулета», — любезно поправила Кристина.

— Вместо «Драндулета»! — исправилась тетушка Рэммора. — И это ты меня называешь помешанной, сбрендившая толстуха?!

Тетушка Мегана не была толстухой. Она была широка в кости, высока ростом и при этом носила туфли на высоком каблуке, отчего казалась просто необъятной. В отличие от Рэмморы, которой худоба шла ввиду змеиноного характера, тетушке Мегане всю жизнь приходилось следить за фигурой и насилу одергивать себя от лишней ложки пудинга за обедом. Любимая сестрица знала, как поддеть ее посильнее, и не упускала удобного случая.

Тетушка Мегана начала закипать так, что по сравнению с ней все чайники в округе, вздумай они одновременно начать кипеть, выглядели бы жалкими сонными мухами.

— Я тебе такое устрою... — гробовым шепотом пригрозила она. Глаза Меганы тонули в глубоких тенях, в которых поблескивали лишь два яростных уголька.

— Да? И что ты мне устроишь?

Сигарета плясала между пальцев тетушки Рэмморы нервный фокстрот. И все же Виктор знал: какой бы спятившей и истеричной эта женщина ни казалась, по-настоящему

вывести ее из себя просто невозможно. Она лишь может тебе подыграть, если захочет. Что она, к слову, сейчас и делала.

— Натравишь на меня своего неуклюжего плюшевого мишку Джозефа? Пожалуешься нашей дорогой сестрице? Проклянешь на веки вечные? Отберешь у меня библиотечный абонемент? Кристина, милочка, защити меня! А то у меня даже пятки заledenели от ужаса! Не отдавай ей мой абонемент! Ты же там работаешь! Ну же...

— И как ты вообще выбралась из могилы, куда я тебя с таким трудом закопала? — сжав кулаки, процедила тетушка Мегана. Она тяжело опустилась в кресло у столика с увядшими цветами. Виктор вдруг поймал себя на мысли, что цветы, похоже, завяли только что, прямо на его глазах, стоило тетушке присесть рядом.

— Вылетела на твоей метле! — будто ядом сплюнула тетушка Рэммора и выхватила из выреза платья новую длинную сигарету. Куда делся окурочек предыдущей, Виктор не знал и предположил, что тетушка его съела.

— «Метлой» ты называешь две бутылки джина, которыми каждое утро заливаешься от чувства собственной никчемности? — не осталась в долгу тетушка Мегана. — Я-то знаю, как ты «вылетаешь» по утрам из своего флигеля, цепляя деревья, и приземляешься на садовую дорожку. Рожей вниз. Смотреть жалко, Рэммора! А, постой-ка! Не жалко! Совсем. Как так вышло, что тебя никто не любит, милая Рэмми? Ты же законченная тварь. Подлая и ничтожная. Сидишь, наверное, вечерами перед зеркалом в своей камерке и спрашиваешь себя, почему ты одна и никому не нужна. А это, милочка, очевидно всем, кроме тебя самой.

Лицо тетушки Рэммори пылало ненавистью. Иступленной алой ненавистью. От него спокойно можно было прикурить сигарету, но тетушка, казалось, о ней и вовсе позабыла.

— Лучше быть одной и никому не нужной, чем иметь подле себя такое, — сказала она с видом шулера, вытаскивающего лучшую карту из рукава.

— О чем ты там лопочешь?

— Ой, как будто мы не понимаем! — взвизгнула Рэммора. — Ты думаешь, что раз Джозеф всячески пытается облобызывать твои туфли, то ты ему хоть чуточку нужна? Думаешь, ему нравится быть придавленным весом твоего великолепия и каблук-ка? И как он еще может дышать под ним? «Никому не нужна Рэмми!» Ой, вы только нас послушайте! Если у тебя есть прихвостень, это еще не значит, что ты сама кому-то нужна, Мэг, скорее это значит, что у тебя есть... хвост. И это не значит, что тебя кто-то любит! Корзинку предпраздничных проклятий давно проверяла? Давно детишки навещали? То-то же!

— Сирил и Мими приедут к празднику, — вальяжно сказала Мегана, явно не понимая, что ее слова звучат как довольно жалкое оправдание. — Так что можешь сама захлебнуться своим ядом, мерзавка. Ты мне еще ответишь за метлу, змея бесхвостая, вот увидишь!

— Ой! Я уже позабыла: а о какой метле речь?

— О той, которая у тебя вместо прически.

— Гарпия!

— Змея!

— Повторяешься!

— Жаба и ведьма!

— Это ты ведьма! Без метлы! — язвительно напомнила тетушка Рэммора. — Ха-ха!

— Что?.. Ах ты...

У Виктора не возникало даже мысли о том, чтобы принять в этой ссоре чью-либо сторону. Выбирать между тетушкой Меганой и тетушкой Рэмморой было словно выбирать между дождем, который льет тебе прямо за шиворот, и глубокой лужей, в которую ты встал и промочил ноги. Но и продолжать бездействовать и слушать все это дальше он не хотел.

— Все как в старые добрые времена, — сказал он негромко, но тем не менее обе тетушки мгновенно замолчали и обернулись.

Кристина была явно недовольна его появлением — как будто он с шумом и руганью ворвался в зал театра, помешав ей как следует насладиться представлением.

— Ой! Вы только поглядите, кто вернулся! — воскликнула тетушка Рэммора. На ее губах промелькнула скользящая улыбка. — Что, Лондон разбомбили? Давно пора!

— Только тебя нам и не хватало, — поддержала хмурая, как надгробие, тетушка Мегана. — Злые ветра всегда приносят всякий сброд.

— И я вас очень рад видеть, милые тетушки, — сказал Виктор и подумал: «Век бы вас не видеть». — Как у вас дела? А, — он отмахнулся, — не говорите, я слышал. Ссоритесь из-за метлы.

Тетушка Рэммора поднялась на ноги и грациозной кошачьей походкой двинулась к нему. И куда только делись ее угловатость и привычка вечно спотыкаться и наталкиваться на предметы?

— Что, решил интервью взять, мистер Важный-Репортер-Из-Самого-Лондона? — спросила она.

— Не твое дело, из-за чего мы тут ссоримся, — добавила Мегана, недобро глядя на племянника. Тетушка никогда его не любила (причем почему-то не любила сильнее прочих детей Кэндлов), но сейчас она смотрела с явной и неприкрытой злобой. Интересно, это мама ее настроила? Или она прознала о тех жалобных письмах, которые писал ему дядюшка Джозеф?

— Не мое дело, — кивнул Виктор, — и неизмеримо счастлив по этому поводу.

— Счастлив он, понимаешь! Да знаешь ты, ничтожный, неблагодарный...

— Эй, тетушка Мэг! — воскликнула Кристина. — Хватит наседать на Вика! Он же только приехал! И ты, тетушка Рэммора... Оставьте его в покое!

Неизвестно, на что она надеялась в попытке обуздать этих виверн, но странным образом обе тетушки ее послушались. Их будто внезапно переключили на другую станцию, как радиоприемник на столе. Они вдруг утихомирились и стали милыми-милыми, пугающе заботливыми и вроде бы даже где-то приятными.

— Кристина права, — сказала тетушка Рэммора и обняла Виктора — он уловил крепкий запах сирени, табачного дыма и джина. — Прости нас, Вик. Это все эта карга виновата.

— Да, ты ведь не имеешь отношения к тому, что Рэммора совсем свихнулась, — небрежно проговорила тетушка Мегана, даже не подумав подняться с кресла, чтобы поприветствовать племянника. — Как Лондон?

— Сырой, как туфли, забытые на подоконнике.

— Сигаретку? — спросила тетушка Рэммора, хитро подмигнув ему.

Виктор не успел ответить, как она ловким движением пальцев, словно какой-то салонный фокусник, выхватила сигарету прямо из воздуха, щелкнула пальцами, и та тут же задымилась. Тетушка была довольна собой, а Виктор — озадачен и сбит с толку. Хотя «сбит с толку» еще слабо сказано: это же как, должно быть, скучно ей жилось, что она освоила трюки с сигаретами...

— Как работа? — спросила тем временем тетушка Мегана.

— Приходится часто менять подметки.

— Почему редко писал? Времени для семьи не нашлось?

— Тетушка! — осуждающе воскликнула Кристина.

Мегана тут же исправилась:

— Должно быть, много событий в Лондоне случается. Нужно все осветить. Потом расскажешь.

— Как будто нам не наплевать, — приставив ладонь к губам, словно секретничая, прошептала ему тетушка Рэммора и снова подмигнула.

— Тетушка! — вновь воскликнула Кристина.

— Да нет, — согласился Виктор. — Все верно. Крис, а где отец? Я с ним еще не виделся после приезда.

— Что? А?.. — рассеянно проговорила Кристина с таким видом, будто вообще забыла о том, что у нее есть какой-то там отец.

— А, он только-только вышел, — быстро вставила тетушка Рэммора. — Ты с ним чуть-чуть разминулся!

— Ясно. А дядюшка Джозеф? Хотел бы с ним поздороваться.

— В библиотеке, — проворчала тетушка Мегана. — Он от туда уже два дня не вылезает.

— От тебя же и прячется, — все так же «миленько» проворковала тетушка Рэммора, обернувшись к сестре.

— Если вы не против, я пойду пообщаюсь с дядюшкой, — сказал Виктор и попытался вымученно пошутить: — И просите нашего ключника не запирайте за мной дверь, если вас не затруднит.

— О чем ты говоришь, дорогой? — удивилась тетушка Рэммора. Кажется, даже искренне. Она явно не понимала, о чем речь.

— Ну, ключника! Старик ваш, — пояснил Виктор. — Мистер Биггль, кажется. Он открыл мне дверь и сказал, что работает здесь.

— Еще не хватало кому-то платить за открывание дверей! — негодуяще воскликнула тетушка Мегана. — Это тебе не Лондон, парень! Здесь нет швейцаров!

— Но он был! — упорствовал Виктор. — Неприятный мистер Биггль с чертополохом на окне.

— Да, Вик, — сказала Кристина, пристально на него глядя. — Это странно. Здесь нет никаких Бигглей.

— Но...

— Мы бы знали...

— Хорошо, — сконфуженно проговорил Виктор.

Пообещав себе после во всем разобраться, он развернулся и направился в библиотеку.

Тетушки и сестра остались в гостиной. Ссора явно сошла на нет, и заботливая Кристина не замедлила это исправить:

— Так что там с метлой за три сотни?

Рэммора с Меганой сразу же продолжили склоку, словно вернулись на прежнюю радиоволну.

— Нет, ну чертовка! Как только в твою усохшую головешку пришла мысль отдать мою дорогущую лондонскую метлу какой-то бродяжке!

— Можешь ее найти и потребовать обратно свою «дорогущую лондонскую метлу». Скажешь, тебе летать не на чем.

— Ну ты у меня попляшешь... — сквозь зубы процедила тетушка Мегана. — Клянусь тебе, попляшешь...

Это было последнее, что Виктор услышал перед тем, как покинуть гостиную.

Толкнув низкую дверь в глубине коридорчика, Виктор будто перевернул очередную страничку ветхого фотоальбома своей прошлой жизни.

Библиотека Крик-Холла была местом особенным. Она занимала собой три этажа, соединенные узкой деревянной лестницей. Книжные полки располагались и на площадках этой лестницы, и на этажах — несмотря на это, все имевшиеся здесь книги не могли на них уместиться, и на полу вдоль стен громоздились высоченные стопки. У двух больших, выходивших в сад окон стояла парочка глубоких кожаных кресел — в одном из них Виктор провел большую часть своего детства.

Быть Кэндлом было ой как непросто. Во многом по вине эксцентричных тетушек, мрачного дома на холме Ковентли и так называемого богатства, когда свечная фабрика еще работала. Дети в школе постоянно задирали и били Виктора, учителя относились к нему с нескрываемым презрением. Бледный и костлявый, замкнутый и нелюдимый, постоянно шепчущий

что-то себе под нос, то и дело вздрагивающий и имеющий привычку внезапно и резко оборачиваться — все говорили, что с ним что-то не так. Не удивительно, что у него не было ни одного друга. Даже Сирил и Мими, дорогие кузены, не желали с ним водиться, потому что он, мол, «чокнутый и странный», ведь «только чокнутые читают книжки кверху ногами!».

Оглядываясь назад, Виктор признавал, что действительно был довольно странным ребенком. То, что в его новой, лондонской, жизни считалось забавным чудачеством, тогда, в жизни уэлихолнской, вызывало лишь всеобщее раздражение.

Он помнил, как впервые читал перевернутую книжку. Мама на него злилась за что-то (она всегда на него за что-то злилась) и демонстративно его игнорировала. Виктор наивно думал, что, быть может, она обратит на него внимание и хотя бы проворчит, что так держать книгу неправильно, но ничего не происходило. Он читал главу за главой, а она ему и слова не сказала: если мама хочет тебя не замечать — тебя для нее не существует, пока она не передумает.

Убедившись, что мамино внимание ему не привлечь, Виктор перевернул книгу и попробовал прочесть ее как обычно, но отчего-то не вышло: буквы сливались, ему не удавалось разобрать ни слова. Поглядев на маму, он заметил промелькнувшее в ее глазах коварство, а еще — мрачное удовлетворение. Ему показалось, что это она помешала ему вернуться к нормальному чтению, что это был какой-то ее урок. А затем отверг эту нелепую мысль: как бы она смогла подобное сделать?

Таким образом Виктор обрел то, что сделало его еще более странным и «чокнутым» — еще более одиноким. И тем не менее появившаяся в нем странность несколько не оттолкнула его от чтения — напротив, Виктор стал читать еще больше. Книги стали его настоящими друзьями.

Виктор не понимал людей. Но книги ему все о них рассказали. Именно из них он узнал о таких вещах, как малодушие, слабохарактерность, безволие и трусость.

Супруг тетушки Меганы (он же старший брат отца Виктора) являлся обладателем всех вышеперечисленных качеств. Кто-то мог бы спросить: «Что такое дядюшка Джозеф?» Да, все верно — отнюдь не «кто такой», а именно «что такое», поскольку дядюшка Джозеф был той еще штучкой.

Что бы ни говорила о нем тетушка Рэммора, он замечательно наловчился выживать. Джозеф Кэндл никогда не ссорился с супругой — ссориться ему не было позволено. Он не прекословил жене, позволял выбирать за себя одежду, диеты, реплики за столом, политические взгляды и мировоззрение в целом, как, например: «Не знаю, как вы, но мы с Джозефом против чужестранцев на наших улицах. Все из-за их трудновыговариваемых имен. Если в твоём имени больше четырёх слогов, выметайся из страны! Верно, Джозеф?»

При этом, оставаясь в недосягаемости для супруги и ее гнева, дядюшка Джозеф тут же начинал лениться, натягивал любимый лоскутный халат, громко заявлял о том, что ему нравятся люди с длинными именами и фамилиями и — что вообще было с его стороны проявлением настоящего бунтарства! — распевал ирландские песенки о тяготах бедняги-мужа, взявшего себе в жены тираншу. Нечто вроде:

Когда-то женился на склочной карге,
С тех пор моя участь — лишь чертово горе.
Тиранит меня и кричит мне: «К ноге!»
Сбежать я готов на войну или в море.
Скорей бы забрал меня Дьявол к себе,
Тогда я вздохнул бы впервые свободно,
И пусть я вишу и качаюсь в петле,
Сегодня зато я не лягу голодным...

Вот такой вот дядюшка. Склонный к мелочному вредительству и недюжинному мелодраматизму. Обладающий странным чувством юмора и бесконечным запасом жалоб.

Прежде Джозеф Кэндл не испытывал особой страсти к книгам, предпочитая им газеты, поэтому было странно, что он, если верить Мегане, уже пару дней пропадает в библиотеке — что ему тут делать?

Виктор почувствовал какое-то шевеление на балкончике второго этажа библиотеки и, задрав голову, увидел, как пухлый человек в лоскутном халате переставляет стопки книг, заглядывает под них, переворачивает одну книжку за другой, словно что-то ищет.

Неожиданно — как будто его спугнул взгляд Виктора — он отпрянул и резво скрылся на лестнице.

Вскоре обладатель лоскутного халата появился вновь — на полпролета ниже. Он торопливо переместился к стоявшему на лестничной площадке письменному столу и принялся поочередно выдвигать ящики. Что бы Джозеф Кэндл ни искал, этого нигде не было...

Дядюшка суетился как никогда в жизни и носился по всей библиотеке с резвостью мальчишки: топал вверх и вниз по лестнице, забегал на балкончик, нырял в ниши за книжными полками и разве что не прокатывался с лихим «хе-хей!» на приставных лесенках по рельсу.

И вот наконец поиск его увенчался успехом. Оказалось, что нужны ему были... ножницы. Большие портняжные ножницы. С ними наперевес он бросился к Виктору.

Племянник пораженно замер. Да, такой встречи он точно не ожидал.

Когда столкновение было уже неизбежно, Виктор вдруг понял, что дядюшка спешит вовсе не к нему. Тот неся к завернутой в коричневую бумагу и перетянутой бечевкой большой прямоугольной картине, которая стояла на полу у стены библиотеки. Ножницы ему нужны были, судя по всему, чтобы перерезать хвосты бечевки.

— А ну с дороги, парень! — грубо пробурчало лоскутное существо и оттолкнуло Виктора локтем в сторону.

Виктор глянул на Джозефа Кэндла с досадой. Неужели даже дядюшка, который всегда был отъявленным добряком и вроде бы даже по-своему любил племянника, не рад его приезду? Да вообще остался ли под этой крышей хоть кто-то, кому не наплевать на то, что он вернулся?!

— Оказывается, что-то все же меняется, — оскорбленно заметил Виктор, и дядюшка Джозеф встал как вкопанный. Обернулся.

Он был именно таким, каким Виктор его запомнил. Из-под теплой шапки выглядывали выющиеся седины, на лице застыло извечное слащавое уныние, нос покраснел. Дядюшка был простужен десять месяцев из двенадцати и при этом круглый год лечил простуду крепким вишневым шерри, давая его за сироп от кашля.

— О! Вик! — Джозеф Кэндл будто впервые увидел племянника. — Как ты здесь оказался?

— Вошел через дверь, — недоуменно ответил Виктор. Он так и не понял: дядюшка был невероятно сосредоточен или все же крайне рассеян для того, чтобы заметить его присутствие раньше.

— Через какую?

Джозеф Кэндл покосился на завернутую картину.

— Через дверь библиотеки, дядюшка. Через какую еще я мог бы зайти?

— Да, эта чертова лондонская манера подчеркивать очевидности совсем тебе не идет, — проворчал дядюшка Джозеф, как будто сам до этого не требовал ответа на свой вопрос. — Я имел в виду, как ты оказался не здесь, а *здесь*, в Крик-Холле. В городе.

— Зашел в дверь у себя на кухне в лондонской квартире, — сказал Виктор, — а вышел через гардероб гостевой спальни уже здесь.

— Правда?

— Разумеется, нет, дядюшка, что с тобой? — Виктор нахмурился. — Я приехал на поезде.

— Ах да, поезд. И в самом деле...

— Но ты ведь знал и раньше, верно?

— Знал? — дядюшкины брови изогнулись в недоумении. — Что знал? О чем ты говоришь?

— Ну я ведь не сообщал о том, что приеду, — пояснил Виктор в той самой «чертовой лондонской манере», — но Кристина верхом на «Драндулете» встретила меня на вокзале. Она сказала, что ты попросил ее за мной заехать.

— А, это!.. Ну да, а я сначала и не понял, о чем ты. — Джозеф Кэндл вытер пот на лбу ножницами. — Ох уж эта рассеянность, все время в сон клонит... — Дядюшка для убедительности даже зевнул. — Все из-за простуды, не иначе.

— Само собой.

Виктор прищурился. Дядюшка что-то скрывал и явно недоговаривал. Есть люди, которые умеют не подавать виду, а есть такие, как дядюшка Джозеф, на чьем лице едва ли не сразу же проступает пунцовое признание в собственной лжи. И вот на этом самом лице сейчас шла нескрываемая борьба. Борьба с собой, с совестью, со страхом. Все приметы лжеца, который боится.

— Так как ты узнал, что я собираюсь приехать, дядюшка? — спросил Виктор.

— Да оттуда же, откуда я узнаю обо всем, что творится кругом, — проворчал Джозеф Кэндл.

«При помощи своего длинного носа, любви к вынюхиванию или из утренних газет», — мысленно предположил Виктор.

— Из записки Мэг, твоей разлюбезной тетушки, которую она оставила для меня на тумбочке возле кровати. Ты же знаешь, она всегда оставляет мне записки на этой *проклятой* тумбочке. С заданиями на день, с новостями, у какой там Глэдис из ее Клуба ветрянка, со сплетнями о торгашах с главной улицы и с прочим. Сегодня утром была вот эта записка. — Дядюшка извлек из кармана халата скомканный

листок бумаги. — Если есть желание, можешь сам взглянуть. — И швырнул его в племянника.

Виктор поймал, развернул и покачал головой — сплошной сумбур: к написанному там нужно было подходить вдумчиво и без суетящихся поблизости дядюшек. Виктор положил записку в карман и опустился в кресло.

— Ну что, дядюшка, есть время поболтать? Ты не сильно занят?

У Джозефа Кэндла почти никогда не было особых обязанностей, а после банкротства фабрики брата, на которой он работал управляющим, у него и вовсе не осталось никаких забот, кроме как в огромных количествах поглощать шоколадные кексы, а также новости из местных и лондонских газет. Образ жизни, не обремененный нервными потрясениями и физическими нагрузками, и стал причиной дядюшкиной покладистости и дядюшкиного же брюшка...

— Да я тут пока должен это завернуть... — пробормотал дядюшка и вернулся к прерванному появлением племянника занятию. Ножницы защелкали, перекусывая концы бечевки.

— А что это за картина? — спросил Виктор.

Дядюшка поморщился.

— Картина? А, да так, хлам... Старый портрет одного упыря. Давно собирались от него избавиться, все руки не доходили. Отнесу на чердак, а потом попытаюсь продать старьевщику — может, выручу пару фунтов... Ну а поговорить — это мы всегда рады! Ты ведь знаешь привычки своего любимого дядюшки, верно?

Виктор подумал, что если он и знает привычки дядюшки Джозефа, то можно смело ставить двадцать фунтов на то, что сейчас начнутся жалобы. Так и вышло — Виктор опустил мнимый выигрыш в карман.

— Ты не поверишь! — Джозеф Кэндл начал проникновенным тоном, каким обычно скорбел о былых годах юности,

о неблагодарности детей и об отсутствии к нему уважения от супруги и ее сестер. Это было чувственно, но негромко: дядюшка любил пожаловаться, но вовсе не хотел, чтобы его слова дошли до жены. — Совсем потеряли совесть! Где это видано, чтобы меня, и с простудой, заставлять работать! Ты помнишь, как все было, Вик? Так вот, смею тебя заверить, все стало намного хуже! Меня гоняют в сад — выпалывать сорняки, на почту — за газетами и письмами, ведь почтальонов, как и раньше, к нам ни за какие коврижки не заманишь. Еще я, видите ли, должен бродить по всем лавчонкам города — делать покупки по длиннющему списку. Хорошо хоть готовить и пол мести не заставляют! И все это в то время, как Мэг, да сожрет ее с потрохами ее же собственная кровать, целыми днями торчит в своем Клубе у мерзких подружек или колесит по городу, как королева. А от змеи Рэмми помощи и вовсе ожидать не приходится. И при этом мне не позволено даже купить себе мороженое в лавке! Ты представляешь? Твоя мать так и сказала: «И никакого мороженого, Джозеф!» — но, ты не поверишь, — дядюшка перешел на заговорщицкий шепот, — я все-таки купил себе мороженое. Правда, я вот от него, кажется, и простудился, но оно того стоило, а еще... Эх... Парень, ты меня слушаешь?

Виктор и в самом деле отвлекся. Он глядел на картину, которую дядюшка со всей возможной ненавязчивостью пытался закрыть от него своей широкой спиной. Картина будто бы что-то шептала, пыталась привлечь его внимание...

Тем не менее Виктора сейчас не волновали различные картины — его интересовало кое-что совершенно иное. Тот шепот в пустой комнате.

— Да, дядюшка... — отозвался племянник. — Я тебя слушаю. Внимательно слушаю: коврижки, мороженое и списки покупок... Послушай, хотел тебя спросить, а кто сейчас живет в гостевой комнате?

Джозеф Кэндл непонимающе покачал головой.

— Ну в гостевой комнате, которая возле моей комнаты на втором этаже.

— Там же всякий хлам вроде стоит, — неуверенно сказал дядюшка. — Кому захочется жить в пыли?

— Да-да, — нетерпеливо перебил Виктор. — Но ведь скоро Хэллоуин, а здесь обычно бывает много народу на праздники. Ты не знаешь, кто там остановился?

— А что тебе с той пустой комнаты?

— Да ничего. Просто я слышал голос из-за стены. А зайти поздороваться не решился... Кто-то уже приехал?

— Нет, первые гости будут только завтра к вечеру. Насколько я знаю. Но это ведь я, — скорбно заметил дядюшка. — Мне могли и не сказать. Совсем ни во что уже не ставят...

Виктор понял, что так он ничего не добьется. То ли дядюшка действительно не знал, то ли на удивление талантливо лгал.

— Слушай, а ты не знаешь, что значит слово «кейлех»?

— Как ты сказал? — нахмурился Джозеф Кэндл; губы его задрожали, выдавая то ли готовность солгать, то ли подкрадывающийся кашель. — Кейлех? Нет, впервые слышу. — Он закашлялся и поспешно достал из кармана халата бумажник, извлек из него носовой платок и скрылся в нем, сморкаясь.

— Я так и думал. Тогда нет смысла спрашивать, что такое «келлах», «муир», «даир» и прочие...

— Ну почему же, я знаю, что значит, к примеру, «келлах», — произнеся это, дядюшка помрачнел. — А зачем тебе?

Виктор был взволнован.

— Да так, на открытке одной прочитал. Стало любопытно.

— Странные у тебя открыточки. «Келлах» значит война.

— Это какой язык?

— Наши добрые соседки. Ирландский. Лет десять назад все их газеты пестрели этим заголовком: «Келлах! Келлах!» — «Война! Война!»

— А остальные слова?

— Не знаю. Не силен в этой тарабаршине.

Было прекрасно видно, что дядюшка знает значение каждого из слов, но Виктор так и не мог понять, какой ему смысл скрытничать.

— Если интересуется, посмотри в словарях, — продолжил Джозеф Кэндл, кивнув на книги у окна. — Там много англо-ирландских. Вон на тех полках. Знаешь? Я там протираю пыль все время. Да... даже здесь меня заставляют работать. А пыль, к слову, вредна для насморка. В смысле для носа. Ну ты, в общем, понял. Еще можешь сходить в городскую библиотеку. Джим Гэррити — помнишь его? — до сих пор там работает и...

Он вдруг замер и поднял вверх палец.

— Что? — удивился племянник.

— Кто-то пришел! — воскликнул дядюшка. — Слышишь? В дверь стучат... — Виктор ничего не слышал. — Пойду открою. Наверное, это Томас из школы вернулся.

— Так пусть этот ваш ключник, мистер Биггль, и откроет, — предложил Виктор, считая, что дядюшка просто придумал предлог, чтобы улизнуть и прекратить неудобный для себя разговор.

— Какой еще Биггль? — проворчал Джозеф Кэндл, направляясь к двери. — Я здесь и библиотекарь, и почтальон, и ключник. Эх, совсем ни во что не ставят...

Стоило дядюшке скрыться за портьерой, как Виктор вскочил на ноги, не в силах больше сдерживать нетерпение. Значит, ирландский! Так, нужно проверить! Он уверенно направился к указанным дядюшкой полкам, но спустя минут пять неудачных поисков его уверенность иссякла.

Виктор задрал голову в попытке оглядеть всю стену, заставленную книгами до самого третьего этажа. Он ничего не понимал: то ли дядюшка глупо пошутил, то ли он сам ослеп на оба глаза, то ли услышал что-то не так. Но факт оставался фактом: ирландских словарей на полках не оказалось. Ни одного. Хуже того — на месте некоторых книг в разделе «Словари» зияли

пустые прогалины, как будто кто-то нарочно убрал оттуда все нужные Виктору справочники. Все это очень смахивало на то, что их забрали, чтобы он ничего не узнал, и...

— Так, кажется, у меня уже начинается паранойя, — хмуро сказал Виктор и, потирая виски, направился к двери.

Запакованная картина за спиной как будто прошептала его имя.

«Виктор...»

Двое мальчишек подошли к воротам старого особняка.

Мимо пробежал соседский пес. Увидев, что возле Крик-Холла стоит отнюдь не Кристина, он равнодушно направился дальше по своим делам. Этот пес просто обожал сестру, и Томми из-за этого ей даже немного завидовал...

Из центра города донесся бой часов. Он прозвучал заунывно и едва слышно, будто из-за простирающегося на многие мили леса.

— Ой! — воскликнул Чарли. — Я же должен был быть дома еще полчаса назад!

Обычно они прощались на перекрестке, у вывески перед холмом Ковентли. Оттуда обоим было рукой подать до дома: Томми — на холм, а Чарли — в Старый район. Но сейчас они всю дорогу обсуждали Джека-Фонаря, урок мисс Мэри и своих питомцев в погребке, гадали, стоит ли соваться к фабрикам в поисках новых, еще не отловленных, черных котов — и не заметили, как дошагали до самого Крик-Холла.

— Мама точно прибудет меня за то, что я где-то бродил столько времени! — уныло простонал Чарли.

— Скажи, что нас задержали на последнем уроке, — предложил Томми. — Моя мама иногда делает вид, что верит, когда я вру.

— С моей такое не пройдет. К тому же она знает, *чей* был последний урок.

— Тогда скажи, что нас заставили украшать кабинет к Хэллоуину и... Слушай, — Томми вдруг вспомнил то, что хотел спросить у друга еще утром, — а почему бы тебе не прийти к нам на праздник? Намечается что-то грандиозное: если уж моя мама что-то задумала, то...

— И что же она задумала? — спросил Чарли, бросив испуганный взгляд на проглядывающие в плюще темные окна Крик-Холла. — А? Что она задумала?

На миг Томми даже показалось, будто с ним сейчас говорит вовсе не его друг, а кто-то другой — совершенно чужой и совсем не знакомый ему мальчишка. Но наваждение исчезло так же быстро, как и появилось.

— Пока точно не знаю, — с неподдельным огорчением в голосе признался Томми. — Но я не я буду, если не выясню все до вечера! Да к тому же ты ведь не забыл, что мы едем с папой в город на «Драндулете»? Он будет рад тебя видеть... если он вообще еще может чему-то радоваться. — Томми на миг помрачнел, но тут же себя одернул. — Так что, придешь к нам на праздник? Уверен, мама не будет против!

— Ну... я...

— Боишься мою маму? — Томми улыбнулся — он сразу все понял. — Да она вообще тебя не заметит. К нам понаедут все родственники, даже самые дальние. Даже унылые тетушки Эдна, Уиллаби и Макриди...

— Я не смогу прийти. — Чарли отвернулся. — Мама не отпустит. Она сказала, что из-за моих отметок я не заслужил праздник.

— Черт! — поддержал Томми друга, но не смог его не поддеть: — Ну вы всегда можете пригласить мисс Мэри, да?

— Отвали...

— Эй, ты чего? Я же пошутил...

— Счастливых каникул! — угрюмо бросил Чарли и побрел прочь. Томми пожал плечами — обиделся, что ли?

Мальчик открыл калитку и, зайдя во двор, попрыгал по дорожке. Добравшись до дома, вскочил на крыльцо — оно, как всегда, тонуло в тени: фонарь еще не зажгли.

Томми достал из кармана пальто ключ и засунул его в замочную скважину. Стучать в дверной молоток в их семье было не принято — все Кэндлы, даже дети, открывали дверь своим ключом, предпочитая не дергать по таким пустякам, как собственное появление, домашних и... маму.

Ключ едва шевельнулся в замке и застрял. Томми подергал — все без толку. Придется стучать...

Он и стукнуть-то особо не успел в дверной молоток, как отчетливо услышал кашель. На миг ему показалось, будто кашляет сам замок. Дверь тут же распахнулась.

На пороге, кутаясь в свой лоскутный халат, стоял дядюшка Джозеф.

— А, это ты, Томас... — пробурчал он в заложенный нос, глядя куда-то поверх головы мальчика. — А я уж решил, что та нищенка, которая за тобой увязалась, посмела к нам постучаться.

— Замок сломался. И никто за мной не увязывался! — возмутился Томми. — Какая еще нищенка?

— Да, с замком беда — не ты первый сегодня пытаешься войти. А нищенка... Да вон же она...

Томми обернулся. На противоположной стороне улицы, вдоль ограды дома Барнсов, и впрямь брела какая-то незнакомая женщина в грязном сером пальто и темно-красном клетчатом берете. Ее одежда была вся в заплатах, а волосы растрепаны. Она то и дело оглядывалась, бросая странные взгляды в их сторону и вроде бы даже высматривая кого-то в окнах Крик-Холла.

От одного вида этой женщины Томми сразу сделалось не по себе, словно в ее фигуре и поведении крылся какой-то немой укор. А еще ему показалось, что прежде он ее где-то видел...

— Пойдем в дом, парень. — Дядюшка поежился в своем халате и кашлянул для убедительности. — Воронья осень совсем с цепи сорвалась.

Томми в задумчивости переступил порог и, обернувшись, поглядел вслед удаляющейся незнакомке.

— Ты знаешь эту женщину, дядюшка? И почему ты думаешь, что она увязалась именно за мной?

— В окно видел. Забудь. Это всего лишь местная сумасшедшая.

Дядюшка явно не желал развивать тему. Он захлопнул входную дверь и, не прибавив больше ни слова, скрылся в темном коридоре, ведущем в библиотеку.

Томми размотал шарф и, ворча на всяких взрослых, которым отчего-то всегда так тяжело просто взять и без уверток все рассказать, шлепнул портфель у вешалки и принялся стаскивать с себя пальто. Дядюшка вел себя подозрительно. То, как он говорил об этой нищенке, походило на какую-то очередную... тайну.

— Что-то многовато странностей на сегодня, — пробурчал Томми, мысленно задавшись целью потом надавить на дядюшку Джозефа и выяснить, откуда тот знает эту женщину. Да, и не забыть еще спросить про подготовку к Хэллоину! С этим ведь тоже далеко не все так просто — не каждый год мама созывает такое количество гостей: он сам видел кипу приглашений.

Томми задумался. Стоп! Ведь было же еще кое-что... Кое-что поважнее предстоящих праздников и дурацких тайн простуженных дядюшек. Там, в парке, дворничиха что-то такое сказала ему...

— Ну здравствуй, Томас, — раздалось совсем рядом.

Из черного прохода, в котором только что скрылся дядюшка, выступил высокий человек в темно-зеленых штанах и жилетке. В прихожей свет не горел, и лицо этого человека тонULO в тени.

— Ну же, — снисходительно улыбаясь, сказал незнакомец. — Это ведь я, Виктор. Неужели не узнал, братец?

Виктор протянул руку, но Томми Кэндл застыл, как будто вновь очутился под воздействием маминого наказания. Дыхание перехватило, даже сердце, казалось, замерло.

Человек в зеленом вовсе не бродит по улочкам. Человека в зеленом нет в парке. Человек в зеленом не ищет Томми.

Человек в зеленом. Уже. Нашел его.

Все звали бродяжку Вороной, и это прозвище настолько к ней приклеилось, так засело в ее голове, что порой она забывала собственное имя и в самом деле начинала мыслить по-птичьи. Угловато сложив за спиной тонкие руки, бродяжка степенно вышагивала по грязному тротуару, словно настоящая ворона, дергала головой и что-то бормотала себе под нос.

Прохожие ничуть не удивлялись ее поведению — бледная тощая женщина в старом сером пальто, темно-красном клетчатом берете и с застрявшими в спутанных волосах катушками ниток имела в Уэлихолне репутацию городской сумасшедшей.

Ворона не обижалась на тех, кто бросал ей вслед обидные слова, ей давно уже стало безразлично, что о ней думают. Одни не обращали на нее внимания, другие презрительно шептались за спиной, но еще были те, кто взирал на нее с чувством злорадного торжества. Последних она сама обычно обходила за квартал, стараясь не появляться вблизи их дома и лишний раз не попадаться на глаза кому-нибудь из их семейства — особенно по женской линии.

Вот и сейчас, проходя мимо старого особняка на холме Ковентли, она почувствовала на себе пристальный взгляд из-за кованого забора и вроде бы даже определила, что принадлежал этот взгляд мужчине, а не женщине, но все же липкий страх заставил ее ускорить шаг.

Лишь свернув за угол, Ворона без сил прислонилась к холодной стене, успокоила дыхание и прислушалась. Кажется, за ней пока никто не бежал. Ни человек, ни кот, ни даже крошечная писклявая мышь. Стало быть, на этот раз обошлось...

— Эй, мерзавка, пошла прочь от моего окна! — внезапно раздалось сверху.

Ворона подняла затравленный взгляд и увидела в окне первого этажа сухое, беспощадно изрезанное морщинами лицо. В руках негодующая старуха сжимала жестяную лейку, а на подоконнике перед ней стояли горшки с чахлыми розами. Видимо, она выглянула, чтобы полить их.

— Простите, мэм, я не хотела вас побеспокоить, — пробормотала Ворона, проворно отскочив от льющейся на нее из лейки струи воды, и уже развернулась было, чтобы уйти, но тут старуха в окне противно расхохоталась ей в спину.

— Давай-давай, проваливай отсюда, уродина! Нечего здесь шататься!

Бродяжка обернулась.

— А цветы у тебя завянут! — бросила, словно каркнула, она, угрожающе вскинув руку и скрючив пальцы наподобие вороньих когтей.

Старуха испуганно осеклась и сразу же исчезла за хлипкими шторками, покуда сумасшедшая не напороочила чего похуже. Но та лишь понуро опустила голову и побрела себе дальше по улице.

Немногочисленные прохожие шарахались от нее и обходили стороной — взрослые в городе по большей части старались Ворону не трогать, опасаясь «дурного глаза», но вот

дети... особенно мальчишки... они ничуть не боялись бродяжку и бросали в нее камешки и каштаны. И что ей было делать с этими сорванцами? Проклинать весь их род до седьмого колена? Грозить немислимыми бедами, лишением сладкого или плохими отметками в школе? Они лишь посмеются и будут правы. Ничего она им не сделает, глупая курица.

К счастью, сейчас ни одного мальчишки поблизости не было...

Шагая по улице, Ворона не сразу заметила, что вокруг стемнело и уже горят фонари. Это был самый старый район Уэлихолна, его древнее сердце. По сторонам высились скобоченные дома с горбатыми водостоками и покатыми крышами. На ветру, поскрипывая, чуть шевелили ветвями хмурые деревья — их кривые черные корни торчали из тротуара, пробив плитку. Тут и там замерли бордовые почтовые ящики с гравированными дверцами и витиеватыми номерками, над головой нависали фонари на изломанных и погнутых столбах — столбы эти выглядели так, словно кто-то намеренно их гнул и изламывал.

Тихий осенний вечер, стоявший на улице, напоминал те старые вечера из полузабытого детства Вороны, когда она была беззаботной и счастливой девочкой. Девочка эта частенько сбегала от няни и бродила по улицам, наблюдая, как фонарщик по очереди зажигает фонари, как забавно расхаживают в своих развешанных на деревьях клетках вороны, как кружат и танцуют подхваченные ветром листья.

Той девочки давно не было — много лет назад она уехала прочь, потерялась и умерла. Ее, помнится, звали Кларой, и все кругом, от родителей до учителей, возлагали на нее большие надежды. Скромная и рассудительная, умная не по годам, в школе — преуспевающая, во всех прочих делах — прилежная и исполнительная. И еще — добрая и очень наивная. Настоящее горе для матери.

Маму Клары звали Софией, но все называли ее «госпожа Кроу». Она была строгой, порой даже безжалостной, и очень властной женщиной. Их род, в то время многочисленный, богатый и влиятельный, по праву считался одним из наиболее уважаемых в Уэлихолне, наравне с Бруксами, Лайтами и Кэндлами. Они жили в большом и просторном особняке, у них были слуги и дюжина автомобилей, но, когда разорилась дедушкина фабрика ниток, жизнь семейства Кроу изменилась навсегда.

Кларе было двадцать, когда их семья пережила крах. После разорения у деда не выдержало сердце, и он умер прямо у ворот фабрики, когда на них вешали замок. Отца тоже скоро не стало. Он делал вид, что с ним все в порядке, но на самом деле так и не смог смириться с произошедшим — однажды он отправился в контору разорившего их банка, взяв с собой револьвер. Больше они с матерью его не видели. Потом были: утонувшие в море дядюшки, отравившаяся кексом кузина, попавший под поезд кузен и... да и прочие родственники — задохнувшиеся у камина, уколовшиеся шипом розы, зачахшие от странной и непонятной болезни. Семья Кроу почти исчезла: остались лишь сама София, Клара и ее тетка, при каждой мысли о которой Клару сразу же начинало тошнить.

Мама твердила, что их семью проклинали, и даже Клара, которая не очень-то верила в различные проклятья, не могла с этим не согласиться — беды и напасти сваливались на них одна за другой так, словно их, эти беды и напасти, кто-то изобретал, плел и воплощал в жизнь...

Улица выходила на большой пустырь, на котором не горело ни одного фонаря. Там было так темно, что со стороны могло показаться, будто на пустыре ничего нет, и... что ж, многие так и считали, стараясь даже не думать о том, что стоит в его центре.

Клара между тем нужно было именно туда, на центр пустыря. Нырнув в темноту, она понуро зашагала по никогда не просыхающей здесь грязи, обходя заросли бурьяна, старые автомобильные колеса с гнутыми спицами, гнилые чемоданы и торчащие из-под земли обломки ржавых труб. Вскоре Клара различила угрюмые очертания своего дома.

Гаррет-Кроу представлял собой узкое и вытянутое, сильно покосившееся четырехэтажное строение из почерневшего за годы кирпича, с потрескавшейся под дождями черепицей и подслеповатыми окнами. Окна эти не радовали глаз льющимися изнутри теплом и светом, а все оттого, что ни тепла, ни света там не было: отопление в этом доме отключили еще два месяца назад, а свет — на прошлой неделе. У последних оставшихся в Уэлихолне Кроу не было денег, чтобы за них заплатить...

Когда после разорения фабрики большой особняк на холме Элмвуд забрали за долги, Клара с мамой вернулись в старое родовое гнездо, которое десятилетиями стояло запертым и давало кров лишь крысам, паукам да воронам. С тех пор они и жили здесь, старуха, некогдаправлявшая едва ли не всем городом, и ее сумасшедшая дочь...

Ключ противно скрипнул в замке, и Клара отворила дверь. В прихожей было темно, и первым делом она нащупала на полке керосиновую лампу и коробок спичек. Запалив фитиль, Клара поставила лампу на место и принялась раздеваться. Едва повесив пальто и берет на вешалку, она услышала шаги наверху.

— Клара? Это ты, дочка?

Мама в нерешительности застыла на лестничной площадке, обеими руками вцепившись в перила. В последнее время она все реже спускалась вниз — крутые ступени давались ей с большим трудом.

— Да, мама! Я сейчас поднимусь! — крикнула Клара. Ей приходилось повышать голос, так как мать плохо слышала,

к тому же ее слуховой рожок все время забивался ушной серой, а госпожа Кроу постоянно забывала (или же попросту не хотела) его прочищать. Впрочем, по мнению Клары, рожок ей был совсем не нужен: время от времени мама *забывала*, что плохо слышит. Но чего она никогда не забывала, так это одернуть или укорить дочь.

— Узелки, Клара! — донеслось сверху. — Думаешь, я не знаю, что ты и не подумала завязать узелки?! Нам не нужны незваные гости!

Клара лишь вздохнула — за свою жизнь она уже порядком устала от маминых суеверий, но проще было выполнить то, что та просит, и не спорить.

— Все сделаю, не беспокойся!

Тяжелые шаги на втором этаже дали ей понять, что мать вернулась в комнату и добралась до своей кровати. Должно быть, сидит сейчас у изголовья и прислушивается. Не стоило обманывать ее ожиданий.

Клара открыла тумбочку и нащупала там катушку с красными нитками, заготовленную как раз для такого случая. Ножницами она отхватила нужную длину, затем заученными до автоматизма движениями затянула на едва различимой в полутьме ниточке семь незаметных узелков, приговаривая:

— Первый — от хвори, второй — от зависти, другой — от черного глаза, еще — от грязных пересудов, и от крови чужой, да от мыслей дурных, самый же последний, седьмой, — от гостей незваных...

После чего приподняла половик и положила под него заговоренную нить. Если в точности следовать маминым инструкциям, то затем ей нужно было трижды плюнуть через плечо, причем непременно через левое и непременно за порог, да еще и обновить мелом черту на входе, но Клара лишь нарочито громко хлопнула дверью — это должно было успокоить маму. Сама она в подобные глупости не верила,

но разубеждать помешанную на своих берегах старуху было выше ее сил.

— Все готово, мама! — сообщила Клара, задрав голову.

— Тогда поднимайся, — раздалось сверху. — Не терпится узнать, что тебе удалось выяснить!

О, ну разумеется, ей не терпелось...

В последние дни мама сама на себя не походила. Если до недавнего времени она днями напролет или игнорировала Клару, почти не разговаривая с ней, или же, напротив, часами изводила дочь нескончаемым ворчанием, то неделю назад в ней будто что-то перемкнуло. София Кроу достала из комода старый фотоальбом и сидела, склонившись над ним, с утра до вечера листая ветхие страницы и разглядывая фотографии, на которых была ее прошлая жизнь. Откладывая фотоальбом в сторону, она принималась расхаживать по комнате с задумчивым видом, бормоча себе под нос: «Ветер меняется... ветер меняется...» А этой ночью произошло и вовсе нечто странное: Клара проснулась и увидела, что мама стоит у ее кровати и глядит на нее. «Ты должна кое-что сделать», — сказала она. И дочь сделала...

Клара с тоской поглядела в потолок.

— Может, я сначала приготовлю ужин, а потом поговорим?

— Ты смерти моей хочешь?! — раздраженно крикнула мама. — Ладно, вари уже этот чертов ужин! Все равно он получится мерзким!

Клара лишь вздохнула — ее мать неисправима: даже из могилы она глядела бы на дочь с осуждением из-за того, что та ее, видите ли, неправильно закапывает...

Не став отвечать, Клара отправилась на кухню и принялась рыться в буфете в поисках того, что бы приготовить. Выбор был невелик: тыквенная каша или каша из тыквы. Вот и все разнообразие.

Первым делом Клара поставила казанок с водой над лампой — пока тот еще подогреется... а затем взялась за нож и принялась нарезать тыкву мелкими кусочками.

Взгляд Клары сам собой уткнулся в висящий на стене старый отрывной календарик. Из этого календаря были безжалостно вырваны все странички, кроме одной, число и месяц на которой закрывало большое чернильное пятно. Чуть ниже теми же чернилами почерком самой Клары было выведено:

«Я ее потеряла».

Если родовое проклятие Кроу и существовало, то таким образом оно настигло Клару.

Она и сама не знала — не помнила, что произошло в тот день и что она потеряла, но при этом отчего-то была абсолютно уверена, что прежде не могла представить себе жизни без этой вещи. Лишившись ее, она все равно что умерла. Человек из нее ушел, его место заняла безразличная ко всему птица, та самая Ворона, у которой — вот ведь некстати! — такая короткая и никчемная память.

Каша тем временем уже томила в казанке — Клара мешала ложкой варево, а мысли ее неслись в прошлое, ровно на двадцать три года назад, в тот день, когда это случилось.

В очередной раз в памяти всплыло то дождливое утро. Она сидит здесь, на этой же кухне, и в ярости вырывает страницы из календаря. Слезы капаят на стол, их не остановить, им не прикажешь. Ей больно. Так больно, что хочется не просто плакать, а грызть стены. Ей больше незачем жить, ей теперь безразлично, какое завтра будет число. Она берет чернильницу и заливает Тот День навсегда. Как будто это может хоть что-то исправить. Сжимая зубы от горя, она выводит чуть ниже: *«Я ее потеряла»*, а потом...

— А потом я просто сошла с ума, — пробормотала Клара. — Всего лишь свихнулась. Так говорит мама и... — Она втянула носом запах из казанка и поморщилась. — Ну вот, ты снова так задумалась, что каша пригорела!

Поспешно убрав казанок с огня, Клара заглянула в него — нет, все не так уж и плохо, она успела вовремя. Проворно зачерпнув кашу большой ложкой, Клара наполнила тарелки и, подхватив их, поднялась наверх, в комнату матери.

Стоило Софии Кроу учуять душистый сладкий (почти даже не прогорклый) запах каши, как она тут же привстала с кровати, где до того раскладывала перед собой какие-то непонятные камушки, засушенные пучки травы и сплетенные из крапивы мешочки.

«Должно быть, мастерит очередной бессмысленный оберег, защищающий от счетов за воду», — угрюмо подумала Клара, придвигая стулья поближе к крошечному колченогому столику.

— Что это у тебя там такое, мама? — спросила она, усевшись и взяв ложку. — Помогает от темных мыслей?

Старая и худая, как гвоздь из гроба, женщина прошаркала к столу, села напротив и осуждающе взглянула на дочь поверх очков в громоздкой оправе. В мутных стеклышках отражался огонек горящей на столе свечи.

— Ну конечно, ты не знаешь, что это, Клара, — с досадой в голосе сказала мама. — Ты же меня никогда не слушаешь. А между тем я не один раз говорила, что крапива обладает защитным свойством от злых умыслов. Ее только нужно правильно сплести...

— Ага, и слова особенные прошептать, — устало кивнула дочь.

— А как же, — не уловила иронии София Кроу. — Куда же без слов? Когда плетешь из крапивы, говорить нужно: «Стебель под стебель и стебель сверху. Злые умыслы сплетают-переплетают-завязываю. Тебя, незванку, от моего порога

отваживаю. Да будет так!» Последнее лучше повторить три раза. Затем мешочек нужно отнести и оставить под дверью той, кого хочешь отвадить.

Клара едва себя сдержала, чтобы не закатить глаза.

— Были бы они у меня с собой, твои крапивные мешочки, мама, я бы положила их у ворот Кэндлов, — сказала она. — Я как раз шла мимо Крик-Холла и...

Мама ожидаемо вспыхнула.

— Как тебя туда занесло?! — воскликнула она. — Сколько раз я запрещала тебе подходить к тому дому?!

— Я пытаюсь найти нить, за которую можно ухватиться, чтобы вернуть мою память, — упрямо склонила голову дочь. — Если бы я могла все вспомнить сама, то не стала бы...

— Ты зазря подвергаешь нас опасности, а толку как не было, так и не будет! — зло проговорила София Кроу. — Вбила себе что-то в голову и оставить не можешь. Ищу то, не знаю что. Еще и где — у порога Кэндлов!

— Я тебе уже говорила: я знаю, что делаю.

— Знает она... Да ни черта ты не знаешь! Канун, Клара! Канун! Это будет не обычный Хэллоуин, я чувствую: Кэндлы разослали приглашения всем своим. Кто знает, что они замышляют? А ты, вместо того чтобы высматривать тех, за кем я тебя посылала, занимаешься своими глупостями, пытаешься отыскать то, чего и в помине нет! И никогда не было. Придумала себе...

— Не говори так! — Ярость исказила обычно спокойное и отрешенное лицо Клары. Мать говорила о Той Потерянной Вещи так презрительно, так уничижительно, что она попросту не выдержала. — Еще одно слово, мама, и я уйду! И ничего тебе не расскажу! Будешь сама бродить по городу и искать этих... этих людей!

Губы Софии Кроу задрожали.

— Прости. Прости меня, дочь, я не хотела...

Мать сняла очки и поднесла к глазам платок, сделав вид, будто вытирает слезы. Клара прекрасно знала, что никаких

слез нет и в помине, — София Кроу просто испугалась, что она и правда ничего ей не расскажет. Впрочем, ссориться желания не было, и Клара просто кивнула, давая понять, что извинения приняты.

— Как дела в школе? — София Кроу сменила тему и зачерпнула ложкой немного тыквенной каши. Брезгливо скриivilась и шумно понюхала густую рыжую жижу. — Тебя еще не раскрыли?

— Нет, конечно. Кто станет подозревать Ворону? Да и что можно взять с сумасшедшей? Сегодня я говорила с Томасом. Из всех Кэндлов он единственный, кому мне не хочется свернуть шею. Я даже чувствую, что немного привязалась к нему. Вернее, та часть меня, которой это не безразлично.

— Привязанность к любому из Кэндлов опасна, она до добра не доведет, Клара, — назидательно проговорила мама и, даже зажмурившись от отвращения, отправила первую ложку каши в рот. Проглотила. Поморщилась. — Я бы на твоём месте прекратила тратить впустую время. Чем он тебе поможет? Мальчишка мал, глуп и ничего не знает...

— Он далеко не глуп, мама. И знает больше, чем говорит. Томас не такой уж и простак.

— Ладно, оставим это. — София Кроу сжала ложку так крепко, что пальцы побелели, и перешла к тому, что ее действительно волновало: — Что насчет моего поручения?

— Увы, — сказала Клара. — Ты была права: они действительно в Уэлихолне. Я видела Шляпу на вокзале и Метлу в парке. Где остальные — не знаю, но раз эти две здесь...

— То и остальные не преминут объявиться, — закончила за нее мать.

— Кто они такие, мама? — испуганно спросила Клара. — Ты так и не сказала...

София Кроу промолчала, о чем-то раздумывая. Дочь приняла вторую попытку узнать хоть что-то:

— Кто их позвал? Кэндлы?

— Возможно, — хмуро ответила мама. — На станции не было ничего необычного?

— Я не рискнула подойти ближе — там крутилась эта их наглая девчонка.

— Значит, без участия Кэндлов точно не обошлось...

София Кроу погрузилась в свои мысли, а Клара, глядя на нее, все пыталась понять, что на самом деле происходит. Что это за люди, которых она искала по указке матери, и почему та их так боится. И хоть сама Клара ничего такого уж пугающего в тех двух женщинах в городе не увидела, страх и волнение матери передались и ей.

Некоторое время они не разговаривали, молча скребя ложками по тарелкам. За окном выл ветер, огонек свечи на столе чуть подрагивал, в голове у Клары клубились тревожные мысли.

Мама вдруг нарушила тишину:

— Как думаешь, когда нам отключат воду?

Этот вопрос сбил Клару с толку. Они только что обсуждали таинственных незнакомцев, прибывших в город с неясными, но явно недобрыми целями по приглашению их заклятых врагов, а ее интересует... вода?

— Нам не отключат ее, мама, — тем не менее заверила Клара. — Мне скоро выдадут жалованье, и тогда у нас хватит денег, чтобы оплатить счет.

— А как же долг за полгода? Или они о нем просто забудут? — София вздохнула. — Эх, если бы у нас еще было хоть что-то, что можно продать. — Она пристально поглядела на дочь. — А может, тебе все-таки поехать в Челмсфорд?

Клара скрипнула зубами. Ну с чего мама снова мусолит эту тему, притом что они уже не раз все обсудили! София Кроу будто и не видела никакой вины за своей младшей сестрой, которая забрала все остававшиеся у них деньги и сбежала. Так хуже того — мама всерьез полагала, будто Клара

отыщет тетку и станет слезно просить у нее подаяния. Ни за что!

— Мама, давай не будем к этому возвращаться!

— Но Мейди не сможет отказать... Если ты придешь к ней и все расскажешь...

— Она нас обокрала, мама! Забрала у нас последнее!

София Кроу будто не услышала:

— Но она же по-прежнему твоя тетушка... Я уверена, она не со зла. Ты помнишь, как она тебя возила в театр? А каких милых куколок она тебе дарила?..

— Вот только давай без слезливых историй из детства!

— Ну поезжай! Ну пожалуйста!

Мама схватила Клару за руки. Это произошло так неожиданно, что та даже застыла.

София Кроу глядела на дочь с волнением — то, с какой настойчивостью она уговаривала ее отправиться к тетке Мейделин, было не просто подозрительно, это не оставляло сомнений: «Мама что-то задумала!»

«Я рассказала ей, что узнала, и, видимо, она решила, что больше я ей не нужна...»

— Ты хочешь от меня избавиться? — Клара вырвала руки. — Я тебе мешаю?!

— Что ты такое говоришь, дочка?! — делано возмутилась София. — Конечно, нет!

— А кажется, что мешаю.

— Нет! Клянусь чем хочешь! Пусть случится страшное, если я вру!

И тут неожиданно, словно кто-то подслушал слова старой женщины, случилось именно то самое «страшное». Раздался стук в дверь.

Клара и София испуганно переглянулись — они никого не ждали. Да и кто в своем уме решился бы пройти по пустырю в темноте?! Почтальоны, молочники и посыльные из лавок сюда не заходили, а внезапно объявившимся

на пороге родственникам взяться было неоткуда (уж вряд ли это тетка Мейделин решила осчастливить их своим визитом). Кто же это мог быть?..

Постучали еще раз, уже настойчивей.

— Я спущусь, — наконец сказала Клара.

— Подожди, — попыталась остановить ее мать. — Здесь что-то не так, все мои обереги... Я их не чувствую. Совсем.

— Ну не заставляй же их ждать. Кто бы там ни был.

Клара встала из-за стола и вышла из комнаты. С необъяснимой тревогой в сердце она спустилась по лестнице и пересекла прихожую. Дрожащими пальцами отодвинула засов. Толкнула дверь...

Вечерний гость, которого она толком даже не успела разглядеть, без приглашения переступил порог, при этом бесцеремонно отшвырнув ногой половики.

«Заговоренная нить! Как он ее увидел?!»

Хоть Клара и не верила в силу своих охранных узелков, ей стало страшно.

Тем временем незнакомец с трудом протиснулся в узкий коридорчик, лишь чудом в нем не застряв, — и не удивительно, учитывая его необъятный живот, спрятанный, словно в футляр, под угольное, застегнутое на все возможные пуговицы пальто. Незванный гость являлся обладателем кривобоко сидящей на макушке шляпы-котелка, заплывших жиром щек и двойного (если не тройного) подбородка. Глаз пришельца в полутьме прихожей Клара различить не смогла — на их месте чернели два глубоких пятна. Зато она увидела монокль.

— Клара Кроу и София Кроу? — вместо приветствия поинтересовался толстяк.

— София Кроу — это я, — раздалось из-за спины Клары.

Клара в недоумении обернулась — ее мать, которая уже больше месяца не спускалась на первый этаж, сейчас стояла рядом, держась за стену и тяжело дыша. Она выглядела так,

словно от обморока ее отделяли лишь одно мгновение да железная воля.

Незнакомец смерил Софию Кроу презрительным взглядом оценщика из меняльной конторы, которому суют фальшивку. Клара вздрогнула и поспешила отойти в тень. Было в заявившемся мужчине нечто зловещее — в его взгляде, в каждом его движении проскальзывала угроза. Он непременно сделает то, за чем пришел: несмотря на жалобы и уговоры, быстро и точно подсчитает в уме все мыслимые и немыслимые долги, безошибочно взвесит на весах последние крохи и выставит счет.

— Моя фамилия Колдрон, я представитель «Банка господ Горбэнкс», — сообщил он, деловито чеканя слова. — Мне поручено напомнить вам, что вы задолжали господам Горбэнкс солидную сумму и что через два дня наступает срок уплаты.

— Мы это знаем, мистер, — голос Софии Кроу дрожал. Старая женщина перепугалась не на шутку, но изо всех сил старалась не подавать виду. — Мы непременно заплатим в положенный срок.

— Рад это слышать, — безразличный и холодный тон гостя упрямо возвещал о том, что радоваться здесь, собственно, нечему. — Но я тут не для того, чтобы сомневаться в вашей платежеспособности, миссис Кроу. Я в ней и не сомневаюсь, потому как ваше финансовое положение мне прекрасно известно. Считаю долгом напомнить: весьма плачевное положение.

Мать молчала. Клара потихоньку сбежала на кухню и теперь наблюдала за происходящим оттуда, осторожно выглядывая из-за двери. Она могла позволить себе выглядеть чуждачкой.

— Мой наниматель, миссис Кроу, — продолжил толстяк, — прислал меня, чтобы от его имени я сделал вам предложение. И когда я говорю «предложение», я подразумеваю «вы выполняйте все, как вам велят», поскольку, как вы знаете...

Клара перестала слушать, что он говорит. Она в задумчивости смотрела на его необъятный живот и не понимала: как это пуговицы на пальто до сих пор не отлетели прочь? Так этого клерка распирало изнутри, должно быть, от чувства собственной значимости или... что-то с ним все же было не так. Он пыхтел, как котел, а на всю прихожую раздавалось урчание его живота, будто под пальто перекатывались угли. А еще от незваного гостя ощутимо веяло жаром.

Размышляя над всеми этими странностями, Клара чуть не пропустила самое главное — то, что едва не заставило ее мать стиснуть зубы, чтобы не расплакаться прямо здесь же, при этом Колдроне.

— ...с договором о владении землей. Таким образом, сумма взносов возрастает, и у вас не остается иного выхода, кроме как продать нам Гаррет-Кроу. В противном случае вы лишитесь всего и еще останетесь должны приличную сумму.

На тумбочку легла бумага с большим количеством трудночитаемого текста.

— Я... Мы не... Это несправедливо! — через силу выдавила из себя София Кроу. — Мы не будем это подписывать!

— Это ваше право, миссис Кроу, — ничуть не смутился Колдрон. — Но, отказавшись подписывать соглашение, вы выбираете худший вариант. Я вынужден вам напомнить, что в случае неуплаты земля под вашим домом немедленно переходит в собственность банка, и, смею заверить, тогда мы снесем вашу лачугу при первой возможности.

— Подождите! Я вовсе не это хотела сказать...

— У вас есть еще два дня. Подумайте как следует и непременно загляните в контору «Банка господ Горбэнкс», чтобы сообщить о своем решении. Надеюсь, вы все правильно поняли. Спешу откланяться. Приятного вечера.

Толстяк с некоторым трудом протиснулся обратно на улицу и захлопнул за собой дверь. Налетевший сквозняк задул

фитиль на керосиновой лампе (Клара забыла надеть на нее плафон), и в доме стало темно.

— Как он сюда вошел? — слезы текли по щекам Софии Кроу. — Как так случилось, что *это* нашло сюда путь? И почему *оно* сумело переступить мой порог?!

— Что же нам делать? — закусив губу, прошептала Клара. — Где же отыскать деньги, чтобы эти банкиры от нас отстали?..

Все было предельно просто: земля в центре города стояла очень дорого, а такой большой пустырь, как бывший сад Гаррет-Кроу, уже давно у многих вызывал обильное слюноотделение. Банку, очевидно, надоело, что здесь обретаются какая-то старуха да ее сумасшедшая дочь, которые только и отделяют их от продажи этой земли какому-нибудь местному богачу. И вот, если Клара и ее мать не найдут деньги или что-нибудь не придумают за эти два дня, у них отберут Гаррет-Кроу, а их самих вышвырнут на улицу. Это если они откажутся продать свой дом за какие-то гроши и сами добровольно отсюда не уйдут.

— Банкиры?! — София Кроу тяжело опустилась на стоявший в коридоре стул. — Ты так и не поняла, кто приходил, Клара. Какая разница, что за слова вылетали у него изо рта? *Это* приходило сюда вовсе не за деньгами! Что же теперь делать?! Что нам вот с этим делать?!

Мать ткнула пальцем в оставленную гостем на тумбочке бумагу. Только сейчас Клара заметила, что, несмотря на темноту, в которую погрузился дом, текст документа, странным образом виден прекрасно.

— Если бы не твое упрямство... — сказала София Кроу таким голосом, словно именно дочь была виновата во всем, что с ними происходило. Она снова говорила о тетке Мейделлин и поездке в Челмсфорд...

— Мое упрямство? — спросила Клара, чувствуя, как дрожат ее руки. Она поняла, что если сейчас же не уйдет,

то начнется жуткая ссора. — Я же Ворона, ты не забыла? Просто Ворона — куда мне до невероятной и изумительной мадам Софии Кроу! Я — и моя дырявая память... Я — и мои кривые руки... Я — и твое величайшее разочарование, мама... Все эти незваные гости, угрозы и странные соглашения выше разума глупой птицы. Пойду покормлю тех, кто считает так же.

Клара подхватила под руку казанок с остатками тыквенной каши и в полной темноте двинулась к лестнице. Вскоре звук ее шагов на ступенях стих.

Оставшись одна, София Кроу прошептала вслед Кларе несколько уничижительных замечаний, кряхтя поднялась со стула и переместилась на кухню. Нашупав на подоконнике свечу, она вытащила из складки платья коробок длинных-предлинных спичек. Через мгновение фитиль едва слышно затрещал, воск начал плавиться, скатываясь по свече, подобно слезам.

Странное дело, но слезы из глаз Софии Кроу при этом тут же перестали течь. У нее оставалось еще целых два дня, и еще вполне можно было успеть найти выход. Ее милая и заботливая девочка, которая, в отличие от никчемной дочери, не является ее величайшим разочарованием, все сделает, она придумает, как все исправить...

С этой мыслью старая женщина успокоилась и поглядела в окно — на небе как раз на прогулку выбрел месяц. Он вовсе не угрожал ей и даже, как могло показаться, подбадривая, улыбался сквозь тучи.

Клара тем временем уже поднялась на четвертый этаж Гаррет-Кроу, но там не остановилась. Из ее крошечной спальни на чердак уходила узкая вертикальная лестница, которая упиралась в дощатую крышку люка. Клара еще не успела взяться за большое кованое кольцо, как услышала птичий гвалт: обитатели чердака приветствовали ее дружным каркающим хором.

Взобравшись по лесенке и откинув скрипучую крышку в сторону, Клара оказалась под самой крышей старого дома семейства Кроу. Здесь было холодно, среди балок и стропил гулял заблудившийся ветер — большое прямоугольное окно почти никогда не закрывалось.

Воробы заполонили чердак. Со всех сторон раздавался шелест крыльев. Непоседливые черные птицы, эти комки тьмы с поблескивающими глазами, то и дело вспархивали с балок над головой и перебирались на новое место, но только лишь для того, чтобы в следующий миг снова взлететь под крышу.

— Карр! Карр! Карраа! — кричали вороны.

— Вы даже мое имя выучили, дорогие?

Клара улыбнулась.

Вороны, которые прилетали в Гаррет-Кроу, останавливались на чердаке, словно постояльцы в гостинице: они появлялись, когда хотели, и так же, когда хотели, отправлялись в свои вороньи странствия, но, даже улетаая, они непременно возвращались обратно. Они любили свою хозяйку, ощущая в ней родственную душу, и она отвечала им тем же.

— Карр! Карр! Карраа! — кричали вороны.

— Кррау... Кррау... — прохрипел один из самых старых пернатых постояльцев. — Карраа Кррау!

Этот воронятник всегда был для Клары отдушиной. Сюда она приходила посидеть, пусть не в тишине, но в спокойствии. Лишь здесь наследница обнищавшего рода Кроу могла на время забыть свои страхи и обиды на окружавших ее людей, лишь здесь могла подумать...

Улыбка исчезла с губ Клары, плечи опустились — ее снова одолела тоска. Она выгребла ложкой остатки каши из казанка в старый водосточный желоб, и вороны, сгрудившись вокруг него, принялись за трапезу. Порой какая-то из птиц поднимала голову и глядела на женщину пристально-пристально, мол, «ну, ты чего?», а затем вновь опускала клюв в желоб.

Клара Кроу уселась на старый кривоногий стул, стоявший у окна. Обычно она занималась на чердаке тем, что копалась в памяти, словно в черной вязкой жиже, погрузив в нее руки по локоть, — пыталась вспомнить хоть что-то о Том Дне и Той Потерянной Вещи. Но сегодня ей предстояло обдумать кое-что совершенно иное.

Клара закрыла глаза.

— Шляпа... Метла... и прочие... кто же вы такие? — прошептала она. — Что ты задумала, мама?

Виктор Кэндл лежал в постели и глядел в черный потолок.

На потолке танцевали тени от догорающего в камине огня. За окном выл злобный осенний ветер, царапая раму и требуя немедленно его впустить. Нашел дураков!

Ветер немного постоял там, снаружи, побродил по карнизу, но, уяснив, что никто его в гости приглашать не собирается, перебрался на крышу, немного покатался на флюгере, как на карусели, а потом просто улетел прочь.

Виктор до сих пор не верил, что его самого не прогнали из этого дома, как какой-то незванный ветер. И все же он здесь, лежит в своей старой комнате, в своей кровати и глядит в потолок, который он едва не протер до дыр взглядом в детстве.

Почти все в родном доме осталось таким же, как он и помнил, но кое-что все же изменилось. Да, его здесь не было целых семь лет, и многое, вероятно, произошло в этих стенах за это время, но тревожащие Виктора перемены заключались не в обветшавших обоях его комнаты или затхлости постельного белья в комоде, а в тех незначительных деталях, тех необъяснимых странностях, которые пытались не бросаться в глаза. Вроде старой решетки в стене, которой раньше, кажется, и вовсе не было, не любившего книги дядюшки в библиотеке или кота с повязкой на глазах, который тем не менее

прекрасно ориентируется на лестницах и в коридорах. Было много чего такого, что просто не могло не насторожить. Слишком много чего шло как-то *не так*.

Не только дом, но и каждый его обитатель стал другим. Виктор ждал этого, и в этом он до конца убедился, как только все собрались вместе. Семейный ужин прошел не слишком гладко, но могло быть и хуже. Намного хуже.

Бабушка Джина, то ли не постаревшая ни на один день, то ли взвалившая на лицо и фигуру дополнительные сто лет — Виктор так и не смог понять, — весь вечер молча сверлила его взглядом. Она ничего не ела и не шевелилась, сложив кисти на рукояти витой подкованной трости. И просто глядела на него — совершенно не мигая...

Бабушка, говорят, спятила еще до войны, а до того была весьма почитаемой в Уэлихолне дамой. Будто бы даже городской совет не смел и шагу ступить без ее слова, а за непочтительное к ней отношение могли ни много ни мало вышвырнуть вон из города. Но с тех пор прошло много лет. Теперь старая госпожа Кэндл редко покидала свою комнату и совсем не разговаривала.

Мама говорила, что у бабушки редкая помесь сонного паралича и сомнамбулизма и она не понимает, что не спит. И Виктор, и Кристина, когда были детьми, частенько спрашивали: «А когда бабушка проснется?» На что мама неизменно отвечала: «Бабушка не проснется, потому что у нее на груди сидит ведьма, и, пока та не слезет, она будет заперта между сном и явью...»

Виктор всегда боялся бабушку — причем больше, чем ту мнимую ведьму, что примостилась на ее груди. В детстве всякий раз, как он встречал бабушку на лестнице, спешил поскорее прошмыгнуть мимо. Когда видел ее в коридоре, вжимался в стену, дожидаясь, пока она не пройдет. А вообще, он старался не оставаться с ней в одном помещении надолго. Со временем, правда, Виктор, как и все домочадцы,

научился делать вид, будто ее и вовсе нет рядом, поэтому во время ужина он мысленно заставлял себя просто не обращать внимания на бабушкин немигающий взгляд и не смотреть в ее сторону.

У Джин Кэндл и ее покойного мужа Седрика было три дочери: Мегана, Корделия и Рэммора. Все они присутствовали на ужине. Мегана, царственно поглощая пирог с грибами и жаркое, как обычно, в чем-то обвиняла супруга; при этом дядюшка Джозеф, вынужденно сменивший халат на коричневый костюм, старательно выглядел несчастным. Корделия Кэндл, мама Виктора, угрюмо наставляла Кристину, которая ее совсем не слушала. В словах матери проскальзывало: «...вульгарность... тебе это просто так с рук не сойдет... наказание... не забудь выпить лекарственную настойку...» Что касается Рэммору, то та основательно налегала на джин, при этом не стесняясь смешивать пирог и сигарету. К слову, за столом каждый время от времени призывал ее к порядку, прося не курить за ужином. Тетушка Рэммора была верна себе: громко ругалась в ответ, выпускала еще больше дыма и постоянно над кем-то потешалась. Чаще всего объектом ее насмешек становилась родная мать. Пользуясь бессилием госпожи Кэндл и собственной безнаказанностью, Рэммора поднимала на смех различные аспекты сонного паралича и громко возмущалась, отчего это не с ней все так возят.

Также за столом были дети: уже упомянутая Кристина, придирчиво выбирающая из нелюбимого пирога любимые грибочки; Томми, который тут же начинал смотреть в свою тарелку, стоило Виктору на него взглянуть; и Марго, которой было семь лет и которую Виктор видел ранее еще младенцем. Румяная и вертлявая девочка крутилась на стуле, ожидая смены блюд, уже давно прикончив и первое, и второе. Она явно не понимала, отчего взрослые медлят со сладким и о чем можно столько препираться.

И все же кое-кого за столом не хватало. Отец на ужине не появился. Если вспомнить те скандалы, которые устраивала мама, когда кто-то из семьи только намеревался пропустить общий ужин, можно было предположить, что у отца возникли весьма и весьма важные дела.

Виктор был растерян, сбит с толку и взволнован, но больше того — огорчен. Если отец только ушел, когда Виктор приехал, то это значило, что его не было целый день. Дядюшка сказал, он пошел в лавку к Стивенсу. Но как можно так долго пропадать у Стивенса? Неужели нужно столько времени, чтобы выбрать приправы для курицы? Где же он на самом деле? Виктор отмечал равнодушие матери к отсутствию папы, и ему на ум почему-то пришло недоброе: «Она свела его в могилу...»

Мама всячески избегала общения с Виктором — отвечала она холодно и односложно, а если и глядела на него, то скорее периферическим зрением. При этом, снисходя до разговора с ним, она смотрела в сторону, на младшего сына, который ее не разочаровал.

А что касается Томми... Что ж, встреча с ним стала для Виктора еще одной неожиданностью в череде стремительных, как осенний ветер, воссоединений с родственниками. Мальчик так его испугался, будто Виктор был ему не братом, а каким-то чудищем, вылезшим из чулана.

Виктора посетила мысль, что Томми настроили против него: вероятно, ему много чего понарасказывали о старшем брате — то, чего на самом деле не было... Оскорбленная женщина способна на любую ложь. Особенно если она — мать. Особенно если она не желает для своего младшего ребенка повторения того, что случилось со старшим. На маму это было весьма похоже, да и обе тетки, Виктор мог ручаться, в стороне ни за что не остались бы: у каждой из них фантазии, злословия и недоброй воли всегда было хоть отбавляй. Нельзя забывать и о мелкой бытовой подлости дядюшки...

Джозеф Кэндл всячески старался показать, как он рад приезду племянника, но все дело было именно в том, что *старался*. Дядюшка пытался неумело скрыть, как он недоволен, словно Виктор, вернувшись, одним махом нарушил все его планы. Предположить, что именно он отправил ему письмо, подписавшись «Бетти Сайзмор», было попросту невозможно.

Разумеется, Виктор не замедлил проверить слова Джозефа касаясь встречи на вокзале. Перед ужином он развернул и подробно изучил скомканную записку с прикроватной тумбочки тетюшки Меганы, которую дядюшка дал ему в библиотеке.

В записке было написано:

«С добрым утром, мой крапивный коржичек!

Я сегодня съезжу к портному, мистеру Кленси, заеду в Клуб и немного прокачусь по центру. Как обычно, оставляю тебе список заданий и пожеланий. Ничего не упусти, ничего не перепутай. Если ты снова попытаешься сделать из меня дурочку и сыграешь на своем любимом “но ты ведь написала “пожелания”, а пожелания могут и не выполняться”, то лучше побереги мои нервы и свое здоровье. Ох этот твой насморк — как бы он не разыгрался с новой силой...

Итак:

- Не забудь сегодня заказать еще яду для жаб Рэммори — их все травишь, а они постоянно где-нибудь да отыскиваются, живехонькие и самодовольные.*
- Купи мне свежих пиквикских бисквитов. И проверь, нет ли в них какой-нибудь дряни. Рэммора на все пойдет лишь бы мне досадить. Может даже прокрасться в лавку кондитера и отравить бисквиты еще на противнях — с нее станется.*
- Поменяй шторы в спальне. Старые похожи на саван.*

— Ответ на письма наших дорогих отпрысков. Мне на самом деле все равно, что они там пишут, и времени жалко. Пусть бы и не писали. Но раз пишут и раз уж я занята тем, что пишу тебе, то сам им и отвечай. Тем более что они придут к празднику. Вручим письма лично — сэкономим на марках. Не забудь о поздравлениях с помолвкой Сирилу и его невесте... И, дорогой, умереннее с любезностями от моего имени. Я не должна выглядеть слишком слащавой.

Постарайся, чтобы к моему возвращению ты еще твердо стоял на ногах, — этот твой сироп от кашля дурно на тебя воздействует. И к слову о дурном воздействии: чтоб никаких “книжечек по анатомии земноводных”. Не хочу, чтобы тебя опять стошнило в мои ночные тапочки. И чтобы не ходил в своем дрянном халате, пока я отсутствую. Поверь, я знаю, что ты его натяливаешь, стоит мне ступить за порог. А еще не спорь с Корделией. Ты ведь не забыл, на что она способна, если разозлится? Я не хочу снова вытаскивать вязальную спицу из твоей лопатки.

С нежностью и привычкой в сердце,
твоя жена Мегана Кэндел

Р. С. И да, чуть не забыла! Сегодня приезжает — ты не поверишь! — этот проходимец и бессердечный подлец Виктор. Кто бы мог подумать! Вот уж праздничек нас ждет: Корделия будет просто в ярости. Еще бы, за семь лет она прожужжала мне все уши об этом неблагоприятном мальчишке, как будто мне не все равно. Ничего не перепутай! Первый утренний поезд. Тринадцатый вагон. Встреть его, только никому не говори ни слова. И встреть его лично — это важно. Не хочу, чтобы эта зазнавшаяся малявка его встречала: она и так слишком много себе позволяет, раз в Канун ее ждет особый подарочек, тоже мне...

Мэг».

Что ж, дядюшка Джозеф, как обычно, отличился. Виктор был уверен, что множество пунктов были злостно и намеренно нарушены, к оправданию перед выговором качественно отрепетированы жалобные рожицы, а записка была показана, чтобы племянник оценил остроумие любимого дядюшки.

Виктор оценил. Особенно тот пункт, который касался его приезда. Дядюшка поступил противоположно тому, что ему велели в записке. Вероятно, он был просто счастлив, когда понял, что Мегана сама нечаянно подсказала ему возможность, как избежать мороки в связи с приездом племянника.

На самом деле записка, какой бы легкомысленной и неважной ни казалась, несла в себе множество ценной информации. К примеру, она подтверждала то, что взаимоотношения между тетусками действительно остались прежними и дневной скандал сегодня был отнюдь не отрепетированной постановкой. Что дядюшка нарочно портит тапочки тетуски Меганы и это, видимо, приносит ему какое-то мелочное удовольствие. Что с мамой по-прежнему лучше не шутить. Что она часто его вспоминала...

Также, к своему удивлению, Виктор узнал, что у Сирила появилась невеста, — и кто же мог клюнуть на мерзкого кузена? Наверное, эта девушка слепая и глухая...

А тем временем цепочка из следов автора письма привела именно к тетуске Мегане, и представить, что она и есть Бетти Сайзмор, было еще труднее, чем вообразить в этой роли дядюшку Джозефа. Мегане Кэндл было наплевать на родных детей — что ей возвращение какого-то Виктора, с которым она и прежде не ладила. Скорее всего, ей тоже кто-то сообщил о его приезде.

Все оказалось запутаннее, чем Виктор ожидал. Он в Крик-Холле всего лишь один день, а уже успел выяснить, что как минимум три человека знали о его скором прибытии, которое якобы должно было оставаться для всех тайной. Все это, как

говорили репортеры в Лондоне, отчетливо пахло западней, но уже поздно было идти на попятную. Что ж, если с самого начала это и была западня, оставалось только понять ее суть, полакомиться наживкой, осторожно избегая спускового крючка, и попытаться выбраться наружу...

Но о всяческих ловушках и ловцах Виктор пообещал себе подумать утром. Он невероятно устал... Поезд. Сидячий сон в купе. Кристина. «Драндулет». Мама. Воспоминания о Саше. Голос из-за стены. Тетушки. Дядюшка Джозеф. Томми. Ужин. И все напичкано странностями, как пирог — мясной вырезкой. Слишком много для одного дня.

Глядя на лежащую на прикроватной тумбочке рабочую тетрадь, куда он занес все, что сегодня произошло, Виктор Кэндл пообещал себе, что ни одна из здешних тайн не ускользнет от него, как бы ни пряталась, ни маскировалась и ни прикидывалась чем-то банальным и несущественным. Он доверится своему чутью и выведет всех на чистую воду... но только утром...

Уже засыпая, Виктор услышал какой-то шум на лестнице. Лежа в теплой постели, он ни за что бы не встал проверить, что там происходит, если бы не то самое, будь оно неладно, чутье. Оно подсказывало ему, что это не просто шум, — это шум, который пытаются приглушить.

Виктор застонал и выбрался из-под одеяла. Затаив дыхание, он приоткрыл дверь спальни и выглянул в щелочку.

Кто-то медленно поднимался по лестнице, что-то волоча на спине. Тяжелые шаги и пыхтение сопровождалось бормотанием, проклятиями и приглушенным чиханием. Все ясно. Дядюшка Джозеф, любитель побродить ночью по дому, за годы не изменил своей привычке.

На памяти Виктора, он почти каждую ночь выскальзывал из их с тетушкой Мэг комнаты, пробирался на цыпочках в кладовку и за один заход уничтожал не менее двух банок сгущенного молока, несколько шоколадных конфет и минимум

два кекса. Дядюшка был бессовестным сладкоежкой и периодически (когда чувство голода пересиливало страх попасться Корделии) «страдал лунатизмом». Но сейчас он возвращался явно не из кладовки.

Пыхтя и надрываясь, дядюшка тащил ту самую картину, которую сегодня запаковывал в библиотеке. Картина выглядела тяжелой и неудобной. Даже в скупом освещении ночных ламп на лестнице было видно, что дядюшка едва сдерживается, чтобы не начать жаловаться на ходу на то, что его, мол, совсем не ценят и заставляют таскать тяжести — при его-то жуткой болезни. Хроническая простуда также не способствовала конспирации и быстрому воплощению зловещего дядюшкиного плана (дотащить картину на чердак — он, кажется, говорил, что собирается туда ее отнести), ведь, чтобы скрыть регулярные чихи, ему приходилось останавливаться, опускать картину, извлекать из кармана носовой платок и нырять в него, пытаясь заглушить тряпницей гулкое «Ауууфффи!».

И хоть Джозеф Кэндл вел себя весьма подозрительно (отчего-то именно ночью, когда все уже давно легли, перетаскивал свою картину, причем пытался делать это как можно тише и постоянно оглядывался, замирая от каждого настоящего или мнимого шороха), Виктор, зевая от скуки, поспешил вернуться в постель. Дядюшка был законченным занудой, и любые его тайны по определению являлись занудными.

Виктор натянул одеяло на голову, и ему сразу же стало уютно и спокойно. Он вдруг понял, что ему делать и как следует себя вести, чтобы не быть раздавленным в западне, в которую он угодил.

Виктор пообещал себе, что будет сомневаться до последнего. Что не будет верить на слово, кто бы в чем его ни уверял. Что будет подозрительным и мнительным. Он не даст себя провести! Ни этим людям, ни этому дому, ни самому городу. Он ведь не какой-то там мальчишка, как наивно полагают

все члены семейства, он опытный репортер, который не где-нибудь, а в самой столице вызнал немало тайн и написал не одну изобличительную статью...

Да, именно так он и поступит. Напишет статью. И хоть пока что в его руках множество спутанных клубков, из которых в разные стороны тянутся нити, он пройдет по каждой. Пройдет до конца.

— Им меня не провести... — пробормотал Виктор уже во сне.

Он крепко спал и не мог заметить того, как дверь приоткрылась и в комнату шмыгнула невысокая тень. Тень эта обошла его кровать, почти неслышно отщелкнув замки, исследовала содержимое стоявшего на письменном столе саквояжа, после чего подкралась к изголовью кровати. Тонкие короткие пальцы осторожно взяли с тумбочки тетрадь Виктора и открыли ее на месте, заложенном шелковой лентой. Незванный гость поднес тетрадь ближе к камину.

В самом верху страницы было написано:

«Найти ирландско-английский словарь — это ВАЖНО».

Виктор что-то пробормотал во сне и повернулся на другой бок.

Ночной гость тут же закрыл тетрадь и, вернув ее на место, выскочил из комнаты. Защелки на саквояже Виктора так и остались открытыми...

Мистер Эвер Ив был великолепным прохвостом. А еще редкостным проходимцем.

Чувство юмора у мистера Ива было весьма своеобразным и довольно изобретательным: вместо того чтобы просто пнуть наглого кота, который сам бросается под ноги, он мог как следует раскрутить его за хвост и зашвырнуть в чей-то двор,

а потом долго и с удовольствием слушать кошачьи крики и стук крышек на мусорных бачках.

Тот, кто заявлял, что мистер Ив — бессовестная скотина, в корне заблуждался: мистер Ив был скотиной с совестью. Он мог указать вам неверное направление (обратное тому, куда вам на самом деле было нужно), но потом он бы сожалел целую вечность — почти десять секунд. После чего, насвистывая мелодию, известную только ему одному, двинулся бы дальше по улочке одной из своих любимых походов: или размашисто вышагивая, или маршируя, как игрушечный солдатик, или скользя, почти не отрывая ног от земли.

Мистер Ив просто обожал раннее утро, когда все сони еще спят и можно как следует, образно выражаясь, погремать ложкой о дно кастрюли прямо над чьим-то ухом. Ну, или не образно выражаясь...

Вот и сейчас он широко распахнул створки окна — осенний ветер тут же шелкнул его по длинному носу. Мистер Ив громко и мокро чихнул, вобрал в легкие побольше промозглых сумерек и одним движением вспрыгнул на подоконник. Кто-то заметил бы, что мистер Ив давно не ребенок и что ему не подобает проделывать подобные акробатические трюки, но мистер Ив прекрасно себя чувствовал: он был молод душой и дерзок духом, а еще совершенно невосприимчив к чужим советам.

Повернувшись спиной к окну, мистер Ив спустил с карниза сначала одну ногу, затем другую. После чего, ловко цепляясь, пополз по плюшу вниз по стене. Примерно в пяти футах от земли мистер Ив разжал пальцы и с веселым взвизгом приземлился в разросшийся розовый куст, в котором исчез с головой.

Сперва из куста вылетела туфля, за нею — зеленая шляпа, после — несколько весьма изворотливых ругательств, а уж следом показался и сам мистер Ив. Шутки ради или попросту из злости он всего за несколько мгновений выдрал весь

куст, устроив настоящий фонтан из колючих стеблей, кроваво-красных бутонов и зеленых листьев.

Удовлетворившись содеянным и вытащив зубами несколько длинных шипов из различных мест по всему телу, включая классическое место приземления на стулья (мистер Ив вертелся и изворачивался, но все-таки доставал колючки даже оттуда и непременно зубами), он натянул туфлю, шляпу и, оставляя глубокие следы на клумбе, попрыгал к калитке. Одним движением перемахнув через нее, он, посвистывая, зашагал по улице.

Фиолетовые утренние сумерки рассеивались невероятно медленно, а вокруг тощей долговязой фигуры мистера Ива они, наоборот, будто бы лишь сильнее сгущались. Туман лип к нему, а он этого словно и не замечал.

Мистер Ив шел по улочкам спящего городка и подчас развлекал себя тем, что, подкравшись к чьему-то забору, замирал и начинал громко лаять, отчего все собаки в округе тут же поднимали дружный вой.

Подгоняемый визгом, лаем и ругательствами из окон, он со смехом продолжал путь, чувствуя себя при этом совершенно беззаботно. Еще бы, ведь у него были выходные, каникулы, один сплошной праздник...

Вскоре мистер Ив оказался на главной улице. Остановившись у основания Глухой башни, единственной городской башни с часами, он глянул вверх, задрав голову, и прищурился, пытаясь различить циферблат.

Так и не узнав, который час, мистер Ив кивнул, будто бы с кем-то здороваясь, и двинулся дальше. Три пристальных взгляда сквозь прорези цифр на циферблате сверлили ему спину. Мистер Ив поежился, обернулся и показал часам кулак — «сверление» тут же прекратилось. Тогда, продолжая насвистывать, он направился в сторону городской больницы.

Массивное здание из бурого кирпича нависало над улицей, отбрасывая тень, сотканную из различных хворей, недугов

и инфекций. Мистер Ив притворно чихнул и глянул вверх, что-то высматривая под самой крышей. Его губы расплылись в широкой улыбке.

В одном из окон башенки, где располагался больничный колокол, мистер Ив заметил невысокую старческую фигуру. Женщина в остроконечной шляпе и серой комковатой шали открыла окно и свесила с карниза клетку со спящей черной птицей.

Решив кое-что проверить, мистер Ив обернулся и посмотрел в конец главной улицы. Там темнело здание городской пожарной части, очертания которого расплывались в тумане.

Как следует прищурившись, мистер Ив отметил еще одну небольшую клетку с черным комочком в ней, свешенную с карниза одного из окон башенки пожарной части.

Мистер Ив нахмурился и вдруг перестал напоминать ирландского клоуна в День святого Патрика. Этот начисто лишенный совести тип вдруг вспомнил, что он давно не ребенок — ему напомнило об этом обращение «мистер», которое всегда шло перед его именем.

Вместе с беззаботностью исчез и блеск из глаз. В голову, как непрошенные гости, почуявшие запах дармового угощения, полезли различные мысли о снах. Печальных, жутких, кошмарных и болезненных. Снах о предсмертных муках и невыплаченных долгах. Снах о смерти близких и разбивающихся сердцах. Снах о безысходности и отчаянии. Туман вокруг фигуры мистера Ива сгустился еще сильнее, и тот медленно пошагал дальше по главной улице.

Так он и брел, думая о чем-то своем, взрослом и серьезном, лишенном какой бы то ни было радости, как вдруг опомнился, вздрогнул и огляделся.

Мистер Эвер Ив стоял возле большого понурого здания из серого камня с колоннами и золоченой вывеской над арочным входом. На вывеске значилось: *«Банк гг. Горбэнкс»*.

Мистер Ив подошел к единственному окну банка, из которого на тротуар лился рыжий пляшущий свет. Не считая, что заглядывать в чужие окна хоть сколько-нибудь зазорно, он встал на носочки и нескромно уставился внутрь.

Кабинет был невероятно, по-конторски скучным: дубовые панели на стенах, шкафы с папками, огромный письменный стол, в котором значимости и величия больше, чем полезных функций. В углу стоит вешалка-стойка: на одном крючке висит угольное пальто, на другом — котелок.

На этом обыденность обстановки заканчивалась. И ее, эту самую обыденность, нарушало происходящее. По кабинету с невообразимой для подобных габаритов скоростью перемещался мужчина, чей необъятный живот был плотно упакован в костюм. Мистер Ив отметил, что черная жилетка на хозяине кабинета едва не лопаается по швам, а в его штаны можно было поместить трех таких, как мистер Эвер Ив.

Толстяк обильно потел — еще бы: то, что он выделял, нельзя было назвать спокойным времяпрепровождением. Банковский клерк бегал по кабинету, а в воздухе вокруг него вихрями носились какие-то бланки, документы, договоры — между полом и потолком висело одновременно не менее сотни листов. Толстяк суматошно подхватывал какую-то бумагу, спешно на ней расписывался, после чего хватал другой документ, прохаживался по нему печатью, швырял в воздух, подцеплял следующий и так далее...

Клерк был очень занят и крайне увлечен своим делом, поэтому мистер Ив не стал надоедать ему своим назойливым вниманием. Да и увиденное в кабинете его огорчило.

Фигура некогда веселого и прямого как шест мистера Ива согнулась, плечи подвернулись, словно края бумаги, которую подожгли лучиной. Почему-то перед его мысленным взором вдруг предстали сироты, замерзающие на улице, подготавливающие для себя петлю разорившиеся джентльмены,

одинокие старики, умирающие в своих каморках и лежащие там, пока запах не просочится на другие этажи.

Туман сгустился вокруг прорисовавшегося под темно-зеленым пальто горбом...

Мистер Ив побрел, медленно переставляя по брусчатке ноги в коричневых туфлях. Грязь, которая налипла на их подошвы, весила, казалось, сотню фунтов, но дело в том, что никакой грязи не было и в помине.

Свернув с главной улицы на Гретхен-лейн, мистер Ив прошел два квартала и... уткнулся в тупик.

— Ненавижу тупики! — воскликнул он. — Только тупицы попадают в тупики!

И тут сбоку раздался скрип. Характерный скрип петель...

Мистер Ив повернул голову и увидел открытую дверь.

— Гм... Как нельзя вовремя!

Не обременяя себя лишними мыслями о том, что заходить в первую попавшуюся открытую дверь не очень-то разумно, он стукнул каблуками и нырнул в темный коридор. В конце коридора горел свет.

Недолго думая, мистер Ив потопал туда и в какой-то момент оказался перед очередной дверью; над ней на крючке висела керосиновая лампа.

Подергав ручку, мистер Ив досадливо фыркнул. Заперто! На миг он подумал, а не просочиться ли ему через замочную скважину, и... отверг эту мысль: он слишком плотно поужинал для подобных трюков.

За спиной раздалися шаги, и мистер Ив обернулся. В коридоре был старик в залатанном пальто и с длинным полосатым шарфом. Откуда он здесь взялся?! Тут ведь только один коридор, и появиться в нем можно было бы, разве что выйдя прямо из стены...

Старик меж тем направлялся к двери, в которую вошел сам мистер Ив. Он быстро добрался до нее, переступил порог и обернулся. На его губах застыла мерзкая, коварная улыбка.

— Даже не думай! — крикнул мистер Ив и сорвался с места. Он уже почти-почти был у самой двери, как тут подлый старик захлопнул ее.

Мистер Ив влетел в дверь носом, отчего тот хрустнул и превратился в кожаную кляксу. Ругаясь на чем свет стоит, мистер Ив вылепил из кляксы обратно свой великолепный нос и схватился за ручку.

— Да чтоб вам всем пусто было! — воскликнул он, когда понял, что старик запер его в коридоре.

Согнувшись, мистер Ив заглянул в замочную скважину — в ней была чернота. Чернота зашевелилась, ключ вытащили. На миг мистер Ив увидел улицу, на которой он стоял совсем недавно, а затем что-то зазвенело, как будто кто-то встряхнул связку ключей.

В замочную скважину снова что-то заползло — видимо, очередной ключ. Клацнул замок. Мистер Ив дернул ручку, и дверь открылась. Он опрометью выскочил на улицу и...

Это была вовсе не Гретхен-лейн — кругом был вовсе не центр города, а дома по обе стороны улицы стояли особняком, у них были сады и ограды.

Мистер Ив вдруг почувствовал, что у него в горле что-то застряло. Он закашлялся в руку, сотрясаясь в судорогах. Приступ вскоре прошел, в горле перестало колоть и резать. Мистер Ив раскрыл ладонь и увидел, что в ней лежат ржавые обломки ключа. Страхнув их на тротуар, он поежился от внезапно одолевшего его холода и побрел по улице.

В ушах стоял жуткий скрип, как будто замурованный бедолага царапает кладку или как будто поворачиваются старые петли.

Туман вокруг его тела уплотнился и даже словно потяжелел, повиснув на плечах. Мистер Ив шел по тротуару, хлюпая по лужам и ступая по ковру из опавших листьев. В голове его были одни лишь дурные мысли: запертые чуланы, крышки люков на запорах, заваленные выходы... ему

стало тесно и душно. Он вдруг почувствовал, что задыхается...

В какой-то момент мистер Ив очнулся, словно ото сна, прямо на ходу. Он вдруг понял, что уже довольно продолжительное время за кем-то неотступно идет.

Высокий и очень худой тип брел сквозь туман в двадцати шагах впереди; он останавливался у каждой калитки, ненадолго задерживаясь возле нее, после чего возвращался на маршрут. Незнакомец кутался в темно-синее форменное пальто, а через плечо у него висела кожаная сумка. В руке почтальон нес фонарь на кованом кольце, подняв его над головой; огонек в стеклянном футляре едва теплился.

Мистер Ив медленно следовал за почтальоном и с каждым новым адресатом, с очередной доставленной газетой или письмом будто бы старел прямо на глазах.

Когда почтальон остановился у афишной тумбы на краю парка, мистер Ив больше не напоминал молодого человека. Сейчас он походил на мужчину средних лет, чем-то больного — хронически, неизлечимо. Ему отчетливо слышались крики: кто-то царапал себе лицо, сдирал кожу и выворачивался наизнанку... Он знал, что все это происходит лишь у него в голове, но ничего не мог с собой поделать. Мистер Ив не мог заглушить эти жуткие звуки, заставить их стихнуть, не мог прийти в спальню к кричащим в его сознании людям и задушить их подушкой — потому что у них не было спален, а у него не было подушки. Да и людей там никаких не было — одни лишь крики в крошечной тьме и стыллой пустоте.

Почтальон тем временем огляделся по сторонам, прошептал: «Моя смена закончилась» — и задул фонарь.

Мистер Ив ослеп. Почти ослеп...

Туман так плотно закутал его в кокон, что некогда зеленый костюм со стороны теперь казался серым. Подчас мистер Ив что-то различал сквозь рваные дымчатые клочья,

но этого все равно было мало, чтобы хотя бы понять, где он находится.

Мистер Эвер Ив брел, с трудом переставляя ноги. Порой он касался руками шершавых стволов деревьев и чугунных фонарных столбов. Под ногами с каждым шагом чавкала влажная земля — кажется, он был в парке.

Ветер донес до него порывистый шелест и скрипы, как будто огромные когти царапали по камням. Звук был размеренным: он появлялся и исчезал, а потом все повторялось.

«Метла метет», — понял мистер Ив. Он слышал кашель — женский кашель... да, определенно женский...

В прорехи своего туманного кокона он увидел очертания тонкой угловатой фигуры в коричневом пальто. А еще мистер Ив вдруг ощутил... уже по-настоящему пронизывающий холод. Пальцы мгновенно онемели, он их больше не чувствовал.

Со всех сторон в воздух из-под деревьев поднялись листья. Завыл ветер. Мистер Ив неожиданно оказался в центре красно-желто-буро-рыжего урагана. Он метнулся в сторону, но буря словно поглотила весь парк. Ветер бил и толкал мистера Ива, как людская толпа. Он пытался идти против него, согнувшись в три погибели, порой нащупывая рукой землю и корни. Он пытался выбраться, и каждый раз, когда ему казалось, что буря стихает, очередной удар в грудь, в бок или в спину уверял его в обратном.

В какой-то момент мистер Ив все же выбрался из парка — лиственная буря выгнала его оттуда. Но он уже не шел, а полз, нащупывая пальцами грязную мостовую.

И тут мистер Ив вдруг услышал. Звук пронзил его голову, словно гвоздь, вбитый в ухо, но это был всего лишь автомобильный гудок, раздавшийся прямо за его спиной.

Мистер Ив обернулся и с невероятным трудом поднялся на ноги. Каким-то чудом он разглядел темно-желтый автомобиль

с круглыми слепящими фарами и вывеской на крыше. Таксомотор...

Пассажирская дверца открылась, и из нее выскочил человек. Мужчина в возрасте, вернее молодой парень. Нет. Это была девушка в мужской одежде. Или нет, скорее зрелая женщина. Или все же старуха? Нет, это определенно мальчик. Высокий, широкоплечий мальчик. Но с девичьими чертами лица. С морщинами и мешками под глазами...

Мистер Ив так и не успел определиться, кто же перед ним. Он не верил глазам, не верил ничему. Он глядел на непонятного человека с непонятной внешностью, неясными полом и возрастом, а незнакомец тем временем захлопнул дверцу, швырнул что-то в приоткрывшееся окошко водителя, подхватил два огромных чемодана и шагнул прямо к мистеру Иву.

— Почтенный! — сказал он грубым, рокочущим баритоном. — Я только что приехал в ваш город.

Постепенно голос его повысился, при этом незнакомец начал тянуть гласные:

— Отменная дыра, знаете ли! Вы местный?

Речь незнакомца превратилась в девичье щебетание, смешанное с хихиканьем:

— Не подскажите, где я могу остановиться в такую-то рань?

А затем переросла в старушечье ворчание:

— Таксист говорил о какой-то «Защите тыкве». Как мне ее найти?

Закончил он тоненьким детским голоском:

— Эй, вы меня вообще слышите?

Он приблизился к мистеру Иву.

Да, сейчас это был определенно мужчина — трехдневная щетина могла «украсить» разве что чересчур запустившего себя мальчика. Ничем не примечательное лицо. Обычный нос над тривиальным ртом, банальный лоб и совершенно

обыденные уши. Но глаза... Они были такими яркими и блестящими, каких не бывает даже у плачущих девочек. Их словно отлили из стекла...

Мистер Ив видел в глазах незнакомца отражение себя, укутанного в туман с проглядывающими в серой поволоке фрагментами зеленой одежды. Он видел все. Но все было отражено. Зеркало!

Зеркальные глаза глядели на него несколько мгновений, после чего их обладатель, по-видимому, устал ждать и отстранился.

— Что ж, как-нибудь разыщу. Хорошего утречка.

Попрощался незнакомец тягучим и глубоким голосом джазовой дивы из кабаре. Перехватив поудобнее чемоданы, он неспешной походкой двинулся вниз по улице. Вскоре его поглотили никак не желающие рассеиваться утренние сумерки.

А мистер Эвер Ив без сил опустился на землю. Он вдруг отчетливо почувствовал, как с его лица и из его внешности стали исчезать, будто пятна на зеркальной поверхности от тряпки в руках горничной, все его черты и приметы.

Сперва исчезло лицо, которое он так любил. Его длинный, слегка курносый нос превратился в просто нос; его глаза утратили цвет, став всего лишь глазами; выступающие скулы сгладились, делая форму его лица геометрически никакой. Каштановый цвет волос, переходящий в откровенно рыжий, который сам он любил называть цветом спелого пламени, поблек, став то ли серым, то ли бесцветно-русым, то ли просто покрылся налетом пыли. Так же и костюм. Пальто, шляпа, штаны, туфли. Даже самый неприметный мистер Клерк в огромной конторе, битком набитой неприметными мистерами Клерками, теперь мог позавидовать его серомышности. Фигура стала силуэтом, осанка исчезла. Потом иссякли, будто из чашки с дырявым доньшком, задор, коварство, непокорность, непримиримость. Следом растворилась, как в сигаретном дыму, память.

Мистер... а как же его звали-то? В общем, он уже не помнил. С памятью сбежала и личность. Осталось лишь... А что, собственно, осталось?

Подул ветер. Он ударил сухой и злой пощечиной по большому сутулому комку тумана на дороге, подсвеченному фарами таксомотора, разметав его в стороны. На том месте, где только что вроде бы находился человек, никого больше не было...

Сумерки развеялись. А в постели в своей пижаме пошевелился молодой человек с копной волос цвета спелого пламени. На стуле рядом висели штаны зеленого вельвета, такие же жилетка и пиджак. Под стулом стояли коричневые туфли с обтертыми носками.

Наконец настало утро. Кто-то прошел мимо двери его спальни. По трубам в стене прогудела вода — кто-то посетил ванную комнату. Над головой хлопнула дверь. Из кухни потянулись вкусные запахи готовящегося завтрака.

Дом оживал, а Человек в зеленом просыпался.

Виктор застегнул пальто и надел шляпу. Стоило ему толкнуть входную дверь, как разыгравшийся ветер швырнул в лицо несколько пожухлых листьев. Вот тебе и приветствие с добрым утром от блуждающей по улицам госпожи Осени.

Спустившись с крыльца, Виктор направился по дорожке к калитке, бросив по пути любопытный взгляд на выкорчеванный розовый куст...

Именно этот куст и стал сегодня причиной его пробуждения. Крики из гостиной не могли заглушить ни дверь, ни даже подушка, которую Виктор натянул на голову. В доме разразилась очередная ссора, и долго гадать, кто с кем ссорится, не приходилось. Профессионально поставленный визг тетюшки Рэммори напоминал ртуть, которая заполняет собой все щели, а глубокий рокот тетюшки Меганы — удары

топора по комодам и буфетам (обязательно красивым и дорогим).

Виктор понял, что снова уснуть не удастся, поэтому вытащил голову из-под подушки, оценил положение стрелок на каминных часах (семь часов) и выбрался из-под одеяла.

В комнате было довольно холодно — камин погас еще до полуночи. Не став его зажигать, Виктор поспешно извлек себя из пижамы и надел костюм.

Взгляд его упал на письменный стол. Вот черт! Кто-то ночью заходил в комнату, пока он спал: замки на саквояже были открыты, хотя он определенно закрывал сумку.

Виктор испытующе поглядел на дверь, затем — на окно, после заглянул в камин. Ринувшись к столу, он быстро проверил содержимое саквояжа, но вроде бы все было на месте. Тетрадь?! Нет, она все так же лежала на тумбочке у кровати. Кажется, ничего не пропало. И все же!

Виктора охватила злость.

«Кто угодно может зайти! — гневно подумал он. — Нужно обезопасить себя и свое журналистское расследование. Стоит запирать дверь на ключ!»

Сложив вещи обратно в саквояж, Виктор защелкнул замки, после чего взял тетрадь и, сняв с каминной цепочки ключ от комнаты, вышел в коридор. Заперев дверь и несколько раз подергав ее для верности, он на всякий случай заглянул в гостевую комнату. Там все было по-прежнему: пыль и старый хлам в чехлах.

Между тем поднялась очередная волна криков. Снова гостиная. Действующие лица, ясное дело, те же.

Виктор направился к лестнице, пытаясь определить, из-за чего новый скандал. Вскоре выяснилось, что дорогушая метла за три сотни фунтов осталась в прошлом. Суть нынешней ссоры заключалась в том, что тетушка Рэммора ночью зачем-то выкорчевала любимый куст любимых роз тетушки Меганы, над которыми последняя, судя по крикам, «долго

колдовала». При этом Рэммора еще и разбросала изувеченные розы по всему саду, явно в насмешку сестре.

Войдя в гостиную, Виктор первым делом увидел дядюшку Джозефа, который топтался у двери и слушал ссору с нескрываемым удовольствием. Кажется, он сам с собой делал ставки на то, кто кого убьет. По его покрасневшемуся лицу и безумному блеску в глазах было видно, что он надеется на кровавый исход, и чем больше будет крови, тем лучше.

— Это не Рэмми, — просиял дядюшка, заметив Виктора. Его шепот не слышали разве что в пожарной части в центре города. Тетушки же при этом остались как глухи к его словам, так и слепы к его присутствию. — Это не она подкорнала цветочки Мэг, но ни за что не признается. Не может позволить себе упустить повод. Смех, да?

Виктор, в свою очередь, ничего смешного в двух искаженных яростью и злобой лицах не видел. Напротив, они понастоящему пугали. Даже в ночных доках Лондона, где вечно ошивается всякий сброд, ему было спокойнее, чем в гостиной родного дома.

— Там им и место, твоим розам, — в грязи! — плевалась ядом тетушка Рэммора. — Гадостнее цветов я в жизни не видела!

— Не сомневаюсь, что тебе по вкусу только чертополох, уродина бестолковая! Сперва моя метла, теперь мои розы! А их, помнится, даже Скарлетт однажды похвалила, не кто-нибудь!

Услышав знакомое имя, Виктор непроизвольно помотал головой, чтобы невзначай не задуматься вдруг о тетушке Скарлетт. Утро было худшим временем, чтобы думать о тетушке Скарлетт.

— Она просто не хотела тебя расстраивать, — ткнула в сестру тонким, как сигарета, пальцем тетушка Рэммора и потрянула головой, отчего тут же затряслась вся копна ее путаных волос, вместе с застрявшим там старым хламом вроде пуговиц,

наперстков, катушек ниток и часовых цепочек. — Уверяю тебя, Мэг, ей всего лишь стало тебя жалко!

Виктор снова помотал головой. Казалось, только он один из всех существующих в мире людей не восхищается тетушкой Скарлетт. Даже Рэммора никогда не сказала о ней ни одной гадости, что о чем-то да говорило.

«Вот черт! — подумал Виктор. — А ведь тетушка Скарлетт, скорее всего, придет на праздники. И как я мог о ней забыть? Худшее — впереди».

— Меня? Жалко? — ответила меж тем Мегана. — Да тебя она вообще не замечает, как будто ты пустое место!

— А вот и нет! Чтоб ты знала... — начала тетушка Рэммора.

— А ну, замолчали обе! — раздался ледяной голос из арки, ведущей в холл.

Виктор вздрогнул: «Мама...»

В руке мама сжимала нож для резки овощей, а с выкрашенных в бордовый палец на пол капал свекольный сок. Судя по всему, она готовила завтрак и где-то в середине процесса ее терпение лопнуло.

— Но, Корди, — начала тетушка Мегана, — если бы ты знала, что она...

— Мне все равно, — отрезала Корделия Кэндл. — Ни секунды покоя. Как будто вам по пятнадцать лет. Мне и без вас хватает одного подростка в доме.

— Слышала? — усмехнулась Рэммора. — Сядь и замолкни!

— Сама замолкни! Или ты у меня сейчас в камин сядешь!

— Тихо, я сказала! — велела Корделия Кэндл. Обе тетушки чудесным образом мгновенно замолчали и оказались в креслах в разных углах гостиной. — Я из-за вас не слышу свою утреннюю передачу. Вы умудряетесь орать громче радио.

Убедившись, что наступила тишина, она уже повернулась, намереваясь уйти обратно на кухню, как Мегана оскорбленно пробурчала:

— Почему ты все время на ее стороне?

— Что?

Корделия обернулась, и тетушка Мегана сделала вид, что ничего, собственно, и не говорила. Сестра смерила ее долгим безжалостным взглядом и ушла.

В гостиной повисла тишина, которую нарушали разве что треск поленьев в камине да скрип подлокотников кресла под вцепившимися в них пальцами тетушки Меганы. Тетушка Рэммора, в свою очередь, курила сигарету и насмешливо выдыхала дым в сторону сестры — это было единственное, что она могла сейчас сделать, не опасаясь, что Корделия вернется и вскоре с ее ножа будет капать уже вовсе не све-
кольный сок.

Склока затихла, но не угасла, а Кристины, чтобы ее раздуть по новой, поблизости не было.

Виктор вдруг поймал себя на мысли, что лучшего момента, чтобы расспросить Мегану, может и не представиться: сейчас, когда все мысли тетушки заняты ненавистью к сестре, можно было попытаться застать ее врасплох — а там, глядишь, она и выдаст что-то нечаянно.

— Тетушка Мэг!

Виктор приблизился к креслу Меганы Кэндл и завис у подлокотника, как призрак или как дворецкий. Или как призрак дворецкого.

— Не сейчас! — сквозь зубы процедила тетушка, не сводя ненавидящего взгляда с сестры.

Рэммора лишь неуютно поежилась в кресле. Виктор обратил внимание, что обивка на подлокотниках и спинке кресла его младшей тетки истлела, будто от времени или пожара. И он не знал, были ли подобные следы на этом кресле всего мгновение назад.

И все же сейчас его заботила его старшая тетка.

— Тетушка, я хотел спросить тебя о моем приезде...

— Лучше бы ты вообще не приезжал!

Она исподлобья поглядела на племянника.

«О! Именно то, что нужно! Главное — не обжечься, играя со спичками».

Сравнение было не случайным. В детстве Виктора отучали играть со спичками весьма жестоко, и занималась этим не кто иная, как тетушка Мегана. Однажды заметив, как он забавы ради чиркает по коробку, она схватила его за руку и начала мучить. Будто не слыша его криков и не замечая плача, тетушка заставила его вычиркать весь коробок, но не просто так, а удерживая каждую спичку, пока та полностью не догорит. Он тогда обжег себе все пальцы и полторы недели ходил с перебинтованными руками.

— Откуда ты узнала, что я приеду? — напрямую спросил Виктор.

— Что? — ее лицо побелело от ярости. — Я не знала! Я и увидела-то тебя впервые вчера, когда мы с этой мерзавкой обсуждали мою метлу!

«Обсуждали», она так это называет...» — подумал Виктор, невесело усмехнувшись, и сказал:

— Но ты ведь написала дядюшке, чтобы он меня встретил.

— Ничего я не писала! Что за бред с утра пораньше?

— У нее это случается, — ехидно вставила тетушка Рэм-мора, выдохнув колечко дыма. — Провалы в памяти. Она ими гордится.

— Замолчи немедленно! — рявкнула тетушка Мегана. — Или я сама тебя сейчас заткну...

— Я не слышу радио! — донеслось из кухни. Обе тетушки мгновенно замолчали.

— Вот, погляди сама.

Виктор протянул Мегане ее же собственную записку и указал на постскрипtum. В первое мгновение гнев на ее лице сменился недоумением, но вскоре оно начало пугающе багроветь.

— Я этого не писала. Я не пишу глупых постскриптумов. Здесь даже почерк другой!

— Правда? — Виктор, не церемонясь, выхватил записку из рук тетушки и впился взглядом в кривые буквы. А ведь и верно! Сама записка и послесловие были написаны если не разными людьми, то как минимум разными руками. И как он сразу этого не заметил?!

«Где же твоя хваленая наблюдательность, мистер репортер?» — укорил себя Виктор.

— Откуда у тебя моя записка, мерзкий проныра? — раздалось угрожающее шипение из кресла.

Виктор похолодел. Казалось, тетушка Мегана вот-вот разорвет его на части. Перед глазами отчетливо встала жуткая картина последствий этого: конечно, оторванная кисть его руки, возможно, украсила бы каминную полку, но его кровавое сердце вряд ли вошло бы в число самых изысканных натюрмортов в истории, соседствуя с сухими цветами в вазе на журнальном столике. Да и вообще, Виктор предпочитал избегать собственных изуверенных трупов на коврах в гостиных.

— Это дядюшка дал, — тут же, как ребенок, наябедничал Виктор.

И тут он понял, что все происходящее изначально входило в некий дядюшкин план. Тот с самого начала дал записку племяннику, зная, что он непременно покажет ее Мегане. И когда та впадет во вполне закономерную ярость, Виктору придется выдать его. Кажется, дядюшка нарывался на ссору и от склок с собой в главной роли получал еще большее удовольствие, чем просто от наблюдения за скандалами с участием своей супруги.

— Дядюшка Джозеф дал, — повторил Виктор, надеясь, что на части разорвут не его, а дядюшку Джозефа, и тогда... что ж, тогда он честно поплачет на его могиле, но уж лучше так, чем наблюдать из могилы плач дядюшки по нему самому.

Виктор кивнул на дядюшку и увидел, что место, где тот только что стоял, пустует. Причем сам воздух там будто бы

сочился удовольствием — отсутствующий дядюшка был весьма доволен и собой, и Виктором, и ситуацией.

Естественно, он изобретет невинную отговорку для жены: мол, Виктор сам выманил у него записку, или он ее всего лишь обронил, а Виктор подобрал и не вернул, или что-то еще в том же духе. Дядюшка был профессиональным манипулятором и мучителем собственной супруги. Они друг друга стоили.

— Что?!

Казалось, тетушка Мегана вот-вот лопнет от ярости. Из ее идеально собранного узла волос на затылке даже каким-то странным образом выбилась одна прядь.

— Джо-о-озеф! — Могучая тетушка вспорхнула из кресла с легкостью канарейки. Оттолкнув Виктора в сторону, она бросилась в холл, а оттуда — в ведущий в библиотеку коридор. — Как ты посмел?! Как ты посмел?! Это же личное!

— Личное-безличное! — на всю гостиную рассмеялась тетушка Рэммора и с наслаждением прислонилась спиной к истлевшей и отваливающейся бурыми кусками прямо на глазах обивке кресла. — Личное-безразличное!

— Я не слышу радио! — громко повторила мама из кухни, но на этот раз ее слова потонули во всеобщем гвалте.

Под новые крики Меганы и хохот тетушки Рэмморы Виктор поспешил схватить пальто, шляпу и покинуть дом.

Что ж, его журналистское расследование началось не лучшим образом. Кажется, он только что нажил себе злейшего врага в лице тетушки Меганы — она не простит ему того, что он сунул нос в ее личные дела...

Еще и напоминание о тетушке Скарлетт существенно подпортило утро... Что будет, когда она приедет?..

Выйдя за калитку Крик-Холла, Виктор попытался себя успокоить: «Я уже не мальчишка, и меня не поймать в коварные тетушкины сети. Меня им ничем не подцепить и не задеть, ведь у меня больше нет Саши».

Утешение вышло такое себе. Стало горько.

Было холодно, и Томми Кэндл успел как следует продрогнуть. Дул промозглый ветер, который, словно злобный старшеклассник, вздумал вдруг пристать почему-то именно к нему. К сожалению, от назойливого ветра нельзя было отделаться, попросту отдав ему свой завтрак.

Томми притаился за тем же деревом, что и в прошлый раз, — как и вчера после уроков, он глядел на здание школы. У парадного входа стоял желтый автобус. Мистер Грокх, опираясь на свою трость и время от времени согреваясь при помощи фляжки бренди, о чем-то разговаривал с мистером Перри, водителем.

Тем не менее сейчас старый смотритель Томми не волновал — его заботили лишь окна класса мисс Мэри. Они светились — учительница была в своем кабинете.

Будь у Томми выбор, он бы и не подумал идти в школу в первый день каникул. Еще вчера он строил планы, чем сегодня займется, и это были просто замечательные планы! Откуда ему было знать, что за какой-то день его вроде бы размеренная жизнь перевернется с ног на голову? Как он мог догадаться, что все его планы разрушит предпраздничный урок мисс Мэри?

А ведь именно с него все и началось. С ее истории о Джеке-Фонаре и последовавшего за этой историей предупреждения.

А потом Томми вернулся домой. И там был Виктор.

Виктор, которого он не видел целых семь лет.

Виктор, о котором — вот странное совпадение! — Томми думал буквально только что.

Виктор, который носил зеленый костюм и... и был тем самым Человеком в зеленом!

Брат не проявлял враждебности — даже наоборот, но Томми, последовав совету мисс Мэри, держался с ним настороженно. Почему Виктор вдруг решил приехать? Что он задумал? Почему Томми следует его опасаться?

От дядюшки Джозефа он узнал, что Виктор прибыл в город на поезде утром и что он остановился в своей старой комнате. По поведению мамы мальчик понял, что та не слишком-то рада его возвращению, да и обе тетушки были от этого явно не в восторге. Но тем не менее никто Виктора вроде как ни в чем не подозревал: домашние вели себя так, словно в комнате на втором этаже всего лишь поселился раздражающий и утомительный сосед, который разводит грязно ругающихся попугаев и постоянно таскает из угла в угол пианино, а не... жуткий Человек в зеленом!

Радовалась появлению Виктора лишь Кристина, которая всячески рисовалась и важничала, как будто она не просто глупая девчонка, а уже взрослая. Должно быть, именно напускное важничанье Кристины и сгладило первый испуг от встречи Томми со старшим братом — он злился, глядя, как сестра ходит по дому и рассказывает Виктору, где что помещалось, с таким видом, словно она гид в музее. А еще она обещала познакомить его со своими глупыми подружками. Томми не завидовал Виктору: его ждали дикие визги, бесконечное щебетание и разговоры о парнях, чулках и новомодной пудре...

Весь вечер, особенно во время ужина, Томми пытался выявить странности в поведении брата, пытался понять, что у того на уме. С виду Виктор очень стеснялся и вообще чувствовал себя не в своей тарелке. Он не вел себя хоть сколько-нибудь подозрительно, и именно это настораживало сильнее всего. К тому же Томми знал, что, как говорила тетушка Рэммора, не бывает никаких чертовых явлений без причины. Так что у «чертового явления Виктора» тоже причина где-то да притаилась...

А где ее искать, как не в комнате брата? И ночью Томми туда пробрался. Ему было страшно, но ничего не делать и ждать, пока все само собой разрешится, было страшнее.

Странного среди вещей Виктора Томми не нашел, но вот дневник... он выглядел очень многообещающе.

Как следует изучить записи мальчику не удалось, но он узнал, что Виктор зачем-то всерьез вознамерился отыскать ирландский словарь. Как Томми ни ломал голову, пытаясь понять, зачем тот ему понадобился, он так и не смог разгадать эту загадку. Единственное, что он знал, — это то, что должен во что бы то ни стало помешать брату раздобыть словарь, ведь это, без сомнения, замедлило бы претворение в жизнь его коварного плана. Каким бы этот коварный план ни был.

Томми сразу же отправился в семейную библиотеку. Ни одного ирландского словаря там не нашлось, и он предположил, что на следующий день Виктор пойдет искать словари в город. Пообещав себе, что непременно опередит Человека в зеленом, Томми вернулся в свою комнату и лег спать.

За день, полный странностей, и насыщенную шпионскими делами ночь он так вымотался, что едва не проспал. К тому же это было первое утро каникул, и мама не разбудила его как обычно.

Томми понял, что Виктор уходит, еще во сне.

«Входная дверь хлопнула!» — кольнула его, словно перышко в подушке, мысль.

Томми проснулся. А в следующий миг соскочил с кровати и принялся лихорадочно одеваться, не заботясь о соответствии ног и штанин (из-за чего штаны все-таки пришлось переодеть). Затем он вихрем слетел по лестнице и, схватив с вешалки пальто, шапку и на всякий случай валявшийся тут же портфель, бросился на улицу.

Выбежав за ограду Крик-Холла, Томми немного успокоился: далеко брат уйти не успел — вдали виднелась его сушащая фигура в зеленом пальто и шляпе. Застегивая пуговицы на ходу и широко зевая, мальчик начал слежку. Вскоре его догадка подтвердилась: Виктор искал словари — это было

очевидно, учитывая, что первым делом он отправился в городскую библиотеку.

Виктор поднялся по широкой лестнице и скрылся за дверью. Томми пробрался следом. Аккуратно приоткрыв дверь, он шмыгнул внутрь и притаился за стеллажом с детективами.

Кристина была там же, где и обычно: вместо того чтобы работать, распивала себе чай с молоком, закинув ноги на регистрационную стойку. Впрочем, сейчас ее присутствие сыграло Томми на руку: Виктор разговорился с сестрой. К ним подошел мистер Гэррити, городской библиотекарь.

Проскользнув за стеллажами, Томми проник в отдел справочной литературы и довольно быстро отыскал полки со словарями. Англо-ирландских и ирландско-английских оказалось всего четыре штуки. Мальчик тут же сгреб их махом в свой портфель. После чего на цыпочках приблизился к говорившим.

Виктор рассказывал мистеру Гэррити о жизни в Лондоне. Кристина, прихлебывая из чашки, вставляла свои глупые замечания.

Наконец, когда Томми уже порядком заскучал, Виктор сообщил, за чем пришел, и мистер Гэррити отправился в отдел справочной литературы.

Вскоре библиотекарь вернулся. С недоуменным выражением на лице — ну еще бы! — он сказал: «Ничего не понимаю. Словари будто растворились в воздухе».

Виктор, само собой, помрачнел. Мистер Гэррити поинтересовался, не нужно ли ему что-то еще, а Виктор ответил, что как раз пишет статью и ему не помешает собрать для нее кое-какие сведения и порыться в архиве.

Архив располагался в подвале библиотеки. Мистер Гэррити вызвался проводить Виктора, и они ушли.

У Томми архивы всегда ассоциировались с пылью, плесенью, крысами и почему-то с одноглазым пиратом. Но сейчас даже пират не заставил бы его остаться — еще и Кристина

начала подозрительно коситься в его сторону и принюхиваться, как будто он пах чесноком или еще чем-то в том же духе.

Томми поспешил сбежать с места преступления, пока его не схватили. К тому же дело было еще далеко от своего завершения — мальчику предстояла вторая кража...

Отдел справочной литературы в единственной книжной лавке города был таким сонным и запущенным, как будто о его существовании давно все позабыли — в особенности старая уборщица с перьевой метелкой.

Кража прошла успешно, и с отяжелевшим еще на три словаря портфелем Томми покинул лавку. Даже если у них есть кладовые и в них завалилась еще парочка словарей, что ж, тут он уже ничего поделать не мог.

Томми знал, что красть — плохо, его мучила совесть, и он пообещал себе, что потом, когда все выяснит и всех разоблачит, обязательно вернет словари на место.

Но дело было сделано. Подпортив коварному Человеку в зеленом его поиск словарей, он отправился в школу...

Колокол в школьной башенке ударил три раза. Свет в окне кабинета мисс Мэри погас, и спустя примерно десять минут в дверях показалась знакомая фигура учительницы. На мисс Мэри было темно-красное пальтишко, а объемистую путаную-перепутаную шевелюру она спрятала под вязаной шапочкой в тон пальто. На ее плече висела небольшая сумочка.

Учительница попрощалась с мистером Перри и мистером Грокхом и пошла по улице вдоль парка.

Томми побежал за ней.

— Мисс Мэри!

Учительница недоуменно оглянулась.

— Мистер Кэндл?

— Да, это я, — только и нашел что сказать Томми, как будто его личность была для учительницы вещью не вполне

очевидной. Он загодя подготовил целый ворох вопросов, но вдруг отчего-то застыл на месте и просто уставился на мисс Мэри.

— Полагаю, вы оказались у школы в первый день каникул не просто так, мистер Кэндл, — улыбаясь, сказала учительница.

— Мой брат — Дьявол! — выпалил Томми.

— Печально слышать. — Мисс Мэри поправила сползшие к кончику носа очки. — Полагаю, это беда многих младших братьев. Ну я-то вас понимаю, как никто другой: оба моих брата старше меня, и не сказала бы, что они в детстве были пузатенькими ангелочками с пряничными глазированными крылышками, но...

— Нет, я не о том! — раздраженно перебил Томми: эти взрослые вообще ничего не понимают. — Мой брат хороший!

— Хороший? — удивилась мисс Мэри. — Но дьявол?

— Я имею в виду не просто какого-то там дьявола, — пояснил Томми. — Он — Дьявол из вашей Хэллоуинской истории о Джеке-Фонаре!

— Но в моей истории не было никакого Дьявола, — сказала мисс Мэри.

Томми на мгновение подумал, что учительница над ним смеется, но она была на удивление серьезна. И, как ему показалось, будто бы чем-то опечалена.

— Но как же? Человек в зеленом! Вы что, его не помните?

— Я помню, что говорила вам, мистер Кэндл. Разумеется.

— Дьявол и шестипенсовик! — настаивал Томми. — Дьявол обманул Джека в вашей истории!

— Но я ведь ни разу не сказала, что это Дьявол.

— Говорили, я уверен! — упрямо возразил Томми, не понимая, как это грубо прозвучало, но мисс Мэри не обратила на его грубость внимания.

— А вот и нет! — просто сказала она. — Я называла его незнакомцем и Человеком в зеленом, но Дьяволом я не назвала

его ни разу. Даже случайно. Я не могу сейчас ошибаться. — Во взгляде учительницы появилась недобрая искорка. — Поэтому что в моей истории это вовсе не Дьявол.

— Не Дьявол? — поразился мальчик. — А кто же тогда?

— Некий Человек в зеленом, — пожав плечами, сказала мисс Мэри. — Я не знаю, кто он такой. Явно, что этот господин, как бы он ни назывался, не человек. Но отнюдь и не Дьявол.

— Тогда кто?

— Я не знаю, мистер Кэндл. Правда не знаю. Я полагаю, что это какая-то нездешняя сущность, блуждающая в поисках забавы и нашедшая ее в лице или, вернее, в фонаре Джека.

— Нездешняя? — не понял Томми. — Тогда откуда она? Из Франции?

— Ну, я думаю, из более далеких мест, — улыбнулась мисс Мэри и неожиданно спросила: — Вы верите в призраков, мистер Кэндл? В тех, кому нет покоя на том свете... — Томми хотел было что-то уточнить, но мисс Мэри покачала головой: — Не отвечайте. Близится Хэллоуин, а вы — ребенок. Само собой, вы верите в призраков. Быть может, Человек в зеленом один из них. А может, он всего лишь невероятно ловкий фокусник из приезжих. Показал Джеку мастерскую иллюзию, и он свихнулся.

— Но вы ведь сказали, что все это происходило на самом деле! — возмутился Томми.

— Неужели вы восприняли все это всерьез, мистер Кэндл? — От удивления очки мисс Мэри едва не спрыгнули с ее носа. Учительница вовремя их подцепила и ловко усадила на место. — Это всего лишь история. Многие начинают страшные сказки заверением, что «все это происходило на самом деле», потому что это пугает сильнее.

Томми разочарованно поджал губы. Не только его страхи, но и робкие надежды на опасное и рискованное приключение

за какое-то мгновение оказались разметаны, будто парой быстрых движений метлы.

— Значит, все это просто выдумки? — протянул Томми, подумав: «Ну и где этот Чарли, который говорил, что учителя ничего не могут выдумать?!» — Очередная праздничная сказка?

— Разумеется, мистер Кэндл, — сочувственно глядя на Томми, сказала мисс Мэри. — Как и все остальное, что обычно рассказывают. Даже вчерашние сплетни — это сказки. Даже статьи в газетах — сказки. Даже цены в лавках и меню в кафе — сказки. Но это не отменяет того, что все это правда.

Мисс Мэри была бы идеальным пауком — она любила все запутать. Томми занес противоречия учительницы в список ее чудачеств и не стал уточнять, что она имела в виду, тем более что все это не было так уж важно.

Между тем сдаваться так просто мальчик не собирался. Если историю она просто выдумала, то как тогда быть с ее предупреждением и появлением Виктора?

— Виктор и есть Человек в зеленом, о котором вы говорили, — упрямо сказал он.

Дул пронизывающий ветер, а разговор посреди улицы на краю парка вовсе не приближал мисс Мэри к теплему дому, но тем не менее она то ли старалась быть вежливой, то ли действительно таковой была.

— Почему вы считаете, что ваш брат Виктор — это Человек в зеленом? — искренне полюбопытствовала учительница.

— Потому что он носит зеленый костюм! — безапелляционно выдал Томми.

— И всё? — удивленно подняла брови мисс Мэри. — Только поэтому?

— Нет! — воскликнул мальчик. — Он полностью такой, как в истории! Еще у него тени под глазами! Глубокие!

— Боюсь, это из-за недосыпания или плохого питания. Или ваш брат чем-то болен.

— Да, он болен скрытностью! — воскликнул Томми. — Он что-то скрывает...

— Как и все мы, — слишком легкомысленно для человека, которому только что сказали «Он что-то скрывает», заявила мисс Мэри. — Вы ведь пытались скрыть от меня, мистер Кэндл, что списали у мисс Уайли некоторые даты из истории становления Шотландии на прошлом тесте. — Учительница глядела на Томми вовсе не осуждающе, но тем не менее он вдруг пожалел, что вообще ее окликнул. — А еще я знаю о вашей и мистера Уиллинга маленькой тайне. Мне известно, что в последнее время вы не ездите домой на школьном автобусе, а вместо этого ходите в лошину, к старой хижине...

Томми глянул на учительницу с ужасом, но та поспешила его успокоить:

— Не волнуйтесь, мистер Кэндл, я вас не выдам. Я всего лишь веду к тому, что у вас тоже есть тайны. Но это не делает вас злодеем.

— Почему Виктор приехал именно сейчас? — едва слышно спросил Томми.

— Соскучился по дому и по семье? — предположила мисс Мэри.

Томми поглядел на нее с сомнением: зная родственников, нельзя было даже на миг предположить, что по кому-то из них можно соскучиться. Особенно когда живешь в столице, а не в этой дыре. Но мисс Мэри этого было не объяснить, и Томми пустил в ход последний аргумент:

— Он ведет себя странно: ищет ирландские словари!

И стоило ему это сказать, как он тут же понял, насколько жалко звучат все его доводы. Если задуматься, брат был менее странным, чем та же тетушка Рэммора, которая умеет разжигать камин одним лишь взглядом, или тетушка Мегана, которая иногда забывает своего почти личного таксиста мистера Эндрю в тот миг, как он закрывает за ней дверцу

машины, а его таксомотор сам заводится и начинает ехать без него.

— Не вижу ничего странного, — тем не менее сказала мисс Мэри. — Полагаю, ему всего лишь нужен перевод каких-то слов.

Томми нахмурился — он и так это понял. Но тут мисс Мэри добавила кое-что еще — то, что было очевидным, но то, чему до этого момента Томми вообще не придавал никакого значения.

— Он ведь репортер, верно? Может, перевод каких-то слов ему нужен для статьи.

«Черт, — подумал Томми. — Черт, черт, черт и черт. Так и есть. Ему все это нужно для какой-то статьи, о которой он говорил мистеру Гэррити. И зачем только я воровал словари? Болван! Вот бы Чарли надо мной сейчас посмеялся...»

Вся «Тайна Человека в зеленом» в одно мгновение вдруг сдулась, как воздушный шарик, и его гипотетический глупый звук был будто идеальной насмешкой над глупостью самого Томми.

Глядя на него, мисс Мэри сочувственно покачала головой.

— Я понимаю, что по большей части сама виновата в том, что вы подозреваете брата и что испытываете к нему недоверие, — сказала она. — А все из-за случайного совпадения цвета одежды. Я надеюсь, что сейчас смогла вас убедить в том, что ваш брат отнюдь не Человек в зеленом из легенды.

— Но вы предупредили меня! — обиженно проговорил Томми.

— Да, это так. И я до сих пор уверена, что сказала вам это не напрасно. Я считаю, что некий Человек в зеленом (при этом очень сомневаюсь, что это ваш брат) прибыл в город к праздникам и вам следует его опасаться. Не спрашивайте меня, откуда я это узнала. Я не отвечу. Вы можете мне верить

или не верить. — Мисс Мэри вдруг склонилась к самому лицу Томми. Ее огромные глаза оказались на одном уровне с его глазами. Мальчик испуганно застыл. — Вы заметили, что я говорю с вами не как с ребенком, мистер Кэндл? Я могла бы просто пресечь любые ваши вопросы и отправиться домой пить горячий кофе с корицей. Но я этого не делаю. Я сказала вам все, что совершенно случайно узнала сама. *Он уже в городе. Томасу Кэндлу стоит его опасаться.* Больше я ничего не знаю.

Она распрямилась, и Томми нахмурился.

— Вы сказали тогда, в классе, что запрещали себе говорить со мной об этом. Но почему?

— Потому что меня все это не касается, мистер Кэндл, — ответила мисс Мэри. — Я не имею права вмешиваться в дела своих учеников — у них есть мамы и папы, чтобы вмешиваться в их жизнь. Тем более я до сих пор не уверена, что дело в реальной опасности.

— Почему же тогда предупредили?

— Я понимаю: вас испугали мои слова, мистер Кэндл. — Мисс Мэри снова поправила очки. — Но я не хотела вас пугать, даже несмотря на то, что это принято в Хэллоуин. Я предупредила вас потому, что никогда не помешает быть внимательным.

В словах учительницы, в ее тоне и отстраненном взгляде все же проскальзывала некая уклончивость.

Мисс Мэри поежилась от холода в своем пальто.

— Что ж, мне уже пора, мистер Кэндл, — сказала она. — Веселой вам и вашей семье подготовки к празднику. Полагаю, мы еще с вами увидимся на каникулах. Вы ведь придете вырезать тыквы?

— Я постараюсь.

— Тогда до скорой встречи, мистер Кэндл.

Учительница улыбнулась ему напоследок. Как показалось Томми, вымученно.

Глядя вслед удаляющейся мисс Мэри, мальчик просто стоял, не в силах пошевелиться. Он был растерян. Все прошло, как и задумывалось, вот только... К чему это привело?

Мисс Мэри вроде как ответила на все вопросы, но при этом она взяла и испортила такую перспективную тайну! История — выдумка. Дьявол — не Дьявол. Даже Виктор — это просто Виктор. Облегчения от того, что брат вовсе не Человек в зеленом, Томми не испытал. Наоборот, теперь тот казался ему совершенно скучным и неинтересным.

И все же...

Несмотря на то что мисс Мэри сделала все, чтобы успокоить Томми, его вдруг посетило странное ощущение. Что-то в ее словах не давало ему покоя... она что-то сказала и...

И тут он понял: «Откуда она узнала, что Виктор — мой *старший* брат? Откуда она узнала, что он — репортер?»

Томми прищурился. Мисс Мэри во всем этом замешана, она сама что-то скрывает! И, кажется, теперь у него просто нет выбора — он непременно должен выяснить что.

Хлопнула входная дверь. Из коридора раздался звук торопливых шагов, и невысокий сухощавый человечек с залысинами, громко шлепая огромными мягкими тапочками по полу, влетел в тесную кухню. На плите на всех конфорках пыхтели кастрюльки и казанки, и очки мистера Бэрри мгновенно запотели от соседства с облаками пара, которые заполнили не только кухню, но и весь дом.

Мистер Бэрри всем своим видом сейчас походил на разъяренного плюшевого мишку — это значило, что вся его злость не могла бы испугать и маленького ребенка.

Он громко возмущался:

— Нет, ну у всего есть свой предел! Как так можно?! Когда все это уже закончится?!

В руке мистер Бэрри сжимал промокшую насквозь газету. Гневно сопя, он взял полотенце и принялся ее вытирать. Полотенце тут же покрылось грязными пятнами, а сама газета лучше выглядеть не стала — создавалось впечатление, будто ее долгое время держали в луже.

Миссис Бэрри склонилась над детским столиком: вот уже пятнадцать минут она пыталась покормить непоседливого младенца в синих вязаных ползунках.

— Ты снова об этом почтальоне, милый? — спросила супруга, пытаясь засунуть в крошечный рот ребенка ложечку с темно-зеленой кашцей. — Ешь, малыш, ешь. Ну же... Это полезно и вкусно. Нями-ням...

Ребенок был явно не в восторге от завтрака, поскольку всякий раз, как мама отворачивалась за новой порцией, вываливал предыдущую себе на слюнявчик.

— Да! — опустошенно воскликнул мистер Бэрри. — Легко тебе говорить: все «ешь» да «ешь». Не знаю, сколько еще оскорблений от этого проходимца я смогу вот так проглотить!

Речь шла о Томкинсе, новом почтальоне. По скромному мнению мистера Бэрри, он и в подметки не годился другому почтальону из их района, старому мистеру Мэйби, но с праздничным наплывом корреспонденции в одиночку старик уже не справлялся. И вот однажды на улице мистера Бэрри появился Томкинс.

Похожий на длинную тощую птицу в форменной фуражке, этот тип был не просто грубияном — он и дня не мог прожить, чтобы не испортить жизнь людям. И не каким-то там людям, а именно мистеру Бэрри. Он швырял свернутую трубочкой газету ему в окно или стучал ею в дверь, пока ему не откроют, после чего газета, само собой, превращалась в бумажные лохмотья. На конвертах Томкинс оставлял жирные пятна от пальцев, которыми он ел, судя по запаху, жареные пирожки. И все это не считая прямых оскорблений и насмешек в адрес мистера Бэрри.

Тихий и покладистый мистер Бэрри был совершенно беззащитен перед гадкими и совершенно незаслуженными нападками. Он не мог противостоять хаму, будучи вынужденным безропотно сносить унижения, а его жалкие

попытки возмутиться никого не убеждали. Порой мистер Бэрри начинал представлять себе, как он разделяется с мерзавцем, как переезжает его машиной или сбрасывает ему на голову вазу с растениями-мухоловками (заодно можно было бы избавиться от этого зубастого уродства, которое ему на день рождения подарила теща).

От подобных мыслей сердце мистера Бэрри начинало биться быстрее, а от вида воображаемой крови Томкинса на мощенной камнем дорожке к дому ему становилось дурно. И тогда он тут же запрещал себе об этом думать — фантазии о жестокой мести проходимцу могли привести к нервному срыву. А он очень боялся нервного срыва. Поэтому пределом решимости мистера Бэрри была письменная жалоба на почтальона Томкинса в почтовое отделение. Правда вот, супруга его постоянно от этого отговаривала...

— Что случилось на этот раз? — спросила миссис Бэрри.

Сжав зубы в бессильной злости, мистер Бэрри процедил:

— Я подкараулил мерзавца, когда он мочил нашу газету в луже у калитки. Этот негодяй подвесил газету к веревочке и играл в рыбную ловлю. Он опускал ее уже раз в пятый, когда я выбежал. И... и...

— И он тебе нагрубил, милый? — участливо спросила миссис Бэрри.

Мистер Бэрри опустил взгляд. Все и так было ясно.

— Ну, я считаю, тебе не нужно так злиться, — заметила миссис Бэрри, строя рожицы младенцу, который испуганно замер на своем стульчике: рожицы мамы пугали его по-настоящему. — Если этот человек ведет себя так со всеми, то кто-нибудь на него скоро пожалуется, и его уволят. Нужно просто подождать.

— Ты всегда так говоришь, — раздраженно ответил супруг. — Кто-нибудь пожалуется. Кто-нибудь что-нибудь сделает. Кто-нибудь, но не мы. Почему не мы?

— Потому что, милый.

Это был универсальный ответ жены на любой вопрос, который по-настоящему его заботил и нервировал.

— Боюсь, даже Джейми уже не устраивает этот ответ, — кивнув на младенца, проворчал мистер Бэрри. — Ты погляди, как ему осточертела эта мерзкая каша.

— А вот и нет! — Гвинет Бэрри была из тех, кто предпочитает заблуждаться, если правда каким-то образом отличается от их собственного видения жизни. — И тебе бы лучше помолчать, если не хочешь присоединиться к нашему малышу и есть на обед эту кашу. Вон Доджи грубил мне за завтраком и отказывался есть тосты. Сам виноват. Ему пришлось съесть полторы порции чудесной каши маминского рецепта.

Мистер Бэрри бросил сочувственный взгляд в потолок — над кухней, на втором этаже, располагалась комнатка их старшего сына Доджи. Вот почему тот выглядел таким же зеленым, как и сама каша, когда поднимался по лестнице, мимоходом жалуясь отцу, что у него болит живот. Еще бы! Ведь это был «расчудесный» рецепт мамочки Гвинет, этой мерзкой старухи Дикки. Мистер Бэрри просто терпеть не мог тещу, но больше — то, с какой легкостью ей удастся влиять на жизнь своей дочери и ее семьи. И все же, хвала всем добрым духам, старуха жила не с ними, а на противоположной стороне улицы, но и это, в понимании мистера Бэрри, было слишком близко. Правда, с недавнего времени у нее появился достойный соперник в борьбе за звание наиболее ненавидимого им существа.

— Мы столкнулись с Доджи, когда я вернулся от калитки, — невесело сообщил мистер Бэрри. — Вид у него был весьма болезненный. Полагаю, это от троллиной кашицы твоей матушки, а еще...

— Не смей произносить этого слова! — Миссис Бэрри отвлеклась от младенца и угрожающе ткнула крошечной ложечкой в мужа. — Только не при ребенке!

— Ты имеешь в виду «матушку»? — с поддевкой спросил мистер Бэрри.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

— Да, — мистер Бэрри скуксился. — Ты права, дорогая. Прости...

Обычно Уолтер Бэрри не спорил с женой, но тем не менее частенько пытался заступиться за сына, когда его супруга начинала испытывать на ребенке какой-нибудь новый способ воспитания, насоветованный старой полоумной каргой, что жила на другой стороне улицы.

Вот и сейчас он осторожно начал:

— Дорогая, ты уверена, что Доджи не станет совсем худо от этой каши? Он ведь не младенец, как-никак. И мне кажется, твоя мама варит ее из чего-то, что может пойти на пользу только тому, кто выкопан из могилы в полнолуние.

— Не припомню, чтобы ты у нас был поваром, милый, — беззаботно проворковала миссис Бэрри, смешивая для маленького Джейми питьевую смесь. — Или детским доктором...

«А я не припомню, чтобы и старуха Дикки была кем-то из них», — подумал мистер Бэрри, но, конечно же, сказал совсем не это:

— Ладно, если считаешь, что парню это не повредит, тебе виднее. Но только не отправляй сегодня Доджи собирать тыквы на грядку. Там холодно и сыро. Ночью прошел дождь, а он и так зеленый, как... — Мистер Бэрри на мгновение смолк, увидев красноречивый взгляд жены, и со вздохом изменил запланированную концовку: — Как твоя каша.

Мистер Бэрри пожалел сына. Он знал, что, несмотря на все ужасы завтрака, Доджи, сейчас был занят тем, что читал свою любимую книжку о привидениях. Скорее всего, он даже забрался под кровать, лишь бы его не заставляли надевать пальто, в котором он выглядит, как огородное пугало, но которое так нравится его бабушке. Больше всего мальчик боялся, что

его пошлют во двор. Отец был согласен с Доджи: лучше сказаться больным, чем идти в такую погоду на грядку, копать в сырой земле и таскать огромные тыквы в дом.

— А я и не собиралась его никуда отправлять, — миссис Бэрри улыбнулась. — Мальчик читает книжки и знает в сотни раз больше, чем его глупые сверстники. Пусть себе читает... Уолтер, ты разве еще не понял? На грядку за тыквами идешь именно ты.

Мистер Бэрри тяжело вдохнул.

— Конечно, дорогая, — сказал он, кое-как при помощи прищепок закрепив раскрытую газету над плитой. — Проклятый почтальон Томкинс...

— Ну опять ты за свое! Что он тебе так покоя не дает?

Мистер Бэрри поморщился, не забыв при этом предвзительно повернуться к жене спиной, — еще увидит, чего доброго. Она не понимала, как это унизительно — терпеть издевательства этого мерзкого почтальона, который раз за разом прохаживается по нему, будто он пустое место. При этом он не мог ей признаться в том, что больше никто не пожалуется на Томкина, поскольку — мистер Бэрри лично видел! — с другими тот ведет себя как сама разлюбезность и распкладистость.

— И почему мистер Мэйби не подыскал себе в помощники кого-то более достойного? — проворчал он. — Почему именно Томкинс? У мистера Мэйби одиннадцать детей, неужели никто из них не мог пойти по его стопам?

— Ну, полагаю, все же не он решал, кого ему назначат в помощь, — со своей раздражающей логикой заметила миссис Бэрри. — Ну что? Высушил свою газету?

— Да кого я обманываю! Она безнадежно испорчена!

— Во всем есть свои хорошие стороны, милый, — добродушно заявила миссис Бэрри.

— И что же хорошего в том, что я не смогу прочесть утреннюю газету?

— Тебя ничто не задерживает, чтобы пойти на грядку и собрать тыквы.

— Да уж... — проворчал мистер Бэрри и, швырнув газету в мусорную корзину, отправился натягивать пальто, в котором он тоже походил на огородное пугало, но которое — вот незадача! — опять-таки очень нравилось теще-карге, а соответственно, и его дорогой миссис Бэрри.

Таксист мистер Эндрю карабкался по толстой ветви старухи-ивы, держа в руке подвесной фонарь.

Ох, что же это был за фонарь! Изогнутый стеклянный плафон, напоминающий застывший огонек свечи, и серебряная оправа в виде переплетения тонких веточек и листьев, выкованных из серебра. Одна из этих веточек отделялась от фонаря и образовывала изящную ручку. В емкости для топлива перекатывалось невероятно пахучее и дурманящее розовое масло. Да, фонарь, бесспорно, выглядел просто великолепно, но мистер Эндрю уже сотню раз его проклял.

Таксист был староват для лазания по деревьям, и ему все казалось, что он вот-вот окончит свои дни либо от падения на землю с высоты в полтора десятка футов, либо от сердечного приступа с тем же последующим падением на землю. Он пыхтел, как двигатель его старой машины, припаркованной здесь же, внизу, и весь взмок. А проклятый фонарь между тем едва не вывалился из его рук уже добрую дюжину раз: и почему этот маленький мерзавец не может повеситься сам, как какой-нибудь удрученный парень с бледным лицом и неразделенной любовью?

Мистер Эндрю взбирался на дерево, стараясь не смотреть вниз, туда, где, будто огромный опавший лист среди сплошного ковра своих собратьев поменьше, стоял его старый желтый таксомотор. Чем выше он поднимался, тем сильнее краснело от возмущения его лицо.

И почему он должен лазить по деревьям?! Это ведь не его работа! Да и вообще, он предпочел бы сейчас выпить чашечку горячего кофе. Или подремать часок-другой на своем диване под сладкозвучное бормотание радиоприемника. Или отвлечься от сырой осенней обыденности в сказочках, которые пишут в газетах, выдавая их за события. Да, он много чего сейчас поделал бы с превеликим удовольствием.

Но мадам было все равно.

— Ну ты там еще долго будешь копаться? — раздалось из салона таксомотора.

Мистер Эндрю раздраженно сморщил нос и проворчал, что различные нахальные дамочки глубоко заблуждаются, если считают, что он, Гораций Эндрю, их слуга. Хотя он даже не личный шофер. Само собой, мистер Эндрю ни за что не осмелился бы изложить свои соображения мадам Кэндл лично.

Уже примерно десять лет он каждый день возит мадам по городу и выполняет при ее особе обязанности, которые можно было бы доверить немаленькому штату прислуги. Да, мадам Кэндл хорошо платит, но бывают моменты, когда этого явно недостаточно. Порой она обращается с ним, как будто он ее вечный должник, и вообще, это, мол, она ему оказывает услугу, позволяя себя возить.

Сколько сил уходит на то, чтобы с утра до вечера выслушивать ее излияния, мысли и пожелания. Сколько терпения требуется, чтобы с каменным лицом выдерживать ее извечные, раз за разом повторяющиеся жалобы. Да он уже наизусть выучил, что *«Не будь мамочка Джина такой злобной каргой, она бы следовала традиции “Первенца”, а не глупой традиции “Средоточия”!»* или что *«Корделия совсем обнаглела! И почему ей позволено приказывать старшей сестре?»*, а еще что *«По Рэмморе давно плачет лечебница для умалишенных. Когда же она уже захлебнется собственным ядом или, на худой конец, станет одеваться, как нормальный человек?!»*.

В городе считали, что Мегана Кэндл — бездушная, черствая и злобная женщина, которая болеет неизлечимой задранностью носа. Ее презирали и сторонились, а всюду, где она появлялась, тут же начинался настоящий парад лицемерных улыбок, которые мгновенно превращались в оскалы, стоило ей повернуться спиной. Никто не знал *настоящую* Мегану Кэндл — лишь он, Гораций Эндрю, который возил ее долгие годы и всегда был в курсе того, что происходит как в Крик-Холле, так и на душе у постоянной пассажирки.

В самом начале их знакомства, то есть когда мадам впервые села в его таксомотор, а после отказалась выходить, пока он не доставит ее еще в полсотни мест и не поклянется забрать завтра из Крик-Холла, мистер Эндрю думал о ней, как все. Но однажды ему открылась совершенно другая Мегана Кэндл — та Мегана Кэндл, которую сама Мегана Кэндл будет отрицать до последнего своего вздоха.

Как-то мадам спросила его совета по какому-то незначительному вопросу, потом еще раз и так далее... Постепенно вопросы становились все значительнее, и вскоре она и сама не заметила, как начала делиться с ним своими переживаниями (в виде саркастичных высказываний и желчных замечаний, естественно). Но за сарказмом и желчью, как известно, боль и горечь не утаишь — может, разве что поначалу...

На деле Мегана Кэндл обладала ранимой душой и при этом была совершенно одинока и несчастна.

С того момента, как мистер Эндрю понял, кто скрывается под маской злой и жестокой стервы, он всегда выслушивал мадам с пониманием. Когда она жаловалась: «Не успела я свыкнуться с ролью тени Корделии, как еще одна выскочка пытается меня обскакать», он сочувственно вздыхал и замечал: «Что поделать, мадам... Но не отчаивайтесь. Вы им еще покажете. Жизнь расставит все по своим местам». На что

она неизменно отвечала презрительным смехом, но мистер Эндрю не обижался.

За все эти годы он искренне привязался к мадам и ни за что не взял бы к себе в салон другого пассажира. Каждое утро он с нетерпением ждал Мегану Кэндл у ворот Крик-Холла, каждый вечер с сожалением оставлял ее там же. И неизменно скрипел зубами, замечая, как отодвигается штора одного из окон старого особняка, когда Мегана Кэндл садилась в машину.

Просто не передать словами, какое отвращение мистер Эндрю испытывал к супругу мадам. Вскоре после своего знакомства с ней он понял: это муж сделал из Меганы ту, кем она сейчас являлась. Джозеф Кэндл был трусливым и подлым человечешкой, который ежедневно мстил мадам за то, что она, видите ли, «испортила ему жизнь!» Болван и мерзавец! Как можно не радоваться, что тебе досталась такая великолепная женщина? Выслушивая жалобы мадам о супруге, мистер Эндрю от негодования так крепко сжимал руль, что и сам руль, и кожаные перчатки на его руках громко скрипели.

Джозеф всегда ненавидел мадам и женился на ней только из-за какого-то договора между их семьями. Поначалу она пыталась быть хорошей, любящей женой, но ему это не было нужно. Он считал ее каким-то монстром и не замечал, что она не оправдывает его ожиданий и не торопится съедать супруга на завтрак. Джозеф постоянно совершал бесчестные поступки в отношении мадам, а та его всегда прощала. И вот однажды она просто устала от его выходок и дала ему то, чего он так хотел, — настоящего врага в собственном лице. Джозеф вроде бы унялся, стоило ему «удостовериться» в верности своих надуманных выводов. С тех пор он меньше скандалил, подлости совершал лишь от скуки, да и то максимум пару раз за день, и всем своим видом выражал смирение с собственной «печальной» участью.

Мистер Эндрю мечтал как-нибудь вздуть этого Джозефа как следует, отделать его по наглой самодовольной роже за все унижения, которые испытала по его вине мадам. С подобным ничтожеством даже не пришлось бы драться всерьез — таксист в молодости недурно боксировал и с легкостью даже сейчас отправил бы мерзавца в нокаут.

Но пока что мистеру Эндрю оставалось лишь возить Мегану Кэндл в своей машине, открывать перед ней дверцы, грузить покупки в багажный кофр, ходить за газетами для мадам и быть ей другом. Хотя последнего она, разумеется, никогда не признает...

Сегодняшний день для мистера Эндрю начался с погрузки трех десятков фонарей в машину: предстояло отвезти их по указанному мадам адресу, после чего развесить на ветвях деревьев вдоль улицы. «Какая странная прихоть», — решил бы кто-то, но на этот раз дело было отнюдь не в прихотях Меганы Кэндл. Иной мог бы углядеть в этом странное и нелепое чудачество, но только тот, кто никогда не бывал в Уэлихолне и ничего не слышал про День, когда зажгли фонари.

У жителей города существовала традиция: когда до Хэллоуина оставалось всего шесть дней, вдоль улиц, парковых аллей, на мостах и крышах развешивали фонари, которые с наступлением темноты зажигали дворники и фонарщики. Город «загорался», и это давало начало большому украшению улиц к празднику...

— Ты там, случайно, не возомнил себя птицей?! — раздалось ворчание из приоткрытого окна таксомотора. Оттуда же выскальзывал сиреневатый дымок от сигареты Меганы Кэндл. — Я уже здесь постареть успела, а ты все еще карабкаешься по этому бедному дереву!

— Я уже... — попытался ответить мистер Эндрю и едва не свалился с ветки. — Я уже почти повесил, мадам!

— Можно быстрее? — поторопила мадам. — У меня еще сегодня есть дела, как ты помнишь! Не хотелось бы застрять

здесь до завтра, в то время как Иероним преспокойно разгуливает по дому!

— Не стоит так... — Мистер Эндрю наконец зацепил фонарь за выступающий сучок. — Не стоит так громко, мадам! Кто-то может услышать...

— Как будто я не убедилась, что вокруг никого нет.

— Ну вот, снова придется мыть зеркало в машине, — проворчал мистер Эндрю, слезая с ветки: после поездок с мадам зеркала в такси часто оказывались вымазаны сажей.

— Ну наконец-то! — раздалось с заднего сиденья таксомотора, когда таксист грузно спрыгнул с низкой ветви в сваленную под деревом кучу опавших листьев.

Мистер Эндрю представлял собой жалкое зрелище: он перепачкал, потрепал и в некоторых местах даже порвал свой бежевый форменный костюм, ободрал щеку и стер кожу на руках. Но это его сейчас совершенно не волновало. Мистер Эндрю почти впал в отчаяние: это был только первый фонарь! В багажном кофре его ожидало еще... двадцать девять.

— Ну, чего ты ждешь? — хмуро спросила мадам, выдыхая очередное облако сиреневого дыма в приоткрытое окно. — Пока жаба подточит корни этой ивы? Мы сегодня поедem или нет?

— А как же остальные фонари?

— Что? — усмехнулась Мегана Кэндл. — Да я бы действительно превратилась в старуху, если бы ждала, пока ты развесишь все фонари.

— Но...

— Отряхнись и поехали, — велела мадам. — Я уже все за тебя развесила.

Мистер Эндрю поднял взгляд: кроны всех ближайших деревьев были увешаны, будто тяжелыми плодами из стекла и металла, фонарями с гравированными отметками «К» на боках. Да, мадам постаралась на славу, хоть она при этом

даже не выходила из салона таксомотора и вряд ли хотя бы тушила сигарету. Что ж, он видел в исполнении Меганы Кэндл и не такое, а если вспомнить все то, что она рассказывала...

— Не радуйся раньше времени, — добавила Мегана Кэндл. — Тебя ждет очень жестокое наказание, Гораций. Наша задержка будет стоить тебе десерта, когда мы остановимся на ланч в «Керчинс».

— Прискорбно, мадам, но я заслужил, — пробормотал мистер Эндрю и принялся поспешно отряхиваться.

Его несколько не волновало наказание. Наоборот, мистер Эндрю вздохнул с облегчением: он ни за что не пережил бы еще три десятка ходок на дерево и обратно.

Усевшись в таксомотор и закрыв за собой дверь, он вернулся к пассажирке:

— Позвольте поинтересоваться, мадам, отчего вы не повесили таким образом все фонари? Зачем нужно было, чтобы я карабкался на это проклятое дерево?

— Заводи и поехали, — велела мадам.

Решив, что ответа ему уже не дожидаться, мистер Эндрю натянул перчатки, завел свою старенькую машину, и таксомотор покатил по будто бы уснувшей полуденной улице. Ветер улегся, начал сгущаться туман.

— Это ведь и дураку ясно, Гораций, — негромко проронила меж тем Мегана Кэндл. — Я ведь тебе уже все объяснила еще тогда, когда мы ловили первого. С приманкой можно работать исключительно при помощи теплых человеческих ручек, иначе она почует и ускользнет. Эти твари коварные и хитрые, а еще весьма осторожные.

— Да, мадам, я помню: коварные и хитрые, а еще весьма осторожные, — словно эхо, повторил таксист. — Но я не знал, что сейчас мы на новой охоте. Я-то думал, это просто фонари.

— Вот пусть все так и думают.

— Как скажете, мадам. — Мистер Эндрю вывел машину к Холмовому району. — Куда дальше, мадам?

— Само собой, в «Керчинс», — ответила пассажирка. — Время для ланча и блинчиков с кленовым сиропом.

— А как же охота, мадам?

— Капкан расставлен, приманка заложена, и нам остается только ждать. Пока все идет строго по плану, и пусть что-то только посмеет сегодня пойти не так.

«Что-то» явно испугалось угрожающего тона мадам и, если и имело какие-то свои планы, решило с ними пока что повременить.

— Мадам, но почему вы так уверены, что тварь клюнет? — спросил мистер Эндрю.

— Ты что, с закрытыми глазами волочил фонарь на дерево? — раздраженно проговорила Мегана Кэндл. — Да будь я этой тварью, я бы сама клюнула!

— Да, весьма красивая вещь, — согласился таксист.

— И довольно древняя к тому же.

— Хорошо, мадам. Насколько я понял, наш друг клюнет на приманку и явится к ней. Тем себя и выдаст. Все, как с прошлым.

— Верно. Сперва выявить, а потом изловить.

— Но когда он явится?

— О, дело за малым, — Мегана Кэндл недобро усмехнулась. — Нужно лишь дождаться, когда город погрузится во тьму и везде зажгут фонари.

Мисс Мэри Уайт, учительница истории в школе имени Губерта Мола, была донельзя подозрительной женщиной. Она носила подозрительное платье, у нее была подозрительная прическа, она ходила за покупками в подозрительную лавку и жила в подозрительном месте. И все это ей весьма шло.

Мисс Мэри знала, что она сама — одна большая тайна, и гордилась этим. Она шла по тротуару Ивового района мимо огромных светящихся витрин, и у нее было великолепное настроение.

Осень талантливо разукрасила улицу опавшими листьями, ветер был нежен, ласков и приветлив, как трущийся о ногу котенок. Где-то играла музыка, ее окружали хоть и усталые, но добродушные лица, а некоторые прохожие даже узнавали ее и здоровались:

— Добрый вечер, мисс Мэри!

— С наступающим праздником, мисс Мэри!

— Рады вас видеть, мисс Мэри!

Девочка из младшего класса потормошила свою маму за рукав, когда они проходили мимо, и громким восторженным шепотом уверила ее:

— Мисс Мэри самая лучшая!

Да, вечер определенно удался. Она уже почти позабыла о приставучем Томасе Кэндле, хотя, стоит признать, в ее добром расположении духа была и его заслуга: какой же груз упал с ее души, когда она рассказала ему все, что знала о Человеке в зеленом. Да, давно у нее не было такого настроения. Даже то, что ждало ее за углом, или завтра, или еще где-нибудь и когда-нибудь, но не сейчас, ее вовсе не заботило, каким бы хмурым ни представлялось. Говорят, именно такое состояние испытываешь, когда ты влюбилась без памяти, когда пальцы дрожат от нетерпения, а сама прыгаешь по лужам, как будто тебе семь лет.

Она глядела на свое отражение в витринах: ей были к лицу ее любимое платье и это пальто, а прическа была столь же экстравагантна, как лягушка, распеваящая романс. Шапку она сняла — ее всегда раздражала шапка...

Все было просто замечательно. Едва ли не впервые в ее жизни. Это казалось странным и невозможным и даже могло бы заставить задуматься, но она не хотела. Нет! Никаких

мыслей об этом. Если что-то и идет не так, то пусть себе и идет.

Мисс Мэри словно бы повисла на нитке воздушного змея, летящего в неизвестность, и позабыла обо всех тревогах.

И вот он, тот самый *угол*. Нужно свернуть и...

Мисс Мэри словно споткнулась. Улыбка сползла с ее лица. Она выпустила невидимую нить воздушного змея, и хорошее настроение улетучилось вместе с ним.

Школьная учительница остановилась у очередной светящейся витрины и, задрав голову, по привычке поглядела наверх. Над дверью висела вывеска: «*Сладкие чары четы Тэммин*».

Жестокая насмешка судьбы... Мисс Мэри снимала крохотный чердачок прямо над лавкой кондитера и была вынуждена обретаться среди соблазнительных запахов свежеепеченных пирожных и тортов. При этом у нее не было денег даже на самую крошечную конфетку. Каждый день она шла через лавку к себе мимо всех этих заварных, бисквитных, песочных и воздушных произведений сладкого искусства. Каждую ночь она засыпала и каждое утро просыпалась в одном шаге от готовящихся эклеров и трюфелей. Поначалу, как только мисс Мэри здесь поселилась, она полагала, что справится, но с каждым днем выдерживать подобное было все труднее. И дело не только в сладком, которое окружало ее со всех сторон и которое она так любила.

Мисс Мэри набрала в легкие побольше воздуха, как перед опасным прыжком, и, повернув изогнутую бронзовую ручку, открыла дверь. Зазвенел колокольчик...

Как она и предполагала, в лавке было едва ли не полгорода. Кто-то, дожидаясь своей очереди, читал вечернюю газету, кто-то с кем-то болтал, обсуждая последние новости и сплетни, маленькие дети дергали своих мам за руку или полу пальто, тыкали во все стороны пальцами, уверяя, что хотят и то, и то, и побольше во-он того, и все это сразу.

Очки мисс Мэри тут же запотели. Вся лавка была затянута паром, поднимающимся от свежих, еще горячих пирожных — сегодня был день кувшинок с заварным кремом.

За прилавком в парú еле-еле проглядывали очертания огромной фигуры в белом полотняном колпаке. Мистер Тэммин, хозяин лавки, лично обслуживал покупателей, а его жена, миссис Тэммин, пекла — вот такое семейное дело.

Мистер Тэммин совсем не походил на дружелюбных и веселых толстяков — злобы в нем было едва ли не больше, чем жира. Мисс Мэри часто задумывалась: «И как такой человек может продавать сладости? Да от его черствости все здешние пирожные должны прямо из печи выходить уже трехдневной давности!» Ну а в том, чтобы поиздеваться над своей постоянной, злобный кондитер Тэммин находил для себя особенное удовольствие. А мисс Мэри нехотя еще и повод ему давала: уже на три дня она задерживала плату за свою комматушку.

Вот поэтому, лишь стоило ей оказаться в «Сладких чарах», она, не глядя по сторонам и надеясь, что из-за толпящихся покупателей ее не заметят, поспешила к дальнему концу лавки, где к стене пристроилась лестница, ведущая на этажи.

— Не так быстро! — раздалось из-за главного прилавка. — Не поднимаем сквозняки!

«Черт! — подумала мисс Мэри. — Он все же увидел. Нужно было не торопиться, а пригнуться и попытаться пробраться за спинами покупателей!»

Мисс Мэри было чего опасаться. Ладно еще к ругани и крикам, даже к оскорблениям она давно привыкла, но не при таком количестве народа! Нет, подобного унижения она бы просто не пережила. А мистеру Тэммину только того и надо было. Как он самодовольно устался на нее, будто бы позабыв о покупателях! Нет, конечно же, он помнит о них — еще как помнит! Было очевидно: он предвкушает великолепную забаву — и чем зрителей больше, тем лучше.

— Простите! — робко проговорила мисс Мэри, опустив голову.

— Гм. «Простите», ну надо же.

«Только не сейчас!» — с тревогой подумала школьная учительница. Больше всего она боялась, что вот-вот начнет-ся традиционный длинный-предлинный поучительно-нравоучительный и совершенно оскорбительный монолог, в котором хозяин обвинит ее в непорядочности, как-нибудь обзовет, начнет угрожать, что вышвырнет с чердака и поселит на ее место какого-нибудь женушкиного кота, который уж поблагонадежней «этой Мэри» будет.

— Мэри! — грубый окрик был сильнее любой оплеухи.

Мисс Мэри застыла у подножия лестницы и с видом ناشкодившей девочки медленно обернулась, ожидая криков или порки.

Разговоры в лавке тут же смолкли. Все головы повернулись к ней.

Мистер Тэммин несколько раз взмахнул тряпкой, которой до того вытирал прилавок, разгоняя пар перед собой. Тут же во всей красе открылось его отталкивающее лицо — на самом деле это было небольшое круглое личико в обрамлении оплывающего жира.

— Я так понимаю, платы за комнату мне ждать не стоит, — говоря это, кондитер не замечал, как с каждым словом колыхается его свисающая на грудь шея, которая походила если не на второй фартук, то на нелепо повязанную салфетку точно. — Даже гоблин какой-нибудь, из-под пня вылезший, был бы благодарнее.

— Простите, — едва слышно повторила мисс Мэри, мечтая, чтобы под ее ногами открылся люк погреба и она туда провалилась — подальше от этих лиц, подальше от любопытных, жаждущих забавы глаз.

— Что? — пророкотал кондитер; его мелкие глазки сузились.

— Я сказала: простите!

Звякнул колокольчик входной двери — та тут же приоткрылась, а спустя пару секунд закрылась вновь, впустив в лавку еще кого-то. Мисс Мэри не увидела, кто это был, и с тоской подумала, что зрители лишь прибывают...

— Нет, так легко ты не отделаешься! — хохотнул тем временем мистер Тэммин. — Скажи-ка мне, Мэри, как у гоблинов с памятью? Как с чувством времени?

Вопрос был неожиданным, и в нем явно ощущался подвох, но мисс Мэри все равно не знала на него ответа.

— Не имею понятия!

— А Бобби говорит, что ты часто рассказываешь им про гоблинов. — Мистер Тэммин имел в виду своего племянника, который учился в ее классе. — Как будто нам и так не хватает различной нелюди вроде ирландцев, шотландцев и французишек! Вот я и решил, что ты знаешь о гоблинах все-все-все! Но раз не знаешь, я уж, так и быть, просвещу тебя. У гоблинов, Мэри, с памятью и чувством времени все просто отлично.

— Ну, вам виднее, — чуть слышно проговорила мисс Мэри.

— Что-что?! — мистер Тэммин в гневе упер кулаки в прилавок. Поварской колпак на голове кондитера заколыхался, как студень.

— Ничего...

— Так вот, Мэри, радость моя, — щель, затерянная где-то в середине лица кондитера, которую он сам называл ртом, искривилась, как трещинка в тесте, — самый распоследний гoblin помнил бы, что конец месяца подразумевает оплату за съемный чердак. — Хозяин лавки тут же на полтона ниже пояснил посетителям: — Это я про память и чувство времени, если что...

— Я очень виновата, мистер Тэммин.

— Конечно, ты виновата, — заявил кондитер. — И если бы мой племянник Бобби не учился в твоём классе, я бы

давно вышвырнул тебя с чердака и поселил там кузенов из Челмсфорда. Они, по крайней мере, не забывали бы вовремя приносить плату. Кое-кто, в отличие от кое-кого, прекрасно знает, что такое благодарность.

— Вы бы брали плату со своих кузенов? — удивилась мисс Мэри.

— Почему бы и нет? — расхохотался было мистер Тэммин, но тут же нахмурился. — Или ты пытаешься намекнуть мне тут, что мои кузены чем-то хуже других?

— О, нет-нет! — поспешно сказала школьная учительница. — Я бы не посмела.

— Еще бы, — самодовольно хмыкнул мистер Тэммин.

Мисс Мэри кивнула и повернулась к лестнице. Не успела она поставить ногу на первую ступеньку, как хозяин лавки свирепо рявкнул:

— И куда это мы собрались?!

— Ну, я думала...

— Что ты думала? — издевательски протянул кондитер. — Что раз ты знаешь, в каком году шарлатаны поделили Эссекс на четырнадцать частей, то теперь можешь расхаживать здесь, где тебе захочется?

— Но я же здесь живу...

— Хе-хе, — ухмыльнулся мистер Тэммин. — Это тебе так кажется. Когда я увижу мою плату?

— Очень скоро... Нам только выдадут в школе жалованье, и я...

— Очень хорошо, — недобро прищурился хозяин лавки. — А пока нет денег, будешь платить вежливостью.

— Простите? — не поняла мисс Мэри.

— Хорошее начало, — хохотнул мистер Тэммин. — Ты должна спросить, можно ли тебе идти? И спросить вежливо. Попросить, так сказать, дозволения.

Это было просто невероятно... нет, невозможно униЗИтельно! До подобной мерзости хозяин лавки никогда прежде

не опускался. Должно быть, он заранее все придумал: еще бы, такой-то спектакль... Она, взрослая женщина, которая преподает, возможно, и детям присутствующих здесь людей, будет расшаркиваться перед этим отвратительным человеком, чтобы доставить ему удовольствие! А они, эти закутанные в теплые пальто люди, с довольными выражениями на лицах поспешат домой, чтобы рассказать своим чадам, как была унижена их учительница, эта мисс Мэри.

Мисс Мэри захотелось умереть.

«Скоро я буду дома, — думала она. — Скоро я буду дома. Скоро я сниму наконец с себя этот дурацкий наряд и снова надену свой обычный... скоро...»

— Вы разрешите мне идти? — прошептала она одними губами.

Мистер Тэммин приставил огромную красную ладонь к уху, требуя повторить.

— Вы разрешите мне идти? — спросила мисс Мэри уже громче.

В ее голосе вдруг прозвучал некий вызов. Поза школьной учительницы немного изменилась, как будто она неожиданно что-то решила.

Нет! Она не станет поддерживать его мерзкую игру и не будет стоять здесь, как побитая собака, она распрямит плечи и вскинет подбородок! Так всегда ходила ее мать — со вскинутым подбородком! Никто и никогда не смел сказать ее матери чего-то хоть немного непочтительного, или замешкаться и не уступить дорогу, или вовремя не поприветствовать. Стоило матери вот так же, как и Мэри сейчас, поглядеть на кого-то, как бедолага уже и вовсе жалел, что тем утром вышел за порог собственного дома. У мамы был очень тяжелый взгляд, который мог припечатать человека, будто судебским молотком. Люди же называли это несколько по-другому. «Дурной глаз», если точнее.

— Да, ты можешь, — сказал хозяин лавки с таким опустошенным видом, словно мгновенно забыл, в чем, собственно, заключалась соль всей шутки.

— Мистер Тэммин, — сказала напоследок мисс Мэри. — Раз уж мы говорим, то...

— Что еще? — проворчал кондитер, злясь оттого, что ему почему-то ни с того ни с сего *перестало быть смешно*. Он вдруг почувствовал себя так, будто заболел или вспомнил о каком-то незавершенном деле.

— Я бы хотела попросить. Вы не могли бы выдать мне ключ от чердака? Дверь совсем не запирается, и я опасаюсь, как бы...

— Что?! Еще и ключ?! — мистер Тэммин сбросил внезапно охватившее его оцепенение и так искренне возмутился, словно мисс Мэри только что удостоила его не самой обычной просьбы, а подошла и плюнула в него. — Радуйся, что у тебя пока что есть дверь, радость моя! И что мне с моими бедными больными ногами не подняться на эдакую верхотуру, иначе уже давно собрал бы твои вещички — и в окошко, и в окошко...

Мисс Мэри, едва не плача, повернулась и побрела вверх по ступеням. Да, она — не мать. Она даже меньше, чем жалкая тень матери. Видит бог, как же она ненавидит этого злобного человека. Как унижительно все это терпеть, несмотря на то что ей вроде бы не привыкать. А ведь раньше она искренне надеялась, что, когда станет учительницей, ее перестанут все ненавидеть, перестанут издеваться и всячески изводить. К сожалению, все вышло совсем не так, как она полагала.

— Подумать только, какова наглость, — по секрету тем временем говорил мистер Тэммин кому-то из покупателей, — не платить за комнату и являться сюда в этой гнусной шотландке! Неужели нельзя носить полоску или нормальную клетку? Почему именно шотландка? Уверен, она это мне назло...

Это было последним, что услышала мисс Мэри, поднимаясь по старой деревянной лестнице. Пройдя по коридору второго этажа, где располагались комнаты четы Тэммин, она нырнула в тупичок, в глубине которого чернели кривобокие ступени. Не зная, что находится там, наверху, можно было подумать, будто эти крутые ступени ведут в никуда, прямо в крошечную тьму. Само собой, жадный мистер Тэммин не удосужился повесить здесь лампы.

Мисс Мэри, крепко держась рукой за перила, начала осторожно подниматься. Вскоре она нащупала дверную ручку и повернула ее. Дверь со скрипом открылась,пустила постоялицу и снова закрылась.

Томми Кэндл осторожно выглянул через просвет между деревянными столбиками лестничных перил и увидел полутемный пустой коридор. Мисс Мэри только что исчезла на чердаке...

Само собой, после разговора с учительницей Томми домой не пошел. Он был так взволнован ее оговорками о Викторе, что решил выяснить все до конца, и, конечно же, ему ничего не оставалось, кроме как за ней проследить.

Мальчик шел за мисс Мэри по городу, держась на почти-тельном расстоянии, и всякий раз, как она останавливалась у какой-нибудь витрины или на перекрестке, нырял в ближайшую подворотню, прятался за гидрантом или у фонарного столба. За все время учительница ни разу не обернулась: видимо, она и не думала, что за ней кто-то может следить, — как безопасно с ее стороны!

Так они преодолели почти весь Ивовый район. Мисс Мэри никуда не заходила и ни с кем не разговаривала — она просто шла себе домой.

Томми пожалел, что с ним сейчас нет Чарли, — вдвоем следить за учительницей было бы намного интереснее. А еще он искренне хотел, чтобы мисс Мэри вдруг вычудила что-нибудь

необычное и странное, поскольку с каждым пройденным кварталом ему становилось все скучнее и скучнее. Томми всерьез начали одолевать сомнения в том, что ему удастся что-нибудь выяснить.

И все же в какой-то момент что-то изменилось: настроение у мисс Мэри, кажется, улучшилось, и вообще она стала вести себя довольно подозрительно — то начинала внезапно смеяться, словно услышала какую-то шутку, то едва не пу-скалась в пляс, когда кто-то с ней здоровался. А потом она заглянула в «Сладкие чары четы Тэммин».

Томми вошел в кондитерскую лавку следом за ней, по-считав, что там будет толпа и он сможет в ней спрятаться. Мальчик ожидал, что мисс Мэри что-то купит или с кем-то встретится и уйдет, но он и предположить не мог, что она здесь живет. А хуже всего было то, *что* он услышал, как только оказался внутри.

Томми невероятно захотелось побить этого злобного кон-дитера, но максимум, на что он был способен, это пообещать себе больше не есть ни одного пирожного и ни одной кон-фетки из этой лавки.

Но вот мисс Мэри поднялась наверх, и он шмыгнул за ней. Томми уже не хотелось следить — только увидеть ее, утешить. У него на языке вертелось: «Да пусть этот толстяк-кондитер до смерти обьестся своими тортами, если заставил вас пла-кать, мисс Мэри!» Он совсем не подумал, что учительнице станет лишь больнее, если она узнает, что ее ученик стал свидетелем ее унижения.

Томми поднялся по чердачной лесенке и оказался возле двери комнатки мисс Мэри. Он постучал, выждал немного и, даже не задумываясь о возможной неуместности собствен-ного появления, толкнул дверь. Та подалась очень легко, почти без скрипа...

— Мисс Мэри, я... — начал было Томми и растерянно замолчал.

В комнате никого не было!

Томми ничего не понимал. Он же сам только что видел, как его школьная учительница сюда зашла! Она не могла выйти — у нее просто не получилось бы проскользнуть мимо него! В то же время здесь, в этой каморке, даже развернуться было трудновато, не то что спрятаться. Узкая кровать, крошечный столик и... все. Разве что на столике лежали очки учительницы.

А потом он увидел еще одну дверцу: низенькую и будто бы пытающуюся прикинуться частью стены.

Томми повернул круглую ржавую ручку. Дверца отворилась — за ней темнел узкий деревянный проход с низким потолком и дощатым полом. Из прохода полз сильный запах, и Томми узнал его: так пахло в гардеробном чулане Крик-Холла, где висела зимняя одежда всей семьи.

«Нафталин! — понял мальчик. — Он нужен, чтобы моль и Марго не грызли одежду...»

Маленькая сестра Томми отчего-то была равнодушна к зимним шубам — мама часто находила ее в гардеробном чулане, обгладывающей рукава. Чтобы отвлечь Марго, мама все засыпала нафталином. Нафталин сестре не нравился, и она ждала, пока тот выдохнется, чтобы можно было снова забраться в каморку...

«Наверное, здесь тоже где-то висит одежда», — решил Томми и нырнул в проход.

Он прошел по коридорчику едва ли десять шагов и уперся в неплотно прикрытые дверцы. Толкнув их (старые петли тут же заскрипели), Томми сошел, как со ступеньки, на пол. С удивлением он понял, что выбрался из большого шкафа, и шкаф этот стоял вовсе не на чердаке кондитерской лавки.

«Где это я? — испуганно подумал Томми. — На соседнем чердаке?»

Мальчик прислушался. Кругом было тихо, разве что... его собственное сердце лихорадочно колотилось и стучало,

казалось, громче любого дверного молотка. Томми попытался приказать ему вести себя потише, но оно, разумеется, не послушалось — для этого мальчик был слишком взволнован.

Томми огляделся.

Нет уж, никакой это не соседний чердак. Да и будто бы не чердак вовсе. Место, в котором он оказался, больше походило на... прихожую?

Как только глаза Томми чуть привыкли к темноте, он разобрал, что возле шкафа, через который он попал в чужой дом, стоит вешалка. На вешалке висели потрепанные пальто, которые никто, судя по их виду, не носил годами. От этих пальто исходил мерзкий запах — как показалось мальчику, они пахли людьми, которые уже никогда не смогут их надеть, поскольку давно лежат в земле. То же было и со старомодными башмаками у стены. На обувных полках примостилось не меньше дюжины пар: невероятно дряхлых, сохранивших грязь неведомых дорог и будто бы оставивших свой блеск в тех временах, когда Томми еще не родился. Каждая из этих пар, мальчик был уверен, хранила в себе мрачную историю и память о чьей-то завершившейся жизни.

Еще в прихожей была дверь, которая всем своим видом напоминала входную дверь дома.

«Ну нет, это же невозможно! — подумал Томми и попытался себя убедить: — Не глупи, ты просто где-то на соседнем чердаке...»

Решив проверить, он, крадучись, двинулся к двери, ступая по обшарпанному дощатому полу, которому определенно не помешала бы уборка. Между тем, если здесь и пользовались метлами, то явно не для того, чтобы мести пол.

Подойдя к двери, Томми встал на пошарпанный круглый коврик и подергал ручку — заперто! Ну разумеется!

«Что дальше?»

Томми обернулся и увидел в дальнем конце прихожей открытую дверь и узкую деревянную лестницу, ведущую куда-то наверх.

Страхи, сомнения, предчувствия — в общем, все то, что сам Томми называл «внутренностями», настойчиво отговаривало его туда идти, советовало залезть обратно в шкаф и убраться отсюда, пока не поздно, но он «внутренности» не послушал и пошагал к двери.

За дверью приютилась крошечная кухонька. Большую ее часть занимал древний ржавый холодильник с приоткрытой дверцей, из-за которой сочилась отвратительная темнота. В углу стояла маленькая плита, а рядом с ней — столик, заставленный стопками пыльных книг с кулинарными рецептами и казанками, в которых давно уже ничего не готовили. Их использовали как цветочные горшки, но все цветы в этих казанках давно засохли и почернели. Рядом высились колонны битых чашек, возле них, странное дело, примостился небольшой автомобильный руль. Повсюду, куда ни кинь взгляд, были развешаны поварешки, огромные ножи, лопатки и другие кухонные инструменты. Скелета повара в фартуке и поникшем полотняном колпаке, к несказанному разочарованию Томми, здесь не оказалось — несмотря на все его ожидания.

Зато в кухне было окно!

Томми глянул в него и проглотил вставший в горле ком. Все его недобрые предчувствия мгновенно подтвердились: он никак не мог быть сейчас на соседствующем с кондитерской лавкой чердаке... потому что это был вообще не чердак!

Место, в котором Томми очутился столь странным образом, располагалось посреди пустыря: кругом, насколько хватало глаз, все поросло бурьяном, в грязи валялся мусор, вдали желтели пятна уличных фонарей, и в их свете можно было различить призрачные очертания домов, которые словно пытались держаться отсюда подальше.

«Это же совсем не Ивовый район, — пронеслось в голове. — Как я здесь оказался?!»

Томми глядел в окно, не в силах поверить в то, что видит. Все это просто не укладывалось в голове...

«И что теперь делать? Вернуться, пока не поздно? Или, как дураку, сунуться вглубь этого черного дома и выяснить, что за чертовщина здесь творится?»

Томми дураком не был, но быть дураком и поступать по-дурацки — не одно и то же. По крайней мере, временами. К тому же как он мог просто уйти и сделать вид, что никакого исчезновения мисс Мэри не было, а проход с чердака кондитерской не вел в дом на пустыре в другой части города?! То, что с ним сейчас происходило, было настолько невероятным — попросту невозможным! — что у него и мысли не возникло взять и сбежать.

Томми прокрался обратно в прихожую и в нерешительности замер у лестницы — лестница эта совершенно не внушала доверия, и подниматься по ней не хотелось...

Он снова пожалел, что рядом нет Чарли. Вместе они уже давно обследовали бы весь дом, попутно раскрыв все тайны и разоблачив всех заговорщиков. С Чарли было бы не так страшно...

Томми боялся. По-настоящему боялся. Не так, как обычно — вполсилы, помня, что у него есть мама, которая скорее сама сделает Томми что-то плохое, чем позволит сделать с ним что-то плохое кому-то постороннему. Сейчас он боялся так, что его спина покрылась холодным потом. Томми вдруг вспомнилась мрачная поговорка, которую как-то сказала ему тетушка Мегана: «Если ощущаешь холод по спине — значит, кто-то прошел по тому месту, где когда-нибудь будет находиться твоя могила».

От этих мыслей стало еще страшнее... И все же Томми сжал зубы и двинулся вверх.

Лестница напоминала тесный рукав из-за близко подступающих со всех сторон стен и низко нависающего потолка.

Вспотевшая рука касалась обшарпанных перил. Ступени хоть и скрипели, но как-то тихо, приглушенно.

Томми и опомниться не успел, как оказался на втором этаже. Лестница вела дальше, но Томми вдруг увидел то, что заставило его замереть на месте: на доски пола у дальней стены лился бледный, будто просеянный через ткань, свет. И лился он из щели приоткрытой двери.

Ага, вот и комната!

«И чему это ты радуешься? — раздраженно спросил себя Томми. — Вдруг там кто-то есть? И неизвестно, вдруг этот кто-то проголодался, а питается он такими вот любопытными».

Мальчика вдруг посетило пугающее предчувствие: ему совсем не понравится тот, кого он найдет за этой дверью. Откуда-то он знал, что там отнюдь не мисс Мэри.

Томми на цыпочках подкрался к двери, осторожно приоткрыл ее немного шире и просунул голову в образовавшийся проем.

Комната была не особо большой. Через единственное окно внутрь проникали отсветы далеких уличных фонарей. На стенах в резных овальных рамах висели какие-то пыльные картины — кажется, портреты. Темный пустующий камин, судя по всему, не зажигали уже очень давно. На каминной полке стояли покрытые пылью фотографии в рамочках.

То, что это место — спальня, выдавала громоздкая кровать с резными столбиками и провисшим пологом. На постели, ближе к изголовью, виселись пирамиды подушек в ковровых наволочках, все остальное место на ней занимал ворох беспорядочно сваленных пледов и шалей.

В комнате вроде бы никого не было, и, расхрабрившись, Томми переступил порог. Слева от двери разместились небольшой столик и пара стульев. На столике стояли две тарелки с торчащими из них ложками и засохшими

остатками — Томми втянул носом запах — тыквенной каши. Помимо тарелок, там была еще потухшая свеча и какая-то бумага с — мальчик прищурился, пытаясь разглядеть, — печатями и витиеватыми подписями.

Томми решил было подойти поближе, как в спальне вдруг раздался хриплый голос:

— Я вижу тебя...

В тот же миг дверь за спиной мальчика с грохотом захлопнулась.

Сердце Томми взяло билет в один конец и отправилось прямо в пятки. Он застыл, глядя расширенными от ужаса глазами на зашевелившийся на кровати ворох пледов и шалей, не в силах двинуться или хотя бы моргнуть.

«Ловушка! — пронеслось в голове. — Это ловушка! Меня сюда заманили! Меня съедят! И никто не знает, что я здесь! Мама меня точно убьет!»

Край вороха в изголовье кровати прямо на глазах перепуганного Томми начал медленно подниматься, как будто внутри находилась огромная просыпающаяся змея, неспешно разворачивающая свое длинное тело. Когда это жуткое существо поднялось на достаточную высоту, с него слой за слоем начали опадать шали, в которые оно было завернуто. Показалась голова...

Застывший от ужаса Томми ожидал увидеть огромные мушиные глаза, длинные усики, кривые жвала и что-то в том же духе, но ему предстала... обыкновенная человеческая, а если точнее — старушечья голова с неимоверно длинными белоснежными волосами.

Старуха села на кровати, облокотившись на свои подушки. Она сцепила узловатые руки-ветви и пронзила мальчика злым вороньим взглядом, отчего тот вдруг ощутил себя тряпичной куклой, которую выворачивают наизнанку.

Сухие потрескавшиеся губы шевельнулись:

— Ты думал, что, если будешь молчать и ходить на цыпочках, мне не услышать твоего жалкого сердечка?

Томми скривился — так он и знал, что сердце у него слишком громкое.

— Раньше я такие крошечные перепелиные сердца ела на завтрак, — заявила старуха. — А сегодня ты сам принес его мне на ужин? Отвечай!

— П-простите, мэм, — выдавил Томми и сам не услышал собственного голоса — настолько тот был тихим и блеклым.

— Я узнала, что ты бродишь по моему дому сразу же, как только ты сюда забрался, я слышала, как ты крадешься внизу, словно вор. Отвечай, гаденыш, зачем явился? Убить?

— Что?!

Томми попятился и вжался в дверь.

— Да, для этого ты слишком труслив, — подметила старуха. — Зачем тогда? Она не говорила, что пошлют подобное ничтожество. Она вроде бы забыла упомянуть. Но ничего, я у нее спрошу... при первой же встрече.

Томми не понимал, о ком старуха говорит, но сейчас его это не слишком-то интересовало. Он опасался того, что карга может выкинуть. Несмотря на свой возраст, она не выглядела немощной и в любой момент могла соскочить с кровати и наброситься на него.

Старуха будто бы прочитала его мысли:

— Знаешь, что в этом доме принято делать с незваными гостями, маленький проныра?

— Но я не незваный!

Томми так боялся, что начал спорить с очевидными вещами.

— О, что-то не припомню, чтобы высылала тебе приглашение! — Старуха даже затряслась от негодования. — Или было? Не помню. Хотя нет, точно не высылала... А ну говори, что здесь делаешь, пока не запекла тебя в пироге!

Томми вдруг отчетливо представил, как его с толком, профессионально готовят на крошечной кухоньке внизу. Как разжигают духовку, как замешивают тесто в огромной бадье, как повсюду летает мучная пыль и становится жарко, а противень умащивают маслом, чтобы Томми не пригорел.

— Я не хочу в пирог! — заявил мальчик.

— Тогда говори, — велела старуха.

— Я... я не знаю.

— Чего не знаешь? — удивилась женщина. — Зачем явился в чужой дом и бродишь здесь повсюду? Вынюхиваешь, небось, шпионишь? Хочешь вызнать все мои секреты? Но знаешь что? Не видать ей моих секретов!

— Кому «ей»? — только и спросил Томми, по непонятной даже ему самому причине выделивший в словах старухи именно это.

— Замолчи! — рявкнула эта страшная женщина. — Хотя нет, лучше ответь-ка на вопрос, дружок. Или мне отрезать моим любимым кривым ножом твой молодой язык и спросить у него отдельно? Уверена, он будет поговорчивей...

Почему-то Томми сразу же поверил угрозам старухи. Его фантазия, как это зачастую и случалось в самые неподходящие моменты, разыгралась не на шутку. Он явственно представил себе собственный кровоточащий язык, который выплывает на старухином верстаке и делится с ней всем самым сокровенным.

— Меня зовут... — начал было мальчик, но старуха зарычала и вскинула руку, скрючив длинные пальцы с острыми ногтями.

— Не смей, — процедила она. — Не смей осквернять мой дом этим именем. Я и так знаю, как тебя звать, маленький проныра. И я знаю, что ты здесь ищешь, но тебе его не найти, нет, не найти!

— Кого не найти? — не понял Томми.

— Неважно, — отрезала старуха.

— Но я ничего не ищу!

— И чем докажешь? Или тебе на слово полагается верить?

— Я не знаю, как сюда попал, — дрожащим голосом сказал Томми и вдруг выпалил все как на духу: — Я был в кондитерской. Нашел дверь на чердаке. Я зашел в нее, а потом выбрался из вашего шкафа.

Старуха, казалось, ничего не поняла. Она глядела на Томми, задумчиво хмурия седые брови. Ее губы беззвучно шевелились.

— Я просто шел за мисс Мэри, — всхлипнул мальчик.

— Какая-такая мисс Мэри? О ком ты там лопочешь?

— Она учительница у нас в школе...

— А, Клара... — догадалась старуха. — Это моя дочь.

— Почему Клара? И... ваша дочь? — Томми выпучил глаза. — Я не знал, что у мисс Мэри есть мама.

— А как она, по-твоему, на свет появилась? Вылезла из колбы, как гомункулус?

— Как кто?

— Неважно, — снова отрезала старуха. — Да, Клара — моя дочь. Бессмысленно тратит время и учит маленьких негодников в школе возле парка. — Она кивнула на каминную полку, и Томми посчитал это разрешением отлипнуть от двери, подойти и взглянуть на фотографии.

Он медленно и осторожно, будто пробираясь между волчьими капканами, подошел к камину, всякую минуту ожидая, что из его черного зева на него кто-то выпрыгнет. При этом Томми старался не выпускать старуху из виду — вдруг отвлекает, чтобы наброситься? А потом — пирог или еще что похуже...

И все же фотографии... Любопытно было до чертиков.

Мальчик вопросительно посмотрел на старуху. Хозяйка с усмешкой кивнула.

Томми аккуратно стер пыль с одной из фотографий. На ней были изображены две женщины. Одна — средних лет, другая — моложе. Но при этом обе высокие, стройные, в длинных пальто с меховыми оторочками и муфтами. И в широкополых шляпах. Стояли эти две дамы у шикарного автомобиля с вздернутыми крыльями. В одной из дам Томми с трудом узнал свою новую знакомую: старуха была лет на сто моложе, и во взгляде ее не читалось ни капли нынешней злобы, ни тени коварства — лишь величественность, как у королевы. Девушка, которую она держала под руку, была примерно возраста Кристины, может, чуть старше, и это... Томми потрясенно распахнул рот... это определенно была мисс Мэри! Только без очков и с другой прической...

— Нравится? — хрипло спросила старуха.

— Да, очень красивая... мисс Мэри очень красивая, — сказал Томми.

— Неужели? А погляди-ка на нее нынешнюю. Она там, за остальными.

Томми встал на носочки и нащупал рамочку, которая лежала за прочими так, словно фотографию запрятали подальше, не желая видеть. Сняв ее с каминной полки, он стер пыль и вздрогнул.

На него глядела та самая нищенка, которую он вчера видел у Крик-Холла! Тот же берет, то же бесформенное пальто, путанные нечесанные волосы едва ли не до пояса, вороватый, ожидающий подвоха или подлости затравленный взгляд. Вглядевшись в ее лицо, Томми с ужасом понял, что это действительно его мисс Мэри, но только опять же без очков, с другой прической и в другой одежде, а еще старше лет на двадцать, хотя из-за неухоженного вида — как будто на все сорок.

— Это она сейчас такая, — с издевкой сказала старуха. — Красавица. Моя Клара. Добренькая глупенькая Клара, которую

все ненавидят. Мое самое большое разочарование. Уродина проклятая...

— Нет! — со злостью воскликнул вдруг Томми. — Не говорите о ней так!

Повисла не предвещающая ничего хорошего тишина.

Старуха, не ожидавшая подобной отповеди от мальчишки, застыла, а затем вдруг... расхохоталась.

— О, какие мы храбрые! Подумать только! А кто всего минуту назад трясся у порога, вытирая собой пыль с моей двери, а?

Томми, насупившись, молчал. Он сжимал в руках фотографию и не торопился ставить ее обратно на каминную полку.

— Да, Клара умеет очаровать, — сказала старуха. — Ее нелепая наивность и эта никчемная детская доброта настолько неподдельны, что не могут не покорить глупцов, и даже я порой забываю, как презираю ее.

— Почему вы ее презираете? — спросил Томми угрюмо.

— Ха-ха, любопытно? — ядовито усмехнулась старуха. — Но кажется, на этом праздничном подарочке не стоит твоего имени, дружок.

Томми вдруг вспомнилась тетушка Рэммора. Она не раз произносила эту фразу, когда он пытался у нее что-то узнать или получить.

— Моя тетушка Рэммора тоже так говорит, — сказал он.

— Наверное, это потому, что кое-какая малявка постоянно сует нос в чужие дела?

— Вряд ли из-за этого, — нашелся Томми. — Скорее она просто злая.

— Как у тебя все просто и легко выходит. — Старуха потерла сухие руки — дряхлая сухая кожа посыпалась с кистей, будто хозяйка дома перед этим опустила их в мешок с мукой. — Если не дают, что хочется, — злой. Хотя чего ожидать от... от... — она сморщилась, — Кэндла... Все Кэндлы разбалованные, высокомерные, тщеславные...

— Неправда!

— Вас никогда было не переспорить, — презрительно бросила хозяйка. — Неблагодарное это дело. Лучше скажи мне о Кларе. Зачем ты за ней шел?

Томми не собирался выдавать этой мерзкой страшной старухе свои секреты, поэтому попытался увильнуть:

— Ну, я хотел у нее кое-что спросить, а потом она...

— Что спросить?

«Вот ведь прицепилась!» — раздраженно подумал Томми.

— Кое-что, о чем она говорила на уроке.

— Правду говори!

И Томми неожиданно для себя признался. Слова будто сами собой соскочили с его языка:

— Я хотел узнать, откуда она знает о моем брате Викторе. И о том, что он репортер.

— Экая важность! — махнула рукой старуха. — Даже я знаю, что этот твой Виктор — репортер. Сбежал от мамочки в Лондон. Как ему казалось. Вот только так просто от нее никто не сбегает. Она и на том свете достанет, уж поверь мне.

Томми нахмурился:

— О чем вы говорите?

— О том, что кое-кто из младших Кэндлов намного глупее, чем сам считает. Это я о тебе, мальчишка, намек понял?

— Почему вы так нас не любите?

Старуха помедлила, будто бы раздумывая.

— Вас? — спросила она.

— Кэндлов. Мою семью.

— Ах, все не так. Не так... — она перешла на хриплый шепот, и в ее глазах вдруг проявилось настоящее безумие. — Вас и так-то любить не за что, но то, что вы сделали... Не люблю? Нет, я вас просто ненавижу... Больше, чем жизнь в этом тухлявом ящике, больше, чем криворукую дочь, больше, чем увядание в этом проклятом теле.

— Но почему? — искренне недоумевал Томми. — За что?

— Тебя это действительно так интересует? — глянув на него исподлобья, спросила старуха. — А ты спроси у папочки своего или у братца его, за что старуха из Гаррет-Кроу ненавидит всех Кэндлов. Только гляди, когда спрашивать будешь, чтобы мамочки поблизости не оказалось, а то прищемит тебе нос, не сомневайся. — Женщина поправила одну из подушек. — А теперь убирайся. Я устала. Спать хочу.

— Но я не понимаю...

— Чему-то не тому вас учит моя дочь, если ты даже простого языка не понимаешь!

— Я не понимаю самого главного! — воскликнул Томми. — Как я здесь оказался? Дверь на чердаке мисс Мэри вела в шкаф. Это что такое? Фокус какой-то? Но зачем и... как?! — От волнения младший Кэндл путался в вопросах и никак не мог сформулировать тот единственно верный вопрос, ответ на который, как он надеялся, прояснит все. — Почему мисс Мэри выглядит то старше, то моложе? Почему ее вообще зовут мисс Мэри, если она Клара?

Старуха прищурилась и самодовольно заявила:

— Почему? Ты так и не понял? Да все потому, что ведьмы существуют, мальчик. А теперь пошел вон!

— Но я...

Старуха вдруг затряслась и закричала, как будто ей под ребра вонзили нож и начали медленно его проворачивать:

— Вон из моего дома! Вон, я сказала!

Томми в ужасе сорвался с места. Распахнув дверь, он выбежал из комнаты и бросился вниз по лестнице...

Вот и прихожая черного дома. Шкаф. Короткий проход на чердак. Лавка кондитера. Дверь с колокольчиком. Улица, освещенная фонарями и заполненная людьми и машинами...

Томми снова был в Ивовом районе. Он бежал так быстро, как никогда в жизни. Ветер свистел в ушах. И в нем

отчетливо слышалось: «Потому что ведьмы существуют, мальчик...»

В руке Томми крепко сжимал фотографию в рамочке.

— Ничего особенного, — проворчала Мегана Кэндл с заднего сиденья таксомотора мистера Эндрю. — Просто горит много света. Никогда не видела в этом чего-то такого уж прям «ах!»...

— Разве вам не тепло от подобного зрелища, мадам? — спросил мистер Эндрю.

— Тепло мне в моем пальто, — вальяжно заявила Мегана и снова поглядела в окно.

Как только окончательно стемнело, по всем улочкам прошли дворники и фонарщики, зажигая фонари. Судя по тому, сколько сегодня этих фонарей горело, равнодушным к старой городской традиции не остался никто.

Как только колокол на Глухой башне пробил шесть вечера, город запылал так, словно его облили керосином и подожгли. Что бы ни говорила Мегана Кэндл, это было действительно великолепное зрелище. Все улицы, аллеи, мосты и переулочки стали похожи на сверкающие нити, сплетающиеся в горящую паутину. А клубящийся в городе туман придавал Уэлихолну атмосферу таинственности и легкий налет сказочности.

Во всех окнах показались лица: замороженные, мечтательные, хоть на мгновение-другое счастливые. Жители Уэлихолна единодушно согласились бы с тем, что это, без сомнения, идеальный во всех смыслах День, когда зажгли фонари. Вот только человек привыкает ко всему слишком быстро и совершенно безоглядно — даже к чарующему и изумительному. И часа не прошло, как город осветился, а уже никто не обращал внимания на теплую рыжую иллюминацию — она стала всего лишь частью обычного городского пейзажа за окном.

Уэлихолн быстро очнулся от сказочного сна и вернулся к своим ежевечерним заботам.

Рабочий день подходил к концу. Конторы в центре закрылись, в лавках стало не протолкнуться. В кафе уже начали подавать все, чем можно перекусить по дороге домой, а в ресторанах на столы положили меню под названием «Ужин». В обычно тихом и сонном Уэлихолне вечер был самым оживленным временем суток.

Таксомотор Меганы Кэндл медленно пробирался сквозь довольно редкое для этого городка явление — затор. Автомобили кругом стояли и гудели, а юркая желтая машинка мистера Эндрю каким-то чудом все же протискивалась по главной улице, как будто обладала способностью то становиться уже, то проскальзывать прямо сквозь фонарные столбы и красные гидранты у обочины. При этом сам мистер Эндрю сейчас не принимал никакого участия в управлении своей машиной. Зная, что вечерний затор так просто не рассосется, он прямо за рулем читал газету, полагая, что они стоят на месте, в то время как таксомотор преодолел уже несколько кварталов. Таксист явно не обращал внимания (или старательно делал вид, что не обращает) на то, что руль крутится сам собой, педали поочередно уходят в пол без помощи его ног, а рычаги двигаются, словно живые...

— Ну мы будем сегодня ехать или нет? — раздраженно спросила мадам Кэндл с заднего сиденья.

Мистер Эндрю поднял глаза от газеты и отметил, что они уже снова ни много ни мало в Ивовом районе. При этом машина стояла на месте, припаркованная у обочины.

— Простите, мадам, зачитался.

Мистер Эндрю как ни в чем не бывало завел двигатель, и таксомотор неспешно покатиł по пустынной улочке.

— Что пишут?

— Не уверен, что вас это заинтересует, мадам. Участились кражи на окраинах. Там же нашли убитого таксиста,

оставленного прямо в его таксомоторе. Ничего не взяли, даже дневную выручку. Но то, что с ним сделали, весьма... пугает.

— Что же с ним такого страшного сделали?

— Ему начисто стерли лицо, будто наждаком. Вместо лица — плоская кровавая маска.

Мегана Кэндл вздрогнула.

— Дай сюда газету.

Стараясь не терять из виду дорогу, мистер Эндрю передал пассажирке вечерний выпуск. Та раскрыла его и в свете тусклой лампочки принялась читать.

— Ужас, правда? Что думаете, мадам?

— Думаю, что тебе очень повезло со мной, Гораций. А брать разных незнакомых пассажиров вредно для здоровья.

— Совершенно с вами согласен, мадам.

— А еще я думаю, что следует проверить нашу ловушку.

— Как прикажете, мадам.

Мистер Эндрю с усилием опустил на скрипнувшей ножке зеркало заднего вида, чтобы мадам могла в нем себя увидеть. После этого он постарался сосредоточиться на дороге — то, что собиралась сделать пассажирка, пугало таксиста и вызывало в нем смешанные чувства: порой, когда она подобное вытворяла, ему хотелось попросту выпрыгнуть из машины на ходу.

Мегана Кэндл тем временем поглядела в зеркало. Прищурилась. Зажмурилась. Затем открыла глаза и вовсе прекратила моргать. После чего поправила прическу.

Оценив собственный вид по меньшей мере как идеальный, мадам отвернулась от зеркала и раскрыла сумочку. Оттуда она извлекла крохотный холщовый мешочек, полный черного порошка. Мегане пришлось привстать и даже уцепиться за спинки передних кресел, чтобы дотянуться. Кончиками пальцев старшая сестра Кэндл поспешно измазала все зеркало сажей и села обратно. Совершив несколько коротких и резких пассивов руками, она замерла в ожидании.

Зеркало заднего вида начало меняться. В какой-то момент оно будто бы приобрело глубину. По черному стеклу прошли круги, словно по поверхности пруда от брошенного камешка, и в центре зеркала Мегана уловила рыжие проблески, белые и желтые блики. Вскоре поверхность зеркала стала напоминать акварельный рисунок, на который опрокинули стакан воды. Рисунок этот «высыхал» прямо на глазах, и все контуры на нем постепенно обретали четкость.

Зеркало теперь отражало отнюдь не салон таксомотора мистера Эндрю и даже не его пассажирку. В нем шевелила на ветру скрюченными ветвями старая ива с единственным висящим на ней фонарем — это было то самое дерево, по которому таксист сегодня так долго и упорно карабкался. Под деревом чернела человеческая фигура.

— Гораций, останови машину! — взволнованным голосом велела Мегана. Такой тон от нее мистер Эндрю слышал, лишь когда они ловили предыдущего. Мадам была вся как на иголках, утратив свою обычную хладнокровность.

Мистер Эндрю свернул к обочине. Спустя несколько мгновений таксомотор заглох.

— Он явился? — спросил таксист. — Ловушка сработала?

— Ловушка сработала... — прошептала мадам и, замерев от напряжения, стала напоминать набитое соломой чучело. Весьма красивое чучело.

— Кто это, мадам?

Мистер Эндрю не решался взглянуть в зеркало.

— Я не знаю, — призналась Мегана Кэндл. — Мужчина. Немолодой. У него что-то на голове.

— Что?

Мегана прищурилась. Чернота, расширяющая голову незнакомца в зеркале, приобрела немного четкости.

— Фуражка! Он в форменной фуражке!

Мистер Эндрю не удержался и глянул в зеркало. Худшие ожидания подтвердились: ведьма в салоне его таксомотора

превратила обычное зеркало заднего вида в колдовской омут. Вот только сейчас то, что таксист увидел в самом зеркале, волновало его намного сильнее любых ведьмовских штучек, поскольку он заметил кое-что, чего не замечала мадам.

— У него синее пальто! — взволнованно воскликнул он. — А еще сумка на ремне!

— Почтальон!

Мегана прищурилась сильнее. Черная безликая фигура под деревом стала окончательно различимой, и ведьма с ее таксистом разобрали, что незнакомец, стоявший под ивой, действительно был в форменном синем пальто и фуражке, а через плечо у него висела кожаная сумка. Фонари на ветвях ближайших деревьев освещали не только его фигуру, но, что важнее, и его лицо...

— Я знаю, кто это, — холодным решительным голосом сказала Мегана Кэндл. — Поймать его будет несложно. Пора загнать в силоч еще одну тварь. Заводи машину, Гораций. В почтовое отделение! Нужно успеть, пока оно не закрылось...

...Мистер Питер Мэйби, старый городской почтальон, шел по ярко освещенной улочке Угрей. Он уже был буквально в одном шаге от конца рабочей смены: только что доставил последнюю вечернюю газету, и единственное, что оставалось, — это небольшая бандероль, обернутая коричневой упаковочной бумагой.

Достав из сумки коробку, почтальон посмотрел на адрес, и в тот же миг у него перед глазами все поплыло. Он перестал щуриться, вглядываясь в кривой, тяжело читаемый почерк, перестал ощущать холод, влажное прикосновение тумана и усталость. Ноги перестали болеть, как и извечно ноющая поясница. Даже натертые в башмаках ступни больше не зудели.

Не разбирая дороги и глядя лишь на посылку в руках, почтальон быстро зашагал по тротуару. Он не обращал внимания

на редкие приветствия горожан, на гудки машин, на детей, которые играли у него под ногами. Он просто шел, оставляя за спиной квартал за кварталом, сворачивая на некоторых перекрестках, следуя по мостам и не делая различий между тем, спускается он по склону холма или поднимается на его вершину.

Через полчаса мистер Мэйби оказался на Парковой улице. Он пошел вдоль высокой кованой ограды, вдоль пустующих сейчас скамеек, то ныряя в темноту, то выныривая в пятна света под развешанными на ветвях деревьев фонарями.

Перейдя через мостовую, почтальон остановился возле одного из домов, глядящих на парк. Перед этим домом располагалась понурая лужайка. Тут и там на ней высились кучи листьев — кто-то, видно, сгребал их, но бросил дело на половине: рядом с одной из куч лежали грабли... К входной двери дома вела дорожка. Начиналась она у зеленой калитки, там же стоял почтовый ящик, подписанный: *«ул. Парковая, 7, Мэйби»*.

Мистер Мэйби, по-прежнему ничего не осознавая, одной рукой повернул ручку и открыл крышку ящичка, другой аккуратно положил в него посылку. Стоило ему снова закрыть крышку, как он вздрогнул и тряхнул головой, будто отгоняя наваждение.

«Что произошло? Где я?»

Почтальон огляделся. Мгновенно узнав собственные дом и лужайку, он нахмурился.

«Как я здесь оказался? Странно...»

Рука его лежала на почтовом ящике, как будто за миг до этого он собирался проверить почту. Мистер Мэйби повернул ручку и открыл крышку. Внутри оказалась посылка. Интересненькое дельце! От кого же она?

Почтальон вытащил коробку из ящика и в тот же момент будто бы уснул стоя. Все повторилось. Он снова не понимал,

что происходит. Для него больше не существовало времени, его ничто не окружало, ему никуда не было нужно. В его голове, словно забытая в старом доме при переезде вещь, ваялась одна-единственная мысль: «Доставить адресату», что он и сделал.

Почтальон положил посылку обратно в ящик и закрыл крышку. В тот же миг он встряхнул головой и вновь стал собой.

Мистер Мэйби огляделся. Он возле своего дома, держит руку на почтовом ящике. Должно быть, он как раз собирался проверить почту. Кашлянув, он открыл крышку и увидел коробку, обернутую коричневой бумагой. О, посылка!

Мистер Мэйби достал ее из ящика и тут же снова утратил себя. С видом лунатика, вышедшего из спальни на лестничную площадку, он постоял, покачавшись на невидимом ветру, после чего положил посылку в почтовый ящик и закрыл крышку. В ту же секунду он снова очнулся. И все повторилось. Ящик, крышка открывается, посылка, извлечение ее, утрата себя, крышка закрывается, обретение себя, снова ящик, крышка открывается, посылка и так далее. Для мистера Мэйби круг замкнулся...

Почтальон мог бы продолжать проделывать свою повторяющуюся цепочку действий еще очень долго, если бы кое-кому все это скоро не наскучило.

— Ну все, хватит! Что за глупости! — воскликнула дама в широкополой шляпе и пальто с меховым воротником.

Открыв дверцу, она вышла из припаркованного поблизости таксомотора и решительной походкой двинулась к почтальону. Не позволив мистеру Мэйби в очередной раз положить посылку на место и закрыть за ней крышку, Мегана Кэндл выхватила бандероль из его рук.

В тот же миг почтальон вновь обрел способность мыслить. Он недоуменно поглядел на незнакомку, после — на свои руки, на ящик, на посылку.

— Простите, мэм! — пробормотал мистер Мэйби и тряхнул головой, пытаясь привести мысли в порядок. — Мы знакомы? Вы меня о чем-то спросили?

Мегана провела ладонью по бандероли, и в тот же миг коричневая оберточная бумага посерела, выцветая прямо на глазах.

— Вам пришла посылка, — просто сказала она. — Я как раз вышла из такси и увидела вас у калитки. Судя по всему, вам на какое-то мгновение стало дурно. Я поинтересовалась о вашем самочувствии, но вы меня даже не заметили. А потом вы уронили вот это. — Она кивнула на бандероль. — Я подняла ее и поинтересовалась, не нужна ли вам помощь.

— О, благодарю, мэм. Вы такая заботливая. Это мой дом, хоть... — почтальон задумчиво почесал подбородок, — хоть я и не помню, как сюда дошел, если честно. Но уверен, что со мной все будет в порядке. Если мне станет нехорошо, жена вызовет нашего семейного доктора. Могу я получить свою посылку?

— О, разумеется.

Мегана протянула бандероль почтальону. Тот взял ее и положил руку на калитку, намереваясь отправиться в дом.

— Вы что-то говорили о том, что хотите ее немедленно открыть, — Мегана коварно прищурилась. — Что жена не должна чего-то увидеть...

— Правда? — спросил мистер Мэйби. — Что ж, тогда, полагаю, мне действительно стоит поскорее открыть посылку.

Отправитель был не указан. Почтальон подцепил уголок бумаги и разорвал обертку. Внутри оказалась металлическая шкатулка.

— Теплая, — сказал он и открыл крышечку.

На дне шкатулки лежал небольшой тлеющий уголек, алый, как капля крови. Было непонятно, каким образом он там мог лежать столько времени и не потухнуть.

Мистер Мэйби вдруг снова утратил себя. Явно не замечая ничего кругом и не понимая, что делает, он достал из шкатулки уголек. Обжигая кожу, но не чувствуя боли, он поднес этот уголек к губам. Затем широко открыл рот и проглотил его.

В следующий миг почтальон судорожно дернулся. Его голова с жутким треском провернулась, как у куклы, на триста шестьдесят градусов. А потом он просто упал на землю, прямо у собственной калитки.

Мегана огляделась по сторонам и, убедившись, что рядом никого нет, наклонилась над распростертым телом почтальона и засунула во внутренний карман его пальто длинный коричневый конверт.

Затем она выпрямилась, поправила шляпу и двинулась к машине. Вскоре загудел двигатель, на покатых крыльях зажглись круглые фары, таксомотор фыркнул дымом из выхлопных труб и покатил прочь с Парковой улицы.

Мистер Мэйби же спустя какую-то минуту очнулся и дернул головой. Он поднялся на ноги и расправил плечи. Как ни в чем не бывало он отряхнулся и, толкнув калитку, направился к дому.

Вот только это был уже вовсе не мистер Мэйби.

Высокий и тощий молодой человек в синей почтальонской форме и фуражке толкнул ногой калитку, едва не сорвав ее с петель. Беззаботно посвистывая, Томкинс размашистым шагом двинулся по вымощенной камнем дорожке к своему любимому дому на улице Кривого Моста.

Это было крошечное строение, стены которого сплошь заросли красным плющом. В трех окнах второго этажа горел свет. Из трубы шел дымок, разнося кругом запах печеных тыкв.

— Хм... — недобро усмехнулся почтальон. — Сейчас будет весело...

Да, ему доставляло неимоверное удовольствие выводить из себя этого коротышку Бэрри. А как забавно тот пыхтит! А как смешно подпрыгивает на месте в своих уродливых тапочках от негодования, когда понимает, что ничего не может поделать.

Почтальон прежде не получал подобного удовольствия: ни когда учился в школе и издевался над слабаком Нилом Кинни, ни на почте, всячески изводя распределительницу маршрутов, толстуху Гейли Беккет. Да, Бэрри был так жалок, что потешаться над ним не составляло никакого труда. Он напоминал нелепого гнома в круглых очках. И самое приятное — это ощущение полной безнаказанности. Бэрри ничего не сделает. Попросту неспособен. Такие люди, может, где-то и считаются добрыми и терпеливыми, но на самом деле они всего лишь слабаки, которые только и заслуживают того, чтобы их окунали в корыто с помоями или драли за уши.

Злобный почтальон мечтательно зажмурился: как было бы весело наподдать этому недомерку под зад ногой и швырнуть его с крыльца... А после и вовсе затравить его как следует, пока он не выдержит и не сделает что-нибудь забавное. К примеру, повесится на чердаке, как тот неудачник Нил Кинни. Что ж, болван Бэрри будет не первым, кого он доведет до петли. Хм... только бы выпросить потом у констеблей полюбоваться, как он раскачивается на сквозняке и какой высоты его табуретка. Но для этого нужно придумать что-то еще... Еще как-нибудь унизить этого дурачка. О чем он там еще не осведомлен? О своей лысине? Нет, было, а повторяться скучно и неинтересно. О чем же? Об оттопыренных ушах? Нет, с этого началось их знакомство. Тогда о чем же? О том, что он тряпка и не вылезает из-под юбки у женушки? И это было... Хм...

Застыв у двери, долговязый почтальон почесал топорщащуюся реденькую бородку. Ага, кажется, придумал!

Игнорируя дверной молоток, он принялся стучать в дверь свернутой в трубочку газетой...

...Дверь открылась.

— Томкинс? — едва слышно протянул мистер Бэрри.

Увидев пришедшего, он вдруг почувствовал, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой, — так бывает во сне, когда ты пытаешься убежать от кого-то, но просто не в силах это сделать. И тебе остается лишь отчаяние от ощущения собственной беспомощности.

Мистер Бэрри глядел на Томкинса и внутренне сжимался, с холодным ужасом ожидая начала разговора. Он совершенно забыл, что он взрослый, что у него есть жена и двое детей. Что этот сопляк лет на десять его младше. Он даже не задумался над тем, чтобы дать хотя бы какой-нибудь отпор. Да и о каком отпоре может идти речь? Он ведь маленький и слабый, а Томкинс вон какой высокий, вон какие у него длинные руки!

— Ну привет! — радостно воскликнул почтальон, счищая грязь с подошв ботинок о порог мистера Бэрри. При этом он отряхивал штаны газетой. — Давно не виделись.

— Здравствуйте, — выдавил Уолтер Бэрри. — Что вам нужно?

— Работенка, знаешь ли. А ты, как я погляжу, дома око- лачиваешься...

— Нет, все не так, — почему-то начал оправдываться мистер Бэрри. — Я в отпуске. Меня отпустили. Праздники.

— А что, ничтожества тоже отмечают праздники? — при- шурившись, спросил почтальон Томкинс. — Не знал. Я думал, вы запираетесь в комнате и с тоской глядите в окно на то, как другие веселятся. В кого переоденешься на Хэллоуин, Бэрри? В пустое место?

Судя по всему, грязи на штанах почтальона больше не осталось, поскольку он оторвал от газеты изрядный кусок страницы и начал полировать ею башмаки.

— Это моя вечерняя газета? — едва слышно спросил мистер Бэрри.

— А ты угадай, Бэрри!

— Как вы смеете? — только и выдавил Уолтер, отчаянно надеясь, что это не будет воспринято как оскорбление или вызов и что его сейчас не начнут бить.

— Не хочешь заполучить свою газету?

— Хочу. Если можно...

— А ты дотянись! — расхохотался Томкинс и начал размахивать газетой высоко над головой мистера Бэрри.

Наблюдая за тем, как низенький хозяин дома пытается дотянуться, поднимаясь на носочки и подпрыгивая, почтальон рассмеялся.

— Ну и собачонка. Вы поглядите только! — издевался Томкинс. — И как такая почтенная женщина может иметь в родственниках такого олуха, спрашиваю я себя. Мадам Дикки, представляешь, даже угостила меня чаем с имбирным печеньем. О, за чаем она много чего рассказала о своем ничемном зятке.

— Отдайте газету, — попросил мистер Бэрри, тяжело дыша: он совершенно выдохся.

Уолтера волновало сейчас лишь одно. Он боялся. Боялся, что жена увидит его таким. Жалким и униженным. Только бы она не появилась вдруг в коридоре, только бы не застала его расписывающимся в собственном ничтожестве.

— К слову, а где сейчас твой умственно отсталый сынок? — Томкинс усмехнулся, надул щеки и выпучил глаза, имитируя сына мистера Бэрри. — Не ждет от папочки сказочку на ночь, когда папочка скачет здесь, как собачонка? Наверное, он сейчас пускает слюни где-то там, наверху, и мямлит какую-то тарабарщину, как и все отсталые...

От этих слов Уолтер Бэрри пошатнулся, опустил руки и прекратил свои нелепые попытки выхватить газету из длинных пальцев почтальона-мучителя. У него перехватило дыхание.

Томкинс посмел оскорбить его сына! Мистер Бэрри всегда остро переживал, когда кто-то дурно отзывался о его сыне, — в сравнении с этим его собственные неприятности казались ему сущим пустяком.

Доджи вовсе не был отсталым — у него были трудности с общением, и только! Он не мог ни с кем подружиться, потому что не мог за себя постоять! Прямо как его отец! И он не слишком резво соображал в критических ситуациях, а детство — это все знают — одна затянувшаяся критическая ситуация. А еще он был плотным мальчиком, что тоже нередко вызывало насмешки окружающих. Из-за скомканной речи или ответов невпопад, страха перед неловкостью и оттого еще большей неловкости, из-за роста и фигуры другие дети обзывали его громилой и не хотели с ним водиться. Притом что он был очень начитанным и интересовался буквально всем вокруг! Ему просто не давали шанса... Он не был умственно отсталым. Нет, не был!

Мистер Бэрри похолодел от гнева и ненависти. Ему стало дурно, и он почувствовал, что вот-вот рухнет в обморок на пороге собственного дома, прямо на глазах у этого негодя. Сердце заколотилось как безумное, перед глазами все потемнело. В ушах застучала кровь... Голова закружилась, и, чтобы не упасть, мистер Бэрри схватился рукой за дверной косяк.

Момент, после которого наступает будто бы некий надлом, так называемая точка кипения, бывает только у спокойных людей, тех, кто обычно старается избегать неудобных ситуаций или ссор, у людей, которые стараются сгладить все острые углы и не позволяют себе дать волю истинным чувствам. Бешеные холерики кипят почти всегда, но в случае обычно хладнокровного, рассудительного человека, когда вы усиливаете огонь и плотно закрываете кастрюльку крышкой — ждите громкого взрыва.

Оскорбление сына и стало для мистера Бэрри той самой точкой кипения...

С ужасом осознав, что у него все-таки начался нервный срыв, мистер Уолтер Бэрри закричал и сорвал с себя очки. Отшвырнув их в сторону и не обратив внимания на звук разбившегося стекла, он шагнул вперед.

— И что ты сделаешь, Бэрри? — осклабился Томкинс.

Мистер Бэрри не отвечал. Он продолжал кричать, как сумасшедший, но в следующее мгновение его крик перерос в рев разъяренного зверя. Уже не понимая, что он делает, не осознавая, что происходит, и не помня себя от ярости, Уолтер разорвал на груди жилетку вместе с рубашкой.

— Не-е-ет! — раздался откуда-то из глубины дома отчаянный женский крик. — Нет, Уолтер! Нет!

Почтальон Томкинс отшатнулся. То, что произошло дальше, по-настоящему его ужаснуло.

Все тело Уолтера Бэрри напряглось так, словно каждую его мышцу свело дикой судорогой, глаза налились кровью, будто в них одновременно лопнули все сосуды, а гримаса исказила его лицо до полной неузнаваемости.

Поначалу почтальон решил, что у Бэрри вырос горб. Спина начала сама собой подниматься, а плечи — раскрываться, как будто всего за секунду до этого они были сшиты между собой крепкой нитью.

Уолтер Бэрри изменился. Только что это был маленький ничтожный человечек, но с каждым мгновением его фигура стала раздаваться во все стороны, как кипящий вар, спешащий вырваться из котла. Вот он уже одного роста с онемевшим от потрясения почтальоном. Вот он выше на две головы. Вот уже не помещается в дверном проеме...

Тихого стеснительного клерка в отпуске, мистера Уолтера Бэрри, больше не было. Его место заняло огромное чудовище, с чьих будто бы вырезанных из камня мышц спадали обрывки крошечного костюма. Лицо хозяина дома также

изменилось. Оно превратилось в искаженную морду с крошечными алыми глазками, оскаленной пастью, полной длинных желтых клыков, и гримасой ярости.

— Нет! Не надо, Уолтер!

В дальнем конце темного коридора показалась женщина — на ее лице застыли ужас и отчаяние. Она пыталась остановить мужа или, вернее, то, что им когда-то было.

Но он ее не слышал.

С диким ревом, от которого задрожали стекла в окнах и закачались лампы, огромный тролль вышел за двери, шагнул к почтальону и схватил того когтистой лапой за плечо. Хватка оказалась такой сильной, что и одежда, и плоть человека тут же порвались под длинными кривыми когтями; сами когти сжались где-то внутри плеча, ломая кости с жутким хрустом. Потекла кровь, обагряя синюю форму, крыльцо дома и землю вокруг.

Томкинс закричал от боли, но долго кричать ему не дали. Тролль широко раскрыл пасть и сомкнул ее вокруг шеи почтальона, отчего голова последнего полностью в ней исчезла. Крик прервался, и тролль сжал клыки. Раздался хруст переламываемого хребта, и отпущенное безголовое тело, разбрызгивая вокруг себя кровь, рухнуло на мощенную камнем дорожку.

Тролль начал жевать. Огромный кадык дернулся под бурой шкурой широкой глотки, когда он проглатывал фарш из головы почтальона.

— Что ты наделал, Уолтер?! — воскликнула миссис Бэрри, выбежав на улицу. — Зачем?! Господи, что же теперь будет?!

Тролль, уже успев остыть, удовлетворенно взирал с высоты своего роста на обезглавленное тело почтальона Томкинса.

— Эй, ты! Уолтер! — миссис Бэрри схватила чудовище за его здоровенную когтистую лапу. Тролль недоуменно

повернул голову к женщине с таким видом, как будто увидел ее впервые. — А ну, быстро взял его и пошел в дом!

— Ээххрр... — недовольно прорычало чудовище — очевидно, тролль не собирался выполнять какие-то приказы какой-то маленькой слабой женщины.

— Я кому сказала!

Миссис Бэрри побелела от гнева — даже самый глупый из троллей понял бы, что спорить с ней сейчас опасно. Этот же конкретный тролль тоже все понял. Он стыдливо опустил голову и уставился в землю, не в силах поднять взгляд на жену.

— Да-да, Уолтер, тебе должно быть стыдно! — миссис Бэрри начала отчитывать тролля, как будто это по-прежнему был мистер Бэрри и он провинился всего лишь в том, что задумался о чем-то над сковородой и пережарил тосты. — Что ты натворил?! Не мог стерпеть, да?! Что встал как столб и уши развесил? Тащи его в дом!

Тролль нагнулся, схватил труп почтальона за ногу и поволок его в прихожую. Чтобы пролезть в дверной проем, ему пришлось пройти боком и едва ли не в три погибели, и все равно при этом он ободрал кожу на груди о дверной косяк.

Когда огромное чудовище и его жертва оказались в прихожей, миссис Бэрри поспешно осмотрела пустую улочку, не обделив вниманием и окна соседних домов. Неужели никто ничего не слышал и не видел?

Миссис Бэрри не удостоила лужу крови на дорожке и короткого взгляда — лишь поспешила захлопнуть дверь. После этого она еще долго отчитывала тролля, а он стоял в углу, как провинившийся ребенок, подогнув голову и уткнув затылок в потолок. Каждый раз, когда он начинал неловко пожимать плечами, платяной шкаф и комод опасно подрагивали.

— А если бы кто-нибудь увидел?! — уперев руки в бока, говорила миссис Бэрри, задрав голову и не сводя строгого

взгляда с тролля, который от страха не знал, куда себя деть. — Болван! А если прознают *они*? Как думаешь, чем тогда все закончится? И нечего скулить! Сам виноват! Надейся, что все обойдется! Ради нас с детьми! Подумай о Доджи и Джейми! Что с ними будет, если тебя заберут? Вот что мне с тобой делать? — Кажется, миссис Бэрри начинала успокаиваться. — Пусть все немного утихнет, потом я вылью несколько ведер воды на дорожку. И сбегая к маме за мясорубкой для этого вот. — Она кивнула на обезглавленного почтальона. — Будут котлетки. Никаких кровавых ужинов и невымытых людей — это вредно для желудка, ты же знаешь. А еще и одежда! Что прикажешь делать с его фуражкой, которую ты проглотил, а?.. Ничего, попьешь настойки, она сама выйдет. И нечего так на меня коситься! Это не я виновата! Пойду успокою детей. И чтоб ни звука мне тут. И из угла не смей выходить. Господи, знала бы я, сколько будет от тебя бед, когда выходила замуж... Нужно было послушать маму...

При упоминании тещи тролль как будто забыл о том, что ему следовало бояться, — он оскалился, зарычал и двинул наотмашь своей огромной лапой по платяному шкафу, сделав в его дверце солидную вмятину.

— А ну, цыц, я сказала! Все! Стой здесь!

Миссис Бэрри отправилась наверх.

Троль мистер Бэрри опустил глаза и поморщился. Но тут он увидел безголовое тело почтальона Томкинса и не смог сдержать самодовольную усмешку. Справедливость восторжествовала. А ему ведь только того и надо было. А Гвинет... ее лучше не злить, да.

И еще она права: повезло, что никто ничего не видел, а то потом хлопот не оберешься...

В это время на улице, прямо напротив дома семейства Бэрри, на чугунном столбе мигнул фонарь. Плафон вдруг качнулся и отделился от витиеватых кованых опор. Если приглядеться,

то можно было различить, что, обхватив ногами и руками столб, у его верхушки все это время висел человек, хотя... странное существо на столбе на человека походило лишь отдаленно.

Некто в черном пальто с высоко поднятым воротником и с железным фонарем вместо головы, аккуратно перебирая руками и ногами, словно насекомое, слез со столба, кивнул дому мистера Бэрри и, отряхнувшись, направился к Кривому мосту.

Не испытывая никакого неудобства в связи с отсутствием человеческой головы, этот некто быстро преодолел мост, обходя лужи и перепрыгивая через грязные канавы, оставленные колесами машин. Сгустившийся туман был лишь на руку существу с головой-фонарем. Издали, глядя на него, можно было предположить, что какой-то прохожий просто освещает себе дорогу...

Услышав вдалеке шелест метлы по булыжной мостовой, существо повернуло фонарь в ту сторону и кивнуло, здороваясь. Наскочивший вдруг порыв ветра, вырвавшийся из-под метлы, затрепетал лапами пальто и скользнул по стеклышкам плафона. Это можно было принять за ответ.

Больше по пути никаких встреч не произошло.

Быстро добравшись до Паркового района, существо с головой-фонарем остановилось у дома с засыпанной опавшими листьями лужайкой. На почтовом ящике, помимо адреса, было выведено: «*Мэйби*».

Бывший всадник на столбе огляделся по сторонам и, убедившись, что почти во всех окнах кругом темно, толкнул калитку. Несколько быстрых шагов по дорожке, звяканье ключей, скрип двери, и вот он оказался в теплой светлой прихожей, которая плавно перерастала в гостиную.

Мистер Мэйби успел как раз к ужину. За большим овальным столом у камина сидели одиннадцать детей — и все с коваными фонарями вместо голов; само собой, их фонари были намного меньше, чем у отца.

Вокруг стола, сжимая перчаткой-прихваткой ручку переносной жаровни, ходила женщина в бордовом платье, переднике и с таким же, как у мистера Мэйби, фонарем на тонкой длинной шее. Миссис Мэйби насыпала детям на тарелки уголь. Дети — кто уже получил свою порцию — подхватывали ложками крошащиеся угольки и отправляли их себе в фонари через открытые дверцы. Уголь исчезал, тая, постепенно сжигаемый дрожащими на фитильках огоньками.

— Здравствуйте, дети! — поздоровался мистер Мэйби, закрыв за собой входную дверь.

— Папа! — раздалось со всех сторон. — Папа вернулся!

— Дорогая... — кивнул мистер Мэйби.

— О, дорогой, мы как раз сели ужинать. Ты голоден?

Фонарь мистера Мэйби качнулся в знак согласия:

— Мне двойную порцию, пожалуйста.

Мистер Мэйби снял шарф и пальто и повесил их на вешалку. Башмаки отправились на стойку для обуви — здесь же стояло еще около дюжины разновеликих пар.

Миссис Мэйби тем временем отчитывала самого младшего из семейства:

— Генри, немедленно отправляйся в ванную комнату и умойся. Ты похож на грязнулю.

Малышу действительно нужно было протереть плафон — стеклышки покрылись сажей, отчего его огонек едва проглядывал через темный налет.

— Ну мама...

— Немедленно, я сказала!

— Ну ладно.

С несчастным видом Генри побрел в ванную комнату.

Мистер Мэйби отодвинул стул и уселся во главе стола.

— Все прошло удачно? — спросила миссис Мэйби, накладывая ему на тарелку угля из переносной жаровни, будто обычную вареную картошку с зеленью.

— Да, сразу после ужина отправлю письмо. Все прошло, как планировалось, даже быстрее.

— Он снял личину?

— Снял как миленький.

— А она? — спросила миссис Мэйби, усаживаясь напротив супруга.

Дети молчали — встречать, когда папа с мамой говорят, в этом доме было не принято.

— Надеется, что никто не узнает. А что ей остается?

— Верно. Генри, покажи-ка лицо!

Это вернулся из ванной комнаты младший сын. Теперь его плафон сиял, а огонек внутри горел ярко-ярко.

— Видишь, какой ты молодец? — похвалила мама. — Дети, у нас с отцом для вас есть хорошая новость.

— Да уж, — проворчал мистер Мэйби.

— Я скажу, дорогой, ты не против?

— Чего уж там... говори.

Мистер Мэйби поковырял ложкой уголь на тарелке.

— Дети, на праздник к нам приедет дедушка.

— Ура! — раздалось со всех сторон. — Ура! Наконец-то! Дедушка приедет!

— Да, только пусть не заливается все праздники керосином, как в прошлый раз, — проворчал мистер Мэйби.

— Питер, — укоризненно сказала миссис Мэйби.

— Ладно-ладно, — примирительно поднял руки мистер Мэйби. — Мы все рады, что дедушка Джек приедет. Так ведь? — и уже тише, только для себя, добавил: — Главное, чтобы не начался пожар.

Вся архивная секция городской библиотеки тонула в темноте, словно в чернильном море. Виктор напоминал потерпевшего кораблекрушение моряка, который дрейфует по этому морю на узеньком плоту своего подсвеченного лампой рабочего места: читательского стола и жесткого стула.

В дальнем конце архива, как на краю неизведанного архипелага, застыла конторка, а за ней — миссис Айвз. Седовласая архивистка спала, делая вид, будто читает газету, но, учитывая, что страница переворачивалась едва ли чаще, чем раз в час, Виктор уже давно раскусил старушку. Между тем он прекрасно ее понимал, поскольку и сам всеми силами боролся со сном.

Исследования продвигались невероятно медленно и были такими монотонными, что Виктор то и дело ловил себя на том, что уже не разбирает ни строчки. Тогда он ненадолго прерывался, легонько хлопал себя по щекам, тер глаза, а затем снова возвращался к работе.

Виктор провел за этим столом едва ли не целый день, хотя утром всего лишь зашел за словарем. Его определенно преследовал злой рок: ирландских словарей в библиотеке не

оказалось. Что ж, если отсутствие их дома еще можно было списать на совпадение, то тут уже напрашивалась вполне закономерная мысль: «Кто-то явно вознамерился помешать мне перевести сказанное неизвестным соседом».

Виктор пообещал себе, что непременно узнает значение каждого чертового слова, произнесенного голосом из-за стены, но пока что он был вынужден отложить на время тайну Ирландца в сторону и заняться разгадкой другой подозрительной вещи, с которой столкнулся сразу же по возвращении домой.

Странный мистер Стюарт Биггль.

Мысли о нем вызывали чувство холодного, склизкого беспокойства — словно сам этот Биггль забрался Виктору за шиворот и принялся пускать там слюни.

С одной стороны, был непонятный старик, который утверждал, будто служит у Кэндлов хранителем ключей. С другой, в доме все отрицали не только то, что нанимали его ключником, но и сам факт его существования. Кто-то здесь точно лгал: либо родственники, либо Биггль.

В пользу слов старика выступало то, что у него был ключ от входной двери, но ведь, если задуматься, он мог достать его где угодно: подобрать на улице, украсть. А родственники... был, разумеется, крошечный шанс, что никто из них действительно ничего не знал о Стюарте Биггле, но, вероятнее всего, они попросту лгали, заранее между собой договорившись. Вот только зачем? Какой смысл отрицать наличие ключника?

Ответ напрашивался сам собой: все отрицают присутствие Стюарта Биггля в Крик-Холле, потому что он не кто иной, как... тот самый Иероним из письма Бетти Сайзмор!

«Некто по имени Иероним... Он уже здесь, хотя все отрицают это. Он бродит среди нас, но все делают вид, что его нет...»

Все делают вид, что его нет... Нда-а... Когда Виктор прочитал письмо впервые, еще в прихожей своей лондонской

квартирки, эта строчка показалась ему едва ли не самой странной. Что ж, теперь, вспоминая напускное недоумение сестры, дядюшки и тетюшек, когда он заговаривал с ними о Биггле, Виктор понимал, что имелось в виду.

«Иероним... Иероним... — думал он. — Кто же ты? Почему твое присутствие все отрицают? Мама, решив, что Иероним стоит у нее за спиной, спросила: “Что, уже начинается?” Мама и этот Иероним что-то готовят вместе — это понятно, вот только что? Вряд ли это черничный пирог с румяной корочкой...»

Виктор надеялся, что хоть что-то прояснится, как только он узнает все, что можно, об этом Иерониме, и углубился в недра архива. Прошло почти четыре часа поисков, и в итоге... ничего. Ни в справочниках, ни в списках фамилий и родословных города, ни в исторических хрониках Уэлихолна — ни одного упоминания. Тупик.

Виктор был зол, он устал и надышался пылью — кажется, даже сам город и его заключенная в бумагу память отрицали существование Иеронима. И все же злость пробудила азарт. «Я тебя все равно разыщу, как ни прячься!» — подумал Виктор и приступил к новому поиску, вот только на этот раз он решил зайти с другой стороны.

«Биггль... Стюарт Биггль...»

Наконец удача ему улыбнулась. Биггля город, по крайней мере, не отрицал, и в итоге Виктору кое-что удалось раскопать.

Он выяснил, что в Уэлихолне вроде как жило семейство с такой фамилией. Также Виктор узнал, что дом, в котором Биггли обитали, находится на Серой улице. Разумеется, существовала вероятность, что это какие-то другие Биггли или что в доме и вовсе давно живут другие люди, но проверить все же стоило...

По карте Виктор определил, что улица Серая находится на самой окраине города, прямо у границы пустошей.

Сегодня, впрочем, ехать туда было уже поздно, и он решил отправиться в гости к Бигглям завтра, прямо с утра.

Виктор закрыл глаза и потер уставшие веки.

Он уже столько времени потратил, пытаясь собрать единое целое из разрозненных намеков, домыслов, непонятных событий, неосторожных признаний и откровенно брошенных на виду улик! И пока что ничего даже не думало проявляться. Вопросов меньше не стало, напротив...

Все было слишком запутано. Все перемешалось. Виктор представил себя на пороге старого пыльного чердака, в центре которого громоздится куча из обрывков писем, газет и страничек личных дневников, обломков граммофонных пластинок и гирлянд из телеграфных лент. Бетти Сайзмор и ее письмо. Некто по имени Иероним. Ключник Стюарт Биггль. Ирландец из-за стены...

Как все это связано? Если вообще связано? Что здесь творится? Если творится. И где искать ответы?

Виктор открыл глаза.

Фитиль стоявшей на столе лампы потрескивал, свет дрожал, а в его порывистых движениях проскальзывало что-то нервное, злое, напряженное. Тени корчились, будто потешаясь над незадачливым репортером. Они плясали на странице тетради, напоминая строки, пишущиеся сами собой. Как жаль, что это просто игра света и что оборванные ниточки не продолжают плестись без его участия...

Виктор перевернул страницу и нашел свои рассуждения о возвращении домой и о личности Бетти Сайзмор.

«След обрывается где-то между дядюшкой Джозефом и тетусшкой Меганой, — прочитал он последнюю запись. — В доказательство правдивости слов тетусшки можно привести то, что почерк в постскриптуме и в основной записке действительно отличается, и еще...»

— Погодите-ка! Почерк!

Виктора вдруг посетила идея. Он достал из тетради мятую «прикроватную» записку тетушки и письмо-приглашение Бетти Сайзмор. В дрожащем свете лампы надвинул записку на письмо так, чтобы оба их текста располагались совсем близко друг к другу и...

Да!

Виктор рассмеялся. Старая архивистка дернулась и проснулась.

— Прошу прощения, миссис Айвз!

Старушка неодобрительно на него глянула и вернулась к своей газете или, попросту говоря, снова уснула.

Отложив улики, Виктор поспешил внести свежее открытие в тетрадь:

«И как я сразу не удосужился сравнить?! Почерки совпадают! В записке тетушки Мэг и пригласительном письме почерк один и тот же — постскрипtum и приглашение писал один и тот же человек!»

И... все. Ниточка оборвалась.

«Проклятье!» — Виктор едва не заскрипел зубами от досады.

Он по-прежнему не представлял, кто автор письма, ведь добавить постскрипtum к записке тетушки мог кто угодно. В том числе и уже отброшенные подозреваемые: Кристина, тот же дядюшка... Да и что помешало бы самой Мегане при желании изменить собственный почерк? О чем все это говорило? О том, что новое открытие ни на шаг не приблизило его к разоблачению личности Бетти Сайзмор...

Виктор откинулся на спинку стула. Его взгляд упал на концовку постскриптума Бетти Сайзмор:

«...Помни: Иероним!»

Виктор поморщился: он помнил, он и на миг не мог о нем забыть!

— Иероним... — прошептал Виктор. — Кто же ты такой? Что ты задумал? Иероним...

— Иероним? — раздалось вдруг за спиной.

Виктор вздрогнул и резко обернулся.

У его стула стоял мистер Гэррити. И как он так неслышно подкрался?

— Прости, что напугал, — извинился библиотекарь. — И что подслушал. Не смог унять любопытство: не каждый день сюда заходят столичные репортеры.

— Ничего страшного.

Виктор улыбнулся старому другу отца. Мистер Гэррити работал на свечной фабрике Кэндлов с момента, как она перешла к отцу Виктора в наследство от старого господина Кэндла, дедушки Виктора, и до самого разорения. Прежде у папы было много друзей, шумных и дымящих сигаретами, но после банкротства и закрытия фабрики они все исчезли, будто бы растворились в том самом сигаретном дыму, — остался только Джим Гэррити.

«Джим никогда не воткнет нож в спину, — однажды сказал папа. — И не слушай маму — будь ее воля, я бы вообще ни с кем не общался и был бы где-нибудь заперт на ключ».

В этом была доля правды. Мама относилась к мистеру Гэррити прохладно и постоянно отзывалась о нем пренебрежительно: по ее словам, Джим Гэррити тянул папу в прошлое, а еще он, мол, постоянно напрашивался на ужин (особенно если был грибной пирог).

Все то время, что Виктор жил в Лондоне, он успокаивал себя мыслью, что отец остался здесь не совсем один, что, по крайней мере, у него есть друг, и это немного смягчало его чувство вины.

За семь прошедших лет мистер Гэррити сильно изменился. Он заметно постарел, осунулся и стал напоминать тень.

Глядя на него, Виктор надеялся, что отец сохранился лучше своего друга, что он не будет выглядеть столь же опустошенным и смирившимся со всем, с чем только можно смириться.

— Иероним? — переспросил мистер Гэррити. — Странное имя. Твой журналистский псевдоним?

— Вот еще! — усмехнулся Виктор. — Я ведь говорил, что пишу статью. Вот, провожу кое-какое исследование для нее. Весь архив перерыл, но так ничего и не нашел.

— Если хочешь, я погляжу в старых городских хрониках — мы их никому не выдаем: они слишком ветхие. А потом расскажу тебе, если что-нибудь отыщу.

— Был бы вам признателен.

— Всегда рад помочь сыну старого друга. Гарри часто говорил о тебе: он очень гордился тем, что его сын — репортер в Лондоне. Жаль, что вы с ним так глупо разминувшись.

Виктор еще утром успел немного поговорить с мистером Гэррити — тогда он и пожаловался библиотекарю, что до сих пор не видел отца.

— Он ведь знал о том, что ты собираешься приехать?

— Нет. Никто, как я думал, не знал. — Виктор нахмурился, его очень беспокоило отсутствие отца — судя по всему, его не было дома всю ночь. — Мистер Гэррити, вы давно знаете папу. Куда он мог пойти? Куда он вообще ходил все эти годы?

— Мы с ним виделись не так уж и часто в последнее время, — с грустью сказал библиотекарь. — Но я знаю, что порой он ходил к фабрике, стоял там пару часов за оградой и глядел на темные окна заброшенных цехов. Потеря семейного дела очень его подкосила — он словно окончательно разочаровался в жизни, когда фабрика разорилась. Думаю, твой отец так и не смог оправиться. Ты ведь помнишь, каким он был когда-то? Жизнерадостным, непоседливым... За эти годы он сильно... истаял. Мне очень жаль, Виктор. Он был очень хорошим человеком и добрым другом.

Слова библиотекаря, его голос и отсутствующее выражение лица испугали Виктора.

— Почему вы говорите так, будто мой отец мертв? — спросил он дрогнувшим голосом.

— О нет, нет, что ты! — возмутился мистер Гэррити. — Мы с твоим отцом виделись всего пару дней назад. Сидели в чайной «У тетушки Нэмми», болтали о былых деньках. Выглядел он здоровым. Более-менее...

— Я просто беспокоюсь за него, — признался Виктор. — Кристина сказала, что не видела его с прошлого утра.

— А ты спросил у Корделии, куда он мог пойти?

— Нет, мы с мамой почти не говорили. Она считает меня кем-то вроде незваного гостя.

Библиотекарь задумчиво кивал и покусывал нижнюю губу. Он явно хотел о чем-то спросить, но никак не решался.

— Гарри говорил, что у вас намечается званый ужин — или что-то вроде того — на Хэллоуин, — сказал мистер Гэррити, и Виктор понял, к чему тот ведет. Судя по всему, библиотекарь просто исподволь напрашивался в гости. Странно, что папа его не позвал. — Он говорил, что Корделия разослала множество приглашений.

— Да, что-то точно намечается, — кивнул Виктор. — Но я мало что знаю...

— Гарри сказал, что приедут все ваши родственники, даже самые дальние. Будет много друзей семьи. А что ты? Пригласил друзей? Они уже прибыли в город? Твои друзья приехали с тобой?

Глаза мистера Гэррити странно блеснули в свете лампы. Тени залегли на худом лице. Было невозможно понять, о чем он думает, но Виктору отчетливо показалось, что библиотекарь выжидает, затаив дыхание, как будто от ответа зависит его жизнь. Сам же Виктор буквально ничего не понимал: это было что угодно, но только не напрашивание на праздничный ужин.

— Друзья? — недоуменно спросил он.

— Да, твои друзья.

— Нет, я ведь один приехал. Было бы странно, если бы я решил вернуться домой, притащив кого-то с собой. Я вообще боялся, что Она не пустит меня на порог.

— Да-да, конечно, — не стал спорить мистер Гэррити, но по его лицу было видно, что он сделал для себя какие-то выводы. — Не пустит на порог... на порог... — Библиотекарь резко поднял голову, словно стряхнув с себя оцепенение. — Уже успел прогуляться по городу? Где побывал?

Виктора смутила резкая перемена темы, но он все же ответил:

— Да нигде особо и не был. С вокзала — прямо домой, а сегодня вот целый день здесь.

— То есть ты еще не был на тринадцати башнях Уэлихолна?

— Простите, на каких еще башнях?

— Ну как же, — начал мистер Гэррити с таким видом, будто даже пресс-папье на столе Виктора, в отличие от самого Виктора, разбиралось в городской архитектуре. — Пожарная башня, башенка больницы, башня школы Губерта Мола, часовая, она же Глухая башня, банковская и прочие...

— А зачем мне эти башни? — недоумевал Виктор.

— Ну, все дело в птицах.

— В птицах? При чем здесь птицы?

Виктор утратил нить разговора. Его глаза слипались, да и обстановка способствовала тому, что он едва ли четко соображал. А что уж говорить о мало связанных между собой и совершенно непоследовательных вопросах библиотекаря: даже в исключительно бодром состоянии Виктор вряд ли понял бы хоть что-то.

— Прости, — мистер Гэррити помотал головой. — Сам не знаю, что несу, — сплю на ходу. Здесь всегда хочется спать: эта темень, да и сами книги, — он обвел взглядом

стеллажи вдоль стен, — будто убаюкивают. Уже неделю дома никак не удастся поспать — стоит мне покинуть это место, тут же, как назло, одолевает бессонница. А здесь — ходишь, зеваешь. Пару часов назад поймал себя на том, что сплю на приставной лестнице в отделе Средних веков, а до того заснул у полок в отделе орнитологии. Целый вечер мне снятся башни и птицы... Проклятая усталость — никак не могу отдохнуть нормально.

— Понимаю.

Виктор не понаслышке знал, что такое усталость, которая все копится и копится. Как-то он так заработался, что во время интервью спросил у одного почтенного пожилого банкира, отчего тот считает себя столь легкомысленной девочкой. Усталость делает с людьми еще и не такое...

— Ладно, пойду я. — Мистер Гэррити спрятал зевок в кулак. — Меня в кабинете ждут новые каталоги, нужно заполнить уйму формуляров. Сами они не заполнятся. К сожалению.

Виктор кивнул и уже повернулся было к своей тетради, но библиотекарь отчего-то не торопился уходить, словно забыл о том, что ему куда-то было нужно.

— Кстати, я ведь так и не спросил, о чем будет твоя статья. О зеркалах, метлах, ключах, шляпах и фонарях? «Покупайте все у нас!»? В лондонской манере?

Виктор вообще перестал понимать мистера Гэррити: кажется, тот и правда просто спал на ходу, а Виктор всего лишь стал свидетелем какого-то его очередного сна...

— Пока что это просто разрозненные мысли, заметки на полях, — сказал он. — Так, кое-что о старых фамилиях города, немного о празднике, о возвращении домой.

— Очень интересно — с удовольствием почитаю, как допишешь, — сказал библиотекарь. — Что ж, не буду отвлекать. Удачи в написании статьи.

Мистер Гэррити замолчал. Он немного постоял, словно не зная, что еще добавить, после чего кивнул и наконец-таки отправился в свой кабинет.

Виктор остался один, если не считать миссис Айвз, которая уже откровенно храпела над газетой. Он вновь склонился над томами пыльных родословных. Листая страницы книг, до которых, кроме него, никому не было дела, он думал о странных словах библиотекаря. Башни... птицы... Кажется, мистеру Гэррити и правда нужно было отдохнуть и как следует выспаться.

Последней мыслью Виктора было, что он и сам, кажется, уже спит.

Мистер Эвер Ив любил пошутить, но не понимал шуток над собой. Нет, он, разумеется, мог бы, если бы захотел, но он как раз таки не хотел.

А еще он был очень непостоянным. Если в одно мгновение вы могли ему нравиться, как мистер Гэррити, склонившийся над своими бумагами, то в другое он мог вас искренне возненавидеть, как того же бедного, пока еще не догадывающегося о собственной печальной судьбе мистера Гэррити.

Мистер Ив сидел в кресле в тени заставленного книгами стеллажа, глядел на библиотекаря и был весьма раздосадован: он не любил, когда кто-то пытался с ним играть. Что ж, задавая свои подозрительные вопросы и вообще осмелившись его провоцировать, мистер Гэррити доигрался.

«Башни? Птицы? Зря ты все это затеял...»

Мистер Ив сцпил кончики длинных тонких пальцев и усмехнулся.

В это же мгновение библиотекаря что-то отвлекло от работы. Мистер Гэррити оторвал взгляд от формуляра, который

заполнял, и уставился на собственную руку. Он глядел и все пытался понять, на что же такое смотрит...

Небольшой участок кожи на его запястье выглядел неестественно бледным и был похож на приклеившийся клочок бумажки, покрытый чернильными надписями. Библиотекарь попытался стереть странную отметину пальцами, но и они тут же побелели, после чего также покрылись непонятной чернильной тарабарщиной. Отметины начали расти и расползаться по рукам мистера Гэррити, как какой-то быстро прогрессирующий лишай.

— Что за... — пробормотал библиотекарь и вскочил на ноги.

Он лихорадочно тер свои кисти, пытаясь избавиться от странной заразы, но становилось лишь хуже — она затягивала его все быстрее. Мистер Гэррити отдернул рукава рубашки: его руки покрылись бумажной коркой уже по самые локти. Он не мог этого увидеть, но бумага переползла на плечи, обрастая фиолетовыми надписями словно под чьим-то невидимым пером.

— Что проис... — только и успел прохрипеть мистер Гэррити прямо перед тем, как вся его шея превратилась в бумагу, а чернильные строчки поползли по нижней части лица, сглаживая щетину, захватывая губы, заползая в рот.

Несчастный библиотекарь покрылся бумажной кожей с ног до головы всего за несколько секунд. Его волосы выросли прямо на глазах, как будто он мгновенно поседел.

Мистер Гэррити издал хрип и замер. И тут он испытал ни с чем не сравнимую боль — словно кто-то принялся скручивать все его тело гигантскими руками, выжимая, точно влажное белье. Каждая частичка мистера Гэррити запылала, при этом он уже не мог пошевелить ни одним мускулом.

Бедный библиотекарь не понимал, что с ним происходит. Его глаза, которые пока что остались прежними, были полны ужаса, и где-то в их глубине проблескивали крохотные

искорки надежды... надежды на то, что все это просто сон и что он вот-вот проснется.

Впрочем, он бы не смог проснуться. Ведь чтобы проснуться, нужно спать.

— Не стоило тебе меня провоцировать, Джим Гэррити...

Мистер Ив одним движением вышвырнул себя из кресла и подошел к несчастному библиотекарю. В свете лампы блеснул нож для бумаги. Два стремительных движения, два росчерка по груди и животу мистера Гэррити... Из ран на старый паркет вместо крови потекли фиолетовые чернила.

Не издав ни звука, библиотекарь упал на колени. Его ноги хрустнули и растрескались. Мистер Гэррити стоял в луже натекших из него чернил на полуоторванных конечностях, которые тут же стали размокать.

— Ладно, пожалею тебя, — сказал мистер Ив. — Еще кто-то скажет, что я жесток, а ведь это всего лишь шутка...

Нож для бумаги скользнул по горлу библиотекаря, и из продолговатой раны хлынуло еще больше чернил. Джим Гэррити рухнул навзничь.

Застыв над мертвым библиотекарем, мистер Ив склонил голову набок, любясь содеянным. На себя прежнего мистер Гэррити сейчас совершенно не походил, всем своим видом напоминая большую, одетую в коричневый костюм, куклу из папье-маше, которую сбросили с антресолей какого-то шкафа.

Мистер Эвер Ив был доволен шуткой. Вышло совсем не смешно. Вышло просто ужасно. Как раз так, как ему и нравится.

Кто-то тронул Виктора за плечо, и он проснулся.

Все еще не до конца придя в себя, огляделся: кажется, он заснул прямо над бумагами. Керосин в лампе почти догорел,

фитиль едва теплился, и весь зал погрузился во тьму — миссис Айвз куда-то ушла. Судя по карманным часам, которые лежали рядом с тетрадью, Виктор проспал добрых три часа.

Странно, но он не ощущал никакой усталости от сна в неудобной позе. Ни спину, ни плечи, ни поясницу совсем не ломило, даже шея не затекла, как будто он только что, буквально за минуту до того, как его разбудили, сел на этот жесткий стул и положил голову на руки.

Виктор имел большой опыт по части сна вне собственной кровати — из-за статей, которые обязательно нужно было сдать к утру, он довольно часто ночевал в редакции. Засыпал прямо за столом настолько измотанный, что никакие сновидения и не думали его посещать. Но в этот раз, Виктор мог поклясться, ему что-то снилось. Что-то весьма необычное, что-то, от чего еще оставалось неприятное послевкусие...

Рядом стояла сестра. Она глядела на него осуждающе, прямо как мама.

— Ты домой собираешься? — спросила Кристина. — Или решил прогрызть еще пару норок в этих трухлявых бумагах, маленький книжный червь?

— Да, собираюсь, — сказал Виктор и зевнул.

— Выяснил, что хотел?

— Едва ли.

— Сочувствую.

— Не стоит.

— Ну и ладно...

Спустя несколько минут Виктор с Кристиной уже ехали в машине домой.

На Уэлихолн опустился вечер, при этом улицы были темны настолько, будто в трубах закончился газ, керосин в лампах испарился, а мыши съели все свечи. Фонари не горели, и лишь две узкие полосы света из круглых фар «Драндулета», словно вилкой, вспарывали окружающую тьму.

Кристина, как всегда, не замолкала; впрочем, поддерживать беседу смысла не имело — сестра неплохо справлялась и сама.

Виктор закрыл глаза и уперся головой в стекло окошка. Под несмолкающее щебетание Кристины Виктор думал о своем расследовании. Мысли его вертелись около письма и записки с прикроватной тумбочки, но в какой-то момент машину тряхнуло на выбоине в брусчатке, он дернулся и распахнул глаза. Город буквально пылал, словно кто-то поджег его с четырех сторон.

— О, зажгли фонари, — только и сказал он.

— Да, соня. Уже давно пора было заметить.

«Драндулет» медленно ехал по Холмовому району, и Виктор молча любовался праздничной иллюминацией. Да, в Лондоне такого не увидишь. Подумать только, как же здесь становится красиво в День, когда зажигают фонари! Как будто город надевает свой любимый, самый яркий костюм.

Кристина с улыбкой покосилась на брата.

— Ты не забыл, о чем мы договаривались? — лукаво спросила она.

«Ах да, мы ведь о чем-то говорили утром в библиотеке, — припомнил Виктор и вздрогнул. — О боже, только не это...»

— Но я думал, это шутка, — угрюмо сказал он — угодать капризу Кристины ему совсем не хотелось.

— Какая такая шутка? — обиженно проговорила сестра. — То есть я, по-твоему, слишком незначительна, чтобы брать у меня интервью?

— Я этого не говорил.

— То есть ты сейчас не споришь... — Кристина надула губки.

«Ох уж эти подростки, — нахмурился Виктор. — И как с ними вообще можно поддерживать нормальное общение? Сейчас от обиды еще направит “Драндулет” в столб».

— Кристина, — начал Виктор, искренне надеясь на хоть какие-то крохи здравомыслия в этой черноволосой головке, — интервью — это дело серьезное. Оно не терпит легкомысленности, а еще...

— Я могу быть серьезной! — заверила Кристина.

— ...а еще, — продолжил Виктор, — у тебя должна быть какая-то информация, которая может быть интересна широкой общественности.

— У меня есть! — вдохновенно заявила сестра. — Есть такая информация!

— Неужели?

— Ага! О чем там твоя статья? Ну та, которую ты якобы пишешь?

— Не «якобы». А пишу.

— Ну да-да, — не стала спорить Кристина. — Так о чем?

— О традициях наступающего праздника, — уклончиво ответил Виктор. — Но только не в общем, а в том, как к его празднованию и подготовке подходят... э-э-э... к примеру, в Крик-Холле.

— Скука! — взвизгнула сестра.

— Для тебя, может, и скука. А я тут предостаточно странностей уже повидал. Может получится отличный сюжет!

— А, так тебя всякие странности интересуют? — уточнила Кристина и тут же продолжила: — Так бы и сказал сразу! У меня этого хлама на добрый десяток интервью наберется.

— Ну да, на десяток интервью, — с сарказмом прокомментировал Виктор.

— Ты можешь смеяться сколько хочешь, болван! — Кристина не на шутку разозлилась — она просто ненавидела, когда ее не воспринимали всерьез. — Только я знаю такое, отчего у тебя волосы дыбом встанут на твоей лысеющей макушке.

— Она не лысеющая, — оскорбленно заметил Виктор.

— А чего тогда ворчишь и занудствуешь, как старый пень? — Кристина наградила брата своим знаменитым «злым» взглядом. — Но вообще-то я знаю много чего... гм... разного... всякие грязные секретикки членов нашей веселой семейки. Вот, к примеру, тетушка Рэммора! Она теперь живет во флигеле, и мама строго-настрого запретила ей появляться в ее бывшей комнате. Так вот я вчера лично поймала Рэммору прямо на выходе из этой самой комнаты. Она сказала, что выращивает там кое-что... какие-то редкие растения. Ха! Кто поверит в ее эти «выращивания», когда все знают, как тетушка относится к садоводству и к вранью. А еще...

— Скука! — воскликнул Виктор, копируя сестру.

— Ладно, а если я расскажу тебе о мамином тайном го-сте? — Кристине даже не нужно было смотреть на Виктора, чтобы понять, как изменилось его лицо. Она и не подумала сдерживать самодовольную улыбку. — Или о том, кто написал тебе пригласительное письмо?

Челюсть Виктора едва не отпала. И хорошо, что не отпала, потому что в «Драндулете» единственная лампочка не загоралась уже с полвека — он ни за что бы не отыскал челюсть в темноте под сиденьями.

— Ты смотрела записи, — яростно процедил Виктор, когда все понял: Кристина не сразу разбудила его в библиотеке — до этого она прочитала его тетрадь!

— Ой, только не нужно так фыркать, — проворковала сестра. — Мне просто стало любопытно, ну, я и прочитала про письмо. Как забавно: ты тут целое расследование развел! Ха-ха!

— И тебе не стыдно? — укоризненно спросил Виктор.

— Это тебе должно быть стыдно! — воскликнула Кристина. — Оказывается, ты вдруг решил вернуться даже не потому, что совесть замучила или еще что! Кто-то тебя позвал, вот ты и тут. Статью свою пишешь... Вот так тебе не все равно, что с нами и как мы здесь живем!

Повисло молчание. «Драндулет» пыхтел и трясся. Кристина глядела на дорогу перед собой — казалось, она и вовсе перестала дышать.

— Значит, ты не знаешь, кто автор письма? — осмелился спросить Виктор, когда тишина стала невыносимой.

— Нет, — спустя несколько вытянутых, словно жилы клещами, мгновений ответила Кристина. — Прости.

— Никому не говори, что узнала, хорошо?

— А ты возьмешь у меня интервью?

— Опять ты за свое, — раздраженно проговорил Виктор.

— Но мне и правда есть о чем тебе рассказать! — возмущалась Кристина.

— И я должен поверить?

— Да! — воскликнула она, заводя «Драндулет» на холм Ковентли. — Уж сделай одолжение — попробуй поверить, вдруг да получится! И знаешь что?! — Младшая сестра пронзила его взглядом, от которого хотелось вжаться поглубже в сиденье или вовсе раствориться и исчезнуть. — Вообще, перестань вести себя так, как будто ты у нас тут жертва инквизиции! Несчастный мученик! Приехал и ходит повсюду со своими страдальческими глазами и дергается от каждого шороха, словно ожидает подвоха! Все-то ему лгут, всех-то он подозревает! Сыщик из самой столицы приехал! Расследования устраивает, заговор разоблачает, и вообще весь из себя такой красавчик с дневником, полным душевных терзаний, — просто мечта любой девушки!

— Это не дневник, а рабочая тетрадь, — уточнил Виктор. — Ты все сказала?

— Нет, я еще много чего могу сказать, — заверила Кристина, — и... Ох! — вдруг выдохнула она. — Быть беде...

— Что-что?

Виктор ожидал еще несколько вагонов упреков из состава недовольства, который Кристина явно вознамерилась на него столкнуть, но ее последняя угроза — или что это было? — прозвучала как-то уж совсем странно.

— Быть беде, — глухо повторила сестра и кивнула на окно.

Виктор повернул голову и увидел, что ворота Крик-Холла, к которому они приближались, широко раскрыты, а на подъездной дорожке у задних дверей дома стоит грузовичок «Бедфорд» цвета ржавчины. Огромной пирамидой в его кузове громоздились тыквы, десятки тыкв!

— Быть беде, — прошептал Виктор. — Подумать только, а я и забыл...

Мистер Тампин, фермер, привезший тыквы в Крик-Холл, сидел на подножке кабины своего грузовичка и пил горячий чай, с широкой улыбкой наблюдая, как по двору носится толстяк в лоскутном халате.

Раз за разом толстяк подскакивал к кузову, брал из него какую-нибудь тыкву и, оперев ее в свой объемистый живот, направлялся в гараж. При этом он задорно напевал:

Я — неудачный ирландец,
Ведь рыжим, увы, не родился!
Сижу в пабе грустный, тоскую:
«Зачем я на свет появился?!»
Я краску у ведьмы купил для волос
И вылил на голову щедро!
Не буду я прятать отныне свою
Макушку под шляпой из фетра!
Но выжгла все волосы эта чертовка,
Конечно, напился я с горя,
Проспался, проснулся, сел и подумал:
«Пойти, что ли, броситься в море?»
Почесал головешку, на ноги вскочил,
Зажегся надеждой бесстыжей:
Остался клочок на макушке волос —
И он-то был огненно-рыжий.

Мистер Тампин веселился от души.

— Да не шмыгайте вы так, мистер Кэндл! — прошамкал он беззубым ртом, даже не думая помогать. — Все ж в одиночку не перетягаете! Разве что к Хялёину! И это ж только первая партия! Сколько вас еще ждет первосортных тыковок!

— И где вы здесь видите тыковки, Джерри? — проворчал Джозеф Кэндл. — Как по мне, это тыквищи! Быть беде!

Фермер не понял ничего о бедах. Впрочем, откуда ему было знать, что «Быть беде» — это старая семейная примета Кэндлов.

Вот бы мистер Тампин удивился, если бы узнал, что всякий раз, как к празднику Хэллоуина он привозит в особняк на холме тыквы, поблизости кто-то странным образом умирает. А прибытие тыкв между тем и правда неизменно сопровождала чья-то странная и зачастую нелепая смерть: кто-то перерезал себе горло листком бумаги, кто-то упал с лестницы, потому что у него были связаны шнурки на башмаках, кто-то поперхнулся смехом...

Уже и не упомнишь, кто первым обнаружил подобную связь. А Кэндлы, понимая, что все это лишь совпадение, тем не менее каждый раз наутро после приезда тыкв собирались в гостиной и брались дружно просматривать полосы утренних газет, ожидая увидеть заметку о чьей-то неуклюжей и бестолковой кончине. Порой они находили, а порой и нет, и в последнем случае или тетушки, или дядюшка Джозеф шутя объясняли это тем, что полиция просто пока не обнаружила тело.

Дядюшка Джозеф, к слову, всегда веселился от души, исследуя некрологи и обводя «удачные». Со свойственным ему черным юмором он шутил: «Кого-то тыквой придавило!», «Не стой под дождем из тыкв!», «Осторожней! Подлая тыква бросается под ноги!», «Тыквы-убийцы объявили охоту!» или «Что там, есть “тыквенные некрологи”? Ну подождем-подождем...»

Само собой, связь между появлением тыкв и чьей-то смертью была притянутой за уши, как и любые попытки выдать совпадение за закономерность, а странное стечение обстоятельств — за необъяснимую мистику.

Дети Кэндлов знали, что «Быть беде» — это всего лишь жутковатая хэллоуинская традиция. Взрослые пытались убедить их в этом...

Когда Виктор с Кристиной выбрались из «Драндулета» и вошли в ворота, дядюшка Джозеф как раз показался из гаража.

— О! — обрадовался он. — Приехали помощнички! Давно бы!

— Ну дядюшка... — запротестовала было Кристина. — Мы так устали!

— И слышать ничего не желаю! — добродушно отрубил дядюшка Джозеф. — Думаете, мой насморк мешает мне таскать эти... хм... «тыковки»? Да их здесь всего шесть десятков — смех один! Вчетвером мы быстро управимся!

— Вчетвером? — спросил Виктор и взволнованно оглядел двор. — Папа тоже будет помогать? Он уже здесь?

— Да, Гарри дома, — кивнул дядюшка, указывая на светящееся окно на третьем этаже. — Он у себя, работает в кабинете. Просил его не беспокоить. Да и когда его беспокоить-то, если здесь тыковки привезли?

— Тогда кто же четвертый? — спросил Виктор.

— Томас, разумеется, — радостно пояснил дядюшка. — Вот только вернется, где бы он ни бродил, маленький негодник, так тоже возьмет рукавицы и приступит к тасканию тыковок в гараж! Здесь всем хватит!

— Всем хватит! — с сиплым смехом подтвердил фермер Джерри.

— Это несправедливо! — возмутилась Кристина, натягивая огромные садовые рукавицы. — Почему именно мы должны все это таскать?

Дядюшка поглядел на нее со своим извечным пряничным снисхождением.

— Все просто, — любезно пояснил он. — Мамочка ваша ввела традицию заказывать именно столько тыкв, а я ввел традицию вам их таскать! Корделия так и сказала: «Будут увиливать, пришли их на кухню, Джозеф». Но я ее заверил, что никто увиливать не собирается. Вы ведь знаете, дорогие мои, как это бывает, когда ваша мама зовет кого-то на кухню...

Племянники мрачно переглянулись и взяли себе по тыкве.

— Быть беде... быть беде, быть беде, беде, беде... — напевал дядюшка.

Мог ли он знать, что беда уже произошла?

Тяжелые шторы на огромных окнах библиотеки Крик-Холла были задернуты, не позволяя свету уличных фонарей проникнуть внутрь.

Сейчас здесь горела лишь одна лампа — на маленьком столике. Темнота наваливалась со всех сторон, и казалось, она вот-вот сожмется и поглотит стоявших в круге тусклого света двух Кэндлов. Книги на полках будто бы что-то шептали, но это были всего лишь отзвуки разговоров, которые доносились сюда из других частей дома, что, впрочем, не делало этот шепот и это место менее жуткими.

— Так что ты хотел спросить? — поинтересовался Джозеф Кэндл, глядя на племянника.

Томми не случайно выбрал именно это время. Обычно дядюшка пребывал в наилучшем расположении духа сразу же после ужина, поэтому мальчик дождался, когда все разойдутся по комнатам, и поймал его прежде, чем тот успел ускользнуть. Убедившись, что мамы нет поблизости, он сообщил дядюшке, что хочет кое о чем его спросить. Но говорить прямо там же, в гостиной, отказался: Томми знал, что у мамы очень острый слух и часто стены ей совсем не помеха.

Дядюшка был удивлен, но спорить не стал. И так они оказались в библиотеке...

— Я все знаю, дядюшка! — выпалил Томми.

— Я тоже в твоём возрасте думал, что все знаю.

Дядюшка Джозеф добродушно потрепал племянника по плечу. От этого вроде бы невинного действия мальчик дернулся, как от удара ивовым прутом.

Дядюшка был поражен. Или выглядел пораженным. В случае с этим человеком никогда нельзя было сказать наверняка.

— Не подходи, — сказал Томми с дрожью в голосе.

— Томас, мальчик мой, что с тобой творится? — недоуменно спросил дядюшка. — Сперва ты бродил где-то весь день, затем за ужином вел себя странно. Теперь вот это. Что случилось?

Томми глядел на него с опаской. Ещё бы ему не вести себя странно после всего, что сегодня случилось! Сначала дверь, которая соединяет разные части города. Потом старуха в черном доме. А затем то, что она ему сказала. О ведьмах.

Мальчик поверил словам старухи: он всегда догадывался, что ведьмы существуют и даже что они водятся в его родном городе. Но уж точно он ни за что бы не подумал, что однажды какая-нибудь ведьма раскроет ему свой секрет. И тут это произошло: он встретил одну из них. Хотя одну ли?.. Ведь мисс Мэри тоже, скорее всего, ведьма! А иначе как она могла молодеть, чтобы превращаться в... да, собственно, в мисс Мэри из той, кем она была на самом деле!

Оказавшись дома, в безопасности, Томми то и дело спрашивал себя, а не привиделось ли ему вообще все то, что случилось после разговора с учительницей возле школьного парка. Может, он просто заболел и у него жар? Тетушка Рэм-мора всегда говорила, что если начинает казаться, будто кругом происходят странные вещи, то это простудное. Мама же, в свою очередь, просто сказала бы, что он чересчур впечатлительный. Наверное, раньше это его бы даже успокоило:

слова мамы всегда для него все объясняли. Но фотография в рамочке, которая была заткнута за пояс и спрятана под свитером, не давала усомниться: нет, ему ничего не привиделось.

Весь ужин Томми просидел как на иголках, не в силах дожидаться, когда же тот наконец закончится. Изначально он собирался расспросить обо всем папу, но папа к столу не спустился. Мама послала за ним в кабинет Кристину. Вернувшись, сестра сказала, что он занят и поужинает потом у себя. Поэтому оставался только дядюшка.

— Я все знаю, — повторил Томми, надеясь, что дядюшка не поймет: на самом деле племянник не знает ничего. — Про ту женщину. Ты понимаешь, кого я имею в виду?

— Боюсь, что нет, ведь, к сожалению, я не...

— Та нищенка, которая бродила возле дома! — перебил Томми. — Я все узнал!

Дядюшка выглядел не на шутку перепуганным.

— Мальчик мой, что ты такое говоришь?

По лицу Джозефа Кэндла было видно: он прекрасно понял, о чем идет речь.

— Я все узнал, — продолжал гнуть свое племянник. — Про тебя и папу. Я знаю, что Клара...

— Клара?!

Дядюшка отшатнулся. В его глазах читался уже едва ли не ужас.

Томми поздравил себя: он не ошибся. А еще он понял, что выбрал верную тактику. Если бы он просто спросил у дядюшки что-либо о мисс Мэри или жуткой старухе, то не получил бы ни одного правдивого ответа, а дядюшка стал бы лишь осторожнее.

— Да, я все выяснил, — закрепил успех Томми.

— Но я не понимаю...

О, это был классический дядюшка Джозеф. Он всегда себя так вел, когда тетюшка Мегана пыталась поймать его

на откровенной лжи. Дядюшка неизменно, как сейчас, округлял глаза, распахивал рот, начинал тяжело дышать и вообще старался, как мог, изображая потрясение от того, что его, честнейшего из искреннейших, пытаются в чем-то уличить! И тогда он добивался своего — тетушке просто становилось лень с ним возиться.

Но Томми было не лень.

— Старуха из Гаррет-Кроу мне все рассказала.

Это был гвоздь. Гвоздь, который не просто вошел в податливое дерево дядюшкиного гроба, но и в дядюшкино тело, прочно прибивая его к днищу. Не сбежишь... Ловушка захлопнулась. Томми был собой доволен: он все просчитал правильно — об этом говорило выражение дядюшкиного лица.

— Прямо так все и рассказала?

Джозеф Кэндл расслабил плечи и несколько раз повел головой из стороны в сторону, разминая шею. Огонек на лампе дрогнул, как от сквозняка, тени покачнулись и расплылись, укутывая фигуру дядюшки черным плащом. Его лицо при этом утонуло в потемках, словно он опустил его в миску с чернилами. На месте глаз застыли два холодных блика.

Томми вздрогнул. Да, ловушка сработала идеально, но ему вдруг показалось, что он поймал зверя, который слишком велик для его капкана.

В какой-то миг дядюшки, того знакомого и предсказуемого во всем добряка, который присутствовал в жизни Томми с самого его рождения, не стало. Джозеф Кэндл, стоявший напротив Томми всего мгновение назад, и Джозеф Кэндл, который был сейчас, отличались друг от друга, как отличаются два совершенно разных человека, которые даже не родственники. Прежнего он считал славным, веселым и жизнерадостным дядей, с которым всегда можно было объединиться против склочных тетушек, а нынешний был незнакомым и крайне отвратительным типом, которого неизвестно кто и неизвестно зачем вообще пригласил в дом.

— Я так и не услышал вопроса, — медленно и угрожающе проговорил Джозеф Кэндл.

Где-то в глубине библиотеки вдруг раздался металлический звон, эхо от которого разошлось по помещению дрожащим эхом. Часы отбивали девять часов вечера, но Томми померещилось, будто эти жуткие звуки издают вовсе не часы, а падающие на пол один за другим обломки разлетающейся на части маски дядюшки Джозефа.

Стих последний удар, эхо рассеялось, а ложного обличья Джозефа Кэндла как не бывало. Со стороны казалось, что этому человеку даже дышать стало легче. Должно быть, он так устал постоянно притворяться и играть роль, что сейчас был почти счастлив.

— Значит, старая ведьма так и не научилась держать язык за зубами, — негромко, но невероятно жутко сказал Джозеф Кэндл. — Хотя, наверное, ее гнилые зубы уже все повыпадали, вот язык наконец и выбрался на волю. Этого стоило ожидать...

Даже знаменитый черный юмор дядюшки стал совсем иным: злобным, пугающим, отвратительным.

— Я ведь говорил этой старой кошелке Джине, что нужно избавиться от ведьмы Кроу, от всех ведьм Кроу: перерезать им глотки или заживо закопать — но она не послушала. Что ж, сама виновата...

В дядюшке проснулся монстр. Оказалось, что не нужно было заглядывать под кровать или в темный шкаф, чтобы отыскать чудовище, — настоящее чудовище всегда жило рядом, за тонкой стенкой.

Томми был в ужасе. Затевая этот разговор, он никак не мог предположить, к чему тот приведет. Его добрый, славный дядюшка только что сказал об убийстве?! О том, что давно нужно было убить старуху и... мисс Мэри?

— Как ты можешь так говорить? — испуганно пролепетал Томми.

Его по-детски наивное возмущение показалось Джозефу Кэндлу забавным, и он рассмеялся. Да, это был смех, которого лучше никогда не слышать, — свирепый, злорадный и почему-то торжествующий.

— Как я могу говорить о том, чтобы убить собственную мать? А затем еще и сестру? — спросил он. — Да, это тяжело понять глупому ребенку.

«Его мать?! — ужаснулся Томми. — И сестра?! Как такое может быть? Значит, и папа тоже? Папа и дядюшка Джозеф — сыновья той старухи? Они — братья мисс Мэри?!»

Хоть он и был потрясен, все же резко одернул себя: ни в коем случае нельзя выдавать, что это для него новость! Он ведь сказал, что якобы все знает, нельзя показывать недомыслие, пока на самом деле не узнает все...

— Почему ты их ненавидишь? — спросил он.

Дядюшка пожал плечами. Он всегда так делал, когда кто-то задавал ему неудобный вопрос, но раньше Джозеф Кэндл всякий раз увиливал от ответа. Сейчас же он, видимо, собрался как следует этим ответом насладиться.

— И правда, как я могу ненавидеть этих ничтожеств? — с презрением бросил дядюшка. — Давно прошло то время, когда имя Кроу звучало гордо. Они лишились всего — бездарно и глупо растратили, потеряли и заложили. Когда-то они правили этим городом, но теперь уже никто и не вспомнит, кем они были. Старая ведьма сама до этого довела. Она боялась. Боялась! Как думаешь, чего? Она боялась своих же детей — той тени, которую отбрасывает на нее крона выращенного ею же дерева. Старуха взяла топор и сама обрубилла все ветви у этого дерева, оставив лишь одну — сухую и мертвую — ту, что никогда не сможет отбросить на нее тень. Чему же тут удивляться, если дерево в итоге засохло полностью. Но для меня все это в прошлом, и я рад, что мне довелось наблюдать за увяданием Кроу со стороны. От них почти ничего не осталось — лишь старуха и ее сумасшедшая дочь.

И все же... все же... Пока хоть кто-то из Кроу жив, они будут представлять угрозу для нашей семьи.

— Но выходит, эти Кроу тоже наша семья! — запротестовал было Томми. Он вообще уже ничего не понимал.

— Нет, парень, — безжалостно сказал дядюшка, покачив головой. — Наша семья — это Кэндлы. Мы с твоим отцом давно больше не Кроу, и я сделаю все, что будет нужно, для нашей семьи. Для Кэндлов. Тебе ясно?

— А папа? — спросил Томми с вызовом. Знал бы кто-то, чего только стоил ему этот вызов.

— Что папа? — не понял дядюшка.

— Папа тоже все сделает?

Джозеф Кэндл расплылся в неестественной, фальшивой и оттого еще более жуткой улыбке.

— А папочка твой — муж Корделии, и этим все сказано.

Для Томми этим ничего не было сказано, хотя дядюшка явно вкладывал в очевидный для всех факт какой-то особенный смысл.

— Но чем они нам угрожают? — спросил мальчик. — Эти Кроу?..

— Парень, — Джозеф прищурился, глядя на племянника. — Твоя мамочка полагает, что ты глупое дитя и твою ранимую душу нужно беречь. Я же считаю, что ты уже достаточно взрослый, чтобы понять простые вещи. И это единственная причина, по которой мы сейчас с тобой вообще разговариваем. Не будь ты Кэндлом, я бы уже давно свернул тебе шею за подобные вопросы. Ты меня понял? — Нынешний Джозеф Кэндл был явно способен воплотить свои угрозы в жизнь. — Так вот, тебе нужно понять одну простую вещь: у тебя есть семья, и у твоей семьи есть враги. Да, их сейчас мало, и они разобщены, от них остались лишь жалкие тени, но они ждут того часа, когда мы заедемся и утратим бдительность.

— О чем ты говоришь? Враги? Как будто идет война...

— А так и есть, парень, — усмехнулся Джозеф Кэндл. — Все схватываешь на лету. Есть Кроу, есть Тэтч, когда-то из Германии ползла зараза кайзеровских Ратте... Но не будем углубляться в историю. Сейчас мы сильны, но так было не всегда. Мы сильны, без ложной скромности могу тебе заявить, благодаря мне и твоему отцу. А еще мы все связаны. Даже безумная старуха Джина, даже ты. Так что и думать не смей идти против семьи.

— Но я и не думал...

— Вот и хорошо. А теперь говори, что тебе сказала старая ведьма Кроу? И вообще, как это так вышло, что ты ее увидел? — Джозеф Кэндл вдруг оборвал себя. — А, ну да. Клара...

— Нет, я говорил только со старухой! — воскликнул Томми. Он всерьез испугался за мисс Мэри. Что если этому чудовищу вздумается сделать ей что-то плохое?

— И что она сказала?

— Почти ничего, — быстро проговорил Томми. — Я случайно попал в дом на пустыре, и старуха из Гаррет-Кроу велела спросить у тебя, почему она нас ненавидит.

— И это все? — прищурился Джозеф Кэндл.

— Да.

Томми сейчас было не поймать на лжи, ведь он говорил чистую правду.

— Я уже ответил: Кэндлы и Кроу — старые враги. Разумеется, она нас ненавидит.

— Но как вышло, что ты и папа?..

— Мы перестали быть Кроу и стали Кэндлами. Отрубленные и выброшенные ветви прижились на другом дереве.

— Я не понимаю...

— Ну, если не понимаешь, значит, пока с тебя хватит семейной истории. На этом мы и закончим разговор.

— Но...

— Я сказал, хватит!

Дядюшка сжал кулаки и шагнул к Томми. Мальчик отшатнулся.

— Тебе бы начать слушать, что говорят, — сказал Джозеф Кэндл, наделив племянника злобным взглядом. — И уж поверь мне, не стоит посвящать мамочку в детали нашей милой беседы. Это я тебе как любимому племяннику советую. Корделия не хотела бы, чтобы я тебе что-то рассказывал, но мне она ничего не сделает. А вот на твоём месте я бы задумался, будет ли она рада, если узнает, что ты говорил со старухой Кроу. Все, можешь убраться.

Томми попятился к выходу из библиотеки. Он был так напуган, что просто не чувствовал ног. Из головы исчезли все мысли, кроме одной: «Скорее... скорее сбежать от этого монстра...»

В тот миг, когда мальчик уже повернулся к двери, Джозеф Кэндл вновь заговорил.

— Милый мой, — сказал он голосом прежнего дядюшки, добродушного и нелепого толстяка, слегка ворчливого, но не более, — надеюсь, ты будешь здесь в следующий раз, когда привезут тыковки, и поможешь нам с ними управиться. Я очень на это... — он сделал недобрую паузу, — надеюсь.

Джозеф Кэндл снова стал таким, каким мальчик знал его до этого разговора. С покрасневшим от простуды лицом, вечно ежащимся от невидимого сквозняка. Но эта метаморфоза пугала еще сильнее. Дядюшка вновь надел свою маску.

— Мы на месте, сэр.

Желтый облезлый таксомотор остановился у обочины, и пожилой таксист негромко выдохнул:

— Улица Серая.

Виктор Кэндл поглядел в окно. Выходить ему расхотелось.

Это была самая окраина Уэлихолна. Причем окраина настолько, что даже дома здесь располагались только с одной

стороны улицы — с городской. По другую же сторону простирались пустыри, плавно перераставшие в вересковую пустошь. Кругом плыл туман. Очертания проглядывающих во мгле домов казались неаккуратно пришитыми где-то на самом краю видимого пространства. Даже свет, зажженный в некоторых окнах, выглядел серым и чахлым.

— Мы на месте, сэр, — повторил таксист, пристально глядя на пассажира через треснувшее зеркало заднего вида.

— Да-да, — пробормотал Виктор.

— Таксометр говорит, с вас флорин.

Виктор глянул на круглую механическую коробку, висящую на дверце у зеркала. Цифры на ячейках явно скромничали: если им верить, машина едва покинула Холмовой район, — казалось, таксометр сломался еще где-то под холмом Ковентли.

— Держите полкроны, — сказал Виктор и протянул монету. — Сдачи не надо.

— Благодарю, сэр, — таксист кивнул и указал на улицу за окном. — Советую поднять воротник — там холодно...

Дверь хлопнула. Таксист надавил на педаль, и спустя пару мгновений желтая машина исчезла в тумане. Виктор остался стоять на обочине в полном одиночестве.

Туман поднимался до самых крыш и клубился так сильно, словно его целый месяц плели дамы из местного вязального общества: на расстоянии уже в десять шагов почти ничего нельзя было разглядеть.

Подняв воротник пальто и засунув руки поглубже в карманы, Виктор огляделся по сторонам в поисках нужного ему дома. Подойдя к ближайшей ограде, он увидел на почтовом ящике номер — 17. На ящике соседнего дома было выведено: 16. Выходило, что номера домов здесь шли подряд — хотя чего еще ожидать от улицы, застроенной лишь с одной стороны.

Дом номер 23 притаился где-то рядом...

Спустя двадцать минут блуждания во мгле Виктор поймал себя на мысли, что уже совершенно ничего не понимает.

За все это время он вдоль и поперек исходил Серую улицу, а нужного дома так и не отыскал. Рядом с номером 22 располагался номер 24, следующим был 25, за ним — 26 и так далее... Никакого тебе двадцать третьего дома!

Сперва Виктор подумал, что проскочил. Вернулся. Но на этот раз в тумане он не нашел даже двадцать четвертый дом. Варианта было всего два: то ли он окончательно заблудился, то ли вот уже второй дом выкрали прямо у него из-под носа.

Виктор был зол. Еще бы! И как он расспросит Биггля, если не может даже отыскать его жилище? Сначала сам старик ведет себя так, словно его не существует. Теперь вот и его дом решил сыграть с ним в прятки!

Прошло еще не меньше получаса. Виктор продрог до костей, а улица, здешние дома и белесая мгла кругом уже покрылись плотным слоем выдержек из его персонального словаря изощренных ругательств. И тут он вдруг увидел в тумане человека. Мужчина в пальто и цилиндре стоял на другой стороне улицы и не шевелился.

«Вот у кого я узнаю, где этот треклятый дом!» — подумал Виктор и решительно двинулся к нему.

С каждым шагом предчувствие, что затея эта ничем хорошим не закончится, крепло, но он все равно упорно шел вперед. Вскоре оказалось, что человек стоит вовсе не на улице. Туман исказил расстояние: на самом деле тот прилично отошел от города.

Виктор вдруг поймал себя на том, что уже пару минут идет по заросшим низким бурьяном пустошам навстречу стоящему на месте типу в пальто и цилиндре и при этом приблизился ненамного. И как он различил этого человека с такого-то расстояния в столь плотной мгле?

Внезапно появившаяся мысль заставила Виктора обернуться... Дома Серой улочки растаяли, словно их никогда и не существовало.

«Ну просто замечательно!»

В тумане что-то хрустнуло.

Виктор повернул голову и с удивлением понял, что человек, к которому он так долго шел, стоит всего в паре шагов от него.

Незнакомец был огромен — выше Виктора на добрых три, если не четыре головы! Здоровяк стоял к нему спиной, ссутулив плечи и держа руки в карманах. Воротник его пальто был поднят, цилиндр на голове чуть клонился в сторону.

— Простите... — сказал Виктор и сам не узнал свой дрожащий голос. — Простите, мистер... эм-м...

Здоровяк даже не обернулся, словно и вовсе не заметил никого рядом с собой. Или же он просто был слишком погружен в свои мысли.

— Простите! — уже громче сказал Виктор и обошел громадную фигуру.

Увидев лицо незнакомца, он в страхе попятился и, зацепившись каблуком за камень, упал на землю. Вместо головы у типа в пальто и цилиндре была рыжая тыква с вырезанными ножом треугольными глазами и пастью. Тыква зубасто улыбалась, косясь на Виктора.

Ее злорадство было понятным: только поглядите, мол, на этого глупого молодого человека, который рассиживается на мокрой земле и глядит на простое пугало так, будто увидел нечто невероятное!

И хоть Виктор Кэндл даже отдаленно не походил на ворону, пугало прекрасно справилось с возложенной на него задачей: испугало. Разумеется, главную роль сыграла неожиданность.

Пугало, нужно отдать должное его создателю, сделано было весьма искусно: пальто аккуратненько заштопали и почистили, тыкву подобрали не больше человеческой головы, да и цилиндр, который на нее нахлобучили, был довольно

неплох. Даже поза огородного сторожа выглядела очень живой: якобы обычный мужчина просто вышел из дома выкурить сигаретку и поразмыслить о разном. Солома почти не выпирала и проглядывала лишь в пуговичных прорезях.

— Ну и болван, — раздраженно пробормотал Виктор, коря себя за излишнюю впечатлительность, и, поднявшись на ноги, начал отряхивать пальто от грязи.

— И кого это ты болваном назвал? — раздалось из тумана.

Виктор дернулся. В первое мгновение он решил, что с ним заговорило оскорбленное его словами пугало.

— Что-что? — спросил он, глядя в чернеющие впадины тыквенных глаз.

— Нечего обзывать, — сказал кто-то, и это было явно не пугало: если не считать насмешки в резной улыбке, огородный сторож в пальто и цилиндре никак не реагировал на присутствие человека.

— Это не смешно, — сказал Виктор, пытаясь разглядеть во мгле говорившего.

— А я и не шучу.

Туман колыхнулся, и из него выступила фигура в длинном коричневом пальто.

Это была женщина. С узким лицом, высоким лбом и всклокоченной шевелюрой. В руках она держала довольно красивую метлу с изогнутой полированной ручкой.

Виктору тут же вспомнилась ссора тетушек в первый день его приезда — тот бедлам, который они устроили в гостиной из-за того, что Рэммора отдала какой-то дворничихе дорожную лондонскую метлу Меганы. Что ж, кажется, он только что нашел эту метлу — впрочем, возвращение тетушкиной собственности его несколько не волновало.

«Любопытно, — подумал Виктор, — знает ли эта женщина, сколько стоит то, чем она метет улицы?»

Но дворничиха, судя по всему, не знала, или ей было плевать. Она облокотилась на метлу, отчего та натужно заскрипела,

и уставилась на него во все глаза. Выражение ее лица, взгляд, поза... читалось во всем этом что-то если не безумное, то чудаковатое как минимум.

— Доброе утро, мэм, я... — начал было Виктор, но женщина его перебила.

— Так зачем ты назвал моего друга болваном?

— Вашего друга, мэм? — Виктор покосился на тыквоголового. — Так это ваше пугало? Я и не думал называть его болваном. Я просто заблудился в тумане и...

— Еще бы. Он здесь как раз для этого.

— Прошу прощения, для чего?..

— Для того, чтобы кое-кто заблудился, — зачем же еще нужен туман? — Женщина пошевелила кончиком носа и кивнула на пугало: — Мои друзья здесь, к слову, тоже для этого.

— Сбивают с пути?

— Сторожат город.

— Сторожат? — удивился Виктор. — Но от кого?

— От беглецов. — На тонких, едва очерченных губах женщины вдруг прорезалась задорная, слишком яркая для столь блеклого лица улыбка. — Ты ведь не беглец? Иначе Говарду придется тебя схватить.

— Что вы! — усмехнулся Виктор. Странноватый юмор женщины пришелся ему по душе. К тому же нельзя было не признать, что это просто идеальный Говард.

— Так ты точно не беглец? — уточнила незнакомка, не снимая с губ улыбки.

— Нет, я просто искал дом на Серой улице и хотел спросить у вашего... Говарда дорогу, но...

— Спросить дорогу? — женщина рассмеялась. — Но ты ведь понимаешь, что он бы ничего тебе не сказал?

— Да, я уже это понял, — согласился Виктор; несмотря на первое впечатление, незнакомка оказалась вовсе не сумасшедшей.

— Говард не слишком любит разговаривать с незнакомцами, — пояснила женщина, и Виктор понял, что с выводами поторопился. — Тебе бы лучше спросить у Джеральда.

Она ткнула метлой куда-то в сторону, и Виктор увидел в тумане темные очертания еще одной высокой фигуры в пальто и цилиндре. Очередное пугало?

— И много здесь ваших... кхм... друзей? — спросил он.

— Хватает, — покивала женщина. — Скоро я их расставляю вокруг всего города.

— Но для чего?

— Я уже сказала.

— Верно: беглецы, — не стал спорить Виктор, и тут его осенило: — А, так вы их к празднику ставите — пугать горожан на Хэллоуин!

Женщина с метлой кивнула.

— Конечно. Для чего же еще? — она почесала нос. — Так что ты хотел узнать у моего молчаливого Говарда? Ты вроде бы искал какой-то дом...

— Да. — Виктор вспомнил о своем деле. — Мне нужен дом номер двадцать три на Серой улице, но я здесь все обходил и так его и не нашел.

— А! Номер двадцать три! — воскликнула женщина, и ее возглас потонул в тумане без какого бы то ни было эха. — Нет ничего странного в том, что ты его не нашел. Он ведь стоит на другой стороне улицы.

— Не может быть...

— Да, это единственный дом на Серой улице со стороны пустошей, — задумчиво покивала дворничиха. — Кто знает, почему его там построили. Может, он просто не нравился другим домам, и те вышвырнули его напротив.

— Но будь он там, я бы уж точно его увидел!

— Погляди, какая мгла, — веско заметила женщина. — Ты бы и собственную спину не заметил, шагай ты в пяти футах за собой.

— Э-э-э... наверное. — Виктор заставил себя не задумываться над словами незнакомки — еще, чего доброго, как и она, свихнется. Главное, что суть он уяснил. — Значит, дом номер двадцать три находится напротив двадцать второго и двадцать четвертого?

— Ровно посередине между ними, верно. И еще на некотором отдалении от улицы — у него нет ни сада, ни лужайки.

— Но в какую сторону мне идти?

— Прямо к нему, наверное, — хмыкнула женщина и ткнула метлой в туман. — Если тебе туда еще нужно.

— Да, нужно. Спасибо вам за помощь. Мэм, — Виктор почтительно кивнул. — Говард, — он кивнул и пугалу, после чего побрел в указанном направлении, искренне надеясь, что незнакомка не решила над ним подшутить.

Стоило ему скрыться в тумане, как женщина подошла к пугалу и стряхнула ворсинку с лацкана его пальто.

— Ты только погляди, какой вежливый и воспитанный молодой человек, Говард, — негромко сказала она. — Эх, если бы он только знал... Ничего-ничего, скоро узнает... Осталось совсем немного. Просто не могу дождаться, когда же уже наступит Канун!

— И я тоже, — раздалось из тумана, и женщина раздраженно повернулась.

— Тебя, вообще-то, не спрашивали, Джеральд!

Хмурый двухэтажный дом с облезлыми стенами и посеревшей черепицей даже вблизи выглядел лишь немногим плотнее окутавшего его тумана. А еще он выглядел весьма чахлым, сонным и болезненным. Этому дому отчаянно не хватало теплого пледа и чашки горячего чая. Ну, быть может, еще и ложечки рыбьего жира.

Глянув на ржавую табличку с номером 23, Виктор постучал в дверной молоток. Пугливое эхо смолкло почти сразу же.

Никто открывать не спешил. И хоть, несмотря на свой вид, заброшенным дом не казался, никаких признаков, что внутри кто-то есть, не наблюдалось: окна темнели, из-за двери не раздавалось ни звука, дым из каминной трубы сейчас было не различить — как, впрочем, и саму каминную трубу.

Виктору вдруг показалось, будто дом номер 23 притаился. Он постучал еще раз. В голову пролезли невеселые мысли: «Может, старик увидел меня в окно и теперь прячется, ожидая, когда я уйду? Или... может, там вообще никого нет?»

Виктору было не привыкать топтаться перед закрытыми дверями. За время работы репортером он научился ступать каблуки, чесать мостовую и менять силы, время и часы на жалкие крохи сведений. Чему он не научился, так это не падать духом, когда очередная ниточка приводила в никуда.

«Это работа не для неженки, Кэндл! — частенько говорил господин редактор. — Мерзнуть, мокнуть и трясти пустым желудком — это просто издержки профессии. Ты заглядываешь в окна и замочные скважины, лазишь по крышам и водостокам, как какой-то бродячий кот. Но, опуская леску удочки в дымоходы, ты можешь только надеяться, что клюнет что-нибудь любопытное. Будь готов к тому, что не клюнет ничего, кроме старого башмака. Для хорошего репортера не бывает слова “разочарование”. Если ты не готов к тому, что зацепка может привести в тупик, или к запертым дверям, или на порог к бывшей теще, которая тебя на дух не переносит, тебе здесь нечего делать, Кэндл!»

Вероятность того, что Виктор притаился на Серую улицу зря, была изначально высокой: он допускал, что здесь могут жить другие Биггли или что здесь уже давно живут *вовсе* не Биггли. Но даже если и так, все же хотелось в этом убедиться. В закрытых дверях его сильнее всего

раздражало то, что к ним часто приходилось заявляться еще раз.

Виктор решил вернуться на Серую улочку завтра (но только если будет хорошая погода) и засесть где-нибудь в засаде, понаблюдать за домом со стороны.

Еще раз — для успокоения совести — стукнув в дверной молоток, он уже начал было придумывать, как бы выбраться с этой пустынной окраины, когда вдруг уловил за дверью шарканье по полу.

В доме кто-то был! И судя по всему, этот кто-то шел открывать...

Спустя несколько томительных мгновений послышался скрежет ключа в замочной скважине, и дверь медленно, будто нехотя, отворилась. На пороге стояла невысокая старушка, опирающаяся на клюку. Она нервно оглядывалась, высматривая кого-то на улице. Губы ее дрожали, и она тяжело дышала. Старушка подняла ногу, чтобы ступить за порог, но то ли ей не хватило на это сил, то ли она вдруг передумала.

— Ну да, ну да... — пробормотала женщина и, наконец заметив человека на крыльце, тут же оставила свои попытки выйти из дома.

Выглядела старушка так, словно спала целых полвека и вдруг ее разбудили. Чепчик на ее голове топорщился, приподнятый чуть ли не сотней деревянных бигудей, а сутулые плечи скрывались под шерстяной шалью. В левый глаз женщины был вправлен монокль с мутным стеклышком, вокруг правого краснела глубокая бороздка, судя по всему от него же. И верно — монокль тут же перекочивал в правый глаз, а испуганное выражение лица старушки в тот же миг стало добродушным и мягким.

— О, милый мой, ты совершенно замерз! — проворковала она.

— Да, это так, мэм, — признался Виктор.

— Так заходи скорее в дом! Это ж какой холод! И туманище, и сырость! А у меня чайничек есть, а на столе печеньеца имбирные под салфеткой греются.

— Простите за вторжение, мэм, — удивленно проговорил Виктор, он не ожидал, что его позовут в дом вот так просто, поэтому еще заранее, в такси, изобрел добрую дюжину предлогов. — Меня зовут Виктор Кэндл. И я пришел к мистеру Бигглю. Он здесь живет?

Виктор глянул в темнеющее нутро дома: лампы там не горели и практически ничего не было видно. Лишь в дальнем конце прихожей на пол падали дрожащие темно-рыжие отсветы: в одной из комнат горел камин. Между тем уютом в домике и не пахло.

Виктор все не решался переступить порог: он не привык, чтобы люди сами его приглашали, и ожидал какого-то подвоха.

— Да, наша фамилия Биггль, — сказала старушка. — И мы здесь живем или, вернее, доживаем...

— Мистер Стюарт Биггль — ваш муж?

— О нет, что ты, милый! — захихикала хозяйка. — Это мой старый папочка. У меня и мужа-то никогда не было. Чтобы я — да замужем? Нет уж, это чересчур опасно для такой доброй и доверчивой женщины.

— Да, мэм. Тогда я, пожалуй, пришел по адресу. Мне нужно поговорить с вашим отцом.

— Заходи-заходи, милый, — старушка пропустила гостя в дом и закрыла за ним дверь. — Только поговорить с моим старым папочкой вряд ли кому удастся. Он не говорит.

— Прямо как Говард...

Старушка указала Виктору на вешалку, и он, сняв пальто и шляпу, надел их на кривые, потемневшие от времени крючки. Виктор мгновенно узнал висевшие тут же черное пальто с заплатами на локтях и выцветший красно-синий шарф, которые были на ключнике в день их знакомства.

«Да, это тот дом! Это те Биггли!»

— Не знаю, милый, я никакого Говарда, — старушка неотрывно наблюдала за гостем через свой монокль. — Но мой старый папочка болен, очень болен, он не выходит из дома и последний раз говорил лет пятнадцать назад.

— Не может быть!

Виктор поглядел на черное хозяйское пальто — все его полы были забрызганы грязью, причем, без сомнения, свежей, да и вообще пальто выглядело потяжелевшим от влаги, как будто его сняли буквально только что. Шарф всем своим видом заявлял: «Меня сегодня полоскали в лужах вплоть до Паркового района».

— Ты сейчас сам во всем убедишься, милый, — тем временем сказала старушка и бросила на входную дверь взгляд, как показалось Виктору, полный сожаления, словно она только и мечтала оказаться за ней. Должно быть, возраст или болезнь не позволяли ей выйти подышать воздухом.

Хозяйка повела Виктора вглубь дома. В гостиной было довольно тепло, в камине ярко горел огонь; туман за окнами вообще не пропускал света, и казалось, будто их заклеили старыми газетами.

У негромко работающего радиоприемника в кресле-каталке сидел старик; его безвольные руки лежали поверх клетчатого пледа. Старик мелко тряс головой, словно пытался стряхнуть с нее последние пряди. На его морщинистом лице застыло отсутствующее выражение: глаза вообще не моргали и глядели в пустоту перед собой.

Виктор ничего не понимал. Это определенно был Биггль — тот самый Стюарт Биггль, которого он и искал, вот только... старик и правда не выглядел так, будто пару дней назад вышел прогуляться по городу и случайно забрел в Крик-Холл.

— О, теперь ты видишь, милый? — спросила женщина и подковыляла к старику. — Погляди-ка, папочка: у нас гости! Молодой мистер Кэндл пришел нас навестить.

Старик, само собой, не ответил. Он даже не обратил внимания на то, что дочь к нему обращается, все продолжал глядеть в одну точку и трясти головой.

— Прошу тебя, милый, — хозяйка кивнула на кресло возле камина, сама села на диванчик напротив — там ее ожидало вязание.

— Благодарю, мэм. — Виктор осторожно обошел мистера Биггя и сел в указанное кресло. — Он понимает нас?

— О, нет-нет, — с сожалением выдохнула старушка. — Он уже давно ничего не понимает. Я слежу за ним, как за стареньким цветочком в горшке. Забочусь о нем. Он уже давно такой.

— Он не ходит самостоятельно?

— Папочка вообще почти не двигается...

Виктор глядел на старика — казалось, тот действительно не замечает гостя.

— Да, печально, очень печально, — пробормотал он, пытаясь придумать, как построить беседу так, чтобы вывести старушку и ее притворяющегося больным отца на чистую воду.

— Все это и правда печально, — кивнула хозяйка, — но мы давно привыкли, верно, папочка?

— А могу я поинтересоваться, мэм, — спросил Виктор, — кем он работает... в смысле работал, когда был здоров?

— Разумеется, это же не секрет! Он был изготовителем ключей.

— Неужели? — Виктор подобрался.

— Да, лучшим в городе! Даже богачи Кроу пользовались его услугами. Он мог изготовить ключ для любой двери, для любой шкатулки, он сам когда-то шутил, что даже для любого сердца.

— И давно он отошел от дел?

— О, вскоре после войны.

Тяжелее всего было не расщедриться на саркастический взгляд. Но Виктор держался. В какой-то степени ему даже стало любопытно, до чего может дойти эта ложь.

— А что с ним случилось? — поддержал он игру, надеясь, что старушка вот-вот скажет что-то, что раскроет этот откровенный обман, а ее «старый папочка» как-нибудь выдаст себя. Хотя бы промелькнувшим на мгновение осмысленным взглядом.

— Это было просто ужасно... — как-то слишком вдохновенно для такого предисловия начала старушка, опустив глаза к пряже. — Однажды в городе появился заклинивший замок. Но хуже того — мой старый папочка так и не сумел подобрать к нему ключ. Он безуспешно бился над ним, пока не понял, что ничего у него не выйдет, — замок победил его. И он просто не перенес этого. Он лишился рассудка.

— А что это был за замок?

— Какой-то обычный замок в одном из домов Холмового района. Проще некуда. Без потайных ячеек или даже фигурных язычков. Но мой старый папочка не справился. И это его просто раздавило.

— Я вам сочувствую, мэм, — фальшиво посопереживал Виктор.

— О, благодарю тебя, милый, — фальшиво поблагодарила старушка.

— Знаете, — начал Виктор, пристально следя за реакцией собеседницы, — я был уверен, что на днях встретил вашего отца на улице.

— О, это решительно невозможно! — воскликнула хозяйка.

— Да, теперь я это прекрасно понимаю. Но тогда я был абсолютно уверен, что говорю со Стюартом Бигглем. Он даже открыл мне дверь.

— Дверь? — удивилась мисс Биггль. — Это вряд ли, милый. Как насчет горячего чайку?

— Не отказался бы...

Глядя, как старушка суетится с медным пузатым чайником, Виктор задумался. Его дурачили совершенно бессовестно.

Он не удивился бы, если бы узнал, что Стюарт Биггль уселся в это кресло в ту же секунду, как раздался стук в дверь. И все же...

Виктор начал сомневаться: «Зачем это все? Зачем прикидываться, зачем лгать, зачем придумывать целую легенду? Я ведь не из полиции — более того, никого ни в чем не обвинял. Просто пришел поговорить...»

Старушка тем временем повесила чайник на крючок в камине и принялась засыпать молотые чайные листья в фарфоровый заварничек.

— Мисс Биггль, — сказал Виктор, — могу я поинтересоваться, почему вы так просто меня впустили? Вы ведь меня совсем не знаете!

Старушка негромко рассмеялась:

— Ну я же вижу, что не разбойник какой. Да и не навещает нас со старым папочкой никто — как было не впустить?

— А у вас разве нет родственников? Может быть, дядюшек?

Разумеется, Виктор не верил в то, что у Биггля есть брат-близнец, но на всякий случай решил уточнить.

— О, нет-нет. Бигглей в этом городе осталось всего двое. О, кипит-кипит! Чайничек кипит!

Старушка засуетилась рядом со столиком. Залила кипяток заварник, накрыла его пуховой прихваткой и приготовила две чашки.

— Чуть-чуть настоится...

Виктор тем временем изучал Биггля. Тот выглядел большим очень профессионально. Старик прикидывался мастерски и вроде бы даже получал какое-то удовольствие от собственных дерганий. Ну и отвратительный же тип!

Чай настоялся. Налив его себе и гостю, хозяйка откинула кружевную салфетку с блюда на столике, в которой опрятной горкой лежало печенье. Виктор взял чашку и осторожно

отпил. Чай был просто обжигающим, поэтому гость не сразу отметил его горьковатый пряный привкус.

— А чем ты занимаешься, милый? — спросила старушка, отхлебнув немного из своей чашки, после чего взяла с блюда печенье и надкусила его — сухие губы заходили ходуном.

Виктор ожидал этого вопроса, он был удивлен лишь тем, что задан он был еще не на пороге.

— Я репортер, мисс Биггль, — признался Виктор. — Работаю в Лондоне, хотя родом отсюда. Приехал на праздники к семье.

— А почему решил навестить стариков Бигглей?

И на этот раз Виктор решил ответить честно — ну, или хотя бы сказать правду в том, что можно было проверить:

— Когда я приехал домой, то познакомился с одним пожилым джентльменом. Он представился Стюартом Бигглем и сказал, что служит ключником в доме у моей семьи. Мой ключ застрял в замке, и мистер Биггль помог мне. Я пришел к вам в надежде, что он поможет мне снова — даст новый ключ.

— Но мой отец прикован к креслу-каталке, от него уже столько лет ни словечка связного не слышно! Он не мог с тобой говорить, милый!

— Да, я уже это понял...

— Я вижу, что ты опечален, милый, — заметила старушка. — Мне жаль, что ты не нашел здесь того, кого ищешь.

— Да, мне тоже жаль.

— Но если ты видел не моего отца, то, может, кого-то похожего? — с сочувствием спросила старушка.

— Он назвался Стюартом Бигглем.

— Тогда... — Она замолчала и пристально поглядела на Виктора. — Это может значить лишь одно: милый мой, ты встретил призрака. Близится Хэллоуин и...

— Призрака? — усмехнулся Виктор. — Ваш отец ведь жив. Как у него может быть призрак? К тому же я не верю в призраков. Но даже если бы верил, то... зачем призраку блуждать возле Крик-Холла? — Виктор не обратил внимания, что спорит уже сам с собой. Он настолько увлекся собственными рассуждениями, что не заметил, как недоеденное печенье выпало из пальцев старушки. — Зачем призраку обращаться ко мне? Да и как вообще он смог бы открыть дверь? Нет. Конечно, нет. Призраков не бывает, а если и бывают, то это какие-то тени, которые бродят по старым домам и скрипят половицами. Но ведь, опять же, ваш отец жив. У него не может быть призрака, верно? Призрак — не простуда. Он не может быть при тебе. Он это ты. Или, скорее, *после тебя*. Вы согласны, мисс Биггль?

Хозяйка не слышала его. Она опустила голову, веки ее были прикрыты. Монокль грозил вот-вот выпасть из глаза.

— Мисс Биггль?

Виктор наклонился к старушке — негромко посапывая, хозяйка мирно спала. Проклятье! Она ничего не говорила о том, что может взять и заснуть!

— Мисс Биггль... — негромко позвал Виктор, пытаясь разбудить старушку.

Он вытянул руку, намереваясь коснуться ее плеча, и это движение далось ему с невероятным трудом. Виктор почувствовал, как веки его тяжелеют, а голова сама собой клонится к груди. Должно быть, это из-за духоты... Камин горит, окна закрыты... Так ведь и угореть недолго!

Виктор поглядел на окно — на запертое окно, заставленное всяческим стариновским хламом...

В комнате было так тихо, так тепло и спокойно, что Виктор Кэнделл и сам не заметил, как погрузился в сон. Перед этим в его голове возник образ цветущих сиреневых цветов с колючими стеблями в горшках на подоконнике.

«Никому не нравится чертополох», — мысленно повторил он когда-то сказанное им же самим. После этого он уже ни о чем не думал...

Мистер Эвер Ив поднял голову и уставился на сидящего в углу человека. Его губы скривились в недоброй усмешке.

— Я так понимаю, дело срочное, — сказал он, лениво растягивая слова. — Не люблю срочные дела — они самые утомительные.

— Прошу прощения, сэр.

Старик в кресле-каталке виновато ссутулился. Он больше не тряс головой, и взгляд его сфокусировался на собеседнике — на человеке в зеленом костюме, сидевшем в кресле у камина.

— Ты знаешь, Ключ, почему они самые утомительные?

— Почему же, сэр?

— Потому что требуют немедленного вмешательства, — со вздохом пояснил мистер Ив. — И никакие отговорки вроде «Но я-то предпочитаю всякие отлагательства!» не работают, понимаешь? Это обидно. Не люблю срочные дела. А еще я очень, уж прости за откровенность, не люблю встречаться с вами.

— Да, вы правы, сэр, но дело, как вы верно заметили... срочное.

— Я уже понял, — проворчал мистер Ив и поскреб ногтями собственный язык, будто пытаясь счистить с него терпкий привкус. — Несомненно, срочное, раз ты ради него велел собственной дочери усыпить гостя и саму себя этим замечательным чаем. Говори, что стряслось?

— Уже двое! — старик многозначительно поднял брови.

— Двое что? — не понял мистер Ив. — Я не люблю, когда со мной говорят загадками или подобными бессмысленными недофразами.

— Простите, сэр, — буркнул старик. — Я имею в виду, что двое наших (и это как минимум) уже пойманы.

— На горячем?

— Нет, в ловушку.

— Тогда ладно, — с деланным равнодушием произнес мистер Ив. — Это все?

— Сэр, я не думал, что вы отреагируете так спокойно.

— Ну, я могу взбеситься и в ярости сжечь твой дом, — предложил мистер Ив. — Или выйти из себя. В буквальном смысле. Ты знаешь, я могу. Поброжу немного без одежды и кожи по округе, а потом снова вернусь в себя. Ты этого хочешь?

— Нет! Вовсе нет! Но...

— Послушай, Ключ, — хмуро сказал мистер Эвер Ив. — Все идет как задумано?

— Да, сэр. Шляпа развесила уже почти всех птиц. Метла почти окружила город и отловила всех пернатых в округе. Котел играет с бумагами. Фонарь подготовил улицы. Даже Зеркало уже на месте. Приступил к выполнению своей задачи. Да и мои успехи тоже...

— Хватит хвастаться, — недовольно перебил старика мистер Ив. — Только мне позволено постоянно хвастаться.

— Разумеется, сэр. Простите. Я просто хотел сказать, что все идет как намечено, но...

— Но кто-то вас отлавливает, — добавил мистер Ив. — Кто уже пойман?

Человек в зеленом сцепил пальцы и уставился в огонь.

— Котел, без сомнения.

— Что его выдало?

— Он действует вне плана.

— Вместо? — прищурился мистер Ив.

— Помимо.

— Он справляется с возложенной на него задачей? — спросил мистер Ив, и Ключ понял, что вопрос этот был риторическим. — Тогда какая разница, чем он занимается в свободное время?

— Но ведь им манипулируют! — возмутился старик. — Управляют! Какой-то человечиска возомнил, что может дергать нами, как ему вздумается!

— Он не просто «возомнил», — ехидно подметил мистер Ив. — Ему весьма неплохо это удается.

— Все верно, — вынужденно признал Ключ. — Но это не отменяет того факта, что...

— Что никому не позволено играть со мной в игры, — закончил мистер Ив.

— Да, сэр. Нам тоже не нравится, когда с нами играют. Тем более когда много чего стоит на кону.

— Кто еще пойман? — нетерпеливо спросил Человек в зеленом.

— Фонарь.

— Как его поймали? Вообще, как их ловят? И кто этот негодник?

— Не имею ни малейшего понятия, сэр. Я даже не знаю, как нас можно выявить, как отличить от людей.

— Зато они знают. Но это ведь не все, кого поймали, верно?

— Да, мне кажется, что Метла тоже уже попалась.

— Но ты не уверен.

— Нет.

— Остальные?

— Мы со Шляпой почти всегда вместе. Наша работа требует взаимодействия, как вы знаете, и...

— Да-да. Зеркало?

— О, они пообломают об него свои зубки.

— Хм. И правда. Я бы не пропустил такое представление.

Мистер Эвер Ив задумался. Он уже давно начал подозревать неладное. Сперва этот Гэррити пытался его спровоцировать, теперь вот Ключ заявляет, что веселую компанию пытаются выловить. Гэррити явно выполнял чей-то приказ. Но вот чей?

Мистер Ив мог выглядеть беспечным в глазах Ключа, но он не должен был оставлять все как есть. О нет. Обнаружившаяся

вдруг напасть его по-настоящему заинтересовала и еще весьма разозлила. Тем не менее он постарался остаться равнодушным — хотя бы с виду.

Старик пристально следил за размышлениями мистера Ива и в какой-то момент отметил: тот что-то для себя решил.

— Что вы будете делать, сэр?

— Мои дела тебя не касаются, Ключ. Не забывайся.

— Но что мне делать, если они попытаются и меня?... —

Старик испуганно смолк.

— Можешь убить их всех, как пожелаешь, — безразлично проговорил мистер Ив. — Главное, чтобы все шло строго по плану. Без каких-либо отклонений. У вас всего четыре дня, так что постарайтесь.

— Да, мы знаем, что делаем, — заверил старик.

— Надеюсь, — с безжалостной улыбкой процедил мистер Ив. — Иначе Канун для всех вас быстро закончится.

Старик кивнул, достал из внутреннего кармана связку ключей и отделил от нее один, старый и ржавый.

— Вы позволите, сэр?

— Конечно. Развлекайся...

Старик поднялся на ноги и, быстро подойдя к мистеру Иву, отвернул край темно-зеленого пиджака гостя и опустил ключ тому во внутренний карман. После чего уселся обратно в свое кресло-каталку.

Биггль поднял взгляд на собеседника, но в кресле у камина мистера Ива уже не было. Вместо него там спал молодой человек в зеленом костюме, который должен был вот-вот проснуться. Но почему-то все не просыпался.

— Говорил тебе, дура, не переборщи со снотворным порошком, — проворчал старик и, укоризненно поглядев на спящую дочь, опустил голову набок и вновь принял позу больного.

Мистер Биггль уставился прямо перед собой и мелко затряс головой.

— Опаздывает... — проворчала Кристина Кэндл, уверенно расправляясь с запеченной жертвой на тарелке.

Кафе «Брауни Инн», небольшое темное местечко на пересечении Сквош-стрит и переулка Коутинг, наполнилось народом — от мрачных и неразговорчивых посетителей, жаждущих отведать фирменное блюдо заведения, не было отбоя. Еще бы, ведь сегодня впервые в этом году подавали любимое всеми в городе традиционное хэллоуинское угощение: «рулет из мертвечины».

Само собой, мертвечины там не было, но выглядели рулетики как крошечные трупики, которые исходили паром и пахли... м-м-м... Кристина даже не могла подобрать слов, чтобы описать этот запах, — лучшие «рулеты из мертвечины» пекли только в «Брауни Инн».

— Просто не терпится! — почесав вилкой нос, вдохновенно проговорила одна из лучших подруг Кристины, Эбигейл Карсон, миловидная девушка в вязаной темно-синей кофте необъятных размеров.

— Да, а то ты нам уже все уши прожужжала, но так его и не показала, — поправляя очки, поддержала Эбигейл вторая лучшая подруга Кристины, Дороти Хилл, хозяйка извечно поджатых губ и платья в клетку с неимоверно узким воротничком.

— Вот только не нужно истерить и кидаться на него, как будто он какой-то там лакомый кусочек, ладно? — проворчала Кристина. — И вообще, это мое интервью.

— Всегда знала, что ты та еще злока, Кристина Кэндл, — обиженно надув губки, заявила Эбигейл.

— Да, и жадина, — поддержала очкастая Дороти. — Не хочешь делиться братом...

— Умоляю тебя, Дотти! — проворчала Кристина. — Кому может быть нужен Вик? Он же законченный зануда! А ты, Эби, если мне память не изменяет, все еще сохнешь по Джим-ми Тэму с Угольной улицы!

Подруги, не сговариваясь, фыркнули.

— Кому нужен Джимми Тэм, когда приехал твой брат! Да из самого Лондона! — легкомысленно проворковала Эбигейл. — А он хорошенький?

— И высокий? — добавила Дороти. — Потому что высокие парни самые красивые.

— Для тебя, Дотти, даже гном какой будет казаться великаном, — насмешливо сказала Кристина.

В первое мгновение очкастая оскорбленно нахмурилась, но во второе уже все забыла и лихорадочно начала дуть на обожженные рулетом пальцы.

— Зачем хватать трупы руками? — скривилась Эбигейл.

— А зачем носить мужские свитера? — не осталась в долгу Дороти.

— Он не мужской! — гневно начала оправдываться Эбигейл. От искр, появившихся в ее взгляде, казалось, вот-вот загорятся шторы в кафе. — Его связала мисс Пийон!

— Да, для своего сына!

— Нет, для меня!

— Может, хватит? — пресекла спор Кристина. — Уж лучше вернитесь к обсуждению моего брата.

Подруги мгновенно забыли о своих распрах.

— Да, ты так и не сказала: он как, ничего? — поинтересовалась Эбигейл.

— Если тебе нравятся рыжие.

— Ничего, — подумав, ответила подруга.

— А еще у него вроде как сердце разбито.

Подружки тут же переглянулись:

— Как интересно...

— Ешьте свои рулеты, — буркнула Кристина.

— А ты решила, что будешь делать с Джоном Кирни? — спросила тем временем Дороти.

— Не так громко! — возмутилась Кристина.

— Так что? — поддержала Эбигейл.

Кристина вздохнула: кажется, не отвертишься. Похоже, тема парня из цветочной лавки засела в голове не у нее одной. И зачем только она все рассказала этим двум болтушкам?

— Я собираюсь его заколдовать.

— Зачем? — не поняла Дороти. — Он же вроде и так не против тебя куда-нибудь позвать.

— Да, у него же есть глаза и все такое, — хмыкнула Эбигейл. — Хотя они, похоже, заставляют его сомневаться: зачем ему такой подарочек, как наша Крис!

— Умолкни уже, — гневно велела Кристина.

— Но можно же просто подойти и заговорить с ним, — предложила Дороти. — Вряд ли он откажется пойти с тобой на свидание.

— Кстати, да! Где ты видела такого парня, которого нужно было бы силой тянуть?

— А Киран Уэстингс? — напомнила Кристина Эбигейл о ее бывшем предмете невзаимного обожания.

— Ах да, — помрачнела подруга. Кристина осталась довольна.

— И все же, — сказала Дороти. — Я никак не могу понять. Кирни — это не трусливый Уэстингс. И ты вроде бы ему нравишься. Почему просто не поговорить с ним?

— Почему я должна с ним говорить? — Кристина уже откровенно злилась. — И вообще, почему это я должна его куда-то приглашать? Если некоторые непроходимые болваны, не замечающие ничего под собственным носом, не понимают очевидных вещей, то я не собираюсь им о них сообщать.

— То есть приворот лучше ненавязчивого разговора? — с сомнением заметила Эбигейл.

— Да, лучше.

— А вдруг не получится?

— У меня получится. Можете не сомневаться.

— Мы в деле.

— Что?

Кристина едва не поперхнулась кусочком своего «трупика».

— Ну тебе же нужна будет помощь. Вот мы и поможем.

— Ты что, думала, мы будем в сторонке стоять, пока ты будешь заниматься такими интересными вещами?

— Ладно, — не стала спорить Кристина. — Мне легче согласиться, чем отговаривать вас.

— С чего планируешь начать?

— Ну, сперва мне нужно достать рецепт зелья.

— Зелья! — восторженно воскликнула Эбигейл. — Я так и знала, что это зелье. Зелье! Обожаю всякие зелья!

— Я уже жалею, — хмуро сказала Кристина. — Может, выйдешь на главную улицу и как следует прокричишь на весь город? Это тайна, вообще-то...

— А мне не нужно никаких приворотных зелий, — мечтательно протянула Дороти. — Я, кажется, только что влюбилась.

— Что? О чем ты?..

Дороти Хилл неотрывно глядела на молодого человека, который только что зашел в кафе и остановился у дверей, высматривая кого-то в зале. Увидев Кристину и оценив состав ее компании, он утомленно вздохнул, затем снял шляпу и пальто и повесил их на вешалку-стойку возле входа. После этого он явно нехотя направился к их столу.

— Эй, это мой брат! — возмутилась Кристина, проследив за взглядом подруги. — Ты чего?

— А что? — гневно зашипела на нее Дороти. — Как будто у тебя есть на него права!

Кристина и Эбигейл переглянулись. Эби едва сдерживала смех, Кристине же было совсем не весело. Худшей подружки для Виктора, чем Дотти, было просто невозможно представить. Да они вместе просто сведут ее с ума! Говоря подругам,

что Виктор зануда, она не учла только одного: Дороти Хилл — еще большая зануда. О боже, неужели теперь она вынуждена будет лицезреть, как эта парочка чинно бродит, взявшись за ручки, и робко восседает на лавочке, бессмысленно и уныло воркуя на всякие любовные темы? Да она просто этого не переживет!

«Нужно будет сварить еще и отворотное зелье», — решила Кристина.

— Я думал, мы будем вдвоем, — недовольно заметил Виктор, подходя.

— Ну еще бы! — язвительно ответила Кристина. — Ты, видимо, полагал, что я буду тут совсем одна сидеть и ждать, пока их светлость соизволит явиться?

— Хорошо-хорошо, — примирительно поднял руку Виктор. — Я уже здесь, ладно?

Он пододвинул для себя стул, сел и представился:

— Виктор Кэндл.

— Это мои подруги, — важно представила Кристина, — Эби Карсон и...

— Дороти Хилл, — перебила Дотти и тут же покраснела.

— Зови ее Дотти, — подсказала Кристина.

— Нет, зови меня Дороти, — подруга глянула на нее с таким видом, будто вот-вот набросится.

— Договорились, Дороти, — кивнул Виктор.

— Почему ты опоздал? — рассерженно поинтересовалась Кристина. — Неужели у тебя здесь могут быть какие-то дела? Это ведь не Лондон, в самом деле... Что здесь вынюхивать?

— Да, у меня были дела.

Виктор не стал вдаваться в подробности. Не говорить же Кристине, что он заснул в чужом доме, прямо в кресле, и проспал там до позднего вечера. А потом ему еще пришлось идти домой за саквояжем...

— Итак, начнем.

Виктор достал из сумки и поставил на стол небольшой прибор, напоминающий заводную шкатулку с медным рожком.

— Что это еще за гадость? — презрительно фыркнула Кристина.

— Вообще-то это портативный фонограф, — пояснил Виктор. — Мне ведь нужно записать твои слова. Или ты думала, что я буду все от руки конспектировать? Хотя если ты передумала давать интервью, то я могу...

— Еще чего! — возмутилась Кристина. — Так легко не отделаешься. Фонограф так фонограф. Только убери его от моей тарелки. Кстати, ты будешь заказывать? Здесь подаются замечательные «рулеты из мертвечины».

— Нет, благодарю, я не голоден. Тем более впереди еще семейный ужин, а я не хотел бы перебивать себе аппетит.

— О боже, какой он практичный... — восхищенно протянула Дороти. Мечтательно глядя на Виктора, она склонила голову набок и уперла щеку в сцепленные кисти рук.

— Простите? — недоуменно спросил Виктор.

— А? Что?

Дороти как будто очнулась. Она вздрогнула и начала оглядываться по сторонам.

— Ты говоришь вслух, — проворчала Кристина. — И вообще, лучше бы тебе не влезать в мое интервью. Просто ешь свой рулет.

— Сама не влазь в интервью, — пробурчала Дороти, но ее уже никто не слушал.

Виктор настраивал свой фонограф. Повозившись с какими-то рычажками и установив крошечную пластинку, он кивнул Кристине. Игла заскрипела...

— Представьтесь, мисс, — сказал Виктор сестре манерным официальным тоном, от которого ей стало смешно.

Она поднесла губы прямо к рожку и как заорала на все кафе:

— Кристина Кэндл!

Прочие посетители даже повскакивали с мест. Кто-то глядел осуждающе.

— Не нужно так кричать, — хмуро сказал Виктор. — Это очень чувствительный прибор. Говорите как обычно.

— Хорошо, — сказала Кристина и смутилась. — Ты будешь задавать вопросы и... или как?

— Как вам удобнее, мисс Кэндл. Как вы пожелаете.

— Мисс Кэндл пожелает отвечать на вопросы, — едва сдерживая смех, ответила Кристина, перемигиваясь с подружками.

— Хорошо, — кивнул Виктор. Обычно он долго и вдумчиво готовился к интервью, но, считая сестрино желание быть проинтервьюированной обычным девчачьим капризом, даже не знал, с чего начать. — Мисс Кэндл... — сказал он неуверенно, — сперва коротко расскажите о себе. Для читателя. Читателю всегда интересно знать что-либо о герое статьи.

На самом деле Виктор решил, что если уж он и занимается таким бессмысленным делом, как интервьюирование родной сестры, то нужно из этого вынести хотя бы какую-то пользу. По крайней мере, он узнает о том, что изменилось в доме за время его отсутствия, а также кто из родственников чем живет. Хотя, признаться, Виктор и не надеялся, что Кристина расскажет что-нибудь стоящее.

— Эм-м... ладно, — неуверенно начала сестра. — Меня зовут Кристина Кэндл, Крик-Холл, Уэлихолн, графство Эссекс, Соединенное Королевство. Я не люблю лакричные палочки, новые машины и веснушчатых парней. У меня есть две лучшие подруги, Эбигейл Карсон и... — тоскливый взгляд на Дороти, — и Дороти Хилл. Я работаю в библиотеке: заполняю формуляры и складываю книжки. Скучная работенка, если честно. Кстати о работе! Я такое могу рассказать, что ты просто упадешь! И... — она неуверенно наклонилась

к фонографу, видимо, обращаясь напрямую к читателям, — и вы все упадете.

— Полагаю, мы к этому еще вернемся. — Виктор был удивлен: как ни странно, у его младшей сестры прекрасно все получалось. — Расскажите немного о вашей семье, мисс Кэндл.

— Ну, семья... да, — Кристина поджала губки и легонько прикусила их, раздумывая, с чего начать. — У меня большая семья. У меня есть мама. Ее зовут Корделия, и ее лучше не злить. И папа, Гарри, — его можно злить. А еще в нашем доме живет куча разных личностей, которые вообще непонятно что там делают. Обе мои тетушки любимы мною совершенно одинаково, да так, что я бы с большим удовольствием засунула обеих в коробку, обернула бумагой поярче, обвязала ленточкой и с припиской «С любовью, ваша Кристина» отправила бы куда-нибудь подальше без обратного адреса. Скажем, тетушке Скарлетт. Да, я бы посмотрела на ее лицо, когда она разрезала бы обертку! Ха! Поднимает крышку, а там... одна из тетушек как раз доедает другую. Они хуже пауков в банке, в самом деле. Обе хороши. Хотя Рэммора все-таки повреднее будет. И все же с ней хотя бы можно поговорить, а не дожидаться аудиенции, как у Меганы. Рэмморе с мужем не повезло, и слава богу. Второго дядюшку Джозефа я бы просто не пережила. Хотя не сказать, что Мегане очень уж повезло. К слову, о любезном дядюшке. Джозеф Кэндл — это такой себе вальяжный котище, который вечно где-то пакостит, а потом выглядывает из дверной щели, кого это там лупят за его проделку. Кто еще?..

— Бабушка, — подсказал Виктор.

— Да, почтенная госпожа Джина Кэндл, — с деланой усталостью протянула Кристина. — Наше семейное привидение. Не округляй глаза, Эби, я образно. Бабушка бродит по всему дому, ничего не говорит, попросту выражаясь — присутствует. Я всегда думала, что она придумывает какой-то

хитроумный план, и план этот, видимо, слишком сложен, поэтому она, так сказать, вся в работе. Но на самом деле она хорошая. Наверное, потому что молчит. И не совершает никаких подлостей. Да, точно! — согласилась Кристина с собственным определением, явно придуманным на ходу. — Она хороша тем, что от нее не следует ожидать никаких сюрпризов. А еще тем, что она жива и пока никому из Кэндлов не нужно грызться за наследство. Кто там еще остался? Еще есть всякая мелочь. По дому вечно носятся эти утомительные малявки. О Марго можно споткнуться, потому что она любит где-нибудь притаиться на полу и играть со своими дурацкими куклами, а еще она постоянно визжит, пока мама ее не заткнет. Томас не визжит, но заткнуть его не легче: он болтает просто без умолку. Ходит повсюду с серьезным видом и похож на сорокалетнего страдальца, готовящегося на днях совершить самоубийство. Прямо как Виктор! Ха! — Кристина восхитилась собственной смысловой находке. — Верно! Томми — это маленький Виктор! Такой же зануда печального образа. Еще у нас есть кот Коннелли. Я называю его Конни или Кренделек. Ему недавно сделали операцию на глазах. Это самая важная птица во всем доме. Маленький господин и император чулана. Вот, пожалуй, и все, кто вечно ошивается в Крик-Холле. Хотя есть еще куча дальних родственников, которым у нас будто медом намазано. Любители дармовщины — просто обожают заявиться погостить.

— Что-нибудь добавите о дальних родственниках, мисс Кэндл? — хмуро спросил Виктор. Интервью ему весьма не нравилось. Кристина разошлась не на шутку, словно в нее что-то вселилось. Подружки уже давно сидели, как две оплывшие свечки, подогретые жаром «мисс Кэндл».

— О, это вообще отдельная тема! — презрительно воскликнула сестра. — Есть еще Сирил и Мими, дети тетушки Меганы и дядюшки Джозефа. Дорогие кузены. Слава богу,

эти с нами не живут — еще не хватало! Сирил вместе с сестрой Мими неразлучны, как сиамские близнецы, хотя они и есть близнецы, только обычные, не сиамские. Мамочка Мегана где-то наколдовала им кучу денег и отправила путешествовать. Веселенькая у них, должно быть, жизнь: качка сменяется тропической лихорадкой, а укусы малярийных комаров — обледенениями конечностей. Хотя куда там! Если транжирство мамочкиных денег в дорогуших отелях Парижа и Нью-Йорка — это путешествие, то я — речной тролль. Молчи, Дотти, не до тебя сейчас, — пресекла Кристина робкую попытку подружки как-то прокомментировать ее слова. — В общем, тетушка ловко избавилась от детишек, хотя не только для нее, но и для всех в доме это явное благо — они еще зануднее некоего малоизвестного Виктора Кэндла.

— А, так у вас есть еще один брат? — невесело заметил брат. — Почему вы о нем ничего не сказали?

— Я просто еще не успела, — нашлась мстительная Кристина. — Он попадает в раздел очень-очень-очень дальних родственников. Да, так вот. Еще у нас есть множество двоюродных и троюродных бабушек и дедушек, дядюшек и тетушек, родство с которыми, как мне кажется, совершеннейшая дичь. Ну и Скарлетт, разумеется.

— Разумеется, — проворчал Виктор.

— Тетушка Скарлетт — а мне почему-то кажется, что она никакая нам не тетушка, — это единственное светлое пятно в царстве запустения и зануд. Хотя бы потому, что она никому не дает права смотреть на себя снисходительно. Кажется, она даже щелкала по носу парочку австро-венгро-германско-где-то-там королей. А у нашего короля она частая гостья. Говорят, наш добрый Георг всегда рад случаю выпить с ней чашечку чая. У тетушки Скарлетт лучшие гардеробы, дорожные автомобили, а еще ее пускают в ложу для особо важных персон самого Ковент-Гардена!

— Он вообще-то закрыт после войны, — подсказал Виктор.

— Это неважно! — заявила Кристина и продолжила восхищаться тетушкой Скарлетт: — Вот кто по-настоящему путешествует! Колонии, Япония, Африка! А еще...

— Постойте, мисс Кэндл, — хмуро перебил Виктор. — Смена пластинок.

— Что? — возмутилась Кристина. — Тебе надоело?

— Нет, просто нужно поставить другую пластинку на фонограф. На этой запись уже невозможна.

— А, тогда ладно, — успокоилась сестра.

— Да, Кристина, — напомнил Виктор, меняя пластинки, — ты обещала рассказать что-то интересное. Вступительное слово и знакомство несколько затянулись. У меня только две пластинки. Эта последняя. Не хмурься. Говори, что обещала. Просто, чтобы я не пожалел, что согласился, договорились?

— Договорились, — Кристина кивнула с таким видом, словно у нее отбирают любимую игрушку.

— Запись идет, мисс Кэндл, — сказал Виктор. — Вы собирались что-то рассказать.

— Задавайте ваши вопросы, — скривившись, ответила сестра.

— Вне записи мы с вами обсуждали странности в вашем семейном доме Крик-Холле. Можете остановиться на них поподробнее?

— Да, странности... — задумалась Кристина. — Тетушка Рэммора целый день ведет себя подозрительно тихо — сидит и молча перебирает бабушкину шкатулку в поисках разной мелочи, которую можно было бы засунуть себе в волосы. А дядюшка Джозеф с тетушкой Меганой даже еще не ссорились с утра. Что-то творится... Кажется, грядет нечто ужасное...

— Кристина! — прервал Виктор сестру. — Если тебе нечего...

— Нет! Есть! — заверила та и схватила фонограф, чтобы Виктор до него не дотянулся. — Я хотела бы рассказать о еще одном жильце, который сейчас присутствует в доме.

— Очередной кот? — вздохнул Виктор. — Или речь обо мне?

— Не угадал, — Кристина скорчила рожицу. — Речь идет о странном незнакомце, которого привела мама.

— Что?

Виктор даже подался вперед от удивления. Кристина была довольна.

— Да, я ведь говорила, что кое-что знаю. За пару дней до твоего приезда кое-кто появился. Я не видела его лица, лишь фигуру и костюм. Очень странный костюм... У него был плащ, который выглядел таким тяжелым, что, кажется, наш «Драндулет» по сравнению с ним — пушинка. Бурый или... нет — темно-багровый! Что-то среднее... Тяжеленный плащ, который тянулся за ним ярда на три по земле, собирая собой листья и обрывая мох с камней.

— Что за сказки? — скептически поморщился Виктор.

— Да ты слушай! Я сама в окно видела. Хотя это тоже странно. Я выглянула в окно своей спальни и едва не рухнула в обморок. Гляжу — а там улица!

Пауза затянулась. Кристина многозначительно смотрела на Виктора, но подружки ничего не понимали.

— И что? — удивилась Эбигейл.

— Да, в самом деле? — вмешалась Дороти и уставилась на Виктора странным голодным взглядом сквозь очки.

— То, что окна спальни Кристины выходят на наш сад, — пояснил Виктор. Он сам ничего не понимал. — А вовсе не на улицу...

— Да! — подтвердила сестра. — Я сперва подумала, что не нужно было воровать у дядюшки его сироп от кашля, потому что от него мне уже мерещится невеста что! И я почему-то стала тереть стекло. Я терла и терла и не могла остановиться.

Как безумная, в самом деле! Я терла и терла, и почему-то мне вдруг показалось, что это самое важное дело в моей жизни: если я не протру стекло, то все, жизнь закончена. В общем, я все-таки протерла. Окно вернулось в нормальное состояние. Это наконец-то вновь был мой родной вид: старый запущенный сад Крик-Холла. А потом я увидела этого незнакомца в длинном плаще. Он как раз выбрел из-за деревьев. Шел этот тип очень медленно, как будто на нем висели десятифунтовые кандалы. А еще у него было что-то на голове — я тогда не разглядела, потому что было слишком далеко. И так он брел к дому. Мимо старого клена, мимо Зеленой Лужи, мимо статуи Анны Гёльди. Я уже думала позвать кого-то, чтобы прогнали его, но тут я увидела маму. Она шла следом за незнакомцем, но при этом вела себя очень странно. Она тоже появилась из-за деревьев, но при этом шагала задом наперед. В руках у нее была метла, и она — нет, ты представляешь?! — мела землю, расшвыривая кругом опавшие листья! Как будто заметала следы незнакомца. И так они двигались к самому дому: он — медленно перебирая ногами, и она — заметая за ним его путь. Когда он подошел ближе, я наконец разобрала, что это была за штуковина у него на голове. Это была — ты сейчас просто упадешь, Вик! — корона! Настоящая! С зубчиками, и все такое! Только ржавая и помятая, словно ее долго сжимали чьи-то невероятно сильные пальцы.

— И что было дальше? — затаив дыхание, спросил Виктор.

— А дальше он вошел в дом. Я выбежала из комнаты, и стоило мне оказаться в коридоре, как тут же услышала: замок на двери моей спальни за спиной щелкнул сам по себе. Я дернула ручку и проверила — дверь была заперта. Кто-то постарался, чтобы я не покинула комнату. Но они опоздали — я-то была уже снаружи...

— Как такое возможно? — поразился Виктор.

— Я и сама не знаю — какое-то колдовство, не иначе, — простодушно ответила Кристина. — В общем, кто-то хотел

меня запереть в комнате. И я разозлилась. Я прокралась вниз и спряталась за вешалкой. И там увидела, как садовая дверь открывается и в нее входит незнакомец. От этого человека шел мерзкий запах, как будто он целый год провел в куче опавших листьев. Лица я по-прежнему не различила из-за длинных спутанных волос. Он дожидался в прихожей, пока мама заметала порог. Вскоре она закрыла дверь и поставила метлу в угол. «Уже все?» — спросил он. Его голос напоминал звук... ну, такой... даже не знаю... как стук колес поезда по рельсам. Мама сказала: «Едва ли». Он спросил: «Что еще?» А она ответила: «Гончие мятежников поблизости». Вроде так. Я, если честно, ничего не поняла. Он сказал, что в долгу у нее, и назвал каким-то странным словом...

— Случайно не «кейлех»? — прищурившись, уточнил Виктор.

— Точно! — Кристина выглядела потрясенной. — Что-то в этом роде. А ты откуда знаешь?

— Я же веду журналистское расследование, ты не забыла? — напомнил Виктор. — Что было дальше?

— А потом мама, держа его под руку, помогла ему подняться по лестнице, — продолжила Кристина. — Он действительно передвигался с трудом. Когда он подавал ей руку, я увидела его перчатку. Я такое видела только в библиотеке. Знаешь двух рыцарей у входа? Ну, доспехи пустые... Так вот — у него была настоящая рыцарская перчатка! Еще бы ему было не трудно идти! Не удивилась бы, если бы у него где-то под плащом еще и меч оказался. В общем, она привела его на второй этаж. А потом заперла в гостевой комнате возле твоей спальни.

— Но она ведь открыта! И там никого нет!

— Да, это сейчас. Она его потом куда-то дела. Потому что уже через час ключ вновь торчал в двери. Я проверила — в комнате только старый хлам, который там всегда и был. В общем, такая история.

— И что? Это все? — разочарованно спросил Виктор. — Он больше ничего не говорил? Ты его не видела после того раза? Мама ничего не объяснила?

— Нет. Это разом на все твои вопросы. А я ведь не дура, чтобы спрашивать у мамы о таких вещах. Еще и меня посадит в комнату, а потом куда-то подает. Да, кстати, моя комната вскоре отперлась. Кто-то постарался. Я почему-то уверена, что это была мама. Заперла и окно «перевернула», чтобы я ничего не увидела. Но тут она просчиталась: я же не какой-то глупый ребенок вроде Томаса — меня таким не возьмешь...

— И как бы ей все это удалось провернуть? — усомнился Виктор.

— Ну, это все не составило бы ей труда, если она... — Кристина понизила голос до шепота, — ведьма.

— Ведьма? И что это должно значить?

— Ну, я не знаю, мистер Столичный Репортер. Я только знаю, что здесь это значит совсем не то же самое, что в Лондоне. — Кристина поставила маленький фонограф на стол и ткнула в брата вилкой. — В общем, ты хотел странностей? Получил. Теперь можешь продолжить свое расследование и сам все себе разяснить.

— Да, очень полезное интервью, — заключил Виктор. — Ты молодец. И я должен извиниться за то, что был к тебе предвзят.

— Он еще и великодушный, — прошептала Дороти так тихо, что ее услышало все кафе. Всё кафе, не исключая Виктора и Кристины, предпочло сделать вид, что ничего не услышало.

— Но это еще не всё! — воскликнула Кристина. — Я хочу тебе рассказать такое, от чего у тебя по-настоящему волосы встанут дыбом.

Виктор подумал, что, если она сейчас упомянет еще и его якобы лысеющую макушку, он швырнет в нее тарелкой. Но сестре явно было не до того.

— Мистер Гэррити! — взволнованно сказала она. — Я нарочно оставила это напоследок! В библиотеке сегодня была полиция! Ты просто неверишь!

И да, на этот раз она снова оказалась права. В то, что она рассказала, действительно было просто невозможно поверить.

Перо ручки скрипнуло по бумаге так, словно пожаловалось на свою горькую судьбу. Буквы получились горбатыми и корявыми, как у нерадивого школьника, к тому же с каждой последующей они становились все тоньше, пока в один момент и вовсе не исчезли.

«Должно быть, чернила замерзли», — решил Виктор, с досадой заглянув в чернильницу. Вязкая жижа с фиолетовым отливом едва перекатывалась по донышку — и неудивительно, учитывая, как холодно было на улице.

Давно перевалило за середину дня. Виктор Кэндл сидел на скамейке в саду родового особняка. Он трижды обернул шею шарфом, поднял воротник пальто и даже надвинул на лоб шляпу, но все это не особо помогало.

«Может, вернуться в дом? Закончилось там это их мельтешение?»

Виктор поглядел на светящиеся окна Крик-Холла и отметил в них то появляющиеся, то исчезающие темные силуэты. Суета в доме будто бы лишь усилилась...

Изгнанному из своей комнаты постоянным появлением кого-то из домочадцев Виктору ничего не оставалось, кроме

как найти себе место поспокойнее. Да, от нескончаемых списков утомительных заданий он вроде как увильнул — вот бы еще «место поспокойнее» было хоть немного удобным для работы!

Виктор подышал в чернильницу, пытаясь согреть чернила, после чего вновь погрузил ручку в баночку, и густая фиолетовая жидкость наполнила перо.

Еще раз взглянув на заголовок новой статьи, он решительным движением перечеркнул его. Зачеркнутый вариант гласил:

*«Репортаж из Уэлихолна.
Традиции и современность».*

Ну что за банальное название?! Так мог бы написать какой-нибудь провинциальный бумагомаратель, престарелый и занудный, как его вязаные носки. Виктор очень надеялся, что он совсем не такой. К тому же это будет статья не для газеты, поэтому незачем сдерживать фантазию и эпатажный стиль.

Перо закрипело, выводя:

*«ЗАГАДКИ ХЭЛЛОУИНА.
Что скрывают чертовы тыквы?»*

Виктор перечитал заголовок. Этот ему понравился больше — здесь были и таинственность, и двойной подтекст, и даже некий едва заметный вызов. Новое название идеально подходило тем тайнам, в которых по уши увяз Виктор Кэндл...

Сегодняшнее утро началось с разоблачения.

Незадолго перед рассветом Виктор отправился на Серую улочку и, притаившись неподалеку от дома номер 23, стал караулить. Он прилично замерз, даже подхватил насморк, но это того стоило.

Примерно в семь часов утра дверь открылась, и из нее вышел не кто иной, как Стюарт Биггль собственной персоной. Не тот немощный старик в кресле-каталке, а нагловатый ключник с живыми бегающими глазками. На старике было то самое потертое пальто с заплатами на локтях, да и в целом он выглядел, как при их первой встрече у дверей Крик-Холла.

Обматывая вокруг шеи уродливый шарф, он крикнул куда-то в дом: «И только попробуй снова попытаться выйти, Грейс! Ты знаешь, чем это закончится! И цветы не забудь полить!»

Виктор уже собрался проследить за ним, как тут Биггль вытащил из разросшегося у стены дома бурьяна красный велосипед, с легкостью вспрыгнул на него и, лихо закрутив педали, на довольно приличной скорости поколесил в туман.

Глядя старику вслед, Виктор пожалел, что отпустил таксомотор. Но по крайней мере, он получил доказательства того, что Биггль — мошенник. Осталось только понять, в чем именно заключается его мошенничество, поскольку прикидываться больным и сумасшедшим, по сути, не противозаконно.

Вернувшись домой, Виктор собрался было взять «Драндулет» и снова отправиться к дому Биггля (если он будет на машине, старикашке нипочем не скрыться), но тут в доме начали появляться прибывающие к празднику гости...

Почти до самого полудня Виктор был занят тасканием чемоданов и сожалениями о том, что так глупо тратит время впустую, когда должен следить за Бигглем. И тут — неожиданно для него самого! — произошла подвижка в другой его тайне — тайне голоса из пустой комнаты.

Поиски ирландских словарей так ни к чему и не привели, но кто мог знать, что можно было их и не искать. Стоило просто оглядеться вокруг: здесь в кого ни плюнь — попадешь

в человека с ирландскими корнями. Одним из них оказался и мистер Эндрю, таксист тетушки Меганы.

Волоча чемодан очередного гостя в дом, Виктор стал нечаянным свидетелем ссоры, развернувшейся у садовой ограды. Хотя ссорой это все же можно было назвать лишь с натяжкой.

Дядюшка, решив проявить широту своей необъятной души, вынес таксисту чашечку горячего чая, но тот отказался и посоветовал «премногоуважаемому мистеру Кэндлу» отправиться со своим «отравленным чаем» к черту. Дядюшка был оскорблен до глубины души и, шумно рассуждая о черной неблагодарности различных таксистов, вернулся в дом. Мистер Эндрю бросил ему вслед какое-то ругательство на незнакомом Виктору языке.

— Простите, это, случайно, не ирландский? — спросил Виктор.

Мистер Эндрю кивнул, и они разговорились. Оказалось, что таксист на три четверти ирландец и его предки не откуда-то там, а из самого Дублина. Само собой, он с легкостью перевел для Виктора все «таинственные» слова, которые мучили того уже не первый день.

Совершенно позабыв о чемодане, который он до этого волочил, Виктор тут же записал в тетрадь перевод каждого ранее незнакомого слова.

Поблагодарив таксиста, он поспешно направился в свою комнату, чтобы как следует над всем поразмыслить, правда, тут — вот ведь некстати! — к дому подъехало еще два таксомотора с новыми порциями гостей и их чемоданов. Виктор считал, что у него сейчас есть дела и поважнее, но дядюшка, с которым он столкнулся в дверях, думал иначе.

— Ты это куда?! — высморкавшись в платок, спросил он. — Хочешь улизнуть, дружок?

Виктор застонал, но выбора не было, и он отправился обратно.

Освободился Виктор лишь полчаса спустя. Так он думал. Как только незадачливый журналист наконец уселся за стол в своей комнате, его один за другим начали дергать едва ли не все родственники: тому гостю помоги перенести вещи из машины, другому покажи его комнату, третьего угости чаем, четвертому... пятому... шестому...

Тогда-то Виктор и переместился со своей тетрадью в сад, устроившись подальше от всех, кому от него что-то могло понадобиться, и наконец смог спокойно изучить добытый перевод.

Склонившись над записями, он прочитал:

*«Кейлех — ведьма;
кладах муир — берег моря (взморье);
фион — вино;
фоскадх — приют;
мбраих-денаис — плен;
даир — дуб;
шиннах — лисица».*

И самое главное — *Иарран Ри*. Виктор полагал, что это имя или прозвище, а оказалось, что это скорее титул — Железный Король. Выходило, что Кристина сказала правду: у постояльца гостевой комнаты вполне могла быть корона...

«Как хорошо, что я тогда все записал!» — подумал Виктор и дотошно подставил в речь этого короля перевод ко всем ирландским словам. Фразы из-за стены мгновенно прекратили напоминать бессмыслицу.

Железный Король говорил:

«Проклятая ведьма. Заманила... Я выпью твои глаза, проклятая ведьма. Я выпью их, как сырые вороны яйца. Пусть выпадут все твои огненные волосы и свечные зубы. Из волос

я сделаю себе шарф, а из зубов — серьги. Проклятая ведьма. Я сбежал от войны, чтобы попасться в лапы к ведьме. Война страшна, а я глупец. Нужно было бежать на взморье. Как я мог поверить, что холмы мне помогут? Море сыто и голодно в одно и то же время. Оно пожирает и отпускает... Ведьма заманила Железного Короля, предложив вино и приют. Здесь нет приюта. Здесь лишь плен. Унижение и позор для Железного Короля. Железный Король попался, как глупый кролик — в лапы лисицы. Ведьма поймала Железного Короля. У Железного Короля не было шансов. Дуб не прорастет, пока его корни точит жаба, пока из его ветви ведьма вырезает метловище. Но в ночь, когда крона сплетется, Железный Король сбежит».

Перечитывая написанное, Виктор хмурился и чесал нос.

Суть сказанного Ирландцем, благодаря казавшемуся еще вчера нелепым и бессмысленным интервью Кристины, раскрылась. «Ведьма» — это, ясное дело, мама. Она заманила этого короля в ловушку, предложив ему приют, но взамен посадив под замок, — в Крик-Холле он вовсе не гость, а пленник.

Что ж, кое-что и правда разъяснилось, но появилось еще больше вопросов. Что это за король? Как объяснить странное поведение мамы, которое описывала Кристина? Куда она дела Ирландца? Зачем маме все это?

Главный вопрос оставался неизменным: «Что здесь вообще творится, в этом доме?!»

Виктор перечитал монолог пленника: «Я сбежал от войны, чтобы попасть в лапы к ведьме...»

— Что же ты хотел этим сказать? — пробормотал Виктор, задумчиво глядя на светящиеся окна кухни. — И как это она, спрашивается, *перевернула* — Кристина ведь так это назвала? — окно? Как это все может происходить взаправду? Она что, действительно...

— Ведьма! — раздался вдруг насмешливый возглас, и окно кухни распахнулось. — Да не отравленный это чай, а *при-
травленный*! Ну помучился бы твой Эндрю животом пару дней — ему только на пользу...

Дядюшка Джозеф выплеснул на розы супруги, росшие под окном, содержимое чашки, которую держал в руке. Натолкнувшись на недоуменный взгляд Виктора, он улыбнулся и подмигнул ему, после чего закрыл окно и снова скрылся в кухне.

Дядюшка Джозеф... Он явно знал перевод каждого слова, но почему-то предпочел отправить племянника в библиотеку, к мистеру Гэррити. К тому самому мистеру Гэррити, который вел себя до невозможности странно, а потом и вовсе...

Виктор не знал, что и думать.

Библиотекаря хватились на следующий день после того, как Виктор с ним говорил.

Утром Кристина, как обычно, приехала на работу, а там, у входа в здание библиотеки, ее ждала прелюбопытная сцена. Миссис Айвз поглощала через нос уже, кажется, сотый фунт нюхательной соли, которой ее безуспешно пытались привес-
ти в чувство двое констеблей.

Завидев Кристину, старушка мигом ожила и принялась, стenea и путаясь в словах, описывать не столько произошедшее, сколько свои собственные эмоции от увиденного. Любому другому потребовался бы переводчик со старушечьи-
визгливого, но Кристина знала миссис Айвз не первый день.

Она, как могла, попыталась успокоить архивистку и перевела ничего не понимающим несчастным констеблям с опухшими ушами то, что говорила старушка.

Миссис Айвз пришла на работу и увидела, что библиотека открыта, — словно мистер Гэррити ее открыл ни свет ни заря (или же вообще оставил открытой на ночь, чего за ним никогда не водилось). Она справедливо возмутилась, почуя-
ла неладное, но не испугалась — миссис Айвз якобы слишком

стара, чтобы пугаться (так она думала до того, как вошла в кабинет мистера Гэррити).

Вооружившись утренним выпуском «Уэлихолн-таттлер», миссис Айвз зашла в кабинет библиотекаря. Там-то она его и обнаружила...

Переводя слова старушки полицейским, Кристина похолодела, но архивистка договорить не успела. Из дверей библиотеки вышел старший констебль Диддс: он был бледен и судорожно вытирал проступивший на лице пот.

— Мэм, — начал он, — это совсем не смешно. Я понимаю, что Хэллоуин и все такое, но у нас перед праздниками и так забот хватает.

Оказалось, что полицейский был вовсе не испуган — скорее раздосадован. Когда коллеги поинтересовались, что там такое, мистер Диддс сообщил, что «библиотекарь, а возможно, и сама миссис Айвз просто решили подшутить над представителями закона: нарядили куклу из папье-маше в костюм и инсценировали с ней убийство».

Закончил он это все словами:

— Стыдитесь, мэм. В ваши-то годы — и такие шутки.

На что миссис Айвз возмутилась и, обозвав констеблей тупоголовыми красноносыми мальчишками, поклялась, что не врет и что в кабинете действительно лежит сам библиотекарь, мистер Гэррити.

Проводивший осмотр «места преступления» констебль напомнил миссис Айвз, что в прошлом году с ней под Хэллоуин также случился «инцидент»: тогда она вызвала полицию и сообщила, что у нее в кладовке кто-то роется.

— Но там и правда кто-то рылся! — заспорила было старушка.

— Да, мэм, — кивнул старший констебль. — Ваш сын. Расставлял на полках закупленные к празднику у бакалейщика консервы.

— Нет у меня никакого сына! — воскликнула архивистка.

На что старший констебль тяжело вздохнул:

— Мэм, у вас есть сын. Он полицейский. И прямо сейчас он стоит рядом с вами.

И верно, один из присутствовавших констеблей, долго-вязый и хмурый Джордж Айвз, качая головой, протягивал матери флакончик нюхательной соли.

— Нет у меня никакого сына, если он не верит родной матери! Там, в кабинете, лежит мистер Гэррити!

Мистер Диддс прервал старушку:

— Мэм, полагаю, вам лучше сегодня не идти в библиотеку. Айвз, доставь мать домой и завари ей чаю...

После этого констебли удалились. Сын увел миссис Айвз. Та никак не могла успокоиться — все оборачивалась и восклицала:

— Это он! Мисс Кэндл! Это точно он!

Кристина, ничего не понимая, зашла в здание библиотеки и отправилась напрямик в кабинет своего начальника. То, что она там обнаружила, действительно выглядело ужасно: посреди кабинета лежало тело, из-под него растеклась большая чернильная лужа. Со стороны «мертвец» и правда очень походил на мистера Гэррити — он был в том же коричневом костюме, который библиотекарь носил все последние годы.

Кристина испуганно подошла ближе.

Досада старшего констебля тут же стала ей понятна — это, вне всякого сомнения, была бумажная кукла.

И все же Кристину что-то толкнуло вперед — осторожно ступая между чернильными лужицами, она подошла к «покойнику», склонилась над ним и засунула руку в карман его пиджака. С удивлением она вытащила оттуда его ключи. На кольцо висело два ключа: один от библиотеки, а другой, вероятно, от квартиры мистера Гэррити.

Мистификация была как-то уж слишком продуманной и реалистичной — и вообще не в духе ее начальника.

Кристина спешно покинула библиотеку и отправилась к мистеру Гэррити домой — благо, он жил на соседней улице. Ключ подошел к двери. В крошечной квартирке было темно, холодно и пусто — с виду никто там не ночевал. Мистер Гэррити испарился...

Разумеется, Кристина подумала, что библиотекарь попросту сбежал, решив напоследок мрачно пошутить. Подобные «шутки» были далеко не в духе мистера Гэррити, но она списала это на то, что все эти годы он просто притворялся занудой и тихоней, чтобы однажды с шиком всех одурачить...

Виктору вся эта история очень не понравилась. В превращение Джима Гэррити в бумажную куклу поверить было сложно, но и его внезапный побег вызывал множество вопросов. При этом, слушая рассказ Кристины вчера во время интервью, Виктор отчего-то испытывал чувство вины. Словно это он был виноват в исчезновении мистера Гэррити. Или в чем похуже...

Недаром у него появилось нехорошее предчувствие, когда по возвращении из библиотеки он наткнулся на эти тыквы. Шутливая традиция Кэндлов внезапно перестала быть забавной: исчезновение мистера Гэррити как-то уж слишком подозрительно совпало с прибытием тыкв.

Была и еще одна странная деталь — та, о которой и вовсе не хотелось думать. Его брюки — те, в которых он ходил в библиотеку, — оказались странным образом перепачканы: вечером, переодеваясь у себя в комнате, Виктор обнаружил на них свежие чернильные пятна. А ведь он мог бы поклясться, что за время его работы в архиве ни одной капли чернил на одежду не попало. И все же испачканные брюки пришлось замочить и просушить над камином, при этом Виктор отчего-то чувствовал себя преступником, который торопится избавиться от улики...

Куда же исчез лучший друг отца?..

Помимо истории с исчезновением мистера Гэррити, Виктора сильно беспокоил и сам отец... Он тут же сделал несколько записей в дневнике, чтобы не упустить мысль:

«С отцом творится что-то неладное... Он вроде как где-то в доме, но в то же время словно бы и нет — как будто намеренно прячется. При этом он умудряется быть то тут, то там, но так и не попасться на глаза. А когда спрашиваешь о нем кого-то, все строят недоуменные лица и заявляют, что видели его неподалеку “совсем недавно”.

“Он только что ушел — вышел пройтись”.

“Я определенно видел его в коридоре”.

“Тетушка Мегана сказала, что говорила с ним пять минут назад”.

“Да вон же он! А, только что был здесь — видать, вышел в сад!”

“Я только что встретила с ним на лестнице. Слышал? Это ведь он сейчас хлопнул дверью...”

А еще он, мол, работает у себя в кабинете...»

Виктор на миг оторвался от записей.

Вчера вечером ему пришлось долго стучать в дверь отцовского кабинета, пока оттуда не раздался раздосадованный, но такой знакомый голос: «Я работаю! Оставьте меня в покое! Я занят! Неужели так трудно понять?!» На то, что за дверью стоит его сын Виктор, Гарри Кэндлу, казалось, было плевать...

Виктор вздохнул и продолжил писать:

«Все это очень подозрительно...

Мама молчит. Спрашивать ее напрямую бессмысленно — она явно причастна к странностям, происходящим с отцом. Мистер Гэррити, к слову, точно что-то знал об отце, но так и не решился сказать. Вместо этого, когда я начал его расспрашивать,

он перевел тему и стал задавать какие-то совершенно бессмысленные вопросы, а потом и сам исчез. Вскоре привезли тыквы... Чертовы тыквы!»

— Простите, — раздался тоненький звонкий голос в двух шагах от Виктора. — Не подскажете, как отсюда выйти?

Виктор поднял взгляд.

У скамейки стоял маленький сухонький человечек в высоком цилиндре и в черном, с легким изумрудным отливом пальто. Человечек опирался на трость, сжимая ее рукой в темно-зеленой замшевой перчатке. Блестящие модные туфли этого джентльмена украшали квадратные золоченые пряжки, а из кармашка жилетки выглядывали часы на золотой цепочке. Судя по всему, это был какой-то богач.

— Прошу прощения? — проговорил Виктор, слегка оторпев от вида незнакомца. — Что вы сказали?

— Я, собственно, проявил вежливость, — со странным вызовом в голосе заявил человечек. — И если моей вежливости недостаточно для того, чтобы вы указали мне, где здесь выход, я, смею заверить, справлюсь и сам.

— Выход? — Виктор непонимающе огляделся по сторонам. — Должно быть, вы имели в виду «вход». Двери Крик-Холла там.

Он не глядя ткнул рукой в сторону садового крыльца. Безосновательная грубость коротышки ему совсем не понравилась.

— Благодарю покорно, но вход я уже нашел. — Незнакомец достал из кармана бархатный чехол, а из него — лорнет в золотой оправе и демонстративно приблизил его к глазам, отчего стал походить на какого-то дотошного клерка в банке. — Знаете, молодой человек, я ведь проделал неблизкий путь, и только лишь из уважения к вашей семье. Смею заверить, ваша матушка будет расстроена, если мне не покажут

выход из этих, — человек презрительно обвел тростью сад, — зарослей.

И тут Виктор все понял: он глянул на незнакомца, потом на разросшийся перед ним куст, затем снова на незнакомца и опять на куст. Судя по всему, коротышка просто не увидел дома, в двух шагах от которого стоял, из-за этого самого куста и ему казалось, будто он попал в какие-то дебри.

— Вы один из гостей? — улыбнулся Виктор. — Давайте я вас провожу. — Он закрыл тетрадь и поднялся. — Тут совсем близко. Странно, что вы заблудились.

Все это выглядело и правда довольно странно, учитывая, что гость мог оказаться здесь, только если сперва вошел со стороны улицы, обогнул дом и прошмыгнул мимо садового крыльца. Если только он не попал сюда через ржавую парковую калитку, которая всегда заперта на замок. Или не спустился прямо с неба.

— Мой багаж, — требовательный взгляд сверлил из-под лорнета.

— Конечно, давайте его сюда.

Виктор только сейчас заметил туго набитый кожаный саквояж, стоящий рядом с гостем. Он взялся за ручки и охнул — саквояж был тяжеленным. И как только человек в цилиндре сам умудрялся его поднимать? С большим трудом Виктор оторвал от земли багаж гостя, при этом внутри сумки что-то звякнуло.

— Осторожно! Не стоит звенеть лишний раз.

Человек подозрительно огляделся по сторонам.

— Что там у вас — кирпичи? — усмехнулся Виктор, прекрасно осознавая, что, во-первых, кирпичи не звенят, а во-вторых, кто в здравом уме будет таскать с собой полный саквояж кирпичей?

— Обычный багаж, смею заверить, — торопливо заявил гость. — Все, что добропорядочный джентльмен берет

с собой в дорогу: смена белья, теплый шарфик, бритва, зубной порошок. А что там, по-вашему? Золото в слитках? Хи-хи...

Виктор мог поклясться, что именно так и было...

Глаза тетушки Меганы вспыхнули, подобно сотне свечей в старомодной люстре, стоило ей увидеть «дорогого мистера Грина».

Под обычно не свойственное Мегане Кэндл любезное воркование («Прошу вас, проходите наверх, ваши апартаменты готовы, сэр!») Виктор сдал излишне навязчивого гостя на попечение тетушки.

Оставшись один, он уже шагнул было обратно к садовой двери, но тут его посетила мысль: «Нет, поработать в саду вряд ли получится: эти гости стали появляться все чаще и чаще. Нужно улепетывать отсюда, пока я тут не застрял до самой ночи».

Виктор развернулся и направился к входной двери. Выйдя на улицу, он уже двинулся было к гаражу, когда...

— Молодой человек! — раздалось рядом, словно кто-то не слишком вежливый крикнул прислугу: «Эй, человек!»

Виктор непроизвольно дернул плечом от того, как резко это прозвучало. И обернулся.

За воротами стояло нечто странное и вместе с тем нечто транспортное. Далеко не с первого взгляда Виктор понял, что это нечто — машина. Длинный и худой, как престарелый кот, у особняка был припаркован одноместный «Астон-Мартин» первой модели, которому «Драндулет» Кэндлов годился во внуки. Некогда он, возможно, и представлял собой роскошный бежевый автомобиль с кожаным сиденьем, огромными круглыми фарами и по-пижонски приподнятыми крыльями над колесами, но сейчас эта машина выглядела как древность, которую заставили двигаться при помощи колдовства, не иначе.

За рулем сидела древняя, под стать доставившему ее автомобилю, старуха в огромных шоферских очках, узком черном пальто и криво сидящей широкополой шляпе.

— Молодой человек! — все так же грубо повторила гостя, недовольно глядя на Виктора, который буквально замер на месте, во все глаза разглядывая и машину, и ее «шофера».

— Здравствуйте, мадам, — сбросил оцепенение Виктор Кэндл. — Вы кого-то ищете?

— О времена! О нравы! — старуха негодуя всплеснула руками и расстегнула на затылке ремешок своих огромных очков. — Вместо того чтобы открыть дверцу и подать особе преклонного возраста руку, дабы помочь ей тем самым выбраться из *автомобилля*, нынешняя молодежь способна лишь прохладиться на крыльце, отделяваясь черствым, как позавчерашнее признание в любви, «здравствуйте»! И я должна — нет, где это видано! — выходить сама! А потом стоять здесь, на холодном, как сердце бывшего возлюбленного, тротуаре!

Судя по тому, сколько слов в минуту вылетало изо рта этой особы, а также угрожающе ускорившейся жестикуляции, помощь для того, чтобы выйти из машины, ей не требовалась. Старушка вполне себе неплохо держалась и выглядела так, будто была намерена пережить всех вокруг, особенно Виктора.

— Простите мою непочтительность, мадам, — Виктор пробормотал дежурные слова извинений. — Вы прибыли к нам к празднику?

— Не к празднику, а в Канун! — заявила старуха. — Идите и доложите Корделии, что Селен Палмер здесь, и пусть только попробует не вспомнить, кем она мне является.

Виктору не понравился повелительный тон Селен Палмер, и ему совсем не хотелось играть роль дворецкого, или гостиничного портье, или... за кого там его приняла эта старуха? Что коротышка Грин, что эта женщина — мамы гости, кажется, в принципе не знали, что такое вежливость.

— Боюсь, у меня только начался обеденный перерыв, — сказал Виктор язвительно, — но вы можете спросить другого коридорного. Его зовут Джозеф, и он будет невероятно счастлив вам помочь. Ну, или будет не счастлив помочь. Это уже зависит от чаевых.

— Грубиян! — Старуха обличительно ткнула в Виктора пальцем, после чего вылезла из автомобиля — тот заскрежетал с явным облегчением. — Вот в мое время молодые люди не позволяли себе подобные непочтительные шуточки с особами преклонного возраста!

— Ваше время — это, простите, когда? — уточнил Виктор.

— Это вчера, — ответила «особа преклонного возраста», поджав губы. — Еще вчера в Ипсвиче никто и подумать не мог, чтобы позволить себе грубить мадам Селен Палмер!

— Что ж, времена меняются: на календаре уже сегодня...

— Не стоит класть в огонь слишком много хвороста, молодой человек, — старуха злобно прищурилась.

— Вы мне угрожаете, мадам?

— Что вы, что вы! — процедила Селен Палмер. — Просто добрый совет...

Виктор прекрасно знал цену подобным «добрым советам».

— Я уверен, мадам, вы и сами найдете дорогу до двери, — сказал он. — Разумеется, я помог бы вам с багажом, будь он у вас, но... — Виктор с сомнением оглядел узкую машину, в которой и ридикюль не поместился бы, — боюсь, у меня есть дела, которые больше нельзя откладывать. Хорошего вам дня.

Виктор кивнул старухе и направился к гаражу, но не успел он сделать и пяти шагов, как сзади раздалось очередное:

— Молодой человек!

Виктор обернулся и пораженно замер.

Гостья пронизывала его осуждающим взглядом. Рядом с ней на тротуаре расположились три громадные сумки и пара

старомодных клетчатых чемоданов. Когда она только успела их вытащить?! И как они все поместились в этой машине?!

— Я долго буду вас ждать? Обещали помочь — так помогите!

Виктор вздохнул и обреченно направился к чемоданам.

Любопытство сгубило кошку. И этой самой кошкой сейчас был Томас Кэндл.

Томми слышал шаги в коридоре, громкие голоса на лестнице и стук хлопающих дверей, но все это его нисколько не волновало. Он лежал в своей постели, и ему было плохо. Очень плохо. Если попросту, Томми заболел. И это было весьма некстати. Дом кипел приготовлениями. В Крик-Холл начали прибывать гости.

Томми любил этот день, потому что все привозили им с Кристиной и Марго подарки. Еще приезжала тетушка Скарлетт. А уж ее подарки он ждал каждый раз с особым нетерпением: она всегда знала, чем его удивить. Помимо этого, и сам приезд гостей к празднику был похож на настоящее приключение. И начиналось оно, собственно, с тех, кто заходил в двери. Все они были такие разные: хмурые и веселые, ворчливые и беззаботные. Но все непременно — странные-престранные.

Томми прятался в саду и, забравшись на какое-нибудь дерево, тайком подглядывал за подъездной дорожкой к дому и калиткой, разделяющей сад Кэндлов и старый парк. Даже оттуда прибывали гости, как будто они спускались прямо с неба или возникали из воздуха. Мама объясняла это тем, что не у всех есть автомобили. Томми не понимал этого, ведь в таком случае у тех, у кого не было автомобилей, просто обязаны были быть самолеты и парашюты. Когда он спросил об этом маму, она лишь сказала: «Не говори глупостей» и «Ешь свою овсянку».

И все-таки приезд гостей всегда был волнующим событием. Везде горят лампы! Везде пылают камины! Множество

пальто и шляп! Десятки чемоданов — и ни одного похожего! Однажды тетушка Макриди зачем-то даже притащила с собой пианино. Причем волок его в дом через весь сад, громко возмущаясь и ругаясь, дядюшка Джозеф...

Вспомнив о дядюшке и о разговоре в библиотеке, Томми почувствовал себя еще хуже. Если бы он уже не решил, что его заколдовала ведьма Кроу, он бы подумал, что его отравил дядюшка. А что, он мог бы! С легкостью! Но яд — это так скучно, а вот зловредное колдовство ведьмы — совсем другое дело. И теперь из-за этой самой ведьмы он пропускает появление гостей! Как некстати...

Помимо того, что это было некстати, это было еще и невыносимо! Всего за какую-то ночь он заболел так, как не болел, кажется, никогда в жизни. Когда Томми был совсем маленьким, случалось, он днями напролет лежал в постели, проглатывал десятки различных пилюль, и к нему постоянно вызывали доктора. Но даже тогда он не ощущал ничего подобного.

Утром Томми проснулся от того, что тонет. Слезы текли неостанавливающимся потоком, комната кругом плыла. По ощущениям, в носу что-то ворочалось, а рот будто бы был полон слизи. Горло драло, словно внутри поселилась сотня злющих котов. Дышать было трудно.

К завтраку Томми, понятное дело, не спустился. Мама, взглянув на него, и сама поняла, что сын болен. Правда, она считала, что он всего лишь простудился на холодном ветру. Она не знала, что...

— Ведьмы существуют, — прошептал Томми.

Мальчик понимал, что именно эта открывшаяся ему правда и стала причиной того, что он испытывал сейчас такие мучения. А еще он считал, что сам заслужил свалившуюся на него хворь. Не будь он таким любопытным, ничего бы не было. Не пойдя он в дом старухи... Проклятая старуха... Конечно же, это она его заколдовала, кто же

еще! Тетушка Рэммора однажды рассказывала, что ведьма может заколдовать человека, лишь взглянув на него недобрым взглядом. А как старуха из Черного дома на него смотрела!

Томми почувствовал, что весь горит, — оставаться в кровати было невыносимо. В полубессознательном состоянии он отбросил край одеяла, выбрался из постели и босиком побрел по полу. Остановился у окна. Здесь было немного прохладнее, но особо лучше не стало. Непослушными пальцами он открыл створку. Ветер тут же заключил его в свои объятия. Тетради на столе зашелестели страницами.

Томми замерз. И это притом, что он ощущал себя котлом, который забыли на огне! Вернувшись в постель, Томми как следует закутался. Одеяло не помогало! От него становилось только хуже! И куда прикажете деваться, когда с ним невыносимо жарко, а без него мучительно холодно? В довершение всего ему стало тяжелее дышать: как будто кошки в горле обпились настойки валерьяны и рассвирепели. И вот тут Томми показалось, что хуже быть уже просто не может. Хотя нет, было бы хуже, если бы вдруг пришла мама и принесла рыбий жир, как бывало всякий раз, когда он или Марго болели и...

Дверь комнаты вдруг открылась, и в комнату кто-то вошел. Томми с трудом повернул голову.

Это была мама. В руках она держала коричневую стеклянную бутылочку с кремовой лентой, обмотанной вокруг горлышка. Томми мгновенно понял, что именно написано на этикетке.

— Я принесла тебе лекарство, милый, — ласково сказала мама.

К жару добавился ужас.

— Ты хочешь меня отравить!

— Что? — нахмурилась мама. — Что ты такое говоришь, милый?

— Это не лекарство! Это отравла!

— Нет, это лекарство, — заверила мама. — И вообще, ты должен быть благодарен, милый: какую-то рыбку выпотрожили, чтобы тебе стало лучше.

Мама подошла и села на край кровати.

— Мне не станет лучше от этой гадости. Глупая рыба.

— Ну, рыба ведь не виновата в том, что ты ходил без шапки. Это ведь не рыба ходила без шапки. Я что тебе говорила? Я тебя предупреждала?

— Уйди.

— Как ты говоришь с матерью, Томас Роберт Кэндл?

О, в семье Кэндлов все знали, что, когда мама называет кого-то полным именем, это признак крайнего ее недовольствия и самое время бежать и прятаться.

Томми заплакал, и мама вздохнула.

— Не волнуйся, милый, доктор Лоувелл скоро придет. — Она погладила Томми по голове, но он отстранился. — Я уже вызвала его, он только соберет свой чемоданчик и...

— Ты что, не понимаешь? Он не поможет! Я умираю!

— Вот еще глупости! — возмутилась мама. — Ты не можешь умереть, пока не выполнишь школьные задания на каникулы.

— К черту школу! Я вообще туда больше не пойду. Я умру, и меня похоронят! И Чарли придет ко мне на похороны.

— Пусть только попробует, — пригрозила мама.

— Уйди. К черту все.

— Ты знаешь, как я отношусь к ругательствам в этом доме?

— А я сбегу и буду ругаться, сколько захочу, — пообещал Томми. — Как Виктор!

Лицо мамы превратилось в ледяную маску. Мальчику на миг показалось, что стеклянная бутылочка с рыбьим жиром в ее пальцах вот-вот треснет и разлетится по всей комнате острыми осколками.

— Ну, как ты видишь, Виктор наругался всласть и вернулся, — процедила мама.

Из-за стены вдруг раздался тоскливый и заунывный звук. Это в своей комнате хныкала Марго. Вряд ли она обо что-то ударилась или сломала игрушку. Нет, она даже не лишилась сладкого. Скорее всего, сестра просто отрабатывала свой новый «хныч». Старый на маму уже не действовал, и Марго чувствовала себя совершенно безоружной, когда ее отправляли спать или велели идти читать книги в библиотеку, что было для нее настоящей пыткой. Вот она и репетировала, выискивая новые, более пронзительные интонации.

Мама медленно повернула голову на звук. «Хныч» тут же оборвался, как будто в рот Марго кто-то засунул кляп. Томми знал: взгляд мамы действует даже через стену. Иначе как она обычно догадывается, что он затеял...

Тем временем мама вытащила пробку из бутылочки и налила в ложку белую вязкую жидкость. От одного только ее вида Томми едва не стошнило прямо на подушку.

— Не хочу-у-у, — захныкал он, совсем похоже на Марго, но этот «хныч» не произвел ровным счетом никакого эффекта — мама осталась ледяной и безжалостной.

— Пей, или я залью тебе через ухо, — пригрозила она.

— Тогда точно не поможет!

— Ты так в этом уверен?

Томми не был уверен, но выдавать этого маме не решился. Он зажмурился и чуть-чуть приоткрыл рот — в него вряд ли могло бы проникнуть даже тонкое лезвие.

— Шире... — велела мама.

Томми приоткрыл рот еще немного, но ложке туда по-прежнему было не попасть. И тут он принял решение. Никаких ложек! Никаких рыбьих жиров! С него хватит! Он не потерпит, чтобы, когда ему так плохо, его поили всякой гадостью!

Томми закрыл рот и крепко сжал губы. И тут он вдруг понял, что что-то не так. Мальчик открыл глаза и обнаружил, что каким-то невероятным образом ложка уже торчит из его

рта. И в это же самое мгновение он с ужасом почувствовал вкус рыбьего жира, растекающегося по языку.

Выполнив свое черное дело, мама сказала: «Отдай ложку», после чего встала на ноги и подошла к двери.

— Я не хочу эту гадость! — возопил мальчик.

— Ты ее уже и так выпил. Слишком поздно возмущаться, — безжалостно сказала мама. — И вообще, у меня нет на это времени. Гости уже прибывают. А мне еще нужно в лавку за пряностями.

Корделия Кэндл на прощание бросила на сына строгий взгляд и вышла из его спальни. Стоило двери стукнуть, а ручке замереть, как Томми провалился в сон.

Проснулся он спустя час. Бой каминных часов как раз и вырвал его из сырого колодца сна, до краев наполненного отвратительной белесой слизью, напоминающей мамино лекарство.

Мальчик с трудом разлепил глаза. За то время, что он спал, ему стало еще хуже. Жар тоже никуда не исчез.

«Это все рыбий жир! — с ненавистью подумал Томми. — Проклятый рыбий жир!»

Доктор Лоувелл так и не пришел. Но он все равно не помог бы, ведь пилюлями от кашля и уколами не лечат проклятие ведьмы. Его вообще ничем не лечат!

Странная мысль вдруг появилась в голове Томми.

— Мне нужно найти ее... — пробормотал он. — Я отыщу ее, и она меня вылечит... А если я буду здесь лежать, я умру...

Томми оторвал голову от подушки, и она едва не отвалилась. Пошатываясь, он выбрался из постели и начал дрожащими пальцами растегивать бледно-голубую пижамную рубашку. Одна пуговица отлетела в сторону и закатилась под кровать. Он не заметил этого. Мальчик вывернул рубашку наизнанку, после чего надел ее снова. То же он проделал и со штанами: вывернул и надел.

— Я встречу ее... Я ее найду, и она поможет...

Он открыл дверь и направился к лестнице. На площадке кто-то стоял. Старуха в длинном черном пальто и широкополой черной шляпе всем своим видом походила на худую тень.

Мальчик на мгновение будто раздвоился: один Томми оценил сварливое выражение лица старухи и вроде бы даже узнал ее, другой не обратил на нее никакого внимания, тут же забыв о ее присутствии, как только перевел взгляд на ступени под ногами; не остановился он и когда старуха его окликнула. Она что-то громко вещала ему вслед о нынешней молодежи, о вежливости и почтении, но ей пришлось удовлетвориться монологом.

Один Томми, внимательный мальчик, оказавшись в прихожей, заметил множество чемоданов у основания лестницы; другой — просто шагнул по ним, не глядя преодолевая препятствие.

Входная дверь была открыта, в нее залетали желтые и оранжевые листья, подхваченные ветром. Мальчик и не подумал останавливаться, он шагнул в дверной проем. На пороге оба Томми как будто столкнулись и объединились.

Плиты дорожки холодили босые подошвы. Под открытым небом легче не стало. Томми почувствовал, что вот-вот упадет в обморок.

Толкнув калитку, мальчик вышел на тихую пустынную улицу. По мостовой носились туда-сюда листья. Хмурое небо чернело и нависало низко-низко. Уже зажгли фонари. Светились окна домов. Барнсы выставили на ступеньки крыльца несколько тыкв с вырезанными глазами и улыбками. Злобные тыквенные рожи провожали мальчика своими свечными взглядами.

Томми не узнавал дороги — он будто впервые видел эти почтовые ящики и фонари. Прохожих не было, чему он не мог обрадоваться: если все получится, лишние зеваки могут только помешать, если нет — он не будет выглядеть смешно и нелепо. Хотя ему сейчас было так плохо, что он все равно

воплотил бы задуманное в жизнь, даже если бы мимо прогудел в два десятка медных глоток духовой оркестр.

Томми повернулся спиной вперед и медленно побрел прочь от Крик-Холла. Идти таким образом было неудобно. Поначалу мальчик шел неуверенно, пошатываясь и теряя равновесие, но с каждым шагом он все больше привыкал к подобному странному способу передвижения.

Со стороны его поведение могло показаться странным, но Томас Кэндл прекрасно знал, что делает: он шел по улице задом наперед в одной лишь вывернутой наизнанку пижаме, потому что просто пытался встретить мисс Мэри.

«Но почему подобным странным образом?» — спросил бы кто-то.

«Да потому, что она — ведьма! — был бы ответ. — А все знают, что ведьму можно встретить, надев одежду навыворот и пройдясь по улице задом наперед. Или думают, что знают: с этими суевериями никогда нельзя сказать точно...»

Томми двигала простая логика: он считал, что его заколдовали, и хотел, чтобы ему кто-то помог. А помочь могла лишь другая ведьма... добрая ведьма. Такая, как мисс Мэри. Мисс Мэри лучше всякого рыбьего жира. Что может быть проще?..

Томми пятился, следуя по улочке, которая полого ползла вниз с холма. Не позволяя себе оборачиваться и подглядывать, он надеялся и ждал. Ждал, что вот-вот... вот сейчас она появится... еще немного... еще пару футов...

Но он все шел и никого не встречал. И с каждой секундой, с каждым пройденным шагом он отчаивался все больше. В голове стучало: «Что ты делаешь?», «Куда ты идешь?», «Вот бы Чарли посмеялся...» и «Врут они все про ведьм: зачем им к тебе являться, даже если ты пятишься и надел одежду навыворот? Это же глупо!»

Томми так задумался о том, какой на самом-то деле дурацкой была его идея, что в первый миг и сам не заметил, как на кого-то натолкнулся.

Да! Это была она! Он ее встретил!

— Получилось!

Томми обернулся.

— Что получилось? — спросила мама.

Не работало! Не вышло! Конечно, а чего еще ожидать от глупых суеверий?!

— Это ты? — захныкал мальчик. — Почему это ты?

— А ты кого рассчитывал увидеть? — удивилась мама.

В руках у нее был коричневый бумажный пакет, из которого торчали длинные французские багеты; оттуда же пахло специями. Мама просто возвращалась из лавки.

Томми был раздосадован — нет, он был в настоящем отчаянии: все его надежды рухнули, сброшенные с обрыва и придавленные этим коричневым пакетом.

— Ну-у-у... — Томми разочарованно опустил голову. — Это всего лишь ты...

— Так, я не «всего лишь», а твоя мама, Томас Кэндл, — строго сказала мама и взяла сына за руку. — Позволь спросить, что ты делаешь на улице в таком виде? Да еще и босиком! Ты ведь болеешь!

— Не позволяю, — храбро заявил Томми и попытался выдернуть руку, впрочем, без особой надежды освободиться: мама умела цепляться, как кошка, которая карабкается по дереву.

— Что? — она не поняла.

— Не позволяю спросить, что я делаю на улице в таком виде.

Мама гневно поджала губы. Вот сейчас он, кажется, уже был вблизи от того момента, когда перегнутая палка ломается. Странно, что от выражения ее лица кругом не начали загораться деревья, а мертвые птицы не попадали дождем на мостовую.

— Ты наказан, Томас Роберт Кэндл, — сказала мама и потащила упирающегося сына за руку к дому. — И для твоего же блага постарайся, чтобы за сегодняшний день я больше

не называла тебя полным именем. Ты ведешь себя так, что мне за тебя стыдно.

Это было худшим заявлением от мамы, какое когда-либо слышал Томми. И самым пугающим. Мальчик знал: мама не любит, чтобы ей было стыдно, и поэтому непременно придумает для него какое-то исключительно ужасное наказание.

— Дома тебя ждут еще три ложки рыбьего жира, — сказала она.

— Ты злая... — гневно всхлипнул Томми и шмыгнул сопливым носом.

— А ты маленький, — мстительно ответила мама и повела сына домой.

— Ты куда-то собираешься, дочка?! — раздалось со второго этажа.

Стоило Кларе вдеть руки в рукава пальто и снять с вешалки берет, как мама тут же это почувствовала. В ее голосе прозвучало намного больше заинтересованности, чем обычно: она была взволнована и будто бы чего-то ожидала.

— Да, я иду в парк! — громко ответила дочь, нырнув головой во тьму лестничного пролета.

— На ночь глядя! — возмутилась София, но, как показалось дочери, неискренне. — Какой такой парк?

— Фонари уже второй день горят, мама! Там очень красиво, я хочу посмотреть! — Клара затаила дыхание и забросила крючок: — Но если ты настаиваешь, я останусь. Почитаю тебе какую-нибудь книжку.

— О, нет-нет! — запротестовала мама, и Клара не смогла сдержать торжествующую улыбку. — Зачем тебе со старухой сидеть? Ступай, ступай!

— А ты чем займешься?

— Да спать лягу, — солгала София Кроу, явно считая себя великолепной актрисой. — Что-то в сон клонит...

— Тогда спокойной ночи, мама.

— Клара, ты повесила метлу? Ты ведь знаешь, что меня мучают кошмары.

Клара вздохнула. Ох уж эти нескончаемые суеверия и приметы — мама просто жить без них не могла. Каждый вечер, перед тем как отправиться спать, она заставляла дочь вешать на дверь спальни метлу — это, по мнению Софии Кроу, должно было оградить ее ночной сон от кошмаров.

— Повесила, мама.

— Точно?! Не так, как вчера?

Клара сжала зубы, чтобы не ответить грубостью. Ну сколько можно! Сколько можно винить ее в случившемся! Как будто она сама не жалеет о том, что произошло!

Вчерашний вечер завершился ссорой. Клара была так подавлена унижением в кондитерской, что напрочь забыла «запереть» тайную дверь, ведущую с чердачка в центре города в Гаррет-Кроу. Оказалось, что следом за ней сюда прошмыгнул Томас Кэндл. Подумать только: мальчишка проследил за ней! Выходило, ответы, которые она дала ему возле школы, совсем его не устроили...

Когда она вернулась, мать устроила такой скандал, каких под этой крышей не бывало уже давно. София обвиняла дочь во всех мыслимых грехах, начиная с простой забывчивости и заканчивая тем, что та якобы нарочно привела в дом врага. А Клара больше испугалась за Томаса. Оказаться в этом темном доме! Наедине с Софией Кроу! Да уж, такое мало кому пожелаешь.

Мать поклялась, что ничего ему не сделала, — попугала немного и прогнала. А наличие тайного хода, через который тот проник в Гаррет-Кроу, она объяснила мальчишке всего лишь тем, что ведьмы, мол, существуют. Что ж, вполне разумное, логичное объяснение. Прямо как ушат ледяной воды за шиворот.

Клара даже не думала о том, что ее поддельную личность разоблачили, — она больше переживала, как Томас все это воспринял и что он будет делать: не каждый день узнаёшь о том, что ведьмы существуют... А еще она испугалась того, что он непременно пожалуется своей мамочке, Корделии Кэндл.

По этому поводу мать была, как ни странно, необычайно спокойна. Она заверила, что мальчик ничего не скажет Корделии. Клара не стала допытываться, с чего мама так решила, и пообещала себе, что непременно выяснит, что с Томасом Кэндлом и как на нем сказался визит к своей... гм... бабушке. Еще бы придумать, как ему все объяснить...

Мама, само собой, не забыла о вчерашней ссоре.

— А свой тайный ход ты заперла? — спросила она.

— Да, мама.

— Надеюсь, навсегда?

— Разумеется, навсегда.

Клара солгала, поскольку просто не могла запереть тайный ход. Это бы означало конец ее двойной жизни. Поддельная личность все же должна иметь вполне реальный дом — вдруг кому-то вздумается заглянуть в гости. Школьная учительница мисс Мэри Уитни просто не могла жить ни на улице, как нищенка, ни тем более в Гаррет-Кроу.

«Мисс Мэри из школы» для Клары была не просто отдушиной, это было едва ли не единственное, что не позволяло ей погрузиться в омут меланхолии с головой. Клара не могла ее потерять, но матери подобного было не объяснить.

— Когда тебя ждать?

— Когда вернется последняя ворона.

— Я не знаю, когда это! — возмутилась София. — Мне нет дела до глупых птиц. Ты вообще способна говорить нормально?

— Так же нормально, как ты поговорила с бедным мальчиком? — гневно воскликнула Клара. — Просто иди спать, мама!

Дочь едва сдержалась, чтобы от злости не опрокинуть вешалку, и заставила себя успокоиться. Сейчас ей нельзя злиться! Нужно оставаться хладнокровной — ее замысел требует осмотрительности и рассудительности...

Шумно протопав через прихожую, она распахнула дверь, а затем громко ее захлопнула. И застыла, прислушиваясь.

Поначалу в доме ничего не происходило, но вскоре сверху раздалось шарканье тапочек по дощатому полу, а за ним — скрип кровати. Мама поверила в то, что Клара ушла, и теперь должна была сделать то, что пыталась от нее утаить.

Люди, которые что-либо скрывают от других, обычно ведут себя очень предусмотрительно. Они продумывают каждый свой шаг, выжидают, готовятся, и тогда все проходит гладко — как и задумано. Но все предугадать и просчитать попросту невозможно, и даже самый тщательно хранимый секрет может быть однажды случайно раскрыт из-за какого-нибудь непредвиденного обстоятельства...

К примеру, откуда София Кроу могла знать, что за пару дней до начала каникул школьный учитель ботаники мистер Кидвуд заболеет, а Клара вместо его урока проведет свой — и из-за этого вернется домой на два часа раньше? Или с чего бы ей думать, что Клара вдруг не станет, как обычно, с порога с ней здороваться и кричать на полдома, поскольку будет так измотана, что ее сил едва хватит на то, чтобы доползти до стула в прихожей и уткнуть лицо в усталые ладони?

Если бы госпожа Кроу все это знала, она непременно завершила бы свои тайные дела пораньше или вовсе перенесла бы их на другой раз. Но она не знала. Поэтому даже не подумала о том, чтобы понизить голос или попросить своего собеседника сделать то же самое.

Когда до Клары донеслись голоса из комнаты матери, сперва она подумала: послышалось. А затем с изумлением поняла, что мама действительно с кем-то беседует, причем на весьма повышенных тонах.

Изумление ее было понятным: их никто не навещал. Даже по выходным или праздникам. Никогда. Если не считать судебных исполнителей, которые за долги забрали всю приличную мебель, за последние годы порог их дома не переступил ни один посторонний человек. Мать ни с кем не состояла в переписке, поскольку ненавидела весь окружающий мир и проживающих в нем людей. То, что она с кем-то общалась наверху, было чем-то исключительно невероятным.

В первое мгновение Клара — вот наивная-то! — подумала, что кто-то влез в дом. Но тут же осекла себя: кому в здравом уме могло прийти в голову забраться в Гаррет-Кроу? Нет, мама сама впустила этого человека. Но почему? И кто он такой?

Клара собралась немедленно это выяснить. Она вскочила со стула и быстро поднялась по лестнице, но открыть дверь в комнату матери не успела. К своему счастью — поскольку ее по-настоящему испугало то, что она услышала. Мамина гостья (немолодая, судя по голосу, женщина) вдруг упомянула знакомое ей имя.

— Это Томас Кэндл, — сказала незнакомка.

— Младший мальчишка? — уточнила мать.

— Да, ему тоже может не поздоровиться, — заявила собеседница Софии Кроу. — Человек в зеленом уже здесь. Он в городе.

— Неужели? — с ехидством в голосе спросила София. По тону мамы Клара поняла, что та прекрасно знает, о ком шла речь.

— У твари могут быть свои планы, в том числе и на младшего.

— То есть еще не факт, что младший может ему понадобиться? — уточнила София.

— Я не знаю наверняка. Не исключено, что для него все и обойдется».

— Хорошо, — сказала София. — Оставим Человека в зеленом. Но что по поводу его этих... *Вещей*?

О каких вещах шла речь, Клара тогда так и не поняла.

— Скоро они все будут здесь, — угрожающим тоном произнесла незнакомка. — На радость Корделии...

Затем собеседницы попрощались.

— Я дам тебе знать, когда девчонки не будет дома, — сказала мама.

— Давно пора было ее куда-то спровадить, София! — со смехом ответила незнакомка, и ее голос перестал раздаваться из-за двери.

Недоумевая и пытаясь понять, что все это значит, Клара тихо спустилась вниз, но для того лишь, чтобы громко хлопнуть входной дверью и крикнуть: «Мама, я дома!»

Мама, разумеется, пыталась скрыть, что у нее была гостья. Она поспешно привела комнату в порядок после визита, и вышло у нее недурно: как будто здесь никого, помимо старой Софии Кроу, и вовсе не было. Если бы только не голос, который Клара слышала из-за двери.

А еще маму подвел камин.

У них не было угля, и денег на него уже давно не водилось — камин в доме не топили, но Клара понимала, что гостья могла попасть в Гаррет-Кроу и уйти обратно только через него. Стоило ей зайти к матери после своего «возвращения», она сразу же почувствовала, что с комнатой что-то не так.

София Кроу слишком торопилась избавиться от улик, слишком волновалась, да и времени было в обрез. Пока дочь поднималась по лестнице, старая ведьма колдовским путем развеяла уголь, пепел и остатки хвороста из камина, вытянула дым и запах, а также убрала из спальни даже тепло, которое могло быть в ней лишь при условии, что камин зажигали. Она учла все, вот только перестаралась и убила старое, комнатное, тепло — в спальне Софии Кроу стоял настоящий холод.

Клара не обмолвилась ни словом о том, что услышала, а мать как ни в чем не бывало принялась в своей излюбленной манере ворчать и рассуждать о приметах.

Той же ночью София Кроу пришла к дочери и сказала, что ей приснился кошмар (один из ее так называемых вещих кошмаров), в котором она якобы увидела жутких незнакомцев, прибывших в город и задумавших что-то недоброе.

Она выглядела неподдельно испуганной, дрожала, чуть ли не плакала и все твердила описание этих незнакомцев, как какое-то заклинание: «У той — такая-то шляпа, у того — такие-то ключи, у третьего — такое-то зеркало» и тому подобное...

Разумеется, она выдумала то, что ей приснился кошмар, — о незнакомцах ей рассказала ее тайная гостья. Клара сделала вид, что поверила матери, и пообещала себе, что в следующий раз, когда той вздумается пообщаться со своей неведомой собеседницей, она окажется рядом.

И вот случай представился...

Мама на всякий случай заперла дверь комнаты на ключ, но это было Кларе лишь на руку: ни с того ни с сего дверь перед ее носом не распахнут, уличая ее в подслушивании.

Судя по звукам из комнаты, мать достала из-под матраса припрятанный уголь, быстро разожгла огонь в камине и начала нашептывать, время от времени что-то швыряя в пламя, отчего раздавалось громкое шипение.

Вскоре послышался кашель, как будто кто-то спустился по дымоходу и надышался золой. Гостья явилась. Раздался стук каблучков по полу — женщина была взволнована, поэтому не находила себе места.

— Зачем ты меня вызвала? — спросила она с легко различимым недовольством. — Я занята. В любой миг могут пронохать, что меня нет. Не лучшее время.

— Это важный разговор.

— Это всегда важный разговор, София, — заметила гостья.

— Как ты разговариваешь со своей наставницей?

Клара была ошарашена. Наставницей?! Это что же случилось: даже через столько лет после того, как ковен Кроу развалился, мать продолжала втайне от всех учить какую-то ведьму?

— Прости, София, — повинилась гостья, — но на церемонии сейчас времени точно нет. Прибывают гости. Скоро приедет сама Скарлетт.

— Эта мразь тоже заявится?! — негодуя воскликнула София.

— Разумеется, — подтвердила гостья. — С не менее чем двумя сотнями чемоданов, я уверена. Зачем ты вызвала меня? Что случилось?

— Я не могла позвать тебя раньше — Клара все время здесь ошивалась. Вчера в доме побывал мальчишка.

— Мальчишка?

— Кэндл, — пояснила София, и у Клары сжалось сердце. — Томас Кэндл, о котором мы с тобой говорили.

— Теперь все ясно, — невесело хмыкнула гостья. — Что ты ему сделала?

— Ничего! — возмущенно заявила София. — Ничего я ему не сделала! Даже не сглазила. А как хотелось! Бродил здесь, шнырял по всему дому.

— Ты рассказала ему, что ты его бабушка?

— Нет, я всего лишь дала ему совет, — проворчала София. — Если воспользуется, с ним разберутся сами Кэндлы — за любопытство. Если нет — ну, значит, и нет.

— Он воспользовался, — заверила гостья. — Явно воспользовался. Джозеф его проклял.

— Не произноси этого имени... — зашипела София.

Клара прекрасно знала, что сейчас происходит с лицом старухи. Больше злейших врагов Кэндлов ее мать ненавидела только собственных сыновей, считая их предателями и вина во всем, что случилось с родом Кроу.

— В общем, мальчишка болен, — продолжила гостья. — Лежит у себя в постели, принимает пилюли, но ничего не помогает. Должно быть, он как-то не так воспринял твой совет. Или же, зная Джоз... — она запнулась, но тут же исправилась: — Зная старшего Кэндла, мальчишка как раз все понял правильно.

— Что с ним будет дальше?

— Мне плевать, если честно, — равнодушно заметила гостья, а Клара сжала кулаки от негодования. — Дети меня никогда не заботили, пока Кристина не подросла. Теперь у меня от нее мигрень. Нужно было давно ее в стену замуровать или еще что... Ты позвала меня, чтобы рассказать о мальчишке?

— Нет. Не только. — София перешла на заговорщический шепот, как будто боялась говорить в полный голос: — Здесь был Котел.

— Это невозможно! — Гостья опешила и даже застыла на месте, прекратив расхаживать по комнате и отстукивать дробь каблуками.

— Я вот тебе говорю, что он был, — упрямо сказала София. — Может, сомневаешься?

— Но он ведь пойман!

— Неужели? Что ж, я не знаю, пойман он или нет, но действовал он очень убедительно. Заявился, весь такой важный. Угрожал. Дал срок и швырнул контракт.

— Какой контракт?

— Сама полюбуйся. — Судя по шелесту бумаги, София передала договор гостье. — С чего это вдруг банк вспомнил о нас? Как думаешь?

— Все верно, — немного помолчав, ответила незнакомка. — Его направили. Какой-то слишком рьяный Кэндл. Я немедленно разберусь с этим. Выясню кто. А еще отзову тварь.

— Надеюсь. Не хотелось бы лишиться крыши над головой в моем возрасте, — проворчала София. — Ты ведь еще не

забыла, *что* хранится в этом доме и почему оно не должно попасть в руки Кэндлам?

— Не забыла. Но не бойся: Кэндлам осталось недолго — Корделия так боялась врагов извне, что проморгала врага в своем собственном доме...

Клара не поняла, о чем речь, но сейчас ее заботило другое. Оказывается, мать до сих пор ведет тайную войну против Кэндлов и ей помогает в этом кто-то из их домо-чадцев! Почему же тогда она все скрывает от дочери?.. Уверена, что Клара не поддержала бы ее методов в этой войне? Считает, что она не способна хладнокровно разделиться со всеми, кто живет в том доме, даже с детьми? Что ж, она права...

— Все будет хорошо, София, — заверила гостя, и неизвестно, как София, но Клара поверила — незнакомка действительно знала, что говорит. Не бывает таких глубоких, сильных и уверенных голосов у людей, которые сомневаются в собственных словах или не уверены в будущем. — Я с этим разберусь.

— Поставишь Котла на место? — уточнила София угрюмо. Ей явно претило собственное бессилие. Бывшей Верховной ведьме ковена Кроу было невыносимо сидеть сложа руки и надеяться на то, что ее ученица сделает все за нее. — Спасибо тебе.

— Ты ведь моя наставница, София, — понимающе сказала гостя. — Я не могу тебя бросить.

— Да, дорогая, а весь ковен посчитал иначе, — с ненавистью в голосе ответила София.

— Не нужно горьких воспоминаний. Не сейчас. Я должна торопиться.

— Да, я помню, у тебя нет времени, — проворчала старая госпожа Кроу. — Ты нашла лекарство?

— Нет. Я ищу, София. Но мне уже начинает казаться, что не найду, — гостя разозлилась. Она вновь пошла цокать

каблуками по всей комнате. — Корделия-мерзавка отняла почти все мои силы. Ты верно указала мне на нее, София. Это точно ее рук дело.

— Да-да, но я думаю о другом... — пробормотала София Кроу, словно пытаясь перевести тему. — Как ты планируешь помешать Корделии?

— В Крик-Холле собралось множество гостей. Будет трудно сыграть на их алчности и амбициях. Корделия до последнего не поймет, что ее планы разрушены. Мне нужно идти, София.

— Конечно-конечно. До встречи, дорогая, — с ноткой теплоты, которой Клара не слышала от матери по отношению к себе ни разу за всю жизнь, София попрощалась с незнакомкой.

— Вызывай только в случае крайней нужды, иначе выдашь меня.

Разговор завершился. Судя по звукам из комнаты, кто-то ступил в огонь, прямо на раскаленные угли.

Клара повернулась спиной к двери и направилась вниз. Она знала, что мать сейчас уберет все следы встречи. Может быть, с чем-нибудь снова переборщит, а может, все сделает верно. Это было неважно. Слишком много всего завертелось, жизнь вдруг превратилась в отвратительное грязное месиво. Клара будто бы опустила голову в лужу и не заметила, как водоворот затянул ее. А еще бедный мальчик... Это ее вина в том, что с ним случилось.

— Глупая, глупая ведьма, — сквозь крепко сжатые зубы корила себя Клара Кроу, спускаясь по лестнице. Она вонзила все пальцы обеих рук в волосы и принялась чесать голову, отчего затряслись вплетенные в волосы катушки ниток. — Если бы у тебя были силы, так нет же — лишь парочка дешевых фокусов. Погубила ребенка! Дура!

И тут она резко обернулась. С яростью поглядела туда, где располагалась комната матери. Клара решительно сжала

кулаки, в темно-зеленых глазах появился злой блеск. Пусть она, глупая Ворона, слаба, пусть она — полнейшее ничтожество и тряпка, о которую все вытирают ноги, но она не даст Томаса Кэндла в обиду! Она не позволит этим мерзавцам издеваться над ним!

И для этого ей придется сделать то, чего она боится больше всего.

Багаж Селен Палмер оказался немногим легче, чем саквояж мистера Грина, и, затаскивая все эти сумки и чемоданы на второй этаж, Виктор был подавлен и придавлен — во всех смыслах. Причем не столько тяжелой ношей, сколько нравоучениями и упреками, по большей части совершенно незаслуженными.

Виктор прекрасно понимал маму и обеих теток, которые, едва заслышав уже успевший засесть у него в печенках голос, поспешили убратъся из поля зрения гостыи, отправив отдуваться за всех дядюшку. А тот, в свойственной ему манере, вместо того чтобы лично устроить гостью в ее комнате, отдал на съедение плотоядной старухе бедного племянника. При этом Джозеф Кэндл мельтешил вокруг мадам Палмер и ее носильщика, словно обремененный брюшком волчок.

— Ах, какая радость! Какая радость! — щебетал он. — Мисс Селен Палмер, прекрасно выглядите! Как ваше драгоценное здоровье и... Апчхи!

Чихнул дядюшка, разумеется, демонстративно.

— Сгинь, заразный! — старуха шикнула на него и саркастично заметила: — Подхватить простуду в Крик-Холле — что может быть хуже? Разве что сломать ногу на кладбище.

— Ну вы-то с кладбищем на той самой... — ухмыльнулся дядюшка Джозеф, — на короткой ноге. Правая гостевая спальня, — подмигнул он Виктору и, пока старуха набиралась яда, чтобы ответить, уже исчез.

Стоит ли удивляться, что выслушивать гневную отповедь возмущенной до глубины души гостьи пришлось тому, кто волочил чемоданы...

Отделаться от склочной мисс Палмер Виктору удалось лишь спустя час: ему пришлось не только доставить багаж, но и подвигать мебель в гостевой комнате, лично проверить, в порядке ли шпингалеты на всех окнах, сбегать принести из кухни чашку кофе, вернуться и поменять чашку кофе, а затем выполнить еще множество подобных занудных и утомительных требований.

Спускаясь на первый этаж, Виктор подумал, что, пожалуй, на сегодня маминых гостей с него хватит. Лучше всего было бы исчезнуть из дома до вечера, а то так ведь можно незначай повстречаться и с тетушкой Скарлетт (вот уж с кем встречаться совсем не хотелось).

Виктор схватился за ручку входной двери в тот самый момент, когда в нее постучали с другой стороны. «Не успел!» — выпущенной в упор пулей пронеслось у него в голове и прошло навывлет.

С тяжелым сердцем Виктор открыл дверь.

— Вау! — раздалось из-за порога.

— Что-что? — спросил Виктор и тут же закашлялся, лихорадочно протирая глаза, — через дверной проем в дом ворвались клубы удушливого черного дыма.

В этом дыму кто-то стоял, причем, в отличие от Виктора, незнакомцу непроглядное марево ничуть не мешало.

— Разрешите представиться! — прозвучал прекрасно поставленный глубокий баритон. В манере речи незнакомца было что-то от профессионального зазывалы.

Из тучи выступил, будто на сцену вышел, и сам говоривший. Укутанный в клубы дыма, словно в плащ, в прихожей появился статный мужчина лет тридцати в черном бархатном цилиндре и идеально сидящем пальто. Вокруг шеи незнакомца был повязан шелковый белый шарф, а руки в белоснежных

перчатках сжимали резную трость из слоновой кости с круглым золоченым набалдашником.

Как следует протерев глаза от едкого дыма, Виктор смог разобрать лицо гостя: черные брови, прямой нос, аккуратно подстриженная борода и тонко прочерченные графитовые усики.

— Фред Петровски, — после внушительной паузы, словно ожидая, что его вот-вот узнают, произнес гость. — А также...

Еще одна пауза понадобилась для того, чтобы из дыма появилась на этот раз женская фигура.

— Гвоздь программы! Ослепительная и несравненная! Моя супруга и компаньон, Мари Петровски!

Стройная дама в алом пальто и крохотной модной шляпке точно подпадала под заявленное описание. При одном взгляде в эти большие карие глаза, окаймленные длинными, густо подведенными тушью ресницами, Виктору показалось, что он слепнет. Подобных выразительных глаз он точно никогда прежде не видел. Несравненная? Сравнить действительно было не с чем.

— Фёдор, опять ты со своими фокусами, — очень мило поморщив носик, проворчала Мари Петровски. — Я же тебе говорила — ни к чему устраивать шоу из нашего прибытия. Погляди, как ты смутил бедного мальчика.

— Скорее, твой прекрасный облик сразил его сильнее, чем вся моя магия.

Фред Петровски сделал широкий жест тростью, разгоняя дым, но тот не спешил рассеиваться, продолжая клубиться и лезть в глаза. Тогда гость достал из кармана какой-то мешочек, проворно высыпал на ладонь мелкую серую пыль, поднес ее к губам и подул. Клубы дыма тут же приобрели серый оттенок, но убираться за дверь все равно отказывались.

— Кхе-кхе-кхе, — не выдержав, Виктор снова закашлялся, после чего добавил: — Э-э-э... да. Я, конечно же, очень рад вас видеть, но...

— Прошу прощения! — гость вскинул брови, руки и трость. — Я все немедленно уберу! Магия, и ничего проще! Еще немного волшебной пыли и...

В воздухе отчетливо запахло дождем. В глубине крошечных рукотворных туч блеснули бледно-синие электрические ряды. Кажется, в прихожей Крик-Холла начиналась гроза.

— Фёдор! Да хватит уже! Фёдор! — Мари Петровски взволнованно схватила мужа за руку. — Здесь нет гидрантов! Хочешь устроить пожар?!

Легким взмахом руки она отправила бóльшую часть темно-серых туч на улицу. Впрочем, некоторые из них избежали расправы и поплыли через холл особняка.

— Вик, что там у вас творится?! — раздалось с лестницы — голос принадлежал Кристине. Сестра торопливо спускалась по ступенькам, одновременно отмахиваясь от ползущих к ней туч, которые вновь стали походить на клубы дыма. — Тетя Рэмми снова подожгла дом?!

— Нет, это всего лишь... — начал Виктор.

— Магия! — закончил за него Фред Петровски. — И ничего проще!

— Ой! — Кристина замерла на месте и выпучила глаза, уставившись на гостей, как жаба — на парочку комариков. — Не может быть! Это же... Это...

— Мистер и миссис Петровски! — сняв цилиндр и церемонно поклонившись, представился мужчина. У него были нафабренные смоляные с синеватым отливом волосы.

— Я видела ваши афиши в журнале у тетушки Мэг! — Кристина за какое-то одно мгновение оказалась возле гостей и даже захлопала в ладоши от восторга. — Вик! Это же они — те самые Петровски! Вы выступали в Эдинбурге?

— Только что оттуда, — кивнула гостья. — Небольшое турне. Мы назвали его: «Магия, и ничего проще».

— Мария скромничает, — со значением поднял указательный палец Фред Петровски. Или Фёдор? Виктор уже перестал

понимать. Похоже, у каждого из этих гостей было по два имени. — Как жаль (для вас, конечно же!), что вас там не было. Что за зрелище! Какой успех! Мы блистали в свете софитов, а небо грозило свалиться нам на голову! Нас принимали так, что смело можно было дать еще пять-шесть представлений, даже не меняя репертуар и реквизит!

— И все же пропустить канун Дня Всех Святых в Крик-Холле было бы с нашей стороны неразумно, — слегка нахмури брови, добавила Мари-Мария Петровски.

— Как здорово, что мама вас пригласила к празднику! — восторженно выпалила Кристина и схватила Фреда-Фёдора Петровски за руку. — Я сама провожу вас! Пальто можете повесить здесь. Все вешалки Крик-Холла и наш обувной шкаф в вашем распоряжении. Вы ведь расскажете мне о ваших чудесных выступлениях?

— Несомненно, милая девочка, — многообещающе улыбнулась ей Мари Петровски.

— Пойдите! А наши вещи? — заволновался Фред. — Парочка чемоданов да коровая сумка — они ведь остались снаружи.

— Не беспокойтесь, Виктор все принесет, — тут же уверила Кристина. — Правда, Вик?

Виктору оставалось лишь скрипнуть зубами от досады. Похоже, сегодня он окончательно превратился одновременно в носильщика, швейцара и портье.

Выйдя на улицу (к этому времени напущенный гостями дым уже окончательно развеялся), Виктор едва сдержался, чтобы не вернуться в дом и не заставить этого Фреда Петровски перетаскать весь багаж самому.

Это были не просто «парочка чемоданов да коровая сумка». У ворот стояли огромные тюки, какие-то ящики, даже затянутые тканью клетки. Похоже, все это доставили на грузовике и просто свалили в кучу: здесь сейчас был весь сценический реквизит Петровски, не хватало разве что

огромного алого шатра. Куда ни кинь взгляд, со стенок кофров и ящиков завлекательно улыбались нарисованные лица новоприбывших гостей, будто бы насмехаясь над несчастным Виктором.

— И куда прикажете все это девать?! И главное, почему мне? — Виктор сокрушенно вздохнул. — И что это вообще за издевательство такое?

Багаж четы Петровски молчал, хотя маячащий повсюду выведенный золотыми красками на красном поле лозунг просто не мог сдержаться, чтобы не ответить на риторический вопрос Виктора:

«Магия, и ничего проще».

Высокий сутулый мужчина в клетчатом пальто и темно-синей шляпе выбрел из тумана. Двигался он весьма странно, как будто вместо его ног и рук под костюмом прятались тонкие жерди с надетыми на них перчатками и башмаками: он дергался, спотыкался, то и дело вздрагивал.

Пользуясь тем, что дамы в мехах и джентльмены в цилиндрах шумно общаются у своих припаркованных возле ворот автомобилей, мужчина в темно-синей шляпе незамеченным прошмыгнул в сад через калитку. Затем, воровато оглядываясь по сторонам, он быстро пошагал по дорожке и вскоре оказался у двери.

Дверь особняка была широко открыта. Из дома в холодный вечер лился теплый свет, будто бы гостеприимно приглашая внутрь, но мужчина в темно-синей шляпе замер в нерешительности у порога.

Тут кто-то из стоявших у автомобилей джентльменов заметил его и крикнул:

— Эй, Гарри! Давно не виделись, дружище! Мы здесь! Тот вздрогнул и шагнул в прихожую.

Это действительно был Гарри Кэндл, но дома он себя сейчас здесь не чувствовал. Стоило переступить порог, как ему тут же стало дурно: в голове помутилось, а глаза начали болеть так сильно, словно их потянули из глазниц за веревочки.

Оглядываясь по сторонам и прислушиваясь к звукам, доносящимся из разных концов дома, Гарри Кэндл двинулся через холл к лестнице. Ступал он осторожно — на носочках, словно боялся выдать свое присутствие скрипом половицы.

Повсюду горел свет, дом сверкал чистотой. Из гостиной доносились громкие голоса, оттуда же, словно из какого-нибудь курительного салона, полз сигарный и сигаретный дым. Судя по вкусным запахам и звукам ссоры из кухни, все три хозяйки как раз готовили ужин для прибывших гостей...

Лишь подумав о супруге и ее сестрах, Гарри Кэндл вздрогнул и бросился к лестнице. Едва не переломав себе ноги о стоявшие там чемоданы, он вприпрыжку помчался вверх по ступеням.

В тот же миг, как Гарри Кэндл скрылся на лестнице, его старший брат Джозеф, хлопнув дверью библиотеки, пронесся по коридорчику и на всех парах вылетел в холл.

Джозеф был так взволнован и испуган, что сам на себя не походил. Его щеки, лоб и лысая макушка покрылись испариной. Он тяжело дышал и вообще выглядел так, словно только что заметил, как его толстая тень взяла нож и отрезала себя от него, после чего, показав ему неприличный жест, отправилась прогуляться в одиночку.

— Как такое может быть? — пробормотал он, суматошно оглядываясь по сторонам, словно ища кого-то.

Холл был пуст.

— Джозеф, ты переоденешься уже или нет? — раздалось громогласное из кухни. Голос жены вывел Джозефа Кэндла из ступора. — Уже почти все гости прибыли, а ты в этом ужасном халате!

«Проклятье! — подумал толстяк. — И откуда она знает?»

— Уже иду, дорогая! — воскликнул Джозеф. — Спешу переодеться, пока... — все остальное он продолжил задумчивым шепотом, — кто-нибудь меня не увидел...

Напротив коридорчика, который вел в библиотеку, на стене висело большое овальное зеркало в витой раме — кажется, он просто увидел промелькнувшее в нем на миг отражение, и не более... Но даже если это и было всего лишь отражение, беспокойство Джозефа никуда не исчезло.

— Ах, вот ты, значит, как...

Джозеф шагнул к зеркалу и прищурился. Едва ли не вытирая носом стекло, он заскользил по нему взглядом, будто пытаясь различить что-то в зазеркальных глубинах.

— Джозеф, я устала ждать!

Джозеф вздрогнул и, едва ли не теряя огромные тапочки на бегу, поспешил к лестнице. Он несея в свою комнату, но не только за тем, чтобы переодеться в подходящий для встречи гостей костюм. Его ждало неотложное дело. Он должен все исправить! Как можно скорее! Пока об этом не узнала Корделия!

Дверь спальни Джозефа Кэндла захлопнулась за ним с грохотом пушечного выстрела...

Его младший брат тем временем осторожно крался по коридору второго этажа, почти вжимаясь в стену.

Уже дважды он едва не столкнулся с людьми. Один раз его даже поприветствовали — по счастью, это был всего лишь кто-то из гостей.

В какой-то момент Гарри Кэндл увидел свою маленькую дочь, прыгающую по начерченным прямо на паркете клеточкам классиков. Марго пользовалась тем, что мама и тетушки заняты на кухне, а дядюшка, как всегда в последние дни, пропадает в библиотеке.

Гарри не стал корить дочь, даже не дал ей понять, что заметил ее шалость. Он осторожно проскользнул мимо и нырнул

в темный проход, в глубине которого примостилась каморка для швабр и метел. Его всего трясло, желудок горел от чудовищной изжоги, а кожа стала такой горячей, как будто ее медленно нагревали на жаровне.

Прислонившись к стене, Гарри достал из внутреннего кармана пальто небольшую бутылочку и, открутив дрожащими пальцами крышку, немного отпил. Почти сразу он снова почувствовал себя если не хорошо, то, по крайней мере, сносно.

Гарри Кэндл выглянул из прохода и прислушался. Поблизости никого не было. Он на миг закрыл глаза и повернул голову, подставляя ухо коридору. В коридор выходило не менее дюжины дверей — он не мог позволить себе открывать каждую и искать наугад. Ему нельзя было ошибиться. Только не сейчас, когда он так близко!

И тут Гарри услышал. Да, он ждал именно этого, именно этот звук он надеялся отыскать, просеивая через сито слуха все происходящее в Крик-Холле. Кашель. Детский кашель. Он раздавался из-за предпоследней двери справа. Скользнув к ней, Гарри быстро проник в комнату и, заперев дверь за собой, обернулся.

В постели лежал сын. Сердце Гарри сжалось от увиденного зрелища. Сейчас Томми даже близко не походил на того бойкого и жизнерадостного мальчика, каким всегда был.

— Здравствуй, Томас, — хрипло сказал Гарри. Голос его дрожал, как бывает у не умеющих петь людей, которые тем не менее пытаются взять недоступную для них ноту.

— Папа? — прошептал Томми. Его горло так болело, что говорить в полный голос он не мог. К тому же мальчик не был уверен, спит он сейчас или же бодрствует. Болезнь все смешала.

— Тише-тише, — сказал Гарри. — Не нужно говорить...

— Где ты был?

— Я работал, — солгал папа. — Мама сказала, что ты заболел. Вот я и зашел к тебе.

— Ты уходишь? — спросил Томми, глядя на пальто и шляпу отца.

— Нет, я только пришел.

— Я почти умер, — выдавил Томми. — Папа, я почти умер уже...

— Ну что ты, что ты, — успокаивающе сказал папа и огляделся по сторонам, что-то выискивая в комнате.

Гарри подошел к столу сына и взял чашку с водой, возле которой лежало несколько пилюль.

— Они не помогут, — выдавил Томми, глядя на отца.

— Я знаю, — сказал Гарри и снова подошел к кровати сына. — Я помогу тебе. Ты только потерпи немного...

Папа достал из кармана пальто небольшой круглый пузырек с какой-то желтоватой жидкостью.

— Я не буду это пить... — слабо протестовал Томми. — Мама уже давала мне рыбий жир. Целых четыре ложки...

— Какой ужас, — улыбнулся папа. — Я бы подобного не пережил. Но это всего лишь горчичное масло... и тебе не нужно его пить.

И действительно, папа откупорил пробку и вылил немного желтой жидкости в воду. Затем он уставился в чашку, почти не моргая. При этом губы его зашевелились — он что-то шептал. Больше всего его сейчас волновало то, как жидкость себя поведет.

Долго ждать ему не пришлось: масло опустилось на дно, будто весило, как расплавленное золото. В воде оно не растворилось. Гарри тяжело вздохнул: он так и думал.

— Вы ведь не мой папа? — едва слышно спросил Томми.

Мужчина задумчиво поглядел на мальчика. Достав из кармана клетчатый носовой платок, он засунул его под подушку Томми. Тот в то же мгновение закрыл глаза и уснул.

Гарри вновь почувствовал, как подкрадывается боль, и, достав свою бутылочку, сделал пару глотков. Спустя пару мгновений вернулся в норму.

Он замер у кровати, глядя на спящего мальчика.

Томми был прав, когда говорил, что пилюли ему не помогут, — они даже от обычной простуды помогают хорошо если через раз. А что уж говорить о черном сглазе, который намного опаснее и который сам собой ни за что не пройдет. Томми был проклят. Если бы масло растворилось в воде, хворь оказалась бы обычной ангиной. Да, весьма тяжелой ангиной, и все же... Но оно не растворилось.

Теперь нужно было определить тяжесть проклятия...

Гарри достал из кармана коробок спичек и зажег одну, держа ее строго между своим лицом и лицом Томми. Огонек вспыхнул и тут же погас, а Гарри бросил спичку в чашку с водой. Деревянная спичка тут же погрузилась на дно. Так и должно быть — это лишь подтверждает, что проклятие имеет место. За первой последовала вторая спичка. И она опустилась на дно. Так же было еще с семью.

С каждым чирканьем по серному боку коробка Гарри все надеялся, что эта будет последней, но в итоге все девять спичек пошли ко дну. Проклятие оказалось очень сильным. Сильнее и не придумаешь... Странно, что Томми до сих пор вообще мог соображать и говорить. Будь на его месте обычный мальчик, родившийся не в семье ведьм, он уже давно был бы мертв.

«Это кем же нужно быть, чтобы так проклясть ребенка!» — гневно подумал Гарри. К сожалению, он знал кем: если ты Джозеф Кэндл, то у тебя просто нет сердца.

Гарри осторожно вырвал у Томми волосок и бросил его в чашку, а затем принялся пить. Он пил и пил — и не остановился, пока не выпил все до дна, вместе с горчичным маслом и спичками. Это должно было помочь хоть немного — Гарри на это надеялся...

Пережевав и проглотив последнюю спичку, он вытащил из-под подушки Томми свой клетчатый платок и переместил его на грудь мальчика.

— Спи, и пусть тебе не приснится ни одна ведьма, — прошептал он, а затем развернулся и направился к выходу.

Когда дверь за Гарри Кэндлом закрылась, Томми глубоко вздохнул, но не проснулся. Испарина со лба исчезла, дыхание выровнялось.

Проклятие как будто покинуло комнату.

Как будто.

Клара Кроу поднялась на Ивовый мост.

Мост этот был своеобразной границей между Холмовым и Ивовым районами. Под ним когда-то протекала речушка, но она давно пересохла, и на ее месте проложили улицу. Сегодня там, где когда-то бурлил поток, по брусчатке ездили автомобили, а по обе стороны дороги, тесно прижавшись друг к другу, толклись двухэтажные домишки.

Правда сейчас, глядя с моста вниз, почти ничего не удалось бы там разглядеть — туман настолько сгустился, что даже зажженные повсюду фонари были не в силах его просветить. Мутные, закутанные во мглу огоньки напоминали желтые глаза злобных хищников, косящихся на маленькую женщину, идущую по мосту.

Клара возвращалась домой. Она устала, у нее болело все тело, и от пережитого страха подкашивались ноги. Да и чего еще ждать, когда пьешь зелье, меняющее внешность, и проникаешь в логово врага. Но сейчас все уже было позади, она помогла мальчику — можно сказать, спасла его. Понимая это, она и сама чувствовала себя чуточку легче.

На мосту кто-то прогуливался. Проехал, сверкнув круглыми фарами, черный автомобиль. Мимо пробежала бездомная собака.

Клара шла возле высоких перил и глядела вниз. До крыш было не больше двадцати футов — ей вдруг отчаянно захотелось спуститься и прогуляться по ним. Идешь себе по желобу

водостока, ветер подхватывает твои волосы, а по дыму из кухонных труб можно понять, кто что готовит...

Она так замечталась, что не заметила выбоину в тротуарной плитке, при этом слишком большая мужская обувь на ее ногах также сослужила плохую службу. Клара споткнулась и растянулась на земле.

Над головой прозвучал чей-то смех.

— Да это же Ворона! Вы только поглядите, во что она вырядилась!

Кто-то остановился поглазеть и поиздеваться. Другие просто проходили мимо, морщась и бормоча проклятия в адрес «чертовой Вороны».

— Что, украла где-то вещички? — хохотала какая-то женщина. — Вот только незадача — костюмчик-то мужской, дура!

— Что взять с сумасшедшей, — вальяжно протянул джентльмен в котелке.

— Да нет, она пугалом идет подрабатывать! — поддержала его спутница в шляпке-клош. — Дорогой, ты погляди, как она хнычет. Прямо-таки набивается, чтобы ее пожалели...

Сидящая на тротуаре плачущая Ворона быстро наскучила прогуливающимся людям, и они начали расходиться. Какой-то мужчина в фетровой шляпе ударил Клару по голове тростью, словно бы случайно задев. Клара вскрикнула и заплакала с новой силой. Мужчина в фетровой шляпе усмехнулся и как ни в чем не бывало направился дальше.

— Эй, ты, мерзавец! — раздался злой окрик в тумане.

Прохожие обернулись на голос.

Из мглы вышел человек в пальто. Все на нем, включая шарф, туфли и перчатки, было серым; на невидимом ветру трепетали пепельные волосы. Бледное лицо и черные круги, очерчивающие яркие пронзительные глаза, навевали мысли о продолжительной болезни.

Недолго думая, человек в сером вырвал трость из рук ошалевшего от его поведения мужчины в фетровой шляпе

и ударил того под колено этой самой тростью. Вскрикнув, тот упал на землю, а незнакомец навис над ним. Он замахнулся и снова ударил. Хозяин трости закричал от боли.

Клара была так поражена, что даже перестала плакать. Она во все глаза глядела на незнакомца: неужели кто-то за нее вступился? Или она просто придумала этого человека?

У людей кругом было свое мнение о происходящем.

— Что вы делаете?! — возмутилась женщина в шляпке-клош. — Остановитесь немедленно!

— Вы что, не видели? — спросил ее незнакомец. — Этот проходимец ударил женщину. Упавшую женщину! Вместо того чтобы помочь ей подняться!

— О чем вы говорите? — воскликнул важный джентльмен в котелке. — Никто никого не бил!

— Ах вот, значит, как?

Человек в сером гневно сжал зубы.

— Да, я ничего не делал! — завопил мужчина в фетровой шляпе. — Отдайте мою трость! Немедленно! Или я...

— Отдать трость, значит? — прошипел незнакомец и, как следует размахнувшись, еще раз ударил владельца трости ею же по ноге.

— А-а-а!

Мужчина в фетровой шляпе скрючился на мостовой от боли.

— Бандит! — закричала женщина в шляпке-клош. — Кто-нибудь, позовите полицию!

Вокруг уже собралась приличная толпа.

— Он сломал мне ногу! — верещал хозяин трости. — Этот урод сломал мне ногу!

— Будешь еще отпираться? — незнакомец снова замахнулся. — Или скажешь, как все было?

— Я случайно ее задел! — прикрываясь рукой, оправдывался мужчина в фетровой шляпе.

— Не случайно.

— Хорошо-хорошо! Но это же всего лишь Ворона! Какое кому дело?

— Мне есть дело. Вы слышали? — торжествующе воскликнул человек в сером. — Он признался!

Незнакомец огляделся кругом, и от его улыбки не осталось и следа. На него были направлены сплошь озлобленные, гневные взгляды. Прохожие громко возмущались его поведением.

Клара ничего иного и не ожидала, но ее заступник был совершенно сбит с толку. Его поразило не только равнодушие людей к жестокому поступку этого мерзавца в фетровой шляпе, но и их негодование на справедливое и закономерное возмездие.

— Лицемеры проклятые, — безжалостно проговорил человек в сером. Толпа от его слов мгновенно затихла. — Вы все видели, что произошло.

— Как можно нападать на порядочного джентльмена из-за какой-то сумасшедшей? — возмущенно спросила дама в шляпке-клош.

— Что вы сказали? — угрожающе повернулся в ее сторону незнакомец. Он поднял трость и сделал шаг.

Человек в сером выглядел таким разъяренным, что женщина тут же замолчала и отступила за спину своего спутника.

— Мы сейчас вызовем констебля, — пригрозил мужчина в котелке.

— Так я и констебля вашего отделаю, — просто сказал незнакомец. Глядя на его недобрую улыбку, никто не сомневался, что он может воплотить слова в действие.

— Это неподобающе! — восклицал кто-то. — Это вопиюще! Полиция! Полиция!

— Позвольте, мисс, — швырнув на тротуар трость, человек в сером наклонился к Кларе и помог ей подняться. Придерживая женщину под руку, он повел ее прочь с моста. — Пойдемте. К черту этих ничтожеств.

Не оглядываясь, они пошагали вместе, оставив за спиной негодование толпы. Спустя несколько мгновений туман поглотил их...

Некоторое время они шли молча, но Клара не удержалась.

— Почему вы помогли мне? — спросила она.

— А как я мог пройти мимо? — удивился незнакомец. — Знаете ли, я только приехал в ваш город, — пояснил он, — и не знаю, как здесь все заведено, но если то, что я увидел, тут считают нормальным, уж простите, мне придется нарушить несколько местных традиций — мириться с подобным я не намерен.

— Ах, так вы только приехали... — удрученно сказала Клара. — Тогда все ясно.

— Что ясно?

— Ясно, что вы не знаете, кто я. Поэтому помогли.

— Разумеется, я вас не знаю, — согласился человек в сером. — Но помог вам, потому что вы попали в беду, как мне показалось. Так это были ваши знакомые? Там, на мосту?

— О, нет, я никого из них не знаю.

— Зато они вас знают, — хмуро проговорил незнакомец. — Почему они называли вас сумасшедшей?

— Поглядите на меня, разве не видно? — опустил глаза, выдавила Клара.

Спутник внимательно оглядел ее, оценил старомодное клетчатое пальто, широкие мужские брюки и древние дедовские туфли.

— Положим, костюм на вас и впрямь несколько экстравагантный, — сказал он, — но ведь это не дает им права...

— Вам виднее, — с вдруг поднявшейся непонятной злостью ответила Клара.

Они спустились с моста и оказались на Ивовой улице.

— Простите, мисс. — Человек в сером неожиданно остановился. — Подождите меня здесь, прошу вас. — Он помог

ей сесть на освещенную фонарем скамейку. — Я кое-что забыл.

— Что вы забыли? — с тревогой в голосе спросила Клара.

— Вашу шляпу.

— О, не стоит беспокоиться...

— Стоит, — не терпящим возражений тоном сказал он и скрылся в тумане.

Клара осталась одна в полном одиночестве и замешательстве. Мгла напознала со всех сторон, пытаясь захватить и крошечный островок света, в котором она находилась.

«Почему? Почему он ушел? Это же просто старая шляпа...» Клара отчаянно терла руки, пытаясь высмотреть фигуру своего заступника в тумане. Она подумала, что не переживет, если вместо него сейчас появится кто-то другой...

Таинственный незнакомец тем временем обернулся. Да, туман достаточно густой — она ничего не увидит.

Оказавшись на середине моста, человек в сером увидел, что почти все зеваки уже разошлись, но трое главных мучителей его новой знакомой до сих пор были здесь. Потерпевший стонал, держась за ногу, а остальные жалели его и кляли «чертову бродяжку» и ее «злобного прихлебателя».

Незнакомец улыбнулся: было бы обидно, если бы он никого не застал.

— Смотрите на меня, уроды, — сквозь сжатые зубы процедил человек в сером.

— Ой, он вернулся! — испуганно сказала дама в шляпке-клош. — Полиция уже едет!

— Разбойник! — негодуя добавил ее спутник. — Этому джентльмену теперь нужен доктор! Вы горды собой?!

— О, еще бы, — со злобой в голосе заметил человек в сером и вдруг изменился.

— Что это вы?.. — начал было спутник истеричной дамы.

На том месте, где только что стоял защитник жалкой нищенки, был... была...

Все трое округлили глаза и распахнули рты.

На них глядела маленькая девочка. Девочка смеялась. Противно и мерзко хихикала, тыкая в них пальцем, отчего всем троим стало так страшно, как не бывало никогда в жизни.

— Смотрите на меня, уроды! — звонко закричала девочка, хотя... все трое могли поклясться, что глядят уже на пожилую старуху, сгорбленную и мелко трясущую головой.

— Смотрите на меня, уроды, — прохрипела старуха. Хотя это была уже вовсе не старуха.

Мужчина средних лет, широкоплечий и статный, в дорогом белом костюме и цилиндре, по очереди поглядел на каждого из присутствующих. Глаза его вдруг будто бы закатились и стали на вид твердыми, как кость, после чего приобрели стеклянный блеск. Спустя мгновение они были уже из полированного зеркала...

— Смотрите... смотрите на меня, уроды...

Вот только смотреть уже было некому.

На тротуар опустились три тела. Вместо лиц у них багровели плоские кровавые овалы.

Удовлетворенно оглядев дело своих рук (или, точнее, глаз), незнакомец подобрал с мостовой старую синюю шляпу и нырнул в туман...

Клара сидела на скамейке уже не менее десяти минут. С каждой утекающей секундой в ней укреплялось неприятное терпкое чувство: ее бросили, он сбежал. Сколько времени нужно, чтобы сходить за шляпой на середину моста и вернуться?

«Да, — решила она, — он явно сбежал, пожалев о том, что так поспешно и необдуманно за меня вступился».

Еще бы! Кому в здравом уме вздумается защищать городскую сумасшедшую? Скорее всего, он и правда ей примерещился,

ее спаситель. А что? Может, все это какой-то побочный эффект от зелья, которое она принимала, чтобы превратиться в собственного брата?..

И что осталось? Только чертово горькое разочарование. Кто знает, почему ее посетило это наваждение. Потому что она так хотела, чтобы ее кто-то защитил? Потому что втайне мечтала об этом? Что ж, она получила то, что хотела...

И тут вдруг в тумане послышался звук шагов.

Клара вздрогнула и подобралась, прекрасно понимая: там очередной злобный прохожий и максимум, что она может сделать, это прикрыть лицо руками, чтобы ее по нему не ударили. Или просто чтобы не видеть того, кто ее оскорбляет. Она так и сделала.

— Мисс, — раздался голос над головой. — Вот ваша шляпа. Простите, что так долго.

— Это вы? — убрав ладони от лица и все еще не веря своим глазам, спросила Клара.

— Конечно, — простодушно ответил человек в сером. — Кто же еще?

— Я думала, что вы... ну, что вы...

— Что я сбежал? — понимающе усмехнулся незнакомец.

Она молчала, отведя взгляд в сторону. Все и так было очевидно, поэтому он просто подал ей руку, спросил: «Вы позволите?» — и помог подняться. Они вновь медленно зашагали в тумане. Клара хромала, чувствуя усиливающуюся с каждым шагом боль в подвернутой лодыжке, но придерживающий ее под руку спутник будто придавал ей уверенности и сил.

— Вы полагали, — начал человек в сером, опустив голову и глядя себе под ноги, — что я такой же, как и жители этого города? Что я на них похож?

— Нет! — поспешно заверила его Клара. — Совсем нет!

— Тогда почему вы решили, что я вас бросил?

— Вас не было так долго, и я...

— Я просто искал вашу шляпу, — пояснил незнакомец, и Клара обругала себя и свою мнительность последними словами. — Она закатилась в канаву, и мне пришлось сперва отыскать беглянку, а после — лезть вызволять ее.

— Простите.

— Вам не за что просить прощения. Это ведь шляпа, а не вы такая непослушная.

Она улыбнулась, и он представился:

— Гласс.

— А имя у вас есть, мистер Гласс?

— Лукинг, — на мгновение смутился он. — Не смотрите на меня так, это папочкина шутка. Он полагал, что дать сыну подобное имя будет весьма забавно. В какой-то степени он оказался прав.

— Очень красивое имя, — утешила его Клара. — Лукинг Гласс.

— А ваше имя я могу узнать, мадам? — поинтересовался Лукинг.

— «Мадам»? — невесело улыбнулась Клара. Никто и никогда ее так не называл. Хотя нет, когда ей было двадцать и жизнь казалась прекрасным праздником, швейцар у шикарной лондонской гостиницы «Савой», открывая перед ней дверь дорогого кремового автомобиля, сказал ей: «Прошу, мадам», — но это было так давно, кажется, в прошлой или, вернее, в чужой жизни. В жизни, которую она украдкой подглядела в замочную скважину.

— Меня зовут Клара Кроу.

— Мне не нравится это имя, — сказал Лукинг.

Клара удивленно взглянула на него. Она была настолько сбита с толку, что даже не оскорбилась. Он явно не хотел ее обидеть, всего лишь выразил свое мнение, но почему-то она была уверена: никто и никогда во время знакомства не говорил другому человеку, что ему не нравится его имя, вот так запросто.

— Не нравится? — только и спросила она.

— Да, оно совершенно вам не подходит. У вас есть другое имя?

Как ни странно, у Клары было другое имя.

— Еще меня зовут Мэри Уитни, — робко представилась она.

— О, это определенно лучшее имя, которое я слышал! — воскликнул Лукинг и тут же смутился.

— Правда? — с печальной улыбкой спросила Клара. — Это лучшее имя?

— Да, мисс Мэри! — горячо воскликнул Лукинг и смутился еще больше.

— Меня так зовут мои ученики, — сказала Клара. — Мисс Мэри...

— Теперь не только они.

Лукинг глядел в землю, не в силах поднять взгляд. Мог ли он, заступаясь за эту женщину, знать, что будет с ним происходить после того, как он окажет ей помощь? Само собой, нет. Совершенно закономерное стремление помешать мерзавцам издеваться над беззащитной бедняжкой привело его к тому, что казалось исключительно невозможным. Он чувствовал необъяснимое расположение к этой мисс Мэри. А еще заинтересованность. Ему было любопытно, что она думает и почему так долго молчит. Почему вообще можно так долго молчать?

Они остановились.

— Куда дальше? — спросил Лукинг.

— Видите пустырь, на котором не горят фонари? — Клара кивнула в сторону широкого черного пространства, которое выглядело холодным и совершенно безжизненным. — Там стоит дом. Это мой дом. Я там живу.

Теперь уже пришла очередь Клары смущаться. Ей стало невероятно стыдно, что она живет в подобном отталкивающем месте. Она вдруг подумала, что и одежда на ней, да и сама она выглядит весьма под стать этой развалюхе во тьме.

— Я провожу вас до двери.

— О, это не обязательно.

— Но вы...

— Нет, — отрезала Клара. И сама не узнала собственный голос. С ужасом она услышала в нем стальные и холодные нотки своей матери.

Лукинг кивнул и отпустил ее руку.

— До свидания, мистер Гласс, — сказала Клара. — Благодарю вас, что заступились и проводили меня.

— Мне было нетрудно, — сказал Лукинг.

Клара кивнула, прощаясь, и сделала несколько неуверенных шагов, но тут вдруг боль опять пронзила ее подвернутую лодыжку, она остановилась и застыла на месте.

— Мистер Гласс, вы не проводите меня до двери? — негромко спросила она, не в силах обернуться от стыда. — Я не дойду сама.

— Разумеется, мисс Мэри, — вдохновенно сказал Лукинг и, подойдя, вновь подал ей руку.

Клара неловко улыбнулась. Лукингу Глассу хватило такта, чтобы ничего не сказать по этому поводу.

Клара и ее спутник нырнули в неосвещенное пространство, как будто шагнули в дверь, ведущую прочь из этого мира в страну теней.

— А зачем нужны катушки? — спросил Лукинг.

— Катушки?

— Катушки ниток в ваших волосах.

Клара невольно вскинула руку и, нащупав одну из катушек, потеревила ее, а затем быстро опустила руку обратно.

— Это оберег... — потупившись, сказала она. — От темных сил. Мама говорит, что...

— Мне не нравится, — сказал Лукинг. Он был невероятно честен, и Клара вдруг поймала себя на том, что ей это по душе.

— Наверное, это потому, что я из темных сил, — пошутил, как показалось Кларе, ее спутник, и она рассмеялась.

Вскоре они уже стояли у входа в Гаррет-Кроу.

— Вот мы и пришли, мистер Гласс, — сказала Клара, кивнув на дверь с облупившейся бурой краской. — Дальше я справлюсь сама.

— Я уверен в этом, мисс Мэри.

— Еще раз спасибо вам.

— А я еще раз говорю вам, что не стоит благодарности. На моем месте так поступил бы любой джентльмен. И я не жду ничего взамен, разве только... — Он вдруг замолчал.

— Разве только?

Клара будто перестала дышать, глядя на него.

— Я в этом городе совсем никого не знаю, — сказал Лукинг. — Точнее, знаю только вас. Может, вы мне его покажете? Город. Могу я рассчитывать на вашу помощь?

— Вы можете, — сказала Клара, испытывая чувство, которого она не испытывала никогда.

Это было... что-то большее, чем простое смущение, — ее посетило неловкое замешательство, когда все кажется невероятно важным: любое слово, неосторожный взгляд, короткое движение. А еще она была рада тому, что на пустыре не горят фонари и мистер Гласс не может увидеть, как сильно она покраснела.

— Я освобождаюсь завтра в два часа пополудни. И был бы рад, если бы вы составили мне компанию в... кажется, это место называется «Эмброуз». Вы ведь пьете кофе? Хотя о чем это я? — Лукинг лукаво улыбнулся. — Если вы носите мужские костюмы, то и кофе, без сомнения, пьете.

— До встречи, мистер Гласс, — кивнула Клара.

— Лукинг, — уточнил человек в сером. — Просто Лукинг, мисс Мэри.

Клара закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Она не понимала, что происходит. У нее дрожали руки, а внутри разливалось какое-то недомогание. Неужели она так

соскучилась по доброму отношению? Неужели это обычная доброта, которой она была лишена, заставляет сейчас ее коленки дрожать?

Словно некая навязчивая идея, в ее голове поселилась мысль. Мысль, от которой было не отделаться...

Она глядела на свое старое длинное пальто, висящее на вешалке, на красный берет, надетый на крючок. Даже вешалка выглядела в этом старье лучше, чем она. К черту берет! Клара дала себе слово, что никогда больше его не наденет. И катушки в волосах... она избавится от них раз и навсегда!

Клара нечасто была столь решительна, и за этот длинный день она проявила характер, о котором и не догадывалась, целых два раза. Сперва она заставила себя проникнуть в Крик-Холл, но желание помочь Томасу Кэндлу было продиктовано скорее страхом за него, чем действительно хладнокровным решением, как следует взвешенным и продуманным. Сейчас же все было иначе... по-настоящему: она решилась, и она не отступит!

Держась за стену, Клара подковыляла к шкафу, в котором находился ее «тайный» ход, и потянулась к сложенным на нем чемоданам. На самом верху стояла кремовая шляпная коробка с бантом, собранным из кофейных лент.

Клара закусила губу от волнения. Она знала, что в этой коробке хранится ее шляпка. Темно-зеленая шляпка с широкими полями, вуалью и перьями, которую она так любила. Пряча эту шляпку в коробку, помнится, она уже не рассчитывала, что когда-нибудь наденет ее. Но нет, она ошибалась — у этой шляпки еще будет вторая жизнь. Как и у нее самой!

Наконец Клара дотянулась и сняла коробку со шкафа. Она нетерпеливо развязала ленточный бант и сняла картонную крышку...

В следующее мгновение она сползла по дверце шкафа на пол и заплакала.

В коробке лежали лишь скомканные, побуревшие от времени старые газеты.

Вторая жизнь отменялась.

Гостей прибыло много — просто до неприличия. Не все они были столь запоминающимися, как чета Петровски. Встречались и абсолютно серые, ничем с виду не примечательные личности.

Некоторые из них, отделившись коротким «здравствуйте» и торопливо закинув на вешалку пальто, сами (чему Виктор был несказанно рад) тащили свои вещи наверх и пропадали в глубине дома. Кое-кто и вовсе, что-то бормоча себе под нос, шараялся от старшего сына Кэндлов и норовил проскочить мимо, даже не поздоровавшись.

Другое дело — *настоящие* гости. Эти требовали к себе внимания, претендовали на почтительное обхождение и неизменно испытывали терпение Виктора.

Порой, правда, дядюшка Джозеф и обе тетки снисходили до того, чтобы помочь племяннику. По большей части, чтобы проследить, как бы тот невзначай кого не обидел или не оскорбил. Но при этом всю самую тяжелую работу родственники, разумеется, перекладывали на Виктора.

Вот и сейчас Виктор тащил вверх по ступеням тяжеленный чемодан размером с комод, а дядюшка Джозеф шел рядом и с улыбкой глядел на страдания пыхтящего племянника.

— Помочь не хочешь? — спросил Виктор, затащив чемодан на очередную ступеньку.

— Разумеется, нет, — ответил дядюшка. — Я ведь уже переоделся в свой вечерний костюм.

Это была правда: вишневый костюм и дядюшка в нем выглядели великолепно — слишком великолепно, чтобы тягать чей-то багаж.

— То есть мне тоже нужно переодеться в вечерний костюм, чтобы забыть все эти чемоданы, как страшный сон? — спросил Виктор.

— А у тебя есть вечерний костюм?

— Нет, — сжав зубы, проскрипел Виктор и затащил чемодан-комод на ступеньку выше. Кажется, ему не оставалось ничего иного, кроме как наделить очередной порцией ругательств и лестницу, и чемодан, и его владельца, мистера Греггсона.

Онный мистер Греггсон представлял собой слегка сгорбленного господина в возрасте с взлохмаченными кустистыми бровями, выпученными глазами и багровым пористым носом. В данный момент он пребывал у основания лестницы, выстраивая там свое многочисленное семейство строго по рангу, иными словами — по возрасту.

Упомянутое семейство состояло из жены и пятерых дочерей — самой младшей мисс Греггсон было пять-шесть лет, а старшей — далеко за тридцать. Все они при этом выглядели настолько отощавшими и болезненными, что в первое мгновение, когда Виктор их увидел, он даже решил, будто в Крик-Холл прибыли призраки. Впрочем, вскоре стало ясно, что худоба, мешки под глазами и пустые безжизненные взгляды — это все следствие «счастливой» семейной жизни.

С первого этажа доносился отвратительный шкрябающий голос главы семейства, с упоением отчитывающего жену и дочерей за какие-то их очередные прегрешения.

— Миссис Греггсон! — гневно говорил мистер Греггсон. — Позвольте спросить, что это за тайком брошенные непотребные взгляды на подозрительных молодых людей! Нет, я не вас конкретно имею в виду! За дочерьми следите! Более бесстыжего выражения лица, чем у мисс Греггсон-старшей, я не видал уже давно. Но берегитесь! — это было обращено уже напрямую к дочерям. — Я еще сделаю из вас почтенных дам, так что даже не думайте у меня...

— Слишком тяжелый.

Виктор поставил чемодан-комод на лестничной площадке и выжидающе посмотрел на дядюшку. Но тот сделал вид, что не понял намека.

— Да уж, характерец у мистера Греггсона не из легких, — хитро прищурился Джозеф Кэндл. — Этот упырь спровадил в могилу уже двух жен и несколько дочерей. Старайся не оставаться с ним наедине: любое его слово обойдется тебе в десять минут жизни, а недобрый взгляд будет стоять целого часа.

— Зачем мама его пригласила? — спросил Виктор. Он уже понял, что помощи от дядюшки не дожидается и, вцепившись в ручку чемодана, поволок эту громадину дальше наверх, обстукивая ступеньки ее окованными уголками.

— Ну, ты можешь пойти на кухню и предложить Корделии выгнать Греггсона, если уж он тебе так не нравится, — ехидно улыбаясь, сказал Джозеф.

— Нет, я просто не понимаю, почему она сама никого не встречает, — пробурчал Виктор. — Мне все это уже порядком надоело...

— Корделия сейчас готовит ужин на всю эту ораву. Кстати, до твоей мамочки добралась-таки наша любезная мисс Палмер, и теперь там разве только ножи по воздуху не летают. По крайней мере, я уже слышал крики и звон разбитой посуды. Можешь рискнуть и рассказать матери, как тебе тяжело. Думаю, момент для этого идеальный.

— Мне вовсе не тяжело, — вздохнул Виктор и внутренне напрягся, задавая свой следующий вопрос: — А что папа?

— Гарри? — удивился Джозеф. — А что с ним не так?

— Почему он никого не встречает?

— Почему-почему... — дядюшка нахмурился. — Да потому что для этого есть мы с тобой. Корделия отослала его на вокзал встречать нашу драгоценную Скарлетт. Вот только, сдается мне, все это зря. Та всегда прибывает так, чтобы

встречающие остались с носом. Так, помнится, и в прошлый раз было...

Вот наконец и этаж!

Затащив на него чемодан, Виктор вытер взмокший лоб и уже почти позволил себе такой долгожданный, такой во-
зделенный вздох облегчения, когда...

— Эй, Кэндлы! — прокричал мистер Греггсон из холла. — В дверь стучат!

— Виктор, спустись и открой, я тут дальше сам разберусь.

Дядюшка повернул ручку на чемодане-комоде, и из его боков выдвинулись колесики. Еще бы он не справился! Вот ведь задача так задача: докатить чемодан до двери комнаты, выделенной для семейства Греггсонов!

Обреченно вздохнув, Виктор поплелся вниз.

Он вдруг подумал, что, учитывая количество гостей, которые прибыли сегодня в Крик-Холл, им просто негде будет всем разместиться. И тем не менее в коридорах наверху никто в очередях не стоял. Да и комнат вроде как стало больше. Или нет?..

В дверь снова постучали или, вернее, загромыхали.

«Только бы это была не тетушка Скарлетт! — пронеслось в голове. — Кто угодно, только не она!»

Оказавшись в прихожей, Виктор повернул ручку и открыл дверь. А затем невольно отступил на шаг.

— Чего такой хмурый? — раздалось с порога злобно-злорадное. — Что, братец, не рад меня видеть?

На Виктора с насмешкой во взгляде смотрел низкорослый пухлый парень в дорогом черном костюме. Его лицо, некогда покрытое веснушками, сейчас было выбелено, как мел. Прежде рыжие волосы обрели каштановый оттенок, но эти пороссячи глазки, когда-то выглядывавшие из-под круглых очков в роговой оправе, а теперь обходившиеся без оных, Виктор не перепутал бы никогда и ни с чьими.

Перед ним стоял его заклятый враг и кузен Сирил Кэндл.

— Соскучился? — спросил кузен, растянув губы и прикусив их по центру передними зубами; уродливая улыбочка-полуоскал двоюродного братца была на месте.

— Какой-то ты бледный, Сили, почти как покойник, — в тон ему ответил Виктор. — Не заболел? Где Мими потерял?

Сестра-близняшка Сирила всю жизнь неотступно следовала за братом. Странно, что ее сейчас не было рядом, — они все всегда делали вместе. Виктор даже, бывало, думал, что и умрут эти двое в один день.

— Это я так рад тебя видеть, что кровь от лица отхлынула, а Мими пытается поставить машину в гараж, но там стоит эта старая груда металлолома, так что... — зло пробурчал кузен, переступая порог.

Он пристально поглядел на Виктора и прищурился, словно задумался на секунду, какую именно гадость добавить.

— Кстати, ты ведь знаком с моей невестой? — спросил Сирил. — Конечно, еще раз знакомить вас было бы глупо, учитывая вашу... кхм... несчастливую историю...

Следом за Сирилом в дом вошла девушка. Взяв его под руку, она поглядела на Виктора пустым безразличным взглядом. Казалось, она даже не узнала его. Виктор хотел что-то сказать, хотя бы просто поздороваться, но так и остался стоять с открытым ртом, на радость мстительному кузену.

В этот миг жизнь будто бы ушла из его тела, он словно умер, поперхнувшись своим сердцем.

Как?! Как это возможно?! Честное слово, уж лучше бы вместо нее в дом вошла тетушка Скарлетт. Но это была вовсе не тетушка.

Перед ним стояла Саша.

Кованая щеколда, скрипнув, сама собой повернулась, после чего поползла вбок, отодвигаясь. Окно распахнулось. Залетевший порыв ветра смахнул с груди Томми клетчатый носовой платок, и мальчик в тот же миг проснулся.

Он открыл глаза и уставился в потолок. Сразу же появилось ощущение, что чего-то не хватает. Не хватало боли... Понял он это мгновенно. И тут же ему вспомнились лихорадка, жар и озноб, которые вчера весь день перетягивали одеяло по имени Томас Кэндл на себя, а еще...

А еще он с ужасом осознал, что именно говорил маме и как себя вел.

«Ох и влетит же! — подумал мальчик. — Но пока я болею, она ничего не сделает. Нельзя выдавать, что я вылечился. А потом, может, она и забудет».

Само собой, Томми знал: мама никогда ничего не забывает. Что же придумать такое, чтобы она поменьше злилась?..

И тут он почувствовал, как в комнате холодно. Мерзкое раннее-раннее утро (а по сути, еще сумерки) лезло в спальню. Окно было распахнуто настежь. Томми поспешно выбрался из постели, чтобы закрыть его, и уже взялся было за раму,

но стоило ему бросить взгляд наружу, как он и думать забыл о том, что собирался сделать.

На противоположной стороне улицы стояла женщина в старом пальто и темно-красном берете. Она глядела прямо на него.

Томми вздрогнул. В его голове пронеслась череда образов: его учительница по истории, фотография из дома старухи, дядюшка Джозеф, говорящий о своей прежней семье во мраке библиотеки...

Томми вдруг заметил, как женщина что-то шепчет. В тот же миг ее длинные спутанные волосы всколыхнул ветерок, который сразу же переметнулся на куст сирени у ворот Крик-Холла. Затем он своими невидимыми руками погладил плющ, обвивший стену дома, качнул ветки вяза, растущего под окном, и, сорвав с него несколько бурых листьев, влетел в комнату.

— Оденься потеплее... — ветерок скользнул по уху Томми ледяным язычком. — И следуй за мной. Следуй... следуй... следуй за мной...

Томми отпрянул от окна. Он огляделся — в комнате, кроме него, никого не было, но он прекрасно знал, кто только что с ним говорил. Этот голос он слышал едва ли не каждый день в школе.

«Что же делать?! — подумал мальчик, отчаянно борясь с сомнениями. — Что делать?! Даже думать не стоит о том, чтобы куда-то идти! Нельзя же, в самом деле, слушать всякие указания, принесенные ветром! Это опасно и рискованно!»

Додумывал Томми уже на бегу...

Оказавшись в прихожей, мальчик быстро надел поверх пижамы вельветовое школьное пальто, босые ноги засунул в башмаки. Времени на шарф и шапку не было, и, хлопнув дверью, Томми понесся к калитке...

Выбежав за ограду, он остановился и в недоумении замер на месте: улица была сонной и пустынной, напротив дома никто не стоял.

«Куда она подевалась?»

Томми огляделся по сторонам и различил вдали женщину в берете — она уже спускалась с холма. Мальчик двинулся следом.

Все это было очень странно. Томми понимал, что нужно подойти к ней и спросить, что она от него хочет, куда идет и... — да вообще, что угодно спросить! — но почему-то все никак не мог собраться с духом и догнать ее...

Так они прошли весь Холмовой район, оставили за спиной и лавку мистера Гришема, и автобусную остановку, и аптеку. Когда в сизых сумерках вдалеке показался парк, Томми подумал, что они идут в школу, но женщина свернула, не дойдя до нее добрых пол-улицы.

Они углубились в парк и шли еще около десяти минут, пока дома полностью не исчезли из виду, скрывшись за хмурыми осенними деревьями.

Томми стало не по себе.

«Куда она меня ведет?» — с тревогой подумал он, но тут женщина в пальто и темно-красном берете наконец остановилась и села на засыпанную листьями скамейку.

Кажется, они пришли...

Томми встал. Он вдруг поймал себя на том, что боится подходить к этой женщине. Что она задумала? Зачем привела его в парк? Ведь очевидно, что она пришла сюда намеренно, чтобы оказаться подальше от людских глаз.

И все же... Мальчик напомнил себе, что он ведь уже последовал за ней — без оглядки и не сомневаясь. Так чего сейчас топтаться и трястись? Томми пересилил страх и уверенно подошел.

Женщина, не поворачивая головы, проворчала:

— Когда я говорила тебе одеться потеплее, я имела в виду не просто пальто, брошенное на пиажаму. И где, позволь спросить, твои носки?

— Вы говорите, как моя мама, — сказал Томми и осторожно присел на противоположный край скамейки.

В ответ на его замечание она лишь невесело хмыкнула. Впрочем, мальчик и сам уже успел пожалеть, что так легко оделся. Дул пронизывающий ветер, с неба постоянно что-то накрапывало — того и гляди пойдет настоящий дождь.

— Вы ведь моя тетя? — спросил Томми.

Женщина в берете кивнула.

— Я Клара Кроу, сестра твоего отца и дяди Джозефа.

— Вы Клара Кроу, — задумчиво проговорил мальчик. — Но в то же время и мисс Мэри Уитни, моя учительница?

— Все верно, — снова кивнула Клара.

У Томми шла кругом голова от всех этих странностей. Мог ли он еще неделю назад о таком подумать? Мисс Мэри... милая мисс Мэри и ее замечательные уроки истории... Неужели ее на самом деле не существовало?

А еще Томми вдруг кое-что вспомнил. Прошлый вечер. Он лежит в постели, страдая от лихорадки, и к нему в комнату заходит... папа... который точно не был его папой...

— Это же вы приходили ко мне вчера?

Клара промолчала, по-прежнему глядя перед собой, но он и так все понял.

— Это ведь было проклятие? А не какая-то глупая простуда?

— Да, — ответила Клара.

— Я так и знал! — воскликнул Томми. — Я знал, что это проклятие! И поэтому я... — он вдруг запнулся, — вас искал...

— Правда? — удивилась Клара. — Зачем?

Собеседница повернула голову и впервые на него поглядела.

Только сейчас Томми понял, насколько измождена эта женщина. Ее щеки впали, под глазами были тяжелые мешки, а губы потрескались. Сухая бледная кожа походила на бумагу, а волосы — на старый тухлявый парик, который достали со дна сундука на чердаке. Вжимая голову в плечи и растопырив в стороны локти, она вцепилась одной рукой в кисть

другой, всем своим видом напоминая нахохлившуюся ворону. И тем не менее «тетушка Клара» его нисколько не пугала — в ней не было ровным счетом ничего жуткого.

— Ну, я думал, только ведьма поможет мне вылечиться, — признался Томми и тут же почувствовал себя донельзя глупо. Он ожидал, что собеседница рассмеется, но она даже не улыбнулась. Клара Кроу смотрела на него внимательно, почти не моргая.

Томми добавил:

— И я подумал, что вы поможете, потому что...

— Потому что я — ведьма, — закончила Клара и поморщилась. — Спасибо мамочке за то, что так ненавязчиво тебя просветила...

— Я и сам догадался вообще-то, — заверил Томми. — Я же прошел через странный проход, который соединял дома в разных частях города. А это волшебство!

— Скорее колдовство, — поправила Клара. — А если уж совсем точнее, то ведьмовство.

Томми глядел на нее во все глаза. Он пока не был уверен, но, кажется, этот день только что стал самым лучшим днем в его жизни!

— А вы летаете на метле? — не в силах сдержать восторг, спросил он. — И варите зелья в котлах? И носите...

— Остроконечные шляпы? — с печальной улыбкой продолжила Клара. — Все это только по праздникам. Но неужели ты не испугался?

— Нет! — храбро сказал Томми. — Вы ведь добрая ведьма!

— Я — слабая ведьма, — сжав зубы, ответила Клара.

— Но вы же умеете соединять разные дома и... и превращаться в моего папу! И можете молодеть, когда захотите! Вы очень сильная ведьма вообще-то.

— Во всем, что ты перечислил, нет ничего такого, чем можно было бы так уж гордиться, — нехотя сказала Клара. Было видно, что ощущение собственного бессилия, настоящего

или же мнимого, причиняет ей боль. — Не требуется особог-
мо могущества, чтобы сварить зелье изменения внешности.
Для этого нужны всего лишь знание да умение. Чтобы стать
Мэри Уитни, я тоже пользовалась этим зельем: всего лишь
превращалась ненадолго в себя молодую. Это несложно, если
у тебя есть что-то из *нужных* времен, а у меня осталось мно-
го моих тридцатилетних волос (ведьма никогда не выбрасы-
вает волосы, когда стрижется). Что касается ведьмовского
прохода... На том месте, где сейчас находится кондитерская
лавка, когда-то располагалась контора моего отца — ему
нужен был короткий путь, который соединит его кабинет
и старое родовое поместье, вот он его и построил. Многие
годы проход стоял запечатанным. Я всего лишь открыла его
заново, когда стала преподавать в вашей школе.

— Но вы ведь можете еще много чего! — горячо восклик-
нул Томми. — Я уверен!

— Да, открывать замки, штопать дыры на одежде без иглы
и ниток и прочие подобные мелочи...

— Вы сняли с меня проклятие!

Томми привел, как ему казалось, неопровержимый аргу-
мент, но Клара лишь вздохнула: если бы.

— Нет, я только прижгла его, — призналась она. — Как
при утрате конечности, чтобы остановить кровотечение.

Томми даже передернуло от подобного сравнения — все-
таки у него была слишком живая фантазия.

— Так, получается, я до сих пор проклят? — ужаснулся
мальчик.

Клара кивнула:

— Мне жаль, но проклятие такой силы может снять толь-
ко тот, кто его наложил. Пока что с тобой все вроде бы нор-
мально, но порча может начать действовать снова в любой
момент.

— А вы можете... — отчаянно начал Томми, — можете
попросить вашу маму, чтобы она сняла с меня проклятие?

— О, она уже давно не колдует, — сказала Клара. — Почти не колдует. Силы моей матери иссякли, когда одряхлело тело. Когда-то она могла наложить подобное проклятие на целый квартал, тут же его снять и наложить снова, но сейчас она...

— Но ведь она наложила и...

— О нет, — сказала Клара. — Это не она.

— Тогда кто же?

Лицо собеседницы вдруг исказилось от отвращения.

— Твой родной дядюшка.

— Как? — поразился Томми. — Он что, тоже какая-то... какой-то...

— Колдун, — подсказала Клара. — Да, в наших семьях все такие.

— И я тоже? — потрясенно прошептал Томми. — И Марго? И даже Кристина?

— О, Кристина... — недобро протянула Клара. — На грядущем шабаше ей предстоит пройти инициацию и стать Кэндл по-настоящему. Что касается колдунов... Многие семьи иницируют мальчиков, но твоя не из их числа. Так что не бойся: тебе не грозит стать колдуном.

— Но моя мама, получается, тоже... — начал Томми и тут же будто бы прикусил язык.

Клара Кроу пристально глядела на него: ее молчание было красноречивее любых слов.

— Значит, сработало, — сказал мальчик, вспомнив вчерашний вечер.

— Что сработало? — не поняла Клара.

— Вчера я надел пижаму наизуоборот и пошел задом-наперед по улице. Ну, вы знаете, это нужно, чтобы встретить ведьму...

Клара улыбнулась.

— Но это ведь просто старая детская шутка, что-то вроде приметы.

— Но я встретил ведьму, — упрямо сказал Томми. — Это была моя мама. Только я не знал, что она ведьма. Она отвела меня домой и заставила пить рыбий жир, а еще... а еще она даже не подумала снять проклятие!

— Наверное, она была слишком занята своими гостями, — проворчала Клара, отвернувшись.

— Спасибо вам, — сказал Томми. — Спасибо, что помогли мне.

— Ты ведь мой племянник...

Повисла тишина. Томми думал о проклятии и о ведьмах. О маме и о дядюшке Джозефе. Все, что он знал, будто бы вмиг стало бессмысленным, а сама его жизнь перевернулась с ног на голову. Мальчик чувствовал себя так, словно его засунули в большую коробку и несколько раз как следует встряхнули.

Томми поглядел на эту странную и очень таинственную женщину, которая сидела рядом с ним на скамейке. Клара Кроу... Сестра его папы...

— Но если вы и правда моя тетушка, почему тогда... — начал было он и не смог закончить свой вопрос. Томми и сам не понимал, что именно «почему». В это «почему» было вложено слишком много всего и в то же время ничего конкретного.

— Почему ты не знал обо мне? — выбрала самое подходящее «почему», по ее мнению, Клара. — А что ты сам думаешь по этому поводу?

— Думаю, потому что все кругом друг друга ненавидят, — предположил Томми. — Потому что мы враги.

— Ты все правильно понимаешь, — печально сказала Клара.

— Но почему мы враги? Вы ведь не хотите меня... — он запнулся, — запечь в пироге?

— В пироге? — удивилась Клара. — А... — она поняла, — мамочкины шуточки. Конечно, никаких пирогов не планируется. А враги мы потому, что так сложилось.

— Сложилось?

— Исторически. Кроу и Кэндлы враждуют уже больше трех веков.

— Но как так вышло, что мой папа теперь Кэндл, а не Кроу? — спросил Томми. — И дядюшка Джозеф тоже.

— Это произошло во время войны, — сказала Клара, ковыряя острым носком туфельки землю под скамейкой. — Наши общие враги вынудили нас заключить перемирие. Германская семья Ратте была очень могущественной, и поодиночке против нее нам было не выстоять. Поэтому твои отец с матерью, которые втайне любили друг друга, предложили семьям объединиться. Поначалу их никто не слушал, их пытались рассорить и тем самым прервать запретную связь, но они никому не оставили выбора. У них родился ребенок, что предредило дальнейшую судьбу обеих семей.

— Виктор... — догадался Томми.

— Да, твой старший брат, — кивнула Клара. — Когда он родился, на общем собрании Кэндлов и Кроу было решено сплести кроны двух семейных древ. Но одного брака для крепкого перемирия не хватило бы — оно было бы чересчур непрочным. И тогда по решению глав обеих семей, госпожи Софии Кроу и госпожи Джины Кэндл, мы объединили и вторую ветвь.

— Дядюшка Джозеф и тетушка Мегана.

— Верно. Вот только сами они всеми силами противились этому браку.

— Они тоже ненавидели друг друга?

— Не совсем так... Это были очень сложные отношения: Мегана с детства была влюблена в Джозефа, который никого не замечал, кроме твоей матери. — Клара вздохнула. — Джозеф ревновал, строил различные козни и как только мог пытался расстроить союз двух наших семей. Но даже всей его злобы не хватило, чтобы разрушить любовь Корделии и Гарри.

— Но ведь Кроу и Кэндлы объединились, — сказал Томми. — Тогда почему дядюшка ненавидит вас и вашу маму?

— Он ненавидит мать за то, что та заставила его жениться на Мегане. И это вместо того, чтобы наказать Гарри за предательство, — предательством он называл связь с девчонкой Кэндлов.

— Но он ведь сам любил маму!

— Да, но, как и все люди подобного склада, Джозеф считал, что если она не досталась ему, то значит, никому не должна достаться.

— Я не понимаю, — растерянно проговорил Томми. — Если в итоге они все помирились, почему тогда мы до сих пор враги? Что случилось?

Клара тяжело вздохнула.

— Джина Кэндл оказалась хитрее, чем мы думали, — она с самого начала строила планы о том, как нас уничтожить. И Джозеф ей в этом помог — он знал все наши слабые места, знал, куда ударить. Кроу считались богатейшим родом в графстве. У нас были дома и фабрики. Но главное — у нас была многочисленная семья. Я не знаю, поймешь ты или нет... Это непросто... Чтобы полностью уничтожить ведьмовскую семью, не обязательно убивать всех ее членов, вплоть до самых дальних родственников. Достаточно избавиться от ключевых фигур — так называемых узловых людей, к которым тянутся связующие ниточки. Все началось с кузенов и кузин матери, которые жили далеко. Потом дошло до ее кузенов и кузин, живших в графстве, затем беды начали происходить уже с теми, кто жил в самом Уэлихолне. Все они разорялись и умирали один за другим, вот только это было сделано так хитроумно, что, пока беда не пришла в нашу гостиную, мы ничего не замечали. Мама до последнего пыталась закрывать на это глаза, считая, что виной всему ведьмин мор. Джозеф ее в этом убедил. И она поверила... А с чего ей не верить, ведь он был ее старшим сыном. Мама думала, что дети никогда ее

не предадут. Ее дети, да уж... София Кроу заблуждалась, думая, что, помимо никчемной бессильной дочери Клары, у нее остались дети. С помощью Джозефа Кэндлы поглотили Гарри. У него не было выбора: или он отречется от нас, или... что ж, когда у тебя двое детей (тогда уже двое), ты не станешь рисковать их жизнями... Гарри поддался. И так от большого и сильного рода осталась лишь жалкая кучка Кроу, еле сжимающих в бледных пальцах разваливающуюся прошлую жизнь. Но у нас пока оставалась фабрика... впрочем, ненадолго.

— У моего папы тоже была фабрика, — сказал Томми. — Она досталась ему от дедушки.

Клара кивнула.

— В своей мести Джозеф решил идти до конца. Зная, что Кроу и Кэндлы связаны, он начал разорять нас уже открыто и невзирая ни на какие потери, которые могла понести его новая семья. Фабрика твоих деда и отца изготавливала свечи. На фабрике моих деда и отца делали фитили для этих свечей... Обанкротив последнюю фабрику Кроу, Джозеф тем самым уничтожил и фабрику Кэндлов. Наши семьи разорились одновременно. Но Джозефа это несколько не огорчило. Думаю, он готов был пожертвовать собственной жизнью, лишь бы извести нас. Хотя нет... он все же слишком себя любит... А ведь незадолго до всего этого, когда прилетел цепепелин Ратте, Кэндлы и Кроу встретили их сообща — мы вместе сражались, теряли родных и друзей, но вырвали победу. Кто из нас тогда мог предположить, что из-за злобы одного человека обе семьи вскоре превратятся в жалкие тени себя прежних. Особенно Кроу — от нас даже тени, и той почти не осталось.

Клара замолчала. Томми ожидал, что она еще что-то добавит, но собеседница, принявшись перебирать пальцами катушки ниток, которые были вплетены в ее волосы, будто бы глубоко ушла в воспоминания.

— Почему вы мне все это рассказали? — спросил мальчик. — Детям никто никогда ничего не рассказывает. Это ведь тайна! Верно? Тайна ведь?

— Еще какая. Самая тайная из всех.

— Тогда почему?

— Снова мы возвращаемся к этому «почему», с которого все началось. — Клара подняла на него встревоженный взгляд. Было видно, что она боялась того, что собиралась сказать, или, вернее, того, как он на это отреагирует. — Я рассказала тебе все потому, что у меня нет иного выхода. Я слишком долго искала ответы. Я растратила себя в этих поисках и нажила лишь горе и одиночество. Мне нужна твоя помощь, Томас Кэндл. Помощь в одном очень опасном деле. Настолько опасном, что, если тебя поймают, на этот раз все не обойдется дядюшкиным проклятием.

— Я помогу вам, — не раздумывая, ответил Томми.

— Теперь моя очередь спрашивать «почему», — удивленно сказала Клара. — Почему ты так быстро соглашаешься? Я ведь тебе совершенно чужая! Почему ты согласен мне помочь, даже не услышав, в чем будет заключаться просьба?

— Потому что вы — мисс Мэри, — твердо сказал Томми. — Потому что это вы.

Это было чертовски промозглое утро.

Темно-серые тучи висели над Уэлихолном так низко, что казалось, до них можно дотянуться рукой. Улицы заполонили зонтики. Державшие эти зонтики люди напоминали бесформенные тени в шляпах, которые то появлялись, то исчезали, словно были всего лишь сумрачными и эфемерными порождениями непогоды.

Сквозь дождь медленно пробиралась пошарпанная вишневая машина.

Сидевшая за рулем Кристина, подавшись вперед и почти прильнув носом к стеклу, вглядывалась в дорогу перед собой и постоянно зевала. Рядом, на пассажирском сиденье, теребя в руках шляпу, сидел Виктор. Сейчас он хмурился сильнее, чем тучи, и этому было множество причин.

Всю дорогу он провел, скрючившись и втянув голову в плечи, — разве что зубами не скрипел. Он ненавидел эту развалюху, которая еле плелась и в которой было невероятно душно, ненавидел чертову погоду, которой вдруг так не вовремя приспичило разрыдаться. Помимо прочего, прилипчивая, как сахарная нуга, сестра нисколько не старалась облегчить ему жизнь — хорошо хоть раздобыла где-то кроху такта и понимания и болтала чуть меньше обычного. И все равно сейчас Виктор Кэндл предпочел бы оказаться в «Драндулете» в одиночестве. Кто мог его осудить? Пусть вообще скажут «спасибо» за то, что он не кидается на людей, а просто молчит.

— Ты так и будешь притворяться могильным камнем? — как бы невзначай спросила Кристина.

Виктор поморщился:

— Ты о чем?

Он прекрасно понимал, что сестра имеет в виду, и ему вдруг отчаянно захотелось выйти из машины прямо на ходу. Виктор отчетливо представил, как поворачивает ручку и, толкнув дверь, отрывается от потертого кожаного сиденья. Как вываливается наружу, а колеса проезжают по нему, перелаывая до неузнаваемости. Одно из колес при этом как следует прокатывается по лицу, превращая его в кровавую маску, стирая боль, горечь и ненависть. Стирая отчаяние и обиду. Как у тех бедняг из газет, найденных якобы со сточенными лицами.

Кристина выводила Виктора из себя тем, что считала, будто понимает его чувства. Ее натужная веселость и напускная беззаботность делали все только хуже.

— Да ладно тебе! — воскликнула она. — Сирил поступил по-свински. Он ведь знает, как ты...

— Я не хочу об этом говорить, — резко сказал Виктор.

«И даже думать», — мысленно добавил он.

— Кстати, я снова видела тетушку Рэммору возле ее бывшей комнаты, — сестра попыталась сменить тему. — Стоило ей меня заметить, как она промчалась мимо с такой скоростью, будто кто-то вонзил шпору ей в...

— Я вообще ни о чем не хочу говорить.

Виктора и раньше не интересовала «невероятная» тайна тетушки Рэммору и ее бывшей комнаты, а сейчас и по-давно.

— Ладно, раз так, то давай выкладывай, что там с тобой творится на самом деле, — сказала сестра. — Мне ты можешь рассказать... Хотя иногда нужно делиться переживаниями с кем-то помимо собственной тетрадки.

— Я уже жалею, что не взял таксомотор, — раздраженно проговорил Виктор.

— Ну и оставайся злоюкой! — в отместку бросила Кристина.

— Договорились, — буркнул Виктор и отвернулся.

И все же с таксомотором было бы больше трудностей: как минимум на таксисте не удалось бы сорваться, а еще ему пришлось бы объяснять, что от него требуется, что могло бы повредить делу или сильно его усложнить...

Пережив бессонную ночь, полную душевных терзаний и бессильной ярости, Виктор понял, что если продолжит себя изводить, то попросту свихнется. Нужно было срочно на что-то отвлечься. К счастью (к условному счастью, разумеется), его расследование, в котором он сделал вынужденный перерыв из-за появления утомительных маминых гостей, никуда не делось. Ему нужно было проследить за Стюартом Бигглем, поглядеть, куда это старик ездит на своем велосипеде, в то время как должен пускать слюни

на кресле-каталке, окруженный кукольной заботой безумной дочурки.

Виктор выбрался из своей комнаты незадолго до рассвета, когда весь дом еще спал, полагая, что так ему не грозит никого встретить. По раннему времени Крик-Холл был действительно пуст. Почти. Спускаясь по лестнице, Виктор увидел в прихожей Томми. Брат набросил поверх пижамы пальто, надел башмаки и скрылся за дверью. Виктор не стал его окликать: кто он такой, чтобы мешать тайным делам Томми, — а вдруг мальчишка затеял какую-то каверзу? Это было бы кстати: как-нибудь насолить мамочке, тетушкам или дядюшке, а лучше всем вместе...

Да, Виктор был сам на себя не похож. Им овладела совершенно не присущая ему злоба, словно кто-то открутил в нем старые вентили и из запечатанных прежде кранов потекли ржавчина и гниль.

Пробравшись в гараж, он снял ключи с гвоздика и сел в «Драндулет». Вставил ключ в замок зажигания, повернул его... «Драндулет» фыркнул, выплюнув из выхлопной трубы порцию дыма, будто над ним насмехаясь, и... даже не подумал заводиться.

Решив, что вся без остатка вселенная за что-то на него нешуточно взелась, Виктор выругался, ударил ладонями по рулю и снова попробовал завести машину. «Драндулет» полностью оправдал свое прозвище — никаких признаков жизни. И как Кристина на нем постоянно ездит? Да она ведь еще вчера вечером колесила по городу на этом металлоломе!

Громко топая по полу и разъяренно хлопая дверьми, Виктор вернулся в дом. Он уже было собрался отправиться по-искать таксомотор, прекрасно понимая, что найти машину так рано будет крайне затруднительно, когда через холл в тапочках по паркету прошлепала зевающая с невероятной силой Кристина, в домашнем халате, с огромной чашкой чая и овсяным печеньем в руках.

— Куда-то собрался? — спросила сестра, сонно жмурясь и вдыхая душистый пар, поднимающийся из чашки.

— «Драндулет» приказал долго жить, — резко ответил Виктор, и Кристина надела на него взглядом, полным жалости.

— Ты пытался его завести, бедняжка? Ну, тогда все ясно...

— Конечно, я пытался его завести! Мне нужно ехать в город. Не толкать же эту развалюху перед собой по улицам!

— Его зовут «Драндулет», а не «Развалюха», — напомнила Кристина.

— Я помню, — сквозь зубы процедил Виктор.

— А куда тебе нужно?

— Сначала на самую окраину. А потом изрядно поколесить по грязным улицам этого чертова города.

— Да, в таком случае таксомотор влетит тебе в хорошенький пенни, — удручающе, с пониманием дела подчеркнула очевидное сестра.

— И сам знаю, — пробурчал Виктор.

— Хочешь, я повожу тебя? — предложила Кристина, дуя на чай, чтобы тот остыл, и при этом каверзно поглядывая на брата.

— Что? — удивился Виктор.

— Ну, я повожу тебя по городу сегодня, — сказала сестра и пустилась в свои обычные пространные повествования, которые Виктор называл болтовней. — Мне не нужно в библиотеку. Праздник скоро, а мистер Гэррити до сих пор не объявился... Я думала заехать поглядеть на новое украшение к Хэллоуину — «Расчудесные самораскладные пугала»! Великолепная новинка! Дотти разве что от восторга не визжала, когда о них услышала, а Эби относится скептически: она сказала, что ей не нравятся подобные штуки. Но мы-то с тобой прекрасно знаем, что ей они очень даже нравятся, просто она спустила все заработанные у миссис Пийон деньги

на новые кофточки. Как не вовремя, скажи! Но у меня-то еще остались кое-какие сбережения, и я хочу присмотреть парочку «Расчудесных самораскладных пугал». Но только если они того стоят, а то вдруг они мерзкие, сам понимаешь... Так что я могу тебя повозить, а ты потом поможешь мне погрузить пугал в машину. Ну, что скажешь? Эй, тебе что, плохо?

Виктор действительно выглядел так, будто его вот-вот хватит удар.

— Может, тебя лучше в больницу отвезти? — справилась заботливая Кристина. — Выглядишь неважно.

Виктор едва сдержал себя, чтобы не развернуться и не выскочить за дверь. Но как он мог просто уйти, не поставив сестру на место?

— Я же секунду назад сказал, что эта старая дрянь не ездит!

— Не обижай моего лапочку, — укоризненно проговорила Кристина. — Он просто знает, что ты злюка, поэтому не хочет тебя возить.

— Что за глупости?

Виктор презрительно поморщился.

— Давай заключим пари! — вместо ответа предложила Кристина. — Если у меня «Драндулет» заведется, ты мне все расскажешь.

— Что расскажу? — осторожно спросил Виктор, чуя недоброе.

— Расскажешь, что ты ищешь. Зачем тебе на окраину, и вообще... Я знаю, что ты продолжаешь свое расследование, так что...

— Ты можешь тише?

Виктор от возмущения даже приподнялся на носочки.

— А не ты ли только что громыхал на весь дом? — веско заметила Кристина. — Я уж было понадеялась, что это дядюшка Джозеф споткнулся и покатился по лестнице, а это

был ты — Мистер Разорятьел ходит-разоряетса. Так что? Пари?

— Ладно, — подумав, согласился Виктор. — Все расскажу, только заведи «Драндулет»!

Спустя двадцать минут (сестра наотрез отказывалась залезать в машину в халате и тапочках) они уже сидели в машине. Автомобиль — вот подлый мерзавец! — завелся тут же, будто бы только и ждал прикосновения рук Кристины. Даже радио включилось с мелодии, которую Виктор никогда не любил. Старый семейный автомобиль тоже был явно настроен против него...

Кристина сразу же напомнила о соглашении, и, обреченно вздохнув, Виктор рассказал сестре о старом ключнике.

— Значит, тебе все не дает покоя этот Биггль, — заключила Кристина с ехидной улыбкой, с какой обычно выслушивают бредни слегка помешанных.

— Да, — кивнул Виктор, не замечая выражения лица сестры. — Старикашка прикидывается больным и в то же время колесит по городу на своем велосипеде. Я просто обязан узнать, что он делает, куда ездит и зачем ему, собственно, прикидываться.

Кристина рассмеялась, воскликнула: «Не бойся, выведем старикашку на чистую воду!» — и вонзила ножку в педаль газа. Машина рванула с места, будто получив хорошего пинка.

— Кстати, — сказала сестра, когда они уже выехали на улицу. — Я хотела тебя предупредить о Дороти... Что значит «какая еще Дороти»? Ну Дороти! Ну моя подруга!.. Не та, которая в громадной кофте, а другая. Так вот, Дороти весьма настойчиво пытается все о тебе разузнать. А еще уговаривает меня как-нибудь устроить вашу с ней якобы случайную встречу. Будь осторожен: не ходи по улицам в одиночку и остерегайся темных углов — кто знает, чего можно от нее ожидать. Вдруг выпрыгнет и набросится на тебя.

— С чего ей на меня бросаться? — хмуро спросил Виктор. Только этого ему сейчас и не хватало.

— Ты ей нравишься, дурачок! Неужели не понял?

«Только этого мне сейчас и не хватало», — эхом пронеслось в голове Виктора.

— Ты можешь как-нибудь ее отговорить? — попросил брат. — Ну, чтобы она не пыталась устраивать «случайных» встреч. Скажи ей, что я занят, что у меня много дел... Что у меня... не знаю... разбито сердце или еще что-нибудь в том же духе...

— Как ты не понимаешь! — хмыкнула Кристина. — Де-вушки клюют на разбитое сердце еще сильнее!

— Тогда придумай что-нибудь...

— Не понравилась Дороти? — с понимающей улыбкой спросила Кристина.

— Она какая-то... — начал Виктор, но тут же замолчал, не в силах подобрать нужное слово.

— Жуткая? — поняла сестра. — Да, она порой так и выглядит. Весьма жутко. А еще она невероятная зануда. Еще большая, чем ты. И я ничего не буду ей говорить — не собираюсь ввязываться в ваши подозрительные делишки. Просто хотела тебя предупредить. И к слову, ничего не пей и не ешь, если ей вдруг вздумается тебя угостить.

— Почему? — не понял Виктор.

— Она может подлить тебе приворотное зелье, неужели не ясно?!

— Вот уж чего мне стоит опасаться в самой меньшей степени, так это различных любовных эликсиров, — снисходительно заметил Виктор. — Я не верю во всякие приворотные зелья и прочее...

— Зря, зря и еще раз зря, — пробормотала Кристина. — Какой нам нужен дом?..

Они приехали. Подумать только! Преодолели полгорода, пока говорили о подруге Кристины. Виктору вдруг

показалось, что сестра просто «вырезала» скучную и длинную дорогу на окраину. Свернула там, свернула здесь, выскочила на мост, преодолела узкую улочку с покачивающимися вывесками пабов и вот... улица Серая...

К стене дома номер 23 привалился красный велосипед — Биггль был внутри: то ли притворялся растением, то ли разгуливал по гостинной и беззаботно распевал песенки.

Начался дождь. «Ну, хоть не очень сильный», — подумал Виктор, и дождь тут же усилился. В небе гроыхнуло...

Виктор глядел на то, как дом Биггля исчезает, смываемый косыми струями ливня, и злился. С каждым проходящим мгновением злости в нем все прибывало: затея с поездкой оказалась бессмысленной, и можно было смело возвращаться домой, ведь какой нормальный человек в такую погоду выйдет на улицу? И тем не менее Виктор почему-то все тянул с тем, чтобы сказать Кристине: «Хватит. Поехали отсюда».

Как ни странно, вскоре он был вознагражден за свою нерешительность.

Спустя примерно десять минут после того, как начался дождь, дверь дома номер 23 открылась, и из нее вышел сам Стюарт Биггль, на ходу раскрывая небольшой черный зонтик. Оседлав велосипед, он с очень подозрительно довольным видом поколесил по лужам вдаль по улочке.

Кристина спросила: «Наш старикашка?» — и, получив недоуменный кивок брата, направила «Драндулет» следом за ключником...

Вот так и вышло, что они ехали за ним, пробираясь сквозь ливень; Виктор, не желая даже задумываться о причинах своего ужасного настроения, хмурился, а Кристина... была Кристиной.

Ноги Стюарта Биггля оказались невероятно выносливыми, а непогода, можно было подумать, его лишь забавляла. Он ездил по улочкам, одной рукой крутя руль,

а в другой держа свой зонтик. В то время как любой другой на его месте давно вымок бы до нитки, Биггль был суше всех сухих.

Старикашка постоянно вертел головой и вытягивал шею, словно проверяя что-то. Особое его внимание, как отметил Виктор, занимали некоторые двери, ставни на окнах, даже почтовые ящики и канализационные люки. Связи между ними или какой-либо последовательности в действиях ключника не прослеживалось. И все же он явно что-то затевал. Это было видно по его напряженной фигуре и резким движениям головой, когда он что-то замечал или, точнее, отмечал для себя.

— Ты только погляди на него, — хмыкнула Кристина. — Льет как из ведра, а ему хоть бы хны! Вполне себе живенький старикан, как ты и говорил.

«Вот ведь проходимец! — в ярости думал Виктор. — Чертов Биггль! Он, видите ли, уже столько лет прикован к креслу-каталке! Где там! Крутит педали в свое удовольствие!»

Жизнерадостный вид старика действовал Виктору на нервы. Ему хотелось попросить Кристину надавить на газ и как следует пнуть Биггля радиатором «Драндулета».

Виктор и сам понимал, что дело отнюдь не в этом человеке. Не нужно было глубоко копать, чтобы отыскать причину его внезапно разгоревшейся ненависти ко всему окружающему, и все же его немного утешало то, что злость медленно и постепенно вытекала из него наружу, — от этого, как ему казалось, внутри ее оставалось меньше. Разумеется, это была неправда, он это понимал, но все равно не мог заставить себя не злиться.

Когда Виктор уже начал думать, что Стюарт Биггль будет разьезжать по городу вечно, старик вырулил на привокзальную улицу. Подъехав к входу в здание вокзала, он крутанул руль и остановился.

— Что дальше? — спросила Кристина.

— Припаркуйся у обочины... Да не прямо же напротив входа! Ты нас выдашь!

— Ну простите, мистер Частный Детектив, я еще ни за кем никогда не следила, — ответила Кристина. — Откуда мне знать, как это делается?

— Ты же умная девочка, Кристина, могла бы и сама догадаться, — пробурчал Виктор.

— Что?! — оскорбленно взвизгнула сестра. — Что ты сказал?

— Да, вот здесь, — указал Виктор на свободное место возле афишной тумбы. — Что же ты задумал? — это уже было сказано старику в полосатом шарфе.

Биггль между тем уже слез с велосипеда и шагнул под черный кованый козырек, в тени которого прятались двери вокзала. Старикашка сложил зонтик и засунул его под мышку. После этого он прислонил велосипед к стене и, воровато оглядевшись, достал что-то из кармана пальто.

— Ага! — воскликнул Виктор. — Вот и связка ключей.

— Какая радость, — проворчала Кристина; она явно сильно на него обиделась.

Мистер Биггль тем временем выбрал один из ключей на кольцо и засунул его в велосипедную раму. Виктор мог бы поклясться, что у велосипедов нет ни одной замочной скважины, но старику, судя по всему, было виднее. Пару раз повернув ключ, он подергал тут же будто бы вросший в тротуар велосипед и направился к дверям вокзала.

Виктор подобрался.

— Жди в машине, — велел он сестре.

— Ты что, собираешься туда идти? — удивилась Кристина. — Он тебя заметит!

— Жди в машине, — повторил Виктор, после чего надел шляпу, поднял воротник пальто и вышел под дождь.

Кристина было возмущенно запротестовала, но он уже не слышал — шум ливня все заглушил, а захлопнутая дверь

мгновенно оборвала голос сестры, словно кто-то щелкнул выключателем на радиоприемнике.

Здание вокзала встретило Виктора ворчанием и дымной полутьмой.

В зале ожидания толпились стаи прибывших и отправляющихся. Над рядами скамеек висели старые люстры — их тусклый свет не мог проникнуть под шляпы пассажиров, из-за чего лица людей тонули в тенях.

Почувствовав какое-то движение над головой, Виктор глянул вверх и похолодел.

Темные своды здания были сплошь затянуты паутиной, и она разрослась там так сильно, будто зал ожидания уже минимум две сотни лет стоял заброшенным. Виктор различил слегка покачивающиеся и в любой момент грозящие оторваться серые коконы. По паутине ползали, перебирая длинными конечностями, гигантские черные пауки...

Страх тут же отступил, когда Виктор отметил, что перемещаются они по одним и тем же путям, ползают, как заведенные, туда-обратно, зависая ненадолго на одном месте, после чего вновь возвращаются на «маршрут».

«Все ясно, — с облегчением подумал он. — Куклы из папьемаше, передвигающиеся на лебедках. Это же всего лишь украшение к Хэллоуину!»

Вокзал и в целом уже был украшен. На столиках станционного кафе и на витринах лавок разместились ухмыляющиеся тыквы со светящимися глазами, повсюду на ниточках висели летучие мыши, а коричневые кирпичные стены были обильно забрызганы кровью. На скамейках зала ожидания тут и там сидели скелеты в костюмах и при чемоданах: скелет в шляпе; скелет, проверяющий время по карманным часам; скелет, читающий газету... Все они идеально вписывались в вокзальное общество, и если бы не белесые полированные черепа и фаланги, их нельзя было бы отличить от пассажиров.

Виктор так засмотрелся на изменения, коснувшиеся здания вокзала, что едва не упустил старика. Спohватившись, он принялся выглядывать сутулую фигуру в потертом черном пальто и полосатом шарфе и вскоре увидел ее.

В зале ожидания мистер Биггль не задержался, прошмыгнув прямо к платформе, у которой стоял ржавый зеленый поезд. Скрываясь в толпе пассажиров, Виктор направился следом за ним. Он все высматривал, какой вагон выберет старый пройдоха.

«Что ты здесь делаешь? — думал Виктор. — Учитывая, что у тебя нет багажа, вряд ли ты куда-то собираешься ехать. Видимо, ты появился сюда, чтобы кого-то встретить...»

Биггль тем временем прошел мимо столба с часами и газетной тумбы, к которой прислонились, дымя сигаретами, машинист и пара его помощников, и подкрался к паровозу. Оглядевшись по сторонам, он положил руку на его дымовую камеру и... с силой воткнул в нее ключ.

«Что за чертовщина?!»

Виктор находился достаточно близко, чтобы заметить, как крошечный металлический стержень в руках старика вошел отнюдь не в замочную скважину. Нет, он погрузился в каленый металл, будто в теплое масло!

Биггль повернул ключ два раза по часовой стрелке и на секунду замер, прислонив ухо к гладкому боку паровоза, словно пытаясь уловить щелчок замка. Судя по всему, услышав его, старик усмехнулся, вытащил ключ и добродушно похлопал стенку дымовой камеры, будто потрепал собачонку по холке.

Паровоз в ту же секунду вздрогнул и качнулся.

Виктор сжал кулаки. Он вдруг почувствовал, что сейчас произойдет что-то ужасное. То ли паровоз оживет и выскочит на платформу, радостно виляя вагонами, словно хвостом, то ли завалится набок и начнет переворачиваться, как пес, елозящий по земле и подставляющий брюхо, чтобы его почесали.

Но ничего подобного не случилось.

Напротив! Спустя пару мгновений весь поезд будто бы впал в спячку. Прожекторы потускнели и с треском выключились, окна вагонов и фонари над дверьми погасли. Состав погрузился в кромешную тьму.

Биггль развернулся и как ни в чем не бывало зашагал по платформе, молодецки подмигивая матронам с козовыми сумками и ловко уклоняясь от груженных чемоданами тележек носильщиков.

У паровоза между тем началось мельтешение. Раздались протяжные свистки. Отшвырнув недокуренные сигареты, к поезду бросились машинист, его помощники и пара кочегаров в черных от сажи куртках и кепках. Станционный смотритель в шинели и фуражке пытался осветить будку машиниста своим фонарем, но тот всякий раз гас, стоило ему к ней приблизиться. Кто-то звал начальника станции. Рядом с «ушедшей» зеленой громадиной сгрудились ничего не понимающие люди. Волнение и смятение заполнили перрон...

Ключник меж тем будто бы и не замечал паники за своей спиной. Он отдалялся от испорченного поезда легкой танцующей походкой, и никто даже не подумал остановить его или хотя бы окликнуть.

«Кто же ты такой? — в отчаянии думал Виктор. — Как тебе удалось сломать паровоз?»

На достигнутом старик, впрочем, не остановился и всего за пять минут сломал еще два паровоза.

Виктор уже подумывал о том, чтобы предупредить кого-то, но Биггль и так продолжал творить свое беззаконие прямо под носом у станционных смотрителей и прочих служащих вокзала, которые в нужный момент словно бы вспоминали о каких-то своих неотложных делах и отворачивались. Что он им скажет? Что сумасшедший старик выключил паровозы ключом?

Виктору ничего не оставалось, кроме как продолжать прикидываться тенью Биггля. Тот время от времени оглядывался,

словно подозревая что-то, но Виктор в подобном деле собаку съел: чтобы набрать материал для какой-нибудь статьи, ему не раз приходилось следить за людьми. Проходящие мимо пассажиры, фонарные столбы, колонны, якобы внезапно развязывающиеся шнуры — все это вырuchало, когда Биггль косился в его сторону. Не доходило разве что до спонтанного поцелуя с какой-нибудь одинокой красоткой, но после вчерашней встречи с невестой кузена Виктору о подобном было даже страшно подумать. Да и пока вполне хватало шнурков.

Вскоре старик, судя по всему, с паровозами закончил. Умудрившись погрузить в кромешную тьму все поезда, которые были на вокзале, и не попасться, он вернулся в зал ожидания. Виктор уж было решил, что Биггль завершил здесь все свои дела, но, не дойдя каких-то десять шагов до дверей, тот вдруг встал как вкопанный. Старик будто просто взял и заснул прямо на ходу.

Торопящиеся люди обходили стоящего на пути ключника, не замечая его, и Виктору стало не по себе. Он не представлял, что делать дальше: прекратить слежку и уйти? Остаться и дожидаться хотя бы какого-то развития событий?

И тут старик неожиданно дернулся, поежился и шагнул к двери.

К нему направлялась, закрывая на ходу зонтик, немолодая женщина в серой комковатой шали, огромных очках и нелепой остроконечной шляпе. Сперва Виктору показалось, что это дочь Биггля, но уже в следующее мгновение у него чуть не отвалилась челюсть — в руке женщина держала клетку с птицей, похожей на сгусток смолы.

«Черная катарка», — вспомнил Виктор и прошептал:
— Не может быть...

Подошедшей к ключнику женщиной действительно оказалась его старая знакомая. Его попутчица из купе! Как же ее звали? Хэтти! Точно: мисс Хэтти, ехавшая навестить своих внуков.

Мистер Биггль тем временем, галантно подав женщине руку, подвел ее к освободившейся скамейке, и они вместе опустились на нее.

Виктор не знал, что и думать. Внезапно появившаяся попутчица... то, что она как-то связана со старикашкой Бигглем... Незадачливого журналиста посетило удушливое ощущение, как от туго затягивающегося воротника, какое он испытывал каждое утро, когда мама проверяла внешний вид сына, прежде чем отпустить его в школу...

...Они сидели на скамейке. Биггль вальяжно закинул ногу на ногу, а его собеседница поглаживала спящую птицу в клетке, просунув палец между прутьев.

— Да, Котлу очень не повезло, — пробурчал старик, подытожив все ранее сказанное.

— А остальные? — спросила мисс Хэтти.

— Я не знаю. Предпочитаю наблюдать за всем этим со стороны: неизвестно, кого из наших поймали, и рисковать не хочу — вдруг это заразно.

— А что Сэр? — взволнованно спросила собеседница. — Ты говорил с ним?

— Да, позавчера он ко мне приходил, — проворчал Биггль. — У нас состоялась премиялая беседа...

Старик вздрогнул, неожиданно что-то почуяв. Он обернулся и с подозрением стал оглядывать сидевших рядом людей. Его цепкий взгляд переполз со скелета — чистильщика обуви на двух полных женщин с пирамидой шляпных коробок, оценил торговца жареными каштанами, мальчишку, играющего с заводным паровозиком, купленным, по видимому, здесь же, в сувенирной лавке, и его простуженного отца. На скамейке, прямо за Бигглем и его собеседницей, лежал, укутавшись с головой, какой-то бродяга, от которого прочие отбывающие-встречающие старались держаться подальше. Бродяга являлся гордым обладателем лишь одной

коричневой туфли и одного носка; его пальто было нелепым образом вывернуто наизнанку...

— Так что? — нетерпеливо спросила мисс Хэтти. — Что говорил Сэр? Он вообще собирается что-то делать с этой напастью?

— Собирается, — мистер Биггль вернулся к беседе. — Я так думаю, он заглянет к Котлу и проверит все лично...

— Да что здесь проверять?! — возмутилась мисс Хэтти. — Как будто мы его когда-то обманывали!

— Дело не в недоверии. Он хочет сам выяснить, кто за всем стоит, ну... кто отлавливает наших. Сэр хочет, чтобы мы не отвлекались от плана. И помогает в меру сил...

— Ты всегда его защищаешь... — сказала мисс Хэтти.

— А ты всегда его подозреваешь, — не остался в долгу старик.

— Но ты ведь не станешь спорить с тем, что он непредсказуем! Он может попытаться избавиться от Котла, Фонаря или Метлы! От меня, даже от тебя! От любого из нас, кроме, разумеется, Зеркала, которому он непонятно почему так благоволит...

— Ну, он ведь говорит, что Зеркало ему как сын, — напомнил старик.

— А как же мы, Ключ? — обиженно протянула старуха. — Мы ведь тоже играем важные роли!

— Разумеется-разумеется, милая, — попытался успокоить собеседницу мистер Биггль. — Мы играем очень важные роли, и избавляться от нас он не станет. Убрать меня или тебя — это как сломать себе палец.

— Он запросто может сломать себе палец, если захочет!

— Да, он может, — вынужденно признал мистер Биггль.

— И как нам с этим мириться? Что делать дальше?

Биггль хмуро поглядел на мисс Хэтти из-под кустистых бровей и сказал:

— Продолжать выполнять то, что от нас требуется. А Зеркало пусть себе и дальше считает, что его часть плана — ключевая.

Все мы вносим огромный вклад в общее дело... У Котла времени нет продохнуть из-за документации, Метла трудится не покладая рук, пока этот мерзавец Зеркало где-то гуляет! Ты читала газеты? Что он творит!

— Он привлекает слишком много внимания, — согласилась мисс Хэтти. — Эти убийства. Можно было прекрасно обойтись и без них...

— Он всегда был немного странным. И несдержанным. Мисс Хэтти гневно запыхтела:

— Его странности могут выйти нам всем боком. Что если мы не успеем?

— Метла уже почти полностью окружила город своими пугалами и отловила всех птиц.

— Никогда этого не понимала, — раздраженно сказала птичница. — Чем ему птицы не угодили?

— Птицы летают туда-сюда, — пояснил мистер Биггль, — а город должен быть заперт наглухо. Я только что закрыл все отправляющиеся паровозы, но от этого не будет толку, если кто-то сможет ускользнуть, если ты понимаешь, о чем я.

Старуха мелко-мелко покивала:

— Да, я и забыла, что некоторые из них умеют превращаться в птиц. А что другие наши?

— Фонарь уже зажег город и готовится его зачернить. Котел по-прежнему возится со своими бумагами — привык варить все на медленном огне. Не понимаю я этого: с его влиянием уже давно можно было уладить любые проволочки с мэром и городским советом. Радует, что хотя бы вопрос с фабрикой решен...

— Может, Котел не торопится, потому что его поймали? — предположила мисс Хэтти.

— Но его ведь не в клетке держат, верно? — резонно заметил мистер Биггль. — Им манипулируют, когда этим ловцам, кем бы они ни были, что-то от него требуется, но все остальное время он верен Сэру и утвержденному плану. — Ключник

почесал нос и кашлянул. — Ну а Зеркало... Несмотря ни на что, он вроде как успевает в срок: работа на фабрике идет полным ходом... Если Котел не лопнет от собственной важности, а Зеркало перестанет отражать кого ни попадая, то к Кануну мы все подготовим.

— Если нас всех до того не переловят, — заметила старуха. — А ведь осталось еще целых три башни.

Биггль покачал головой:

— Я бы не торопился засчитывать вокзальную башню раньше времени... Не спешి готовить зайца, пока он не пойман. Плохая примета.

Старуха расхохоталась.

— Примета? И от кого я это слышу. От ходячей приметы? Ты ведь — да и я тоже! — мы сами творим приметы... Отчего же ты тогда в них веришь?

— Я не верю, а просто знаю, — пробурчал мистер Биггль. — Я очень осторожен...

— И при этом ты все время ошиваешься где-то поблизости от того дома на холме.

— Так я могу быть ближе к Сэру, чтобы помочь ему в случае надобности. — Ключник отвел взгляд, он явно лукавил. — Ты представляешь, что будет, если какая-то из тех злобных женщин поймет, кто он такой на самом деле? Сэр ведь живет в том доме — случиться может всякое... — Он поморщился и решил сменить тему. — Но меня все же заботит, что он там делает с Глухой башней?

— Мы ведь уже обсуждали это, Ключ! — воскликнула мисс Хэтти. — Это его личная тайна. Никто из нас к ней не допущен, и ты лучше прочих знаешь, как он злится, если кто-то сует свой нос в его тайные дела.

— Я все равно хочу знать! — упрямо возразил мистер Биггль. — И завтра ближе к полудню я туда наведаюсь...

— Ну, как знаешь! — собеседница махнула рукой. — Только не говори потом, что я тебя не предупреждала. Может, уже

пойдем? — мисс Хэтти кивнула на служебный вход. — Дежурный по станции вышел?

— Да, такой усатый, в фуражке. Пошел на перрон — ох и много ему возни с паровозами предстоит. Пойдем.

Мистер Биггл и его спутница направились к двери, на которой висела табличка: *«В башню здания вокзала. Вход только для служащих станции»*. Предупреждающая надпись, само собой, не остановила странную парочку.

Старик достал из кармана свою всесильную связку ключей и, выбрав нужный, открыл замок. Услужливо придерживав дверь для дамы, он пропустил ее вперед, после чего, оглядевшись по сторонам — совершенно излишняя привычка, ведь его и так никто никогда не замечает, — скрылся за дверью...

Виктор зашевелился и сел.

Под возмущенными и осуждающими взглядами дородных матрон с соседней скамейки он надел носок и туфлю, вывернул обратно пальто. Превратившись из бродяги вновь в себя обычного, он подкрался к входу в башенку здания вокзала и, немного выждав, взялся за ручку.

Напрасно. Дверь была заперта.

Дождь все не прекращался. Едва перевалило за три часа дня, но на улице было так темно и хмуро, что праздничные фонари зажгли раньше, чем обычно.

«Драндулет» медленно ехал по Ивовому району.

— Теперь именно ты поступаешь, как свинья, — заверила Виктора Кристина, сворачивая на главную улицу.

— А что я такого сделал? — спросил Виктор.

— Это просто неприлично витать в облаках, когда рядом сижу я и жду, когда же ты наконец расскажешь, что выяснил!

Виктор молчал. Он и правда витал в облаках, то и дело возвращаясь мыслями под крышу здания вокзала. Что-то

происходило... Что-то невероятно мерзкое, он это понимал. Биггль и мисс Хэтти, вероятно, задумали...

— Ну вот. Опять! — возмутилась Кристина. — Имей совесть! Ты что там, заснул?

Виктор вынужденно вернулся в реальность.

— Ну что такое? — он раздраженно поглядел на сестру.

— Выкладывай. Немедленно, — велела Кристина. — Иначе придется твоей лысеющей макушке оказаться под дождем.

— Ничего она не лысеющая...

— Виктор!

— Ладно, — понимая, что сестра так просто не отвяжется, Виктор вздохнул. — Все намного серьезнее, чем я думал раньше. Чутье меня не подвело. Впрочем, как обычно: я часто заранее предугадываю, какое дело окажется пустышкой, а какое...

— Хватит превозносить собственные журналистские способности, мистер Длинный Нос! — оборвала Виктора сестра. — Ближе к сути!

— Старик не просто так ездил на вокзал, — сказал он. — Каким-то непонятным образом Биггль сломал паровозы.

— Что он сделал?

Кристина не поверила собственным ушам.

— Да, он как-то сломал паровозы, чтобы поезда не могли покинуть город. Но есть еще кое-что... Биггль действует не в одиночку. Я узнал, что в Уэлихолне орудует какая-то шайка. Более того, у них есть босс. Некий Сэр.

— И как ты это выяснил?

— На вокзале старикашка встречался со своей поделницей и... Не перебивай! — заметив, что Кристина хочет что-то уточнить, воскликнул Виктор. — Ты меня собьешь с мысли! Я сейчас все расскажу по порядку. Итак, старик приезжал на вокзал испортить паровозы, чтобы никто не покинул город. Им зачем-то нужно, чтобы никто никуда отсюда не делся... А потом он встретился с ней. Мисс Хэтти...

— Ты даже имя подельницы знаешь?

Виктор кивнул.

— Самое странное, что мы с ней знакомы. Она была моей попутчицей в поезде. Подумать только, а какой безобидной старушкой казалась эта мисс Хэтти!

— Она тоже старая! — ехидно заметила Кристина. — Да, братец, кажется, ты почти раскрыл преступление века, а заодно разоблачил банду пенсионеров. Нужно срочно звонить в полицию! Пусть выезжают в дом престарелых на холме Питтс! Это штаб-квартира опасной банды!

— Ты можешь смеяться сколько угодно. Если бы ты слышала то, что слышал я...

— И что же ты слышал?

— Они запирают город, Кристина, — угрожающе сказал Виктор. — Как ты не понимаешь? Никто не сбежит!

— Неужели? Постой! — Кристина вдруг напряглась и взволнованно поглядела на брата. Она мгновенно стала серьезной и собранной. На лбу у нее проступила хмурая складочка. — Ты сказал, запирают город?! Проклятье! Что же делать?!

— Да! Наконец ты поняла!

— И никто не сбежит? — уточнила Кристина.

— Так и есть!

Кристина рассмеялась. Виктор недоуменно поглядел на сестру, но в следующее мгновение ему отчаянно захотелось как следует чем-то ее стукнуть.

— Да никому никуда не нужно сбегать! — сквозь смех сказала она. — Мы ведь здесь живем! Вот чепуха!

— Это тетушка Рэммора научила тебя так ехидничать?

— Она лишь развила талант, — гордо заявила Кристина. — Лучше расскажи, что будешь делать. Ну, с бандой престарелых...

— Не называй их так! Не все из них старые! Наверное...

— Ладненько! Как скажешь, не кипятись! Так что?

— Мне нужно подумать...

— Вот и хорошо, потому что мы как раз приехали, — сестра кивнула на лобовое стекло. — У тебя будет время подумать, пока я... Так, что здесь происходит? Неужели снова?

К двери лавки мистера Скругса было не подступиться. Несмотря на дождь и холодный ветер, у витрин толпились горожане: кто-то нетерпеливо поднимался на носочки, пытаясь увидеть, что происходит впереди, кто-то спрашивал, продвигается ли очередь или все заснуло.

— Черт! — воскликнула Кристина. — Они растащат всех малышей...

— Малышей? — не понял Виктор.

— Ну, «Расчудесные самораскладные пугала», о которых я тебе говорила. А что, по-твоему, мы уже полчаса делаем? Ищем малышей! Я так поняла, ты всю дорогу проспал с открытыми глазами. Мы ведь уже заезжали в целых два места, но и там происходит то же самое.

— Не заметил, чтобы мы останавливались...

— Потому что мы и не останавливались. Там и остановиться негде было — кругом все заставлено машинами. Я и подумать не могла, что эти малыши такие популярные!

— Да, кажется, от желающих заполучить твоих пугал просто отбоя нет. Ладно, поехали домой.

— Что? — потрясенно спросила Кристина.

— Да, домой, — повторил Виктор. — Это ведь всего лишь какая-то игрушка. Я правильно понял?

— Нет! — возмутилась Кристина. — Ты рождественскую ель назвал бы всего лишь игрушкой? «Расчудесные самораскладные пугала» — это как рождественская ель, только на Хэллоуин. Их изобрели лишь в этом году. И их сейчас все раскупят, а нам ничего не достанется. Черт! Что же делать?

— Поехали к Макгинти, — предложил Виктор. Ему и самому стало любопытно, от чего все так походили с ума. — Если и там тоже очередь, мы подождем. Было бы обидно,

если бы какие-то Коллинзы или Ганни купили себе твоих малышей, а мы не добыли ни одного.

— Ну вот! — обрадовалась Кристина, направляя «Драндулет» мимо лавки мистера Скругса, должно быть погребенного заживо под телами покупателей. — Совершенно другое дело! И что еще за Коллинзы и Ганни такие?

— Были пару лет назад в доках Лондона такие семьи — имели дело с бутлегерами из-за моря. Были очень настырными, совсем как те ребята, — Виктор кивнул на зеркало, в котором еще виднелась осаждающая лавку толпа.

— Ясно.

Кристина свернула в узенький переулок, отрастающий от главной улицы.

— Да вы что, издеваетесь?!

Ее отчаяние было понятным: возле лавки Макгинти тоже толпились люди.

— Так, — велел Виктор, — не сдаваться! Их меньше. Сюда еще, судя по всему, не все добрались. Быстрее припаркуйся рядом и беги в очередь.

— Не люблю очереди.

— Тогда поехали домой. Но в таком случае тебе не до быть ни одного малыша. И знаешь, что я тебе скажу? — Виктор выдержал томительную паузу, полную драматизма. — Даже у Дороти будет «Распрекрасное самосоставное чучело».

— «Расчудесное самораскладное пугало», — поправила сестра, но вид у нее был теперь самый что ни на есть решительный — Виктор привел исключительно неоспоримый довод.

— Сиди здесь! — воскликнула Кристина, припарковав машину напротив лавки. — Я добуду сегодня малыша!

Сестра выскочила под дождь и ринулась в толпу. Виктор улыбнулся, но почти сразу же улыбка его угасла, как задутая свеча. Он снова задумался о Биггле и о его шайке.

«Жаль, я не взял с собой тетрадь, — промелькнуло в голове. — Можно было бы сейчас все записать. Подвижки по ключнику заняли бы несколько страниц, не меньше: Биггль оказался не так прост. То есть он и с самого начала не выглядел простаком, но то, что он делает, — это... это...»

Виктор решил пока что отложить теории о том, *как* Биггль проворачивает свои делишки. В первую очередь его волновало то, *чего* он хочет добиться. А еще его беспокоило, что действует старикашка не в одиночку.

«Да, эта их шайка, — подумал Виктор. — У всех псевдонимы, как у шпионов или отпетых преступников. Метла, Фонарь, Котел, Зеркало... Главного зовут Сэр. И нельзя забывать о самом Биггле (который Ключ) и мисс Хэтти (прозвище упомянуто не было). Кто они такие на самом деле? Кто еще состоит в сговоре? Сплошные вопросы...»

И все же Виктор знал, за что зацепиться. Метла... Метла, которая, согласно словам старика, ставит пугал вокруг города и отлавливает птиц. Разумеется, речь шла о странной женщине с метлой тетушки Меганы! Биггль сказал, что Метла уже почти окружила город. По всему выходит, чудачка с пустошей не шутила, когда говорила, что отлавливает беглецов...

Виктор глянул в окно и попытался разглядеть в разросшейся возле лавки толпе Кристину, но так и не увидел ее. Дождь усилился.

— Что о вас известно? — пробормотал Виктор. — Что мне о вас известно?

«В шайке состоит по меньшей мере семь человек, — подумал он. — Подчиненные невероятно боятся своего главаря. Судя по тому, что уже удалось выяснить, дело, которым они заняты, — очень масштабное. И методы у них... гм... весьма своеобразные... Кристина не была бы столь снисходительной, знай она все. “Банда пенсионеров”, как же... Так! — Виктор заставил себя сосредоточиться. — Что еще известно?

У заговорщиков какие-то дела с мэром и городским советом. Подозрительно! Помимо прочего, шайку интересует какая-то фабрика... Что еще? Им кто-то противостоит. Вроде как кто-то их отлавливает. Полиция? Частные детективы? Конкуренты из другой банды? Неизвестно... Что еще? Сэр...»

Виктор вдруг понял, что мысленно подступился к самому главному. И самому неприятному. Именно здесь, именно на этом месте он с радостью просто перестал бы думать, но... он не мог.

«Сэр... — Виктор нахмурился. — Тот, кто руководит всей шайкой... Хочется ошибаться, но, кажется, я знаю, кто такой этот Сэр! Мисс Хэтти упрекнула Биггля в том, что он постоянно ошибается где-то в окрестностях “того дома на холме” (ясно ведь, что речь шла о Крик-Холле!). А он ей в ответ сказал то, что все разрешило: Сэр живет в том доме...»

Дождь стучал по крыше и горбатому капоту «Драндулета», полосы ливня бежали по стеклу. Мимо ползли тени прохожих. Виктор всего этого не замечал. Он так сильно сжимал в руках шляпу, что она даже немного смялась...

«Конечно, можно предположить, что Сэр — это кто-то из гостей, но ведь Биггль уже “ошивался” возле Крик-Холла, когда из чужих туда еще никто не приехал, а значит, Сэр — это кто-то из постоянных жильцов дома. Разумеется, в теории Сэром мог быть дядюшка Джозеф, хотя это совсем уж вряд ли — он ведь находится под постоянным присмотром жены, а она ни за что не позволила бы ему вляпаться во что-нибудь подозрительное и рискованное...»

Предчувствие, которому Виктор всегда доверял, убеждало его на все голоса: Сэр — это не дядюшка. Он даже поморщился, представив себе, что ленивый, вечно простуженный и, чего греха таить, несколько недалекий дядюшка стоит во главе зловещей преступной организации, замышляющей какую-то махинацию, в которую вовлечен весь город. Нет

уж. Джозеф Кэндл скорее мог бы организовать профсоюз ущемленных мужей или общество сладкоежек...

«Вот так и выходит, что этим Сэром может быть только Он. Вспомнить только Его странное поведение и постоянную занятость. Он вечно где-то пропадает, ведет себя подозрительно... Все сходится... Сэр — это отец!»

Виктор даже замотал головой от нежелания принимать этот в общем-то очевидный вывод, но с логикой не поспоришь: как бы тебе ни захотелось запереться от всех на ключ, засунуть голову под подушку и заткнуть уши, она все равно как-то умудрится пролезть...

«Сэр — это отец... Мистер Гэррити говорил, что он переживал из-за разорения, горевал и не находил себе места. Должно быть, однажды отец просто устал от всего этого, собрал шайку и решил проверить какое-то незаконное дельце. Ограбить банк или еще что... А мистер Гэррити, несомненно, был во всем этом замешан. Может быть, даже состоял в шайке и имел какое-то странное прозвище. Недаром он вел себя так подозрительно, а потом и вовсе исчез...»

Виктор сжал зубы. Ему вспомнился подслушанный разговор в зале ожидания вокзала: «Сэр запросто может сломать себе палец».

«Неужели отец избавился от мистера Гэррити? Но почему? Лучший друг стал обузой? Или помехой? Может, к исчезновению мистера Гэррити причастен Зеркало? Зеркало... Это же тот убийца из газет, который стесывает своим жертвам лица! Неужели отец связался с таким типом?»

Виктор вздрогнул от понимания, куда завели его мысли.

«Нет, это не может быть отец. Отец не такой... Он... Он слабохарактерный. Он никогда не решился бы на подобное... Или Она его довела, и он все же... Так, стоп! Нельзя строить подобные предположения, не имея доказательств! Это все голые догадки. Ну, может, не совсем голые, а в носках

и подтяжках, но этого явно недостаточно, чтобы бросаться обвинениями!»

— Где же Кристина? — раздраженно проговорил Виктор. — Вот вздумалось ей именно сегодня покупать свои эти чучела, или как они там называются...

На удивление, Кристина не объявилась вдруг, чтобы как-то саркастично ответить, и Виктор вновь погрузился в свои мысли.

«Нельзя спешить с подобными гипотезами. Это дело не просто запутанное — оно еще и странное до невозможности: кишмя кишит фактами, с какой стороны ни глянь, лишенными всякого смысла. Как пугала могут помешать кому-то выйти за черту города? Это раз. Как старику в полосатом шарфе удастся ключами заклинивать паровозы? Это два. Зачем заговорщикам башни? Это три. А еще... Нет! Нет и нет! — Виктор тряхнул головой, изгоняя из нее ползшие без очереди абсурдные выводы и сумасшедшие мысли. — Хватит. Сидя здесь, в машине, заговорщиков не разоблачить и в их тайны не проникнуть. Я должен все узнать! В первую очередь нужно будет проследить за Бигглем, когда тот отправится завтра в Глухую башню — там будет Сэр и...»

— Эй! — кто-то постучал в стекло, и Виктор вздрогнул от неожиданности. У машины стояла Кристина. — Вылезай и помоги мне! Я прикрыла его зонтиком и не хочу, чтобы обертка промокла!

Виктор надел шляпу и выскочил под дождь.

— Скорее открой дверь для нашего нового пассажира! — велела Кристина. — Он тяжеленный!

Виктор открыл заднюю дверь и помог сестре погрузить коробку с покупкой в салон. Ничего особенного в простой коричневой бумаге, которой та была обернута, он не увидел.

— Ты чего такая радостная? — удивился Виктор, когда они вновь сели в машину, а сестра дрожащими от волнения пальцами повернула ключ зажигания. — Неужели они такие, как о них говорят?

— Они еще лучше! Ты себе просто не представляешь! У Макгинти стоит один собранный! И он шикарный! Хвала тому, кто придумал такое! Это намного лучше, чем какая-то рождественская ель, можешь мне поверить!

— Он не такой уж и большой, — заметил Виктор, глядя на коробку. Та была футов пять в длину и примерно три в ширину.

— Он ведь сейчас разобран, — хмыкнула Кристина. — И да, я сделала заказ.

— Заказ?

— К мистеру Макгинти приходил человек из конторы, которая делает малышей, он гарантировал, что спрос на них будет большим. А еще посоветовал мистеру Макгинти сделать кипу заказных бланков. Все лавки принимают заказы. Буквально каждый в городе хочет малыша себе домой. Я заказала двух больших, трех средних и четырех маленьких.

— Они еще и размеров разных бывают! — оценил Виктор. — У нас сейчас какой? Большой?

— Средний. И стоят они всего лишь... В общем, мой заказ вышел где-то в полсотни...

— Фунтов? — ужаснулся Виктор. — Но у тебя ведь недельное жалованье меньше раза в три!

— Поверь, когда мама его увидит, она их закажет вдвое больше.

— И почему ты так в этом уверена? — с сомнением спросил Виктор.

— Потому что они «расчудесные», разве не ясно? — подмигнула Кристина.

Стоящий на плите чернобокий котел бурлил. Огонь под ним гудел, облизывая чугунные бока, и над водой поднималась густая молочная пена. Время от времени она чуть отходила, оголяя то, что плавало в кипятке. Любого, кто заглянул бы

в котел, с большой долей вероятности сразу же охватил бы ужас. И неудивительно, ведь там плавали... глаза, похожие на распухшую икру гигантской лягушки. Глаза блуждали по поверхности воды, вращаясь и перекатываясь, некоторые начали опасно подпрыгивать, будто бы намереваясь сбежать.

— Может, все же накрыть крышкой? — предложила одна из трех хозяек, которые трудились в наполненной паром и жаром кухне. Ее алое вечернее платье совершенно не подходило для готовки, хоть поверх него и был небрежно повязан расшитый цветами фартук. — Такое чувство, что они глядят на меня.

— А ты не смотри на них, Мэг! — презрительно рассмеялась вторая женщина, тощая и сухая, как сбросившая листву ива. — И вообще, ты только все портишь! Ну еще бы, кухарка из тебя, как из меня «Драндулет»! Даже мешать правильно не можешь!

— Что?! Ах ты, крыса лысохвостая!

Мегана замахнулась на сестру большой деревянной ложкой, которой только что мешала варево в котле, собираясь запустить ею в сестру. По всей кухне полетели брызги, на пол с громким и мерзким «чиавк!» шлепнулся глаз. При этом одна из горячих капель попала на щеку третьей из присутствующих здесь хозяек.

— А ну хватит! — прогремела Корделия Кэндл и безжалостно наступила каблуком зеленой туфельки на ошалело тарашившийся по сторонам глаз. Тот мгновенно лопнул, обратившись синеватой слизью на полу. — Кто из вас потрудится мне объяснить, почему я всю жизнь должна терпеть рядом с собой двух сварливых гарпий, которые не могут и дня прожить, чтобы не поругаться или не сделать друг дружке какую-нибудь гадость?

Стоя у стола, Корделия очищала луковицу здоровенным кухонным ножищем, которым, при желании, могла бы с не

меньшим успехом и с тем же сосредоточенно-холодным выражением на лице свежевать любую из сестер. Шелуха отправилась в казанок, а нож в руке средней сестры Кэндл застучал по доске, стремительно нарезая луковицу на тонкие колечки. Жгучий сок при этом принялся брызгать во все стороны, и обе спорщицы тут же принялись тереть глаза.

— Ай! Корди, прекрати, я чуть пальцы себе не оттяпала! — взмолилась Рэммора. Она сидела рядом и помимо подтрунивания над старшей сестрой была занята тем, что резала коренья. Склонной ведьме пришлось отложить нож из-за невыносимого жжения в глазах.

— Да! Если мы ругаемся, это еще не значит, что с нами можно вот так... — в кои-то веки поддержала младшую сестру Мегана.

— И вообще, ты сама прекрасно знаешь, что без нас вся твоя Крестовина Линар яйца выеденного не стоит, — заявила Рэммора.

— Чтоб у вас языки отсохли! — внезапно разъярилась Корделия, воткнув свой огромный нож в столешницу. — Если желаете говорить о делах, сперва закройте кухню!

Дверь и так была закрыта. Рэммора встала из-за стола, подошла к окну и заперла его, с силой задвинув щеколду.

— Полный дом чужих ушей, а вы тут раскудахтались! — Корделия обвела сестер недобрый взглядом. — Одна Палмер чего стоит. Была у меня здесь вчера, чуть к стенке не приперла, пытаюсь что-то вызнать. Должно быть, считает, что Скарлетт ей это зачтет после шабаша. Старая дрянь.

Рэммора глянула на застрявший в дверном косяке нож, который никто так и не удосужился вынуть, и криво усмехнулась. Должно быть, Корделия все же не выдержала и швырнула его вслед уходящей старухе.

— Ох уж эти наставницы, — понимающе вздохнула Мегана. — Но твоя-то карга — особый случай. Сколько она еще собирается небо коптить?

— Нас с тобой точно переживет, — проворчала Корделия. — Я уже давно избавилась бы от этой жабы, если бы она не была полезна: о чем Скарлетт смолчит, то Селен Палмер разнесет повсюду.

— Она что-то разболтала? — Рэммора уперла локти в стол и сцепила пальцы. Коренья между тем продолжили нарезать сами по себе: нож висел в воздухе, да не просто висел, а кромсал их в мелкое крошево.

Отметив, что вытворяет сестра, Мегана, в свою очередь, отпустила ложку, которая принялась мешать глазастое вариво без какой-либо посторонней помощи. Лишь Корделия продолжала нарезать лук собственноручно. Между тем по воздуху, прямо над ее головой, неторопливо проплыла солонка и, вытряхнув в один из стоящих на огне казанков немного соли, своим ходом вернулась обратно на полку.

Кухня тем временем преобразилась. После того как закрыли окно, пар сгустился так сильно, что заволок собой все вокруг. Стены при этом, казалось, бесшумно рухнули в стороны, а потолок стремглав унесся вверх, пока не исчез из виду, отчего помещение в какой-то миг перестало быть собственно помещением, напоминая затянутое туманом болото, в котором тут и там, меж топей на кочках стояли кухонные шкафы. На столе у Корделии горела лампа, под казанками и котлами на плите подрагивали синие газовые огоньки — вот и весь свет, что здесь остался.

Где-то в глубине белесого дымчатого марева бурчал радиоприемник.

— ...Она нарезала его сердце к мясному салату... — пела джазовая дива глубоким низким голосом.

— Да-да, самое время заняться мясом, — кивнула Рэммора, словно соглашаясь с радио, а затем засунула руку в непроглядный густой туман рядом с собой. Схватив что-то, она выдернула руку обратно. В ней извивался конец толстого черного щупальца.

Ведьма прижала упирающееся и вырывающееся щупальце к доске для шинковки. Нож для мяса взлетел над головой Рэммори и со свистом рухнул вниз. Из мглы послышался чей-то крик, но на него никто не обратил внимания. Младшая сестра Кэндл принялась нарезать скользкое, еще шевелящееся мясо кровоточащими кружками, аккуратно раскладывая их затем между заранее приготовленными говяжьими бифштексами.

Корделия тем временем повернулась к старшей сестре:

— Печь уже достаточно накалилась.

Мегана вздохнула и склонилась над затянутым паром полом — повозившись там немного, откинула крышку люка. Показалась лестница, круто ведущая куда-то вниз. Ведьма нырнула в проход.

Под полом кухни находился большой, выложенный камнем подвал. Ведьмы Кэндл называли это место просто Печь. В переплетении клепаных медных труб по обе стороны от прохода чернели гигантские чугунные духовки, из прорезей заслонок алыми дорожками вытекал свет — топки и в самом деле были уже достаточно раскалены.

— Эй, спускайте сюда противни! — крикнула Мегана наверх и резко вскинула руки перед собой. Повинуясь ее воле, со скрипом и лязгом отворились одновременно все заслонки, выдыхая из печей неимоверный жар.

В следующее мгновение в люк начал вливаться караван больших металлических противней, на которых белели мясные пироги, пироги с грибами, рыбные пироги, пироги с вишней, яблоками, виноградом, грушами.

Мегана встречала их и на манер станционного диспетчера ловко распределяла по печам. Один за другим все противни заняли свои места в багровеющих утробах духовок, заслонки закрылись, и ведьма вернулась на кухню. При этом, когда она опускала на место крышку люка, из выреза ее платья выпала свернутая трубочкой бумажка.

Испуганно оглядевшись, Мегана стремительно вернула ее на место.

— Сажа — ну просто новинка модного сезона! — глядя на нее, ехидно заметила Рэммора.

Мегана вздохнула с облегчением — сестра обратила внимание на ее обувь, а не на ее тайну. И все же не ответить Рэмморе она не смогла:

— Ой! И о «новинках сезона» мне говорит курица, которая носит всякий хлам в волосах? Да тебя прямо на обложку модного журнала — с твоими этими прищепками, моноклями, часами и катушками ниток...

— Это вообще-то называется стиль, о котором ты даже...

— Кто-то любит ходить по углям? — как бы невзначай спросила Корделия, окинув Мегану подозрительным взглядом, и обе ее сестры мгновенно прекратили перепалку. — Я ведь запрещаю вам расхаживать по чужим каминам...

— Нет! Я и не думала! — вздрогнув, начала Мегана. — Никаких каминов! Я помню, что мы не должны привлекать внимание перед шабашем!

Рэммора, нахмутив брови, молчала. Она закончила с бифштексами и уже потянулась было к ложке, чтобы взяться замешивать кисель, и тут заметила, что из-под манжеты на рукаве ее платья вылез уголок записки. Она быстро засунула его обратно. Пальцы ее при этом дрожали... Как и у сестры, у нее тоже была своя тайна.

— Так что Селен Палмер разболтала, Корди? — спросила Рэммора, вспомнив, о чем они говорили до этого.

Корделия раздраженно фыркнула.

— О, старая жаба много чего разболтала! — сказала она. — Как выяснилось, наша разлюбленная Скарлетт не придет ни сегодня, ни завтра. Она появится лишь перед самым Кануном — видимо, таким образом эта дрянь пытается завуалированно показать всем, что мое приглашение для нее это что-то не такое уж и важное. Инициацию моей дочери Верховная

не считает событием, достойным того, чтобы потратить на него хоть один лишний день из своего забитого важными-преважными делами расписания.

— Нет, ну какова наглость! — возмущенно воскликнула Мегана, жестом открывая шкаф с приправами; вокруг нее заплясали баночки с разноцветными порошками, отправляясь в дальний полет к казанкам на плите. — Проявлять столь явное неуважение к Кэндлам!

— Пускай лучше проявляет неуважение, чем начинает подозревать, — вставила более осторожная Рэммора.

— К нашему счастью, она ничего не знает, — сказала Корделия. — Пусть до последнего считает, что инициация дочери и Триединая Линия — это все, что мне нужно. Когда мы подадим главное блюдо, у нее просто не останется иного выхода, кроме как смириться и... начать им давиться. А после всего, что произойдет в Канун, нам уже будет плевать как на саму Скарлетт, так и на любые ее «жесты неуважения». Когда с нами окажется наш... гм... друг, настанет наш черед диктовать условия.

— Хочешь сказать, *твой* черед? — прищурившись, заметила Рэммора.

— Мы это уже не раз обсуждали, не хочу еще и сейчас тратить время на бесполезные препирательства, — отрезала Корделия. — Вы обе получите свою долю. Триединая Линия укрепитя Крестовиной Линар, чего прежде никогда не случилось. И к этой Крестовине мы привяжем нити, на которых, как марионетка, повиснет...

— ...*Это Мистер Совершенство*... — пропело радио.

— А что, если не выйдет? — усомнилась Рэммора. — Его ведь еще ни разу никто не отлавливал. Это вам не лесного духа в дупло загнать. А ну как тварь вырвется на свободу?

— Даже части его опасны, а уж он сам — сущий дьявол, — кивнула Мегана. Похоже, в понимании серьезности угрозы у них с Рэмморой не было разногласий.

— Думать о поражении — значит уже проиграть, — тонкие губы Корделии Кэндл растянулись в угрожающей улыбке, от которой обеим сестрам захотелось тут же исчезнуть, провалившись сквозь землю — хоть бы и в Печь. — Поздно отступать, сестренки. Или вы еще думаете, что я отменю все в самый последний момент? Мол, это пустяковый каприз Корди — может, она и перебесится как-нибудь? Я ведь первенца своего для нашего дела не пожалела. Думаете, вас пожалею?

— И Гарри, — с невинным видом напомнила Рэммора. — Ну, не пожалела...

— Нет, Гарри не в счет, — вставила Мегана. — Он ведь полнейшее ничтожество. Для нашего замысла он не имеет никакой ценности. И Корди от него просто устала, а...

— А его жизнь? — яростно вступила в спор Рэммора.

— Да, жизнь Гарри, но не сам Гарри.

— Защить рты обеим? — пригрозила Корделия сладеньким голосом. Она открыла огромную и скрипучую, увеличившуюся в размерах вместе с кухней ржавую дверцу холодильника. Нынешней его вместительности мог бы позавидовать продуктовый склад при какой-нибудь лавке. — Зря вы завели речь о Гарри, очень зря... — продолжила средняя сестра Кэндл, роясь на полках. — Но если уж вы ничего не понимаете, и чтобы раз и навсегда закрыть эту тему, давайте обсудим Гарри.

— Уже не очень-то и хочется, — поспешно сказала Рэммора. Мегана закивала.

— Нет, обсудим, почему не обсудить? — продолжила Корделия, вытащив из холодильника огромную металлическую бадью с чем-то, что напоминало застывшую слизь. Пудинг подрагивал всю дорогу, пока бадья, которую было не поднять и трем взрослым мужчинам, не проплыла по воздуху и не опустилась на пол у плиты. — Гарри отнюдь не ничтожество, каким вы его обманчиво считаете, и вот в этом-то все и дело.

Когда-то — были времена — если бы началась драка, я бы и пенса на вас не поставила против него. Гарри был сильнее и опаснее всех нас, вместе взятых, могущественнее обеих старух, я уж не говорю о бестолочи Джозефе. И мне стоило невероятных трудов посеять в нем зерно той слабости, той ржавчины, которая поедала его все эти годы. Гарри был упрям — не потому, что он ничтожество и будет путаться под ногами. А потому, что он на многое был бы способен даже сейчас, если бы узнал, что ждет его сына. За Виктора он бы вырвал нам всем сердца из груди и не поморщился бы. Это что касается Гарри, — Корделия угрожающе прищурилась. — Именно поэтому я вовремя убрала его с пути. И лучше бы Джозефу как следует его сторожить, поскольку, если он выберется и все узнает...

— Да мы поняли, — хмуро сказала Мегана. — Но я не пойму, отчего ты так набросилась на Джозефа? Подумаешь, какое-то проклятие! Я уже решила, ты убьешь моего бедного мужа, а он всего лишь хотел преподать урок непослушному мальчишке.

Корделия прошипела:

— Это мой сын.

Застывший в дверном косяке нож опасно шевельнулся...

— Джозефу еще очень повезло, — сказала Рэммора. — Он и так потерял всякую совесть и забыл свое место!

— И будет за это наказан, — добавила Корделия, взглядом выключая газовую горелку на плите под котлом с глазами.

— Но почему ты в таком случае не велишь ему снять с мальчишки проклятие? — недоумевала Мегана.

— Велю, когда придет время. Пока что это очень удачно подвернувшийся залог того, что тварь не заинтересуется Томасом.

— Тогда отчего не взять и не проклясть всех кругом? — съязвила Рэммора.

— Даже не мечтай. — Корделия вскинула руку — из котла тут же вылетели глаза. С них стекала вода, и все они тарасились на хозяйку. Следующим взмахом руки средняя сестра-ведьма отправила глаза в бадью с пудингом. — Ну а что касается нашего дела... Вам решать, дорогие сестрицы, утрете ли вы нос Скарлетт и ее присным или продолжите оставаться чертовыми неудачницами. Я спрошу в последний раз: вы со мной?

— ...*Лучше соглашайся...* — пропел столичный тенор из радиоприемника.

— В небе с метлы не соскочишь, — вздохнув, кивнула Мегана. — Я с тобой до конца, не сомневайся.

— И я, — поспешила заверить Рэммора. — Не оставлять же этой гусыне всю славу.

— Гусыне?! Ах ты, змея!

— Молчать! Обе! — голос Корделии резко оборвал начавшуюся было по новой ссору. — Что там с тварями в городе?

— Мы отловили почти всех, но оставшиеся затаились, — сказала Рэммора. — Нам все никак не удастся их выманить...

— Думаю, они слишком хитры, — предположила Мегана.

— Нет, просто вы слишком глупы, — язвительно ответила Корделия, пробуя на вкус один из вареных глаз в пудинге. Судя по тому, как она сморщилась, глазам стоило бы повариться еще немного, но и так сойдет — гости вряд ли что-то заметят. — Вам ничего нельзя поручить! Ключ и Шляпа утерли вам нос, подумать только! И хватило же им ума, чтобы спрятаться!

— Они должны были как-то выведать... — начала Мегана. — Выведать об охоте, о нас...

— ...*Новый шпионский бестселлер!..* — выдало радио рекламный блок. — ...*Во всех книжных лавках Лондона!..*

— Они, наверное, за нами следили или...

Рэммора вдруг замолчала, пораженная собственной внешне-запной догадкой.

— Что?

Корделия почти равнодушно приподняла бровь. В том-то и дело, что «почти».

— Ключник, о котором говорил Виктор в первый день приезда, — пробормотала Рэммора. — Вы помните? Ну же... — взмолилась младшая сестра Кэндл. — Хранитель ключей, который якобы ошивался возле дома и открыл ему дверь.

— Хм... Еще один узелок на ведьминой лестнице, — задумчиво проговорила Корделия.

— Они действуют вместе, Ключ и Шляпа, — продолжала Рэммора. — Иначе кто-то из них уже клюнул бы на приманку. Потянешь за одного... Я знаю, что делать! — ведьма радостно захлопала в ладоши.

— Но Ключ и Шляпа — это ведь еще не все, верно? — напомнила Корделия, и обе сестры, не сговариваясь, мысленно проклинали ее рассудительность.

— *...Новые пудреницы от Глории Чайльд!* — неугомонное радио продолжало рекламировать. — *Наша пудреница поместится в любом ридикюле! Большой выбор цветов! Небьющееся зеркальце...*

— Помимо Ключа и Шляпы осталась всего одна тварь, но при этом самая опасная из них. Поймать Зеркало немногим проще, чем пленить самого Иеронима.

— Я справлюсь, — тут же завершила старшая сестра. — Ты же знаешь, зеркала — это по моей части. Использую старое бабушкино зеркало...

— Нет, — оборвала ее Корделия. — На этот раз вы пойдите вдвоем. И только попробуйте устроить грызню в неподходящий момент, как вы умеете, и упустить его. Если вы меня подведете, я вас обеих в банки закатаю, отправлю в погреб к прочим закруткам, а на Рождество вас откроют и съедят с черничным пирогом. Ясно вам?

— *...Вот три лучшие подруги...* — пропел хор по радио, и его крайнюю неуместность оценила каждая из присутствующих.

Но каждая по-своему: Мегана побагровела от гнева, Рэм-мора побелела, пытаясь скрыть страх, а Корделия улыбнулась и залилась мягким, приятным румянцем.

Колесо «Драндулета» нырнуло в ухаб. Машину тряхнуло. Мистер Эвер Ив дернулся и поднял голову.

Он сидел в автомобиле, за окном шел настоящий ливень. Мистер Ив не любил воду в туфлях и за шиворотом: «Вот и замечательно, что я внутри, а не снаружи — не придется скакать по лужам и мокнуть!»

Вид за окном ему быстро наскучил, и он повернул голову.

— Эй, красотка! — воскликнул мистер Ив, искоса глянув на сидевшую за рулем черноволосую девушку в красной вязаной шапке. — Мне нужно срочно заехать в одно место!

— Полагаю, в наглуую рожу?

Кристина шутливо показала пассажиру кулачок.

— А ты мне нравишься, красотка, — мистер Ив повернулся к девушке всем телом и забрался на сиденье вместе с ногами. — Знаешь, полагаю, тебе будет приятно услышать, что в тебе все же что-то есть...

— Эй, полегче, странный незнакомец, укравший тело моего брата! — со смехом воскликнула Кристина. — Мое сердце занято! Поезд отправился, вы не успели! Билет недействителен!

— Какая потеря, — с неподдельной жалостью сказал мистер Ив.

— Так куда тебе нужно?

— В банк никем не уважаемых, толстозадых, вислобрюхих, тугодумных, ленивоногих и праздноруких господ Горбэнкс.

— В «Банк господ Горбэнкс»? — уточнила Кристина.

Ей вдруг почему-то совершенно расхотелось ехать обратно в Крик-Холл, девушка неожиданно почувствовала, что ее место именно здесь. И это несмотря на то, что всего минуту

назад ей не терпелось поскорее вернуться домой и собрать малыша-пугало. А они ведь уже были почти на холме Ковентли!

Нет, этот тип, прикидывающийся ее братом, рассеивал вокруг себя, словно пыль из взбитой перины, обаяние, которому невозможно было противостоять. Он вдруг стал настолько... неотразим, что ей захотелось побыть с ним рядом подольше. С какой-то едва различимой тоской она вдруг подумала, что сейчас наконец впервые не жалеет, что ее брат вернулся. Он действительно вернулся! Веселый, задиристый, остроумный — такой, каким она его помнила. Таким он был до того, как Саша его испортила.

— Красотка у штурвала! — рассмеялся мистер Ив. — Курс на банк!

— Слушаю и повинуюсь, — с широкой улыбкой Кристина крутанула руль. — Но ты пообещаешь, что будешь принимать участие в сборке малыша. — Она кивнула за спину.

— О, «Расчудесное самораскладное пугало»! — мистер Ив оценил коробку на заднем сиденье. — Я слышал, что лучше всего они смотрятся у камина.

— Ты что? — удивилась Кристина. — Забыл, как сам помогал мне его сюда затащить? Тебе нужно поменьше блуждать в собственных запутанных мыслях. Хватит мечтать на ходу! А то вроде ты присутствуешь, а вроде и нет.

— Да уж, я и сам задумываюсь о том, чтобы перестать беспокоиться о всяких мелочах, — признался мистер Эвер Ив и вдруг с неудовольствием поймал себя на том, что говорит искренне. — Просто житья от них нет. Вечные напасти, беды и встречи с раздражающими людьми... Нужно попытаться не обращать на все это внимания. Не играть с жизнью в покер, а наконец-то просто сесть и разложить пасьянс в свое удовольствие.

— Ого! — восхитилась Кристина. — Мне нравится.

— Еще бы! — самодовольно ответил мистер Ив.

Кристина остановилась на перекрестке. И вдруг почувствовала, что на нее смотрят. Причем смотрят так пристально, словно пытаются взглядом вывернуть ее наизнанку.

Она повернулась и посмотрела на мистера Ива. Тот глядел на нее с легкой улыбкой на губах и видом, полным ожидания.

— Что? — спросила Кристина, смутившись. Почему-то этот рыжий парень на соседнем сиденье заставлял ее чувствовать себя неловко.

— Ты знаешь, — многозначительно проговорил мистер Ив.

— Нет! — запротестовала Кристина. — В самом деле, не знаю.

— Ты хочешь рассказать, — подсказал мистер Ив. — Очень хочешь. И ты знаешь, что ты можешь рассказать только мне. Маме наплевать, подружки — завистливые и глупые. Тетушки — злобные и болтливые. Скажешь, нет?

Пока он говорил, Кристина не смела посмотреть ему в глаза. Она так сильно покраснела, что казалось, будто ее лицо связали из тех же ниток, что и ее шапку.

— Ну ладно, — выдавила она. — Но я думала, тебе неинтересно...

— А мне вот интересно.

— Неожиданно, — сказала Кристина и направила «Драндулет» дальше по улице. — А то ты был таким злокой, что я... Нет, я действительно хотела рассказать, но... Но это ведь так скучно... и глупо! — быстро добавила она, смутившись еще сильнее. — Да, это глупо. И ты скажешь, что я сошла с ума.

— Ни в коем случае, — великодушно заверил мистер Ив. — Я весь внимание...

— Не обманешь? Если будешь смеяться, я вышвырну тебя из машины.

Ангельское выражение лица мистера Ива заверяло: он — сама серьезность.

— Ну ладно... — неловко начала Кристина. — Джонни Кирни... Ты знаешь, парень из цветочной лавки с Можжевеловой улицы. Я тебе рассказывала, когда ты приехал. Так вот, этот парень...

— Для тебя явно особенный цветочек среди сорняков, — вставил мистер Ив с широкой улыбкой от уха до уха. — Отметим ли мое сравнение? Ну, цветочная лавка, сорняки и все такое...

— Отметим. — Кристина невольно повторила его улыбку. — Да, так вот, Джонни Кирни...

— Я все понял! — заявил мистер Ив. — И я в деле. Как думаешь, он влезет в багажный кофр этой славной машины?

— Почему вдруг в багажный кофр? — удивилась Кристина.

— Ну, ты ведь хочешь похитить бедного маленького Джонни, чтобы обратить на себя его внимание? — уточнил мистер Ив. — Я тебе помогу. Я его стукну, а ты, главное, не глуши двигатель. Обойдемся без секатора! Твой цветочек... цветочник... тьфу, в смысле Джонни, даже не заметит, как отправится в кофр. Ты жмешь на газ, и мы растворяемся в тучах дыма из выхлопных труб!

— Нет! — не зная, смеяться ей или ужасаться, воскликнула Кристина. — Мне не нужно его похищать! Он и так обращает на меня внимание!

— Жаль, — разочаровался мистер Ив. Судя по его виду, он уже предвкушал будущее похищение во всех красках. Но, увидев лицо Кристины и отметив выражение на собственном, он поспешил тут же его изменить. — В смысле не жаль! А... ладно, так в чем же тогда трудность?

— В его маме, — мрачно проговорила Кристина.

— О, как всегда! — со знанием дела воскликнул мистер Ив так, будто встречал чьих-то мам по сотне раз на дню.

— Его мама — хозяйка цветочной лавки, — пояснила Кристина. — И она не хочет, чтобы он «якшался с кем-то

из Кэндлов». Тоже мне... В первый же день, как я пришла в лавку, она отвела меня в сторонку и сказала, что, если увидит рядом со своим сыном, пустит на удобрение. Еще добавила, что, как она слыхала, из Кэндлов получают просто отличные удобрения, потому что они полны...

— Ну, некоторые точно... — поддержал мистер Ив.

— Эй! — возмутилась Кристина. — Ты на моей стороне или как? В общем, самое печальное, что я ее понимаю. Будь я на ее месте, я бы тоже не позволила сыну «якшаться» с собой. А все дело в нашей маме.

— О, как всегда!

Теория мистера Ива, что все всегда заключается в маме, снова подтвердилась.

— И в тетушках, которые ведут себя так, будто они негласные королевы города. И не замечают, что над ними все смеются. И им совершенно плевать, что они меня позорят.

— И что ты собираешься делать? — спросил мистер Ив. — Если все-таки надумаешь похитить цветочника, то...

— Нет, — глубоко вздохнув, сказала Кристина. — Он слишком боится свою маму. И я уже подумывала о приворотном зелье, чтобы он забыл и о маме, и о ее запретах, и вообще... — она запнулась и с тревогой поглядела на мистера Ива. — Я полная дура, да?

— Нет, — сказал мистер Ив, оценив фигуру Кристины. — Ты вполне стройная...

— Ну спасибо! — с деланой укоризной нахмурилась Кристина и ткнула мистера Ива кулачком в плечо. — Дотти и Эби говорят, что мне не нужно зелье. Мол, я ему и так нравлюсь... Так зачем все усложнять и...

— Ой, не слушай ты этих глупых куриц! — возмущенно заявил мистер Ив с таким видом, как будто невежество Дотти и Эби в вопросе Джонни Кирни задело его лично.

— И что же ты посоветуешь?

— Конечно, зелье!

— Ты уверен? — с сомнением спросила Кристина.

— Конечно! — заявил мистер Ив с коварным блеском в глазах. — Я не посоветую плохого.

— То есть ты советуешь подлить Джонни зелье и...

— Джонни?! — перебил мистер Ив. — Но зелье вовсе не для него!

— А для кого же? — поразилась Кристина.

— Ну, ты можешь напоить приворотным зельем его не-сносную мамашу, — пояснил мистер Ив и задорно подмигнул. — Я ее отвлеку для тебя.

— Ты просто прелесть! — рассмеялась Кристина, подумав, что мистер Эвер Ив шутит.

— Стараюсь, — самодовольно признал мистер Ив, скромно опустив глазки. Сейчас он был даже еще более противоречив, нежели обычно.

— О, вот и банк!

Кристина разглядела впереди серые колонны, поддерживающие старинный фронтон. Она остановила «Драндулет» неподалеку от входа.

— У тебя не найдется тринадцати пенсов? — спросил вдруг мистер Ив.

— В смысле шиллинг и один пенни? — удивилась Кристина.

— Нет, именно пенсы, — серьезно уточнил мистер Ив. — Мне нужны пенсы и по одному...

— Да, но...

Кристина достала из кармана пальто пригоршню мелочи и протянула ее мистеру Иву.

— Я недолго, — пообещал тот и открыл дверь.

— Постой! — девушка остановила мистера Ива, схватив его за рукав и покраснев еще сильнее, хотя это казалось уже просто невозможным. — Я рада, что ты вернулся.

— А я рад, что тебе понравилась идея с похищением Джонни, — усмехнулся мистер Эвер Ив и подмигнул Кристине.

— Все, беги! — рассмеялась она.

— Бегу, — сказал мистер Эвер Ив, захлопнул дверцу и побежал...

Мистер Боул Колдрон, клерк из «Банка гг. Горбэнкс», как раз разбирался с бумагами, когда внезапно его бок сильно зачесался.

— Не к добру, — пробормотал он и направился к небольшому конторскому шкафчику в углу кабинета.

Открыв дверцы, он задумался. Перед ним на полках лежало множество аккуратнейшим образом разложенных предметов, которым уместнее было бы находиться в чулане или на кухне, нежели в кабинете старшего клерка банка. Здесь были щеточки, металлические проволочные натирки, полировальки, мягкие тряпочки для вытирания посуды. В баночках хранились различные смеси и порошки для очистки котлов, казанков и кастрюль от нагара.

Мистер Колдрон выбрал тонкую длинную щеточку, похожую на зубную, насыпал на нее немного белого порошка и, расстегнув пуговицы на пиджаке, жилетке и рубашке, засунул щеточку под одежду и начал с удовольствием чесать себе бок.

— Да, не к добру, — с довольной улыбкой проговорил толстяк, достав щетку. Она вся была покрыта сажей.

За спиной мистера Колдрона вдруг раздался скрип, и он испуганно поглядел на дверь. Ручка поворачивалась.

— Кто там?! — воскликнул он, поспешно застегиваясь и пряча щеточку. — Не входить!

Дверь распахнулась. В коридоре почему-то не горел свет. В кабинет клерка поползли клубы дыма, похожие на черные щупальца. Как будто в коридоре перевернули огромный котел, в котором до того варилась какая-то бесформенная тварь, состоящая из смолы и саж.

— Неужели? — раздался ехидный голос из темноты прохода. — Так уж и не входить?

В кабинет медленно вошел человек в темно-зеленом пальто и шляпе. С легким прищуром он глядел на ошеломленного клерка. Мистера Колдрона застали врасплох, хотя, стоит признаться, появление *этого* посетителя застало бы его врасплох в любое время — даже если бы он сам ожидал его в гости.

— Сэ-эр? — клерк отшатнулся. Его побегу помешал собственный стол, предательски возникший за спиной. — Вы пришли сюда, чтобы...

— Чтобы.

С угрожающей усмешкой мистер Ив обошел клерка, сел в его кресло и закинул ноги на стол. Разложенные там бумаги тут же намокли.

— Вы... — сбивчиво начал толстяк, протирая пот на лбу платочком; сейчас он чувствовал посетителем себя. — Чему обязан? Я вас уверяю...

Мистер Ив презрительно оглядывал кабинет. Да, это было идеальное место для такого типа, как Колдрон. Темные деревянные панели стен, огромный стол, вешалка с угольным пальто и котелком, а также напоминающий железную деву несгораемый шкаф. И еще стеллажи, уставленные коричневыми папками. Чернила, печати, пресс-папье, батареи остро отточенных близнецов-карандашей. И посреди всего этого стоит сам Колдрон, одинокий и подавленный. И весь его вид выражает недоумение и страх. Именно те эмоции на обрюзгшем толстом лице, которые мистер Эвер Ив и ожидал увидеть.

— Оказывается, ты не просто канцелярская крыса, Котел, — угрожающе проговорил мистер Ив. — Ты еще хуже — ты *подлая* канцелярская крыса...

— Я вынужден... — залепетал банковский клерк. — Я вас не понимаю.

— О, все ты прекрасно понимаешь! — посетитель гневно сузил глаза. — Ты предал меня.

— Что вы такое говорите?! — ужаснулся толстяк.

— Не нужно отпираться, и, сделай одолжение, просто прекрати так потеть, — с отвращением на лице попросил мистер Ив. — Выглядишь мерзко.

И действительно — клерк весь блестел от пота.

— Я... я... мы здесь... я очень занят, знаете ли... — Толстяк внезапно взял себя в руки. Голос его обрел уверенность, фигура немного распрямилась. Он даже позволил себе потеть чуть поменьше. — Вы бы предупредили заранее, что соизволите навестить. Нехорошо так вот, внезапно... Записались бы у секретаря, мы бы назначили день и время...

— Ты предлагаешь *мне* записаться к тебе на прием? — От подобной наглости даже мистер Ив удивленно округлил глаза. Клерк настолько утратил совесть, что это было оценено по достоинству и спасло его от немедленного наказания.

— Да, вы знаете, порядок есть порядок, — затараторил мистер Колдрон как заведенный. — Все мы части одной машины. Все мы части *вашей* машины, смею напомнить. И должны действовать как слаженный механизм, иначе какая-то шестереночка может выбиться, застопориться и нарушить всю работу. А нарушение работы грозит задержкой в графиках, и тогда придется все переносить, а таблицы уже расчерчены, столбцы в них заполнены, и если черкать-перечеркивать, то получится грязно, придется все делать наново, а чернила ведь тоже, понимаете ли, не казенные...

— Хватит! — оборвал толстяка посетитель. — Неужели ты думаешь, что я пришел сюда терять время? Или что со мной пройдут твои бюрократические штучки?

Банковский клерк затрясся. Его лицо даже будто бы пошло волнами.

— О, нет-нет, что вы, — нерешительно начал он. — Я просто...

— Давай сюда. Немедленно. Пока я сам не взял.

Мистер Колдрон попятился, пот начал стекать с его лба столь обильно, что идеально выглаженный стоячий воротничок рубашки тут же намок и уныло опустился.

— Но я не понимаю... — начал клерк заплетающимся языком. — Цель вашего визита мне никак не ясна... Я все ломаю голову, но...

— Ты все прекрасно понимаешь, Котел, — угрожающе проговорил мистер Ив. — И ты знаешь, зачем я пришел.

— Инспекция? — в ужасе проговорил клерк. Для него в этом слове заключались вся боль и все страдания этого мира.

— Наказание, — исправил его посетитель.

— Но за что?

О, он прекрасно знал за что.

— Не уваливай! — оборвал Колдрона мистер Ив и убрал ноги со стола. Он поднялся и, обойдя колонны бумаг, стоявшие на полу, медленно двинулся к клерку. — Давай сюда, иначе я тебя...

— Уволите? — выдохнул белый от страха мистер Колдрон.

— Расплавлю, — с безжалостным видом уточнил мистер Ив. — Я устал ждать!

От его голоса бумаги взвились в воздух и разлетелись по полу, а окна задрожали.

— Да-да, — быстро проговорил клерк и с деланой забывчивостью принялся хлопать себя по объемистому животу, бокам и груди, проверяя карманы. — Вот оно.

Он извлек из внутреннего кармана пиджака коричневый конверт.

Мистер Ив не стал дожидаться, пока толстяк соизволит вручить его, и вырвал конверт из дрожащих рук Колдрона. Внутри оказалась коротенькая записка. Строки были выведены размашистым почерком и зелеными чернилами:

«Ты должен раздобыть бумаги. Все, что касается старухи Кроу. Ты должен явиться в Гаррет-Кроу. Ты должен забрать у старухи дом. Дом ей больше не нужен. Пора передавать его по наследству.

К. К.»

— Это все инструкции? — подозрительно покосился на клерка мистер Ив.

— Да, — отчаянно заверил мистер Колдрон. — Все, что поступили.

— Кто такой этот К. К.?

— Я... я не знаю. Сэр, моей вины нет в том, что... Я даже не знаю, как письмо попало ко мне. Я просто обнаружил его в кармане, и все... Я не мог сопротивляться. Они что-то... как-то...

— Так уж и не мог.

— Пощадите, — залепетал толстяк. — Только не увольняйте! Только не перед праздниками! Я не закрыл отчетность!

Мистер Ив устало вздохнул. Для этого законченного бюрократа и зануды увольнение было хуже смерти. Неужели в нем самом, в Эвер Иве, известном в определенных кругах как Человек в зеленом, так же сильны все эти крючкотворство, дотошность и конторская канцелярщина? И будет ли он слабее, если, избавившись от Котла, выжжет в себе это? И не пропадут ли в таком случае его систематичность, его умение строить планы, придумывать четкие схемы? Его дальновидность?

Судя по всему, клерк угадал, о чем думает его посетитель. Он неловко приблизился и, жалостливо сложив руки, умоляюще поглядел на мистера Ива.

— Что такое? — нахмурился тот. Ему вдруг стало жалко этого ничтожного болвана. Ему стало жалко себя, ведь этот болван был частью его самого.

— Сэр, вы ведь знаете, что я ни за что бы не предал вас.

— Да, твоя исполнительность не знает границ, — вынужденно согласился мистер Ив. — Ты настолько любишь порядок, что предательство было бы для тебя чем-то вроде прогула службы без уважительных причин.

— Или, скорее, чем-то вроде двух обеденных перерывов! — поддакнул мистер Колдрон.

— Молчать! — грозно велел мистер Ив. — Мы не друзья.

— Да-да, не друзья... я знаю... мне жаль, сэр...

— Еще одно слово, и пойдешь на расплавку, — пригрозил мистер Ив. — Меня вообще-то ждут. И компания той особы мне намного приятнее, чем твоя. Так что советую отвечать быстро, четко... и нескучно.

С последним у мистера Колдрона были определенные проблемы, но он пообещал себе попытаться. Все же перед ним босс, как-никак.

— Да, я весьма... вполне... вы... доходчиво...

— Слушай сюда, Котел, — перебил мистер Ив. — Подведем итоги. Некто с инициалами К. К. каким-то образом узнал о твоём существовании; уточню — о самой возможности существования такой жалкой сущности, как ты. И решил: «А не использовать ли мне сверхъестественного доходягу как личного банковского духа?» Все верно?

— Это вполне логично, и я должен добавить...

— Без добавлений. Итак, кто-то узнал, что бездарность по имени Котел существует, и решил надеть на нее поводок. После чего он каким-то образом выяснил, что бездарность по имени Котел обретается под самым носом, проворачивает свои делишки прямо за углом, и подумал: «Даже идти никуда не нужно! Вот ведь удача! Да он же сам просится в руки!» Затем этот К. К. каким-то образом накидывает петлю на толстую шею бездарности по имени Котел и выдает ей конвертик с инструкцией. Бездарность по имени Котел идет и выполняет все, что велено, поскольку отчего-то не в силах

сопротивляться воле К. К. Чем привлекает внимание некоей гениальной и талантливой личности по имени мистер Эвер Ив, известного и уважаемого в определенных кругах Человека в зеленом. Я ничего не упустил?

— Полагаю, все примерно так и было... — испуганно промямлил клерк.

— Ты полагаешь?

— Нет, все так и было!

— Хорошо. Что ты можешь сказать об услышанной только что теории? Тебя, мой милый, ничего в ней не смущает?

— Ну... э-э-э... я бы... хотя нет... — толстяк задумался и начал пятиться, чуя подвох. — Нет. Все нормально. Ваша теория идеальна, сэр.

— И сам знаю! — рывкнул мистер Ив. — Что ж, мы разобрались с полученными тобой инструкциями. Осталось выяснить, как именно тебя поймали и как выявили. Ведь справедливо предположить, что даже о таких жалких сущностях, как ты, никто знать не должен!

— И как вы будете это выяснять? — испуганно пробормотал толстяк. Пятиться ему уже было больше некуда. В спину уткнулась вешалка.

«Чертова предательская мебель!» — с негодованием подумал он.

Мистер Ив подошел к клерку почти вплотную. Взгляд его был пуст, а лицо выглядело недобрым.

— Снимай пиджак, — велел он. — И не забудь жилетку с рубашкой.

— Но сэр... — отчаянно запротестовал было толстяк.

Мистер Ив не стал уговаривать. Он положил ладонь на выпирающий живот клерка. Его рука побагровела, как раскаленный металл, а после начала белеть, раскаляясь сильнее. Все три слоя одежды толстяка были прожжены за какое-то мгновение. Мистер Колдрон закричал от боли.

— Не нужно, сэр! Нет!

Мистер Ив убрал руку. Она тут же стала обычного цвета.

— Тебе еще раз помочь?

— Нет! Нет! Я сам!

Корча страдальческие рожи, мистер Колдрон начал медленно расстегивать пиджак. Из-под воротника и манжет клерка вдруг начали выбиваться клубы едкого дыма, но мистер Ив, стоя вплотную к нему, даже не подумал закашляться. Он выжидающе глядел на то, как пуговицы жилетки и рубашки выбираются из прорезей. Наконец толстяк все расстегнул.

Взору мистера Ива предстало вовсе не обвисшее человеческое брюхо, а огромный чугунный котел, черный от сажи. Груды не было и в помине — на ее месте темнел каркас из чугунных подпорок, поддерживающих шею и плечи; в прорезях между ними можно было разглядеть кипящее в котле варево. В нижней части «живота» располагалась топка. Сквозь литую решетку пробивались багровые огненные языки. За ней горел уголь и гудело пламя.

Рядом с тем, кто прикидывался банковским клерком, стало так жарко, что кожа мистера Ива просто обязана была начать обугливаться, но тот никак не отреагировал. Мистер Ив просто снял собственные пальто и пиджак, закатал рукава на рубашке и засунул руку в котел — прямоком в кипящую воду.

— У-у-у... — простонал от боли клерк.

— Терпи! — велел мистер Ив.

Он начал шарить в котле. В вару кипятилось множество различных предметов.

— Устроил свалку из живота, — укоризненно проворчал мистер Ив. — Что это? — Он что-то нащупал. — Башмак? Зачем тебе башмак?

— Все варится! Все переварится! — в муках заскулил клерк.

Мистеру Иву никак не попадалось ничего полезного: какая-то жестяная банка, несколько гвоздей, деревянное кольцо, фарфоровая чашка без ручки и...

Человек в зеленом усмехнулся (кажется, он нашел то, что искал), а затем осторожно извлек руку из котла. Кипяток закапал с нее на пол.

Клерк тут же часто-часто заморгал, глубоко задышал и отстранился. Он попытался застегнуть рубашку, но руки не слушались.

Мистер Ив тем временем разглядывал извлеченный из брюха своего прислужника предмет. Крошечный, выкованный из серебра котелок размером с наперсток. Его бока покрывали тонкие гравировки, изображающие птиц и листья падуба, с волосинку витая ручка, сплетенная из серебряной нити, загибалась дугой...

Мистер Ив понял, как ловят его подручных. Склонные к исполнительности, они не могут устоять перед инструментами, которые, собственно, и помогают им *исполнять*, которые являются основой их сущности. Стоит им лишь почуять, что где-то появилась подобная вещь, как они летят на нее, словно мотыльки на свет, позабыв обо всем. Так их и приманивают — как зверя. И так их вычисляют. А потом заставляют взять в руки что-то с заклитием послушания, или верности, или еще чего-нибудь в том же духе...

На предмет, извлеченный из банковского клерка, было наложено заклятие. Весьма сильное... Мистер Ив поморщился и скомкал в руках серебряный котелок, как будто тот был сделан из фольги.

— Где ты это достал? — спросил мистер Ив, демонстрируя толстяку крошечный блестящий шарик.

— В лавке старьевщика. — Колдрон наконец застегнулся и теперь искал на полу галстук-бабочку. — А он его раздобыл еще много-много...

— Ясно, — прервал толстяка мистер Ив. — Слушай внимательно, Котел: тебя спасло от твоего... гм... увольнения только то, что ты не мог себя контролировать.

— Но вы освободите меня? — негромко проговорил клерк. — От заклатья.

— Зачем? — недоуменно спросил мистер Ив. И верно: хоть он и извлек из Котла заклятую приманку, само заклятие он и не думал трогать: охотник пока что не должен знать, что его раскрыли.

— Но как же... я ведь... я могу помешать нашему плану...

— Мой славный, добрый Котел! — мистер Эвер Ив улыбнулся и положил на плечо испуганного клерка руку. — Поверь мне: тебе никто не мешает выполнить свою часть плана, поскольку, когда я искал в твоём брюхе то, что держит тебя связанным, я невзначай обронил туда несколько монеток... Выпали из руки, вот я рассеянный.

— Несколько? — холодея от ужаса, прошептал толстяк.

— Тринадцать пенсов, если быть точным.

— Нет... — только и прошептал клерк.

— Стоит тебе лишь подумать о том, чтобы как-то помешать плану или замедлить его воплощение в жизнь, как тринадцать монеток раскалятся настолько, что проплавят тебе днище. Вар, который бурлит в твоём чёрном брюхе, протечёт через дыры и погасит топку, а ты знаешь, чем это обернется для тебя, мистер банковский кочегар.

— Но как вы так можете?! — из последних сил запротестовал толстяк. — Я ведь важная часть!

— Старый Фонарь тоже был важной частью, — назидательно заметил мистер Ив. — Но ты ведь помнишь историю с шестипенсовиком?

Клерк мелко закивал: он прекрасно помнил. Один из них тогда ещё был простым человеком, но из-за проклятого шестипенсовика утратил себя навсегда. И его заменили.

— Поэтому на твоём месте, Котел, я вел бы себя вдвойне осторожнее в дальнейшем. Ты попался по собственной глупости, вот сам и выпутывайся.

Мистер Ив был непреклонен, и толстяк заплакал. Это выглядело настолько мерзко и отталкивающе, что даже Человек в зеленом сжалился.

— Ну ладно, ладно... — смущенно проговорил мистер Ив. — Я помогу тебе. Но только если ты раскаиваешься в том, что был таким болваном и дал себя спеленать.

— Раскаиваюсь! На самом деле!

— Хорошо. Тогда не беспокойся. Я уже и так тебя обезопасил. Я достал ту штуку... Тебя больше не могут контролировать. Но... — он прищурился, — скажи-ка мне, что ты будешь делать в случае появления новых инструкций?

— Подыграю... — вдохновенно залепетал толстяк. — А сам буду находиться в сознании и... и выясню, что происходит. А затем тут же доложу вам.

— Какая умница. Не зря я все-таки тебя пощадил.

— Что вы будете с ними делать? — с надеждой спросил Котел. — Вы ведь их накажете?

— Не твоё дело, — оборвал клерка мистер Ив. — Мы не друзья, Котел, не забывай.

Человек в зеленом шагнул к двери. Напоследок он обернулся.

— И ещё кое-что. Ключ говорит, что только в твоих делах мы пока отстаем. Графики, Котел, графики. Советую тебе вспомнить о своей исполнительности. — Он угрожающе поглядел на толстяка. — И я имею в виду вовсе не закрытие к праздникам банковской отчетности.

Котел закивал.

Мистер Ив покинул кабинет, захлопнув за собой дверь. В коридоре он столкнулся с какой-то женщиной в фиолетовом платье и шляпке с перьями. У женщины почему-то дымила голова.

Предположив, что раз это банк, то так все и должно быть, мистер Ив приподнял шляпу и с непередаваемой радостью воскликнул: «Мое почтение, мадам!» — после чего, не обращая внимания на ее ошарашенный вид, поскользился по полированным мраморным плитам коридора к холлу, оставляя за собой на полу грязные полосы.

Оказавшись на улице, мистер Ив остановился и перевел дыхание. Дождь лил, а он вдруг застыл, словно не замечая его.

Он кое-что понял! Он догадался, кто такой этот К. К.!

У кого есть такие инициалы? Кто является потомственной ведьмой? А ведь только ведьма смогла бы провернуть подобную авантюру и попыталась подчинить себе силы, которые не понимает. Ведьмы и прежде устраивали охоту на различных демонов, духов и прочие родственные самому мистеру Иву сущности, так чего же удивляться? Потомственная ведьма, замешанная во всем по самые уши, это не кто иная, как... Клара Кроу!

«Но, сэр! — в голове вдруг раздался непрощенный голосок, похожий на приторный дрожащий голос Ключа. — Это может быть и Корделия Кэндл! И даже Кристина Кэндл! Может, это вообще их кот Коннелли... я не знаю, котам полагается хозяйская фамилия?..»

Мистер Эвер Ив поморщился. «Заткнись! — велел он самому себе. — Мы не друзья! И кот явно не потомственная ведьма, болван! К тому же там ведь говорилось о наследстве...»

Итак, Клара Кроу... Должно быть, она захотела забрать дом у «старухи», то есть у матери, чтобы самой стать хозяйкой. Наследство! Все дело в нем! Наверное, девчонка совершенно отчаялась и решила: «А почему бы не заполучить желаемое при помощи страшного-престрашного потустороннего духа?» Особенно если этот дух близко знаком с финансами и юриспруденцией.

Мистер Ив задумчиво побрел к машине...

— Ну что, едем домой? — спросила Кристина, когда он сел в автомобиль.

— Едем отсюда, — покусывая губу, пробормотал мистер Ив.

— Сделал свои дела? — спросила девушка, заводя «Драндулет».

— О да, — недобро проговорил мистер Эвер Ив.

Кристина даже вздрогнула. Ее пассажир хмурился — сильнее, чем обычно, — и выглядел подавленным и задумчивым — вовсе не таким, каким был, когда вышел из машины полчаса назад. Что-то в банке произошло. Что-то нехорошее.

Ей вдруг стало очень страшно — страшно находиться рядом с этим человеком. Девушку неожиданно посетила абсурдная, но до боли жуткая мысль: «Никто не услышит моего крика». Ее пассажир выглядел так, будто собирался кого-то убить...

Кристина крепче сжала руки на руле и постаралась не глядеть на попутчика, у которого больше не было ничего общего с ее братом. Она вывела машину с главной улицы и направила ее к Холмовому району.

Мистер Эвер Ив тем временем опустил голову на грудь и закрыл глаза. Он знал, что ему делать. К. К. Он придет к ней в гости. И ей придется пожалеть о том, что она посмела с ним играть. Он разделается с ней так, чтобы вышел урок и для всех остальных. А сейчас... он так устал. Котел такой утомительный. Когда говоришь с ним, кажется, что время твоей жизни поспешно проходит мимо, махая тебе на прощание ручкой. Он будто высасывает из тебя силы своим занудством и бюрократией. Так хочется отдохнуть...

Мистер Эвер Ив и сам не заметил, как заснул.

Виктор Кэндл и сам не заметил, как проснулся.

Он поднял голову и протер глаза. Поначалу он не мог сообразить, где находится и что происходит. Но, увидев Кристину за рулем и дождь за окном, тут же вспомнил: они едут из города домой. Должно быть, он заснул всего на какую-то

минуту. Но все же одна вещь... кое-что показалось ему странным.

— Почему я весь мокрый? — удивился Виктор вслух.

Кристина вздрогнула от неожиданности и дернула руль. «Драндулет» совершил крутой вираж, но тут же выровнялся. Виктору даже пришлось схватиться за сиденье.

— Ты что, собираешься нас убить только из-за моего вопроса? — спросил он, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. — Я всего лишь спросил, почему я весь мокрый, как будто простоял час под дождем, притом что все время сижу в машине. Так почему?

— Ты начинаешь меня пугать, братец, — Кристина бросила на Виктора недоуменный взгляд. И все же она с облегчением отметила, что ощущение опасности, исходившее от него только что, развеялось, словно дым, и будто бы вылетело в щелочку у зеркала заднего вида.

— Действительно, — проворчал Виктор, потирая правую руку. Он вдруг почувствовал в ней странное недомогание: кисть и предплечье болели, как будто он сильно обжег их, но не сейчас, а пару дней назад. Но он вроде бы не обливался кипятком... — И зачем вообще человечество придумало ответы? Полагаю, именно для того, чтобы некая Кристина Кэндл ими никогда не пользовалась...

— Ну вот, — разочарованно протянула Кристина. — Зануда вернулся. А ты только-только начал мне нравиться.

— Может, просто поедem домой в тишине? — хмуро предложил Виктор. — Без всяких скучных разговоров?

— Слушаю и повинуюсь! — со злостью бросила Кристина.

Клара Кроу, шатаясь, пробиралась по дому. Ее лицо было вымазано в грязи, и слезы прочерчивали на щеках бледные полосы. На затылке волосы сваялись и блестели от крови. Дрожащими пальцами Клара цеплялась за стены и ветхую

мебель на первом этаже. Ноги не держали и подкашивались, время от времени она падала, но всякий раз поднималась снова и шла дальше.

Сотрясаясь в судорогах и плача, Клара добралась до лестницы и, оставляя на ступенях грязный кровавый след, ползла вверх.

Дом стал еще чернее, чем был. В нем поселился могильный холод. Прямо как в тот день, когда принесли мертвого деда.

Каждую ступень лестницы она преодолевала, как горную вершину, но тем не менее продолжала ползти.

— Мама! — сквозь слезы звала Клара.

Поднявшись на второй этаж, она подошла к комнате матери и без сил прислонилась к косяку. Дверной проем с оборванными петлями походил на покосившуюся картинную раму, а фигура Клары в нем — на изломанную и искореженную самоубийцу на рельсах, по которой проехал поезд.

— Мама... — позвала Клара, но из горла вырвались лишь хрипы.

Матери в комнате больше не было. Притом что хозяйка этого дома, София Кроу, лежала на развороченной постели, уставившись в полог над кроватью. Кругом валялись испорченные подушки, а одеяло сползло на пол. Из камина еще поднимался дым...

Клара опустилась на пол прямо на пороге и, не в силах глядеть на неподвижную фигуру на кровати, закрыла глаза.

— Я уйду, мама... — прошептала она.

И забылась в беспамятстве.

— Я уйду, мама... — шевельнулись губы уже сами собой...

— Я уйду, мама! — воскликнула Клара Кроу всего полчаса назад, адресуя потолку недобрый взгляд.

Если бы взгляды были способны прожигать дыры, то из прихожей уже давно можно было бы увидеть каминную полку в комнате матери.

Впрочем, Клара и так знала, что там сейчас происходит. Госпожа Кроу сидела на краю кровати и в волнении потирала сухие бледные руки. Клара догадывалась, о чем она думает. Мама нервничала. Еще бы, ведь что-то случилось — что-то непредвиденное, раз ее ученица так настойчиво требует встречи. И это после того, как она сама в прошлый раз просила наставницу повременить с общением, пока не завершатся праздники.

Мать не могла дождаться того мгновения, когда Клара наконец уйдет и явится ее настоящая наследница, иначе где ее обычное ворчание? Где искусственная забота? Она должна была сейчас сказать: «Идет дождь, Клара!», «Ты промокнешь, Клара!», «Кто будет присматривать за старенькой матерью, если ты умрешь, Клара?»

Клара немного выждала и снова воскликнула:

— Я уйду! Ты слышишь меня?! Или ты там уже умерла?!

— Не дождешься! — ответила мама.

Да, не дождется...

Как не дождался сегодня Клару Кроу и мистер Лукинг Гласс. Он ведь вчера пригласил ее в «Эмброуз». А она... в этом рваном пальто, в этом жалком берете... Она просто стояла под дождем и смотрела на него через окно кафе. Он сидел, было видно, волновался, ждал ее... Но она так и не решилась зайти. И просто ушла.

Потом вернулась домой, и вовремя — Софию Кроу словно подменили.

«Сработало! — подумала Клара, лишь только увидев ее. — Неясно как, но сработало. Молодец Томас — выполнил то, о чем я его просила, так быстро! Скоро я выведу тебя на чистую воду, мама...»

Клара всегда догадывалась: мать знает, что она на самом деле вовсе не сумасшедшая. И более того, знает, *что* она потеряла и что произошло в тот залитый чернилами день с ее календарного листка. Эти ее оговорки, взгляды, то, как

настойчиво мать пыталась все эти годы убедить Клару в ее сумасшествии, будто убедить ее было невероятно важно...

Узнав о тайной связи Софии с одной из ведьм Кэндл, Клара решилась на рискованный шаг: спровоцировать их всех одним махом, предположив, что наставница и ученица не хранят друг от друга секреты.

Клара поняла, что гостьей матери может быть либо Мегана, либо Рэммора — не Корделия же, в самом деле. И поэтому она написала две записки. В одной говорилось:

«Я знаю, что ты украла у Клары Кроу. Ты утонешь».

А в другой:

«Я знаю, что ты украла у Клары Кроу. Ты сгоришь».

«Утонешь», «сгоришь»... Именно метод смерти и должен был разоблачить таинственную гостью Гаррет-Кроу.

Клара уговорила Томаса Кэндла подбросить записки в комнаты обеим тетушкам. Мальчик пообещал помочь, оставалось лишь дожждаться.

И вот она дождалась. Мать была сама не своя и все время спрашивала, не нужно ли Кларе сегодня еще куда-нибудь пойти, к примеру в парк — полюбоваться фонарями. И это несмотря на дождь, льющий с самого утра. Конечно, Клара сказала, что у нее есть дела в городе. София вздохнула с облегчением...

Услышав то самое «Не дождешься!», Клара громыхнула дверью, как будто ушла, а сама на цыпочках поспешила наверх. Сегодня она все узнает. Выяснит, что же терзает ее все эти годы и что она потеряла в тот день, когда вылила чернила на листок календаря. Или, по крайней мере, поймет, кто из сестер-ведьм Кэндл навещает ее маму и что они задумали.

Клара едва успела подкрасться к двери комнаты матери, как тут же прямо из-за этой двери раздался встревоженный голос тайной гостьи:

— Ну наконец-то! Почему так долго?

— Я ждала, пока девчонка уберется из дома, — взволнованно проговорила София. — Что за срочность?

— Кто-то знает... — едва слышно сказала незнакомка.

«Откройся, откройся, — про себя молила Клара. — Назови приметку. Назови же приметку!»

— Что знает? — не поняла София.

— Что мы украли у твоей дочери.

Клара от ужаса зажала рот руками. Значит, мать не просто все знала и молчала! Она тоже принимала участие!

— Этого не может быть, — быстро проговорила София. — Не должно было остаться никаких следов.

— Их и не осталось, — сказала гостья. — Мамочка с Корделией об этом позаботились.

— С чего ты вообще взяла, что кто-то узнал?

— Мне подбросили записку под дверь. Полюбуйся...

Судя по всему, гостья протянула записку Софии.

— Заклятие левой руки, — прокомментировала госпожа Кроу. — Чтобы изменить до неузнаваемости почерк. Умно... Так, здесь еще и угроза. Тебе стоит остерегаться каминов...

«Значит, Рэммора, — поняла Клара. — Подлая тварь...»

— Очень смешно, — невесело сказала Рэммора Кэндл. — И ходить мне к тебе в гости через парадную дверь?

— Ты проверила, кто написал записку? Должно быть, тот же, кто последним держал ее в руках. Заклятие горящих рук... Ты ведь помнишь закливание горящих рук?

Клара знала, что это такое. После произнесения закливания на руках того, кто последним участвовал в каком-либо деле, появлялись ожоги, как будто он держал их на раскаленном противне.

— Я все помню: и горящие руки, и паутинную нить...

Клара уберегла Томми и от этого. На такие простые вещи она все же была способна.

— И что, совсем нет результатов? — удивилась София. — Никаких?

— Да, никаких. Кто-то все предусмотрел.

«Еще бы! Чтобы я рисковала здоровьем мальчика?!» — негодуяще подумала Клара. Она почувствовала, как в ней закипает ярость на заговорщиков. На Рэммору, которая причастна к похищению у Клары чего-то, без чего просто невозможно жить. На мать, которая не только отпиралась все эти годы, а еще и оказалась во всем замешана, в глаза уверяя дочь в том, что та сумасшедшая, что ей, мол, просто мерещится.

— Кто это может быть? — спросила София. — Кто вообще знал о ритуале?

«Значит, был какой-то ритуал, — со все возрастающей тревогой подумала Клара. К ярости добавился страх. — Что здесь на самом деле творится?»

— Mamочка, — сказала Рэммора.

— Джина, как ты сама прекрасно понимаешь, не смогла бы написать записку, — проворчала София. — Я надежно ее заперла.

— Да, чем сделала всем нам огромное одолжение. Еще знали: я, Корделия, Мегана и Гарри. И ты, разумеется.

— Никто из нас не написал бы подобных записок, кроме разве что Гарри. Но он не в том состоянии, чтобы писать.

— Верно. Значит, это кто-то со стороны...

— Кто?

— Человек в зеленом.

«Нет, это была я!» — захотелось закричать Кларе, но она себя сдержала. С невероятным трудом. Ей еще предстояло выяснить, что именно произошло. И понять, как мать могла объединиться с ведьмами Кэндел в заговоре против родной дочери.

— Но он-то откуда знает?

— Он могущественный дух. Полагаю, ему подобным не нужно черпать сведения из газет или радио, чтобы быть в чем-то осведомленным.

— Но зачем ему это?

— Пытается отомстить за своих уродцев, — предположила Рэммора. — Должно быть, как-то узнал, что мы поймали Котла, Фонаря и Метлу. Вот и пытается сделать какую-то подлость. Возможно, поссорить нас. Мне кажется, что и Мегана получила такую записку, — уж слишком странно она сегодня себя вела. Ясное дело, я не стала у нее спрашивать...

«Ну же!» Клара поняла, что разговор уходит куда-то в сторону. А ей ведь еще нужно узнать, что именно у нее украли!

— Но что он станет делать со своими угрозами? Полагаешь, не воплотит их в жизнь?

— Хотел бы убить — мы бы уже не разговаривали, — сказала Рэммора. — Но знаешь что... я бы подыграла ему.

— Что? — ужаснулась София. — Ты разве забыла? Мы ведь пытаемся помешать Корделии и ее Кануну. А значит, подыграв ему, мы подыграем и ей.

— Мы с тобой заманим его в нашу собственную ловушку, — ответила Рэммора дрожащим от предвкушения голосом. — И запечатаем. Он не просто не достанется Корделии, но еще и окажется в нашей власти! Ты только представь! Нужно всего лишь пересадить его на станции на другой поезд, если ты понимаешь, о чем я! Я полагаю, средний ребенок подойдет не хуже первенца. Твой средний ребенок! Но ей придется все рассказать — в сознательном возрасте нужно личное согласие.

— Нет, я против! — возмутилась София. — Клара не должна ни о чем узнать. Она и так помешалась на своем пропавшем воспоминании. Хочешь, чтобы эта дура наложила на себя руки или еще что? Что я тогда буду делать одна? А ты тоже хороша! Сама влезла в кипящий котел, а теперь пытаешься выбраться, хватаясь за меня.

«Ты и сейчас осталась верна себе, мама! — с негодованием подумала Клара. — Думаешь, что же будет с тобой в случае, если я наложу на себя руки. И что же вы такое сделали, что я могу так поступить? Признавайтесь! Признавайтесь!»

И они признались. Вот только Клара была явно не готова это услышать.

— Сейчас не время тыкать друг в друга метлами, — будто прочла мысли Клары Рэммора. — Все мы наделали дел. И я влезла в этот котел, только чтобы избавиться от мамочки. А тебе думать о здравомыслии Клары нужно было тогда, когда ты отдавала ее новорожденную дочь на стол Корделии. Сейчас уже поздно.

Клара так сильно вжала ладони в рот, что, казалось, вот-вот проглотит их. Ее желудок рухнул куда-то ниже, чем пятки, а сердце просто застыло.

Она не верила. Они лгали там, за дверью. Они не могли забрать у нее дочь. Почему? Да потому, что она никогда не носила ребенка! Она рассталась со своим любимым очень давно, когда ее начали лечить от сумасшествия... Она никогда не носила ребенка. Никогда! Она никогда...

Клара заскулила и вдавила затылок в стену так сильно, что голова заболела. Она бы не забыла... Зачем они лгут? Зачем им это?

— Нет, милая, я не пытаюсь тебя обвинить, — тем временем пошла на попятную София. — Что ты...

— Ведь именно ты все продумала до мелочей, — Рэммора тем не менее продолжала отбиваться. — Корделию не забыли чувства твоей девчонки, но ты сама предложила то зелье. Ты боялась, что она тебе этого не простит и бросит тебя. Это ведь ты посчитала, что если Клара забудет своего ребенка, то все затихнет само собой. Это была твоя идея! Так почему ты винишь меня в чем-то?

Клара опустила лицо в ладони. Ей стало плохо. Она почувствовала, что вот-вот умрет.

— Я не виню тебя, милая, — примирительно сказала София. — Я виню Джину — она бы не успокоилась, пока не сжила со свету всех Кроу одного за другим. Эта мерзкая дрянь все равно как-нибудь помешала бы рождению моей внучки, и я не смогла бы ничего с этим сделать. А если и так терять Триединую Линию, то лучше пусть не напрасно. Я отдала внуку, только лишь чтобы запереть мерзавку. И это того стоило.

Клара уже ничего не понимала и, казалось, вовсе перестала что-либо чувствовать. Она всего лишь усваивала информацию, больше не реагируя на услышанное... Они украли у нее ребенка, потому что это была девочка. А девочка стала бы продолжательницей традиций. При живой бабке выстроилась бы прочнейшая связь, какая только может быть между ведьмами одной крови, и связь эту не смогли бы разрушить никакие чары и козни. Это сделало бы семью настолько могущественной, что все ее бывшее влияние померкло бы по сравнению с новой властью, как старая столовая ложка меркнет по сравнению с новенькой полированной...

Кларе захотелось умереть. Хуже быть уже просто не могло... Но нет, могло.

— Да, это того стоило, — повторила София. — Даже разрыв кровных уз между Кларой и ее ребенком стоил пленения Джинны Кэндл. Если бы я только так не ошиблась в Корделии...

— Достойная мамочкина наследница... — с презрением в голосе согласилась Рэммора.

Клара почувствовала, что больше не может... просто не может их слушать. Они... она не...

Ноги подкосились. Клара их больше не чувствовала. Все поплыло перед глазами, и она начала падать на пол. Время растворилось и умерло, воздух утратил прозрачность, потемнел и налился глубиной, как жидкость...

Клара опускалась так медленно, словно погружалась на дно пруда. По крайней мере, ей так казалось. За короткий миг

падения она прожила едва ли не две сотни часов мучительного увядания.

Упала она совершенно бесшумно, как воронье перо. Но боль она почувствовала пронзительную. Висок ударился о доску. Пол вонзился в Клару и потек в ее голову кровью. На какое-то мгновение ее поглотила темнота... Когда спустя секунду она вновь открыла глаза, то почувствовала, будто бы их вырезают острым ножом. Клара не до конца понимала, что происходит, и не могла в полной мере осознать, *как* то, о чем они говорили, может быть возможным.

И ей захотелось понять. Спросить у обеих, почему они такие чудовища.

Она уперла ладонь в пол и, шатаясь, поднялась на ноги. Превозмогая головокружение, она поглядела на дверь. Никто в комнате так ничего и не заметил: ни присутствия Клары, ни ее обморока. У них были свои дела.

Уже не осознавая, что делает, она шагнула к двери и повернула ручку.

Дверь скрипнула. Мать так волновалась перед встречей, что забыла запереть замок.

У камина стояли обе женщины. София Кроу, в своем обычном халате и тапочках, держала за плечо гостью. Это действительно была Рэммора Кэндл во всей своей красе: в фиолетовом платье и шляпке с перьями. В серебристых чулках и туфлях на очень высоких каблуках в тон платью.

Обе женщины обернулись и поглядели на нее.

— Клара? — опешила гостья.

Она даже отшатнулась, едва не ступив в камин, из которого пришла.

— Что, не ждала, тварь? — прошипела Клара.

— Ты ведь сказала, ее нет дома! — закричала Рэммора Софии.

— Клара, уйди! — велела мать. — Вон из моей комнаты! Что ты себе позволяешь?!

На какое-то мгновение она вновь стала напоминать себя прежнюю: высокую, гордую, непоколебимую, жестокую. Но она не учла лишь одной мелочи: Клара больше не была маленькой девочкой. Она не собиралась вот так просто слушаться.

— Что вы со мной сделали? — Клара шагнула вперед. — Что со мной сделали?

— Убери ее! — крикнула Рэммора.

София Кроу дернула рукой и отмахнулась от дочери, как от назойливой мухи. Невидимый порыв ветра ударил Клару в грудь и, вышвырнув ее из спальни матери, бросил в стену. Как только она оказалась за порогом, дверь с грохотом захлопнулась, щелкнул замок. Клара рухнула на пол и заплакала, вжимаясь в половицы. Она выла, как раненый зверь, обдирая щеку о доски.

Разговор за дверью продолжался.

— Что теперь будет? — взволнованно спросила Рэммора.

— Переживет, — безразлично ответила София. — Не обращай внимания на ее вытье. Нам нужно вернуться к нашим делам...

В отчаянии, переходящем в безумие, Клара прокусила нижнюю губу. Кровь потекла по подбородку и шее.

Дверь... дверь...

Никому не понять, как она возненавидела все, что было за ней. Никому не понять, как сильно она захотела, чтобы эта проклятая дверь просто сторела, превратилась в труху. Чтобы она разлетелась на куски.

Клара вскинула к двери сведенные судорогой руки. Петли задрожали и заходили ходуном. Ручка завибрировала и начала мерзко и пронзительно скрежетать, проворачиваясь против оси. В следующий миг раздался треск. Нет, дверь не отворилась — она просто вылетела из петель и с грохотом рухнула внутрь комнаты.

Клара поднялась на ноги и медленно пошла в спальню матери. Ее встретили два пораженных взгляда.

— Как ты смогла?.. — только и проговорила София. Она была потрясена и глядела на дочь так, словно видела ее впервые.

— Мой ребенок! — закричала Клара и в отчаянии вонзила пальцы себе в волосы. — Мой ребенок!

— София, убери эту помешанную, иначе мне придется... — начала Рэммора.

— Вы отняли у меня ребенка!

Клара в ярости выдернула руки из волос, выдирая и спутанные пряди. Помимо них в сторону отлетела и пара вплетенных в них катушек ниток.

Клара почувствовала, как ярость поднимается в ней, словно ртуть в термометре. А боль... настоящая и ни с чем не сравнимая боль наполняет ее и просится наружу. Она рванула руками в сторону Рэммору, будто воробна ударила когтями.

Ведьма Кэндл отреагировала мгновенно. Она обернулась кругом в вихре пламени, вырвавшегося из камина и объявшего ее изящным рыжим пальто. С режущим уши металлическим лязгом невидимые когти наткнулись на колдовской огонь и распались. Рэммора повела костлявыми плечами, и ее горящее пальто словно спало с них, убравшись обратно в камин.

Ведьма Кэндл криво усмехнулась и шагнула навстречу Кларе. Она соединила кисти рук, что-то прошептала, и из центра ее ладоней начали расти, увеличиваясь прямо на глазах, темно-зеленые стебли и увенчанные шипами извивающиеся лозы. В комнате вдруг поселился тлетворный запах болота.

Клара будто не замечала этого. Вжав голову в плечи, она покачивалась с носков на пятки и скалилась от боли и отчаяния.

— Помешанная, ты ничего мне не сможешь сделать! — презрительно бросила Рэммора и выдвинула ладони вперед.

Длинные колючие лозы начали стремительно удлиняться и поползли по воздуху к Кларе, словно щупальца. От этих лоз заветвились молодые отростки, раскрывая листья и разворачивая пурпурные корзинки цветков чертополоха. На пол закапал фиолетовый яд, с шипением прожигая доски.

Клара даже не попятилась. Будто в приступе безумия, она снова запустила пальцы в волосы и, дико крича, принялась вырывать их прядь за прядью, швыряя в ведьму Кэндл.

Волосы не падали на пол. Прежде чем они успевали опуститься, их будто подхватывали пальцы умелой пряжи и... да и не волосы это были больше! Клубясь в воздухе, черные и блестящие, словно выкованные из вороненого металла, нити стремительно наматывались, казалось, на невидимое веретено. Или, вернее, сами стали этим веретеном.

Клара замерла, глядя на заостренный черный предмет, висящий между ней и ведьмой Кэндл, а затем выдвинула вперед голову и дунула на него.

Колдовское орудие устремилось к Рэмморе. Все ее лозы одновременно ударили вороненое веретено, но оно вдруг остановилось и принялось танцевать в воздухе, наматывая на себя зеленые колючие стебли. Оно прыгало из стороны в сторону, вращаясь и петля за петлей накручивая на себя растения, росшие из рук ведьмы Кэндл.

Поняв, что колдовское веретено вот-вот намотает и ее саму, Рэммора негодуяще рыкнула, хлопнула ладонью о ладонь, ее лозы в тот же миг увяли и осыпались на пол безжизненным пеплом.

И тут освобожденное веретено дернулось в последний раз, развернулось и со всей силы ударило ведьму Кэндл по лицу. А затем распалось и посыпалось вниз уже в виде обычных волос.

С виду Рэмморе досталось не так уж сильно — лишь кровь текла из разбитой губы. Но вот самолюбию младшей сестры Кэндл было больнее.

— Ну все, дрянь! Ты за это заплатишь...

Рэммора сплюнула кровь на пол и, растопырив скрюченные пальцы, будто потянула что-то за нити из камина. В тот же миг оттуда к ее ногам поползли с хрустом собирающиеся из угля черные корни, словно где-то в стене пыталось прорасти дерево.

София предостерегающе вскинула руку, но остановить ни ученицу, ни дочь она уже не успела. Клара не стала больше колдовать — она прыгнула к Рэмморе и схватила ее так крепко, что под пальцами хрустнули кости. А в следующий миг, с легкостью оторвав не ожидавшую подобного ведьму Кэндл от пола, словно та весила не больше пушинки, Клара швырнула ее в камин.

Тело Рэмморы исчезло в поднявшемся столбом пламени. Крик повис и оборвался, как веревка неудачливого висельника.

— Что ты наделала?! — закричала мама, глядя на уже настоящему утратившую разум дочь.

София была в ужасе. И медленно-медленно пятилась к кровати.

— Нет, что *ты* наделала?! — в ответ закричала, повернувшись к ней, Клара. — Как ты могла?! Как посмела сделать такое со мной?!

— Я пыталась спасти Кроу!

— Тебе удалось, проклятая старуха! Правда?! — Клара шагнула к ней. — Ты отняла у меня ребенка, ты отдала его этим тварям. Ты помогла им разорвать кровные узы между матерью и ее дочерью... Ты заставила меня забыть!

— Так было нужно, ты просто не можешь понять...

— Двадцать три года... целых двадцать три года я жила с дырой в груди. Ты вырезала мое сердце и скормила его этим чудовищам! Ты вырезала из меня мою дочь и отдала ее им! И смеялась надо мной, когда я... когда пыталась... Ты все знала! Все! Все это время...

— Ты ничего не понимаешь, дочка! Я пыталась защитить тебя!

— Будь ты проклята!

— Я всего лишь пыталась защитить...

— *Вы* сделали это со мной! Мой ребенок! Твари! Твари!

Где-то наверху вдруг раздался шум.

— Что? Что это такое?

София испуганно поглядела в потолок. Под крышей дома что-то происходило. Как будто кто-то волочил по полу ржавую пружинную кровать.

— Будь ты проклята, старая карга! — прокричала Клара, и голос ее изменился. Он стал пронзительным и резким, как птичий крик.

В тот же миг на пару этажей выше раздался грохот. Это вылетела выбитая крышка люка, ведущего на чердак. С лестницы донеслось карканье, и в спальню Софии влетела стая ворон.

Клара потянулась к ним, и птицы за какое-то мгновение объяли ее всю. Худая фигура исчезла — она стала частью сплошной тучи, состоящей из клювов, перьев, когтей и птичьих глаз. Клара словно превратилась в одну из ворон в этой стае.

— Нет! — закричала София, отшатнувшись к кровати. — Не трогай меня! Ты не посмеешь! Я ведь твоя...

Черная оперенная туча набросилась на старуху и поглотила ее. Ужасные рваные крики старой ведьмы раздавались совсем недолго.

Когда стих последний, то, что некогда было стаей ворон, поднялось под потолок, оставив после себя лежащее на кровати, изуродованное тело с развороченным лицом и проломленной грудью. Кровь капала на дощатый пол с когтей и клювов. Комната Софии Кроу наполнилась карканьем.

Выбив окно, вороний клубок вылетел наружу, под дождь, и поднялся к крыше Гаррет-Кроу. Ветер затрепал перья и хвосты. Свет далеких фонарей блеснул в десятках черных глаз.

— Карраа Кррау... — раздалось карканье из глубины вороньей тучи, и та распалась, превратившись в обычную птичью стаю. Из нее выпала женщина.

Удар.

Темнота.

Клара лежала в грязи пустыря. Ее руки и ноги были сломаны во многих местах, кости кое-где даже пробили кожу. Платье намокло от крови и дождя. Багровая лужа растекалась вокруг головы.

— Я ухожу, мама... — прохрипела она и умерла.

А потом вновь открыла глаза. Кости ее вернулись на свои места, кровь перестала течь из всех ран, кроме прокушенной губы...

Без сил, не понимая, почему она до сих пор жива, Клара Кроу поползла по грязи к двери дома...

— Я ухожу, мама...

Рэммора Кэндл спускалась по широкой банковской лестнице и спотыкалась. И спотыкалась она даже чаще обычного, а все оттого, что каблук на одной из туфелек сломался — и так не вовремя (как будто это когда-то происходит вовремя!). Ко всему прочему Рэммору одолевало слишком сильное волнение, ее тело слишком болело, слишком много всего произошло...

Для нее все это было просто... слишком!

От головы ведьмы все еще поднимался дым. Ее волосы в некоторых местах неаккуратно топорщились, криво обретенные так, будто она сама взяла ножницы и решила что-то подправить в прическе. Что ж, так и было. Она кое-что *подправила*...

Немногим больше пятнадцати минут назад Рэммора вывалилась на пол из камина в своем флигеле. Чтобы описать ее в тот миг, лучше всего подошло бы два слова: «Какой кошмар!» Она обожгла локти, испачкала и разорвала платье, шляпка, едва держась, висела на последней булавке. Ведьма сломала руку, но самой ей казалось, что у нее переломано все тело. А еще из груди лез гадкий кашель, полный саж.

Рэммора выплюнула клуб дыма, облако пыли и кровь со слюной. Неизвестно, каким чудом она доползла до столика с вязанием и взяла оттуда ножницы. С остервенением и болью ведьма отрезала все катушки ниток, которые были вплетены в ее волосы, не заботясь о стрижке. И стоило только последней катушке отлететь в сторону, как она потеряла сознание.

Очнулась Рэммора здесь же, на полу своего флигеля, спустя всего пару минут. Больше у нее ничего не было сломано, раны и ожоги зажили, выбитые суставы вправились. Ведьма поднялась и огляделась.

Камин горел. За окном шел дождь. Сама она стояла в огромном пятне сажи, которое соединялось с камином широкой черной полосой, оставленной на полу ее же собственным телом.

«Как все-таки хорошо, что я не живу в доме, — подумала Рэммора. — Это было бы не лучшее появление из камина гостиной. Эффектное — да, но не лучшее. Вывалиться под ноги разъяренной Корделии... Нет уж!»

Все тело по-прежнему болело, но сквозь боль ощущалось и кое-что новое. В голове поселилось теплое мягкое спокойствие, смешанное с легким предвкушением чего-то приятного, как бывает, когда излечился от долгой болезни, но еще не до конца осознаешь это. Кровь в венах словно оттаяла и потекла с новой силой, согревая ее вечно мерзнущие руки, ноги и губы. А еще Рэмморе невероятно захотелось кофе и имбирного печенья. Захотелось больше, чем сигарету. И еще выйти под дождь. И снять чертовы туфли, чтобы ощутить пол под ногами. И открыть ставни, чтобы ветер поселился в волосах...

Не веря своему счастью, Рэммора зажмурилась и томно потянулась. Она вернулась. Ее силы снова были с ней.

И тут ее сердце кольнуло острой иглой, и эта невидимая ранка заныла, как будто из нее начали выкачивать кровь. Она все поняла. И решила действовать.

Первым делом ведьма привела в порядок платье и шляпку — о, она действительно снова была собой. Все эти простые вещи, на которые еще вчера она тратила невероятное количество усилий, теперь получались легко и быстро. Дыры на платье затянулись, ткань очистилась и разгладилась, как будто ничего и не было — никаких тебе кувырканий в золе через камины. Не забыла Рэммора стереть также сажу и кровавые потеки с кожи.

Вернув себе пристойный вид, она взяла сумочку и снова подошла к камину. Огонь горел достаточно сильно. Ведьма ткнула кочергой в угли, проверяя, нет ли кого на той стороне. Кочерга не побелела, когда она ее вытащила, что означало: нечаянных свидетелей ее невиданному появлению не будет. Удовлетворенная этим фактом, Рэммора пригнулась и шагнула прямо в камин. Огонь, поднявшийся столбом, поглотил ее.

В следующее мгновение младшая сестра Кэндл перенеслась за несколько миль от Крик-Холла и пристроенного к нему флигеля. Ведьма оказалась в самом центре города, а если точнее, в здании «Банка гг. Горбэнкс», на третьем этаже, в небольшом вестибюле для особо важных клиентов.

Как Рэммора и предполагала, вестибюль был пуст. Камин, из которого она появилась, ярко горел, освещая зал с высокими потолками и деревянными панелями на стенах. У камина стояли глубокие кресла для тех, кто приносит банку *настоящие* деньги.

Быстрым шагом Рэммора направилась к ведущей вниз лестнице. На первой же ступени левый каблук подломился. Ведьма едва успела поймать равновесие.

«Должно быть, подарочек напоследок от любимой наставницы», — с ненавистью подумала она.

Ее наставница, единственная, кто ее, как она думала, понимал, была мертва — ведьма Кэндл почувствовала это сразу же, как только старуха испустила дух. Связь Рэмморы

с Софией Кроу была крепче, чем у близких родственников, крепче, чем бывает даже у близнецов. Старая ведьма перестала существовать, и связь тут же исчезла, словно кто-то перерезал нитку. Еще утром Рэммора горько сожалела бы, страдала бы и, несомненно, очень горевала бы по той, что наставляла ее столько лет, но теперь думала: «Поделом тебе».

Причиной столь резкой перемены стало неожиданное открытие. Такое бывает, когда человек, которому ты доверяешь, как самому себе, спускаясь за тобой по лестнице, вдруг толкает тебя в спину, и ты падаешь, катишься по ступеням вниз, ломая кости и сворачивая шею с единственной лишь мыслью: «За что?!»

Старуха предала ее. Когда эта помешанная Клара заявила в комнату, скулящая, как побитая собака, София не заметила — или сделала вид, что не заметила, чтобы не выдать себя, — как та в приступе безумия вырвала с волосами катушку ниток. Но Рэммора все видела: силы беспомощной Клары возросли многократно, стоило катушке отлететь прочь. Да, у нее в волосах оставалось еще около десятка их, но то, что она творила, лишившись всего одной, впечатляло!.. Колдовская нить, связывающая силы... Это вовсе не Корделия лишила сил Рэммору, как пыталась убедить ее София, а старуха лично: она сама заставила ее нацепить свои катушки, а еще всякий раз проверяла, «не снимала ли она катушечки, ее личные обереги, чтобы злые сестры Кэндл не смогли причинить никакого вреда любимой ученице».

А она, наивная дурочка, и верила, ведь глава ковена, бывшая Верховная, не навредит своей единственной последовательнице! Тварь...

Понятно, почему она связала силы своей дочери: та непредсказуема и безумна, поди угадай, что она выкинет, да еще и при ее-то былых возможностях. Но зачем ее, Рэммору, было связывать? Зачем?! Этого младшая ведьма Кэндл не понимала. Рэммора возненавидела старуху за ее ложь и предательство.

Как София могла так поступить со своей единственной ученицей?!

Но ничего, утешала себя Рэммора, она и без старухи доведет дело до конца и помешает Корделии воплотить ее план. Да, в одиночку, да, лишённая совета, но у нее все получится.

Рэммору уже не волновало, кто написал провокационную записку. Сейчас у нее были дела намного более важные и намного более срочные.

Младшая ведьма Кэндл и не заметила, как оказалась на первом этаже. Вот и нужный ей коридор! Не успела она пройти по нему и десяти шагов, как дверь одного из кабинетов распахнулась, и ей навстречу вышел молодой человек в темно-зеленом пальто и шляпе. Потрясенная, Рэммора застыла на месте, глядя на родного племянника.

Виктор захлопнул дверь и приблизился танцующей походкой.

— Мое почтение, мадам! — радостно поприветствовал он тетюшку и, не оборачиваясь, поскользился по мраморному полу прочь.

Рэммора глядела ему вслед и никак не могла отойти от шока. Что он здесь делает? Почему?

«Так, успокойся, — мысленно встряхнула она себя, когда ее племянник скрылся за углом. — Корделия говорила, что такое может случиться. Он иногда проверяет своих тварей. Как они работают и тому подобное... Это не Виктор. И он меня не узнал. Вот и хорошо... А я, кажется, пришла туда, куда нужно».

Рэммора подошла к двери. На ней висела медная табличка: *«Бул Колдрон, эсквайр. Старший клерк, уполномоченное лицо банка в вопросах...»* Далее размещался весьма длинный список вопросов, в которых был уполномочен хозяин кабинета, что делало честь его деловой хватке.

Рэммора заставила себя собраться. Да, они его уже поймали, но речь ведь идет не о дружеских посиделках. Кто знает,

что он может выкинуть. И пусть Мегана уверяет, что цепи нельзя разорвать, но это же всего лишь слова напыщенной гусыни, и только!

Младшая ведьма Кэндл сделала глубокий вздох и, не став стучать или спрашивать чьего-то дозволения, бесцеремонно повернула ручку.

Когда дверь открылась, Рэммора увидела стоящего к ней спиной толстяка. Услышав скрип двери, тот обернулся так резко, будто только и ждал удара в спину. Сразу же стало ясно: он предполагал увидеть не ее. И все равно толстяк разозлился.

— Кто вас впустил? — гневно спросил он. — Вы по записи?

— О, нет-нет, сэр... — начала Рэммора, нацепив маску трагизма и глубоких душевных страданий. — У меня очень срочное дело, и я надеюсь, вы мне поможете.

— Боюсь, что мне нет дела до ваших... гхм... дел, — резко сказал хозяин кабинета, усаживаясь в свое кресло и начиная с показной занятостью листать какие-то бумаги в папках. — У меня горит отчет, и мне нужно закрыть его к праздникам.

— Ах! — жалобно выдохнула Рэммора. — Неужели вы меня сейчас выгоните? Неужели в вас нет ни капли сострадания к бедной женщине? Женщине, у которой... — она всхлипнула и промокнула уголок глаза перчаткой, — у которой случилось такое горе...

— Что за горе? — подозрительно поглядел на посетительницу мистер Колдрон.

— Моя... ах, моя... — она не выдержала, разрыдалась и тяжело рухнула в кресло для посетителей.

Клерк вскочил на ноги так резво, как будто в кабинете вдруг, как и за окном, пошел дождь, и тот попал ему за шиворот. Он подошел к плачущей женщине и неловко предложил ей свой платок. Она взяла не глядя, продолжая плакать в кружевную перчатку.

— Что у вас произошло? — спросил мистер Колдрон.

— Моя бедная тетушка... — всхлипнула Рэммора, — ах, как я ее любила...

— Почила с миром? — понимающе спросил мистер Колдрон, утешительно тербя посетительницу по плечу.

Рэммора на мгновение вздрогнула, представив себе, как именно «почила» София Кроу, и ничего мирного в этом не увидела. Но тем не менее хитрая ведьма продолжила:

— Все верно! Она была совсем плоха! И вот... и вот ее не стало.

— Мадам, но чем я-то вам могу помочь? — удивился мистер Колдрон. — Я ведь не занимаюсь похоронными услугами.

— Да, но вы занимаетесь деньгами и имуществом, не так ли? — осторожно выглядывая из-под перчатки, спросила Рэммора. — Мой адвокат, мистер Перкинс, старший партнер конторы «Перкинс и Мобб», что в Лондоне, заверил меня, что мне никто не поможет, кроме некоего почтенного мистера Колдрона, который занимался вопросами завещания и наследования моей тетушки. Он вас очень рекомендовал.

— Лестно слышать, мадам, — покивал клерк и, удостоверившись, что истерика не планируется, поспешил вернуться в свое уютное кресло. Сегодня ему почему-то никак не удавалось просидеть в нем и пяти минут — не к добру это. — И вам все правильно сказали: я занимаюсь деньгами и имуществом, но я не представляю, кем была ваша тетушка и кто вы такая. Прошу вас, утрите слезы и представьтесь.

Рэммора достала пудреницу. Повозившись с защелкой, она откинула крышечку и, сделав вид, что пытается припудрить покрасневший после наигранного плача нос, вытащила оттуда нечто круглое и скользкое. Она крепко сжала это нечто между пальцами, исподтишка направила на клерка и закрыла глаза.

В тот же миг в темноте опущенных век возник размытый образ — будто бы чей-то неясный силуэт. С каждым

мгновением фигура по другую сторону стола обретала все большую четкость. Чем различимее она становилась, тем меньше оставалось в ней человеческого.

Это определенно был Котел. Чугунное брюхо, приваренное к жаровне с решеткой, металлические каркасы, топка и крошечная темнота на месте сердца.

Что ж, Мегана сказала правду. Тварь, которую она изложила, действительно прикидывалась мистером Боулом Колдроном, старшим клерком «Банка гг. Горбэнкс». Но, судя по человеческому облику этого существа (потееющему толстяку с широкой красной плешью на макушке и трясущимися руками), поймать его вряд ли составило много труда. По крайней мере, это должно было быть гораздо легче, чем то, как это пыталась подать Мегана. А как она распиналась! Мол, пришлось погоняться, попотеть, проявить хитрость и изобретательность! Фу, противно! Хотя, что ей еще остается — только вот так, при помощи жалоб и преувеличения собственных заслуг, пытаться выклянчить немного благосклонности у Корделии.

Рэммора удовлетворенно улыбнулась — она пришла по адресу. Ведьма спрятала кошачий глаз, окончательно вытерла слезы и пытливо поглядела на толстяка.

— Мое имя мисс Тауни Браун, — сказала Рэммора Кэндл. — И меня интересует завещание и наследство моей недавно почившей тетушки.

— Мэм, вы ведь, надеюсь, знаете, что все дела о наследовании рассматриваются по истечении определенного срока после... кхм... отхода в... кхм... иной мир умершего лица. Умершее лицо... э-э-э... ваша почтенная тетушка... когда она почилла с миром?

«Полчаса назад», — подумала Рэммора.

— О, сроки не имеют значения! — снова всхлипнула ведьма, в очередной раз запуская пластинку трагичности. — Ведь разговор о том, как я ее любила!

— А я-то полагал, что разговор о наследстве, — нахмурился мистер Колдрон. — И вообще, мисс, к сожалению, я ничем не могу вам помочь. Я должен получить официальное заключение, свидетельство о смерти и еще много-много важных документов. И лишь потом старший клерк по имени Боул Колдрон, эсквайр, будет вправе рассмотреть дело о наследовании. И тогда все только начнется, а это, смею заверить, весьма небыстрая процедура и... Сожалею.

Банковский клерк выжидающе посмотрел на посетительницу, всем своим видом намекая ей, что есть и другой, ускоренный, способ решения ее проблемы — конечно же, речь шла о портретах Его Величества в некотором количестве.

— Как жаль! — делано огорчилась Рэммора. — А мне рекомендовали вас как настоящего профессионала, как подлинную финансовую акулу, как мастера своего дела, как... лучшего в городе.

— Неужели? — заинтересованно приподнял бровь толстяк. — Этот ваш мистер Перкинс из Лондона весьма высокого обо мне...

— Мне говорил о вас не только мистер Перкинс. — Рэммора повозилась в сумочке. — Здесь все сказано.

Она протянула клерку сложенный вчетверо листок бумаги.

Мистер Колдрон развернул записку. В ней были написаны всего две буквы: «К. К.» Он вздрогнул, кажется, удивился, поднял на посетительницу глаза и в следующее мгновение вдруг кивнул. Взгляд его при этом медленно погас, как выключенные фары автомобиля, — с некоторым постепенным затуханием.

— Что от меня требуется? — спросил он глухим голосом. Рэммора перестала притворяться.

— Вот и славненько, — сказала она своим обычным тоном, полным издевки и иронии. — А то этот спектакль меня уже порядком утомил. Прежде всего, мистер Колдрон, я хотела

бы получить инструкции, которые были вам выданы последними. Мне нужно их увидеть. Немедленно.

Всем своим видом походя на вялого пациента лечебницы для душевнобольных «Бедлам», клерк неторопливо полез рукой во внутренний карман пиджака. Оттуда он извлек коричневый конверт и протянул его посетительнице.

Рэммора открыла конверт.

Да, старуха не лгала, когда говорила, что этот тип навесывался к ним и пытался угрожать. Тогда еще младшая сестра Кэндл не знала, кто именно руководит его действиями, но искренне полагала, что это не кто иная, как Мегана, хотя мотив ее был неясен. Сейчас же, взглядевшись в письмо и мгновенно узнав почерк, она поняла, что ошибалась. Эти инструкции написал Джозеф, хоть и поставил инициалы Корделии в конце.

Что ж, теперь все встало на свои места. Джозеф захотел окончательно унижить мать и сестру и для этого решил отобрать у них дом. Мысль и правда неплохая, но вот жалость: у нее, Рэммору Кэндл, истинной наследницы Гаррет-Кроу, есть собственные мысли на этот счет.

— Мистер Колдрон, — сказала она, возвращая толстяку записку (незачем выдавать себя раньше времени, забирая ее с собой). — Учитывая, что вы очень серьезно подошли к делам такого себе поместья Гаррет-Кроу и его жильцов, я могу надеяться, что у вас есть все бумаги, касающиеся и остальной собственности семьи Кроу? Да и завещание покойной Софии Кроу, нужно полагать, также находится у вас. Я требую немедленно мне его предоставить.

Мистер Колдрон, по-прежнему находясь в некоей прострации, встал и сонной походкой направился к стеллажам. Покопавшись на одной из полок, он извлек оттуда коричневую папку и вернулся за стол. Машинально распутав завязки, он достал кипу бумаг. Одну из них он протянул посетительнице.

Рэммора пробежала документ глазами, бормоча себе под нос.

— «Я, *София Кроу*, находясь в здравом уме и твердой памяти...» так-так... Ага! — воскликнула она. — Вот оно! «*Завещаю мой дом, особняк Гаррет-Кроу, моей любимой ученице и преданной подруге Рэмморе Кэндл*». Мистер Колдрон, вы видите это? Одно-единственное имя. Мое. Меня зовут Рэммора Кэндл. Без «эсквайр»! Я хочу немедленно получить мое наследство! Как это сделать?

— Делу семьи Кроу уже был дан ход, — начал клерк. — Душеприказчик мадам Кроу, мистер Арнольд, давно перестал служить семье Кроу, так как упомянутые господа были не в состоянии оплачивать его услуги. Посему копия завещания осталась на попечении конторы и могла быть выдана по первому требованию причастных лиц. Я получил заверенную копию, которая и находится у вас в руках. Для того чтобы привести завещание в исполнение, требуется официальное уведомление о смерти завещателя, но это формальность. Привести завещание в исполнение может любой назначенный адвокат, но это формальность. Приведение завещания в исполнение надлежит проводить в последнем месте жительства покойного, но это формальность. Так как вы единственный наследник и тяжб не намечается, чтобы получить наследство, вам нужно подтвердить вашу личность, но это...

— Формальность, — торопливо закончила Рэммора. — Мистер Колдрон, как я могу получить мое наследство, — она сделала выразительную паузу, — опустив все формальности?

— Поставьте здесь подпись, — он протянул ей бумаги из толстой кипы и кивнул на чернильную ручку для посетителей. — И вот здесь. А еще здесь и вот здесь... Все верно. Я передам бумаги адвокату банка, и он все подготовит. А сейчас поздравляю: вы вступили в наследование Гаррет-Кроу и всего имущества, находящегося на его территории.

— Как все оказывается легко и просто, если ты ведьма, — самодовольно сказала Рэммора. — Никаких тебе очередей, никаких проволочек, беготни по кабинетам, суетливых адвокатов, никакой бюрократии.

— Что-нибудь еще, мадам? — спросил клерк.

— Отнюдь, мистер Колдрон. Последнее уточнение. Я хоть сейчас могу отправиться в Гаррет-Кроу и объявить всем тамошним крысам, что у них появилась новая хозяйка?

— Да, официальное подтверждение и уведомления для всех оставленных за завещанием лиц — это всего лишь формальность.

— То есть я могу прийти туда и вышвырнуть помешанную девчонку Кроу за двери? — Рэммора безжалостно улыбнулась. — Что ж, не говорите, я и так уже поняла. Благодарю за содействие, мистер Колдрон. Я знаю, как вы заняты, поэтому не буду вас более отвлекать.

Она кивнула клерку, поднялась на ноги и направилась к двери.

Как только ведьма вышла в коридор, мистер Колдрон, провожающий ее тусклым взглядом, хмыкнул и улыбнулся. Он вновь стал собой... Хотя, по правде сказать, он все это время собой и оставался. Что ж, теперь он знает, кто именно им манипулировал. Теперь он знает и расскажет обо всем боссу!

Мистер Колдрон поднялся, но стоило ему оказаться на ногах, как от всей его решительности не осталось и следа. Босс недавно ушел, и настроение у него было не из лучших. А у него, Боула Колдрона, эсквайра, еще отчет недоделан... Стоит ли эта странная мисс Кэндл, которой совершенно наплевать на заботы деловых людей, того, чтобы бежать за боссом и разыскивать его по всему городу? И еще, возможно, угодить при этом под дождь! Да, она является сюда и начинает дергать им, как ей вздумается, но какова все-таки срочность? Или это может немного подождать... Что ж,

пожалуй, ничего страшного не произойдет, если он все же сперва доделает отчеты...

— Да, — уверил он себя. — Ничего страшного не произойдет.

В гостиной Крик-Холла горел камин, на каждом столике стояли канделябры с десятками свечей, хозяева зажгли все лампы, а под потолком висели светящиеся шарiki.

И все равно было темно. Быть может, так казалось из-за мрачных нарядов гостей или из-за позднего дождливого вечера за окном, который будто пытался пролезть в дом. Но скорее всего, обстановка в гостиной выглядела зловещей и мрачной сугубо для Виктора, который бродил среди этих чужаков, никем не узнаваемый, ни с кем не обменивающийся даже парой слов, никем не замечаемый.

Собственная незначительность Виктору сейчас была только на руку. В среде репортеров, ведущих журналистское расследование, незаметность ценится превыше всего, и шанс оказаться там, где на тебя не обращают никакого внимания, выдается очень редко. Виктор не мог его упустить: он слушал, глядел и подмечал. И то, что он видел, ему не нравилось, более того — оно его пугало. Как пугало старую госпожу Джину Кэндл электричество. К слову, именно из-за этого в Крик-Холле до сих пор было только газовое освещение.

Виктор вдруг поймал себя на мысли, что никогда раньше не задумывался о том, как же в таком случае работают холодильник или радиоприемник. Что ж, теперь он знал. Чтобы сохранить колбасу в холоде или послушать любимое радишоу, маме не нужно электричество.

В гостиной собралось столько народу, что Виктору порой приходилось протискиваться. В некоторых из присутствующих он узнавал дальних родственников, но никакого воодушевления от подобных встреч не испытывал. Виктор

чувствовал себя среди всех этих людей неуютно, неловко и неуместно. Плохое настроение усугублялось тем, что у него был всего один костюм — темно-зеленая тройка, в которой он приехал, в то время как гости разошлись, как на бал.

Когда они с Кристиной вернулись домой, сестра велела ему ждать здесь и проследить, чтобы никто не занял «своей наглой гостевой тушкой» место для славного малыша». Сама она тем временем собиралась спросить у мамы разрешения собрать свою «расчудесную» покупку в гостиной. Виктор уже начал было спорить, но Кристина, не желая ничего слушать, заявила: «Ты обещал помочь, так что только попробуй улизнуть, мистер Ленивый Ускользун!» — и убежала на кухню. Разрешение спрашивалось уже больше часа...

Именно так Виктор и оказался брошен и забыт в море чужих бесед, сигарно-сигаретного дыма и хриплого, каркающего смеха. Злясь, как это часто случалось в последнее время, на весь проклятый мир, он застыл у камина в полном одиночестве, протянув руки к огню.

Над головой невысоко висел один из этих странных свещающихся шариков...

Виктора вдруг заинтересовал вопрос: а что случится, если дотянуться и ткнуть в него? Не упадет ли он тогда на кого-нибудь из этих гостей? Важности и напыщенности у кого-то из них в таком случае точно поубавится — может, тот даже, глубоко оскорбившись, отправится в свою комнату и вечер (лично для него, Виктора) будет не так сильно испорчен...

Виктор в тот момент еще не знал, что для него вечер испорчен не будет. Поскольку этим вечером он умрет. Да, все верно: умрет.

Сам бы он, не без доли фатализма, посчитал, что лучше и быть не может: отправиться на покой, перестать испытывать боль и ненависть к той, которая совершила столь немыслимую подлость. Лучше бы она переехала его машиной. Лучше бы

удавила его во сне. Лучше бы... Да что угодно лучше, чем наблюдать самодовольную рожу кузена Сирила, расхаживающего повсюду и рассуждающего на всю гостиную, как ему повезло и как он счастлив, при этом не упуская случая упомянуть, что когда-то его невеста бросила его кузена-неудачника Виктора, который «только что был где-то здесь. Вы его не видели? Такой неприметный хлыщ в нищенском зеленом костюмчике...».

Да, знай Виктор, что его вскоре ждет, он бы не сомневался: это лучший вечер, чтобы сбежать от всего, что его окружает и что он так ненавидит. Но он не знал. Он ненавидел Сирила, ненавидел его близняшку-подпевалу Мими, ненавидел Сашу. И с ненавистью глядел на висящие над головами гостей стеклянные шары, рассеивающие теплый рыжеватый свет.

Шары эти висели сами по себе — никаких нитей. Виктор решил, что к этому приложили руку фокусники Петровски, хотя, быть может, во всем виноваты и... ведьмы. Он уже ни в чем не был уверен. Кроме разве что того, что еще пару дней назад он ни за что не поверил бы даже в само существование ведьм.

Неприятнее всего было перестать лгать самому себе и принять тот факт, что он вообще ничего не хотел замечать у себя под носом, что странности, окружающие его сейчас, не появились вдруг из ниоткуда, что различное необъяснимое, абсурдное и попросту невозможное творилось прямо у него на глазах с самого детства.

Он был зол. Оскорблен. В ярости. Он чувствовал себя так, будто стал жертвой жестокого розыгрыша, обмана, и еще горше становилось от понимания того, что никто его ни разу так и не обманул. Даже тетушка Рэммора, поджигающая сигареты взглядом. Он сам виноват — и почему ни разу не спросил, как она это делает, при этом помешав ей, как обычно, отшутиться? Должно быть, потому что все это его не

слишком интересовало. Но сейчас... О да, сейчас он не мог перестать думать об этом. Не мог больше отвести взгляд или проигнорировать. Он словно оттолкнул от себя полупрозрачную портьеру, которая загораживала сцену. На первый взгляд все осталось таким же, как и за мгновение до того, но все эти мелочи (обрывки разговоров, странности в поведении, манерах и внешнем виде ведущих их людей, кое-какие изменения в доме и прочее) больше не могли прятаться и сливаться с обстановкой с прежней легкостью. Виктор сразу же стал замечать, как замечает человек, которому шепнули на ухо: «Все кругом — не то, чем кажется. Погляди: они же все прикидываются...»

Кот Коннелли, который просто ненавидит, когда его называют Конни, запрыгивает на высокую спинку кресла, в котором сидит дядюшка Джозеф. Но этот кот ведь ничего не видит, поскольку глаза его скрыты повязкой. Как же он в таком случае ориентируется? Да и прыжком это тяжело назвать — скорее он вальяжно воспаряет на спинку дядюшкиного кресла.

Дядюшка Джозеф в безупречном вишневом костюме с нафабренной прической, с заглаженными назад иссиня-черными волосами... Да ведь еще вчера вечером он был отчаянно лысоват, а оставшиеся жалкие локоны напоминали скомканную белесую паутину! И это касалось не только его прически. Форма лица, фигура — все изменилось: дядюшка подтянулся, осанка выпрямилась, он избавился от живота и обвислых щек. Если на его лице и остались морщины, то они делали его скорее величественным, нежели старым. И как так вышло, что вечно простуженная развалина дядюшка Джозеф превратилась в почтенного джентльмена мистера Кэндла, великолепного хозяина Крик-Холла? А как он себя важно держит! Как церемонно он беседует с немолодым грубого вида мужчиной, которого зовут то ли Фирч, то ли Ферч!

Сам то ли Фирч, то ли Ферч все отпивает и отпивает из своего бокала вино, но дело в том, что стеклянный бокал прозрачен и прекрасно видно: стоит вино закончиться, как оно появляется в нем снова. То ли Фирч, то ли Ферч при этом рассеянно барабанит пальцами по столу, на котором за считанные мгновения засыхают стоящие в вазе цветы. Их лепестки и листья опадают на кружевную салфетку, но в следующую же секунду поднимаются по воздуху обратно, цепляются на свои прежние места, при этом багрянец и зелень тут же возвращаются в бутоны и стебли так, словно кто-то намеренно сгущает краски.

Краски сгущала пожилая дама с пугающим своей нелепостью совершенно детским лицом, которая в волнении и страхе сжимала столешницу с другой стороны. Так выражалась ее неосознанная реакция на ворчание и упреки еще более древней старухи, отчитывающей ее, словно девочку.

«Матери и дочери никогда не меняются, — подумал Виктор. — Но не все матери при этом заставляют свою дочь испытывать боль, одним лишь взглядом прочерчивая у нее на скуле тонкую кровавую полосу, будто опасной бритвой».

Должно быть, дочь сильно провинилась. Хотя, учитывая склочный вид матушки (чрезмерно напудренного ходячего трупа в огромной шляпе, в тени которой мог бы укрыться от дождя, наверное, полк солдат), легко было предположить, что ее дочь всего лишь съела на одно пирожное больше, нежели ей полагалось.

Пирожные с заварным кремом и сахарной пудрой, выставленные на огромном серебряном блюде, в свою очередь, пользовались особым вниманием миссис Маргарет Тилли, председателя почетного Клуба Настоящих Леди Уэлихолна, членом которого была тетушка Мегана. Вела себя миссис Тилли, как отметил Виктор, не совсем так, как должны себя вести Настоящие Леди. Быть может, это были всего лишь жадность и обжорство, а вовсе никакое не колдовство, но миссис

Тилли как раз отправляла в рот уже восьмое или девятое пирожное. Прodelывала она это одним быстрым движением, и пирожное мгновенно исчезало в ее словно внезапно расширившемся рту. Одного такого пирожного Виктору хватило бы на довольно продолжительное чаепитие, но миссис Тилли, видимо, решила победить их все и пока что справлялась весьма недурно. Как и стайка непримечательных джентльменов у другого подноса с угощением. Те и вовсе не утруждались засовыванием пирожных в рот. Они просто брали их в руку, и угощение стремительно исчезало прямо оттуда. Виктора даже передернуло, когда он представил себе, что у каждого из этих незнакомых неприятных типов в ладонях прорезаны вторые рты.

Что касается второго рта, то и второй, а заодно и третий с четвертым точно имелись в наличии у мадам Селен Палмер, поскольку она одновременно умудрялась пожаловаться на свою горькую судьбу или на «нынешнюю, не заслуживающую доверия и неизменно разочаровывающую молодежь» одновременно доброй дюжине собеседников. Если она и обладала колдовской силой, то это точно было мастерство сплетницы.

— ...Невероятная неблагодарность, миссис Саммер! — возмущалась Селен громким шепотом, склонившись к уху сморщенной женщины с кривым носом и длинным тонким подбородком. — Это ведь я ее всему научила!

— ...И вообразите только мое удивление, мистер Тачбоун, когда я выяснила, что их младший мальчишка даже не знает азов тайной грамоты, — презрительно бросила в то же время Селен горбуну, которого больше портила безвкусная полосатая жилетка, чем его горб. — Это просто неприемлемо! Что говорить о нынешнем подходе к воспитанию...

— ...А чемоданы? Они такие тяжелые... — жаловалась Селен смуглому человеку в идеально сидящем костюме; она называла его «мой дорогой посол». — Конечно, я не могла не

взять с собой все свои старые, но никогда не устаревающие книги по воспитанию молодых леди, желающих приобщиться к тайной науке. Если бы мне не возбранялось самой доставить чемоданы от машины прямоком в мою комнату, если вы понимаете, о чем я, ну, через окно, я бы не просила этого неотесанного, невоспитанного чурбана...

И так далее...

Что ж, Виктор и правда чувствовал себя чурбаном. Как можно было списать всего лишь на странность то, что отражение стоящей возле большого зеркала гостиной миловидной женщины вертится на месте, словно великосветская модница, поправляя прическу и отряхивая платье, притом что сама женщина стоит на месте и вовсе не шевелится? Или как можно было списать на дешевые трюки и цирковые фокусы выходки Петровски? Чета известных гастролеров развлекала прочих гостей, но явно больше развлекалась сама, демонстрируя свои «умения» и при этом бессовестно делая вид, что ничего не происходит. Фред ненавязчиво и с некоторой ленцой во взгляде — разве только не зевая — вдруг взял и прошел прямо сквозь жену, словно она бестелесный призрак. Мари ответила ему тем же — и так же беззаботно. И это было самое безобидное и банальное из того, что они вытворяли. Выходки Петровски, как ни странно, не вызывали ни всеобщего восхищения, ни вообще какой-либо иной реакции, кроме осуждения и хмурых взглядов. Это общество явно не одобряло не только их образ жизни, но и их экспрессивность.

Между тем прочие вели себя не менее вызывающе и подозрительно. Десятки странных людей в незаметно расширившейся едва ли не вдвое гостиной...

Дом, к слову, также изменился. Появились комнаты, которых раньше не было, — теперь каждый этаж напоминал гостиничный коридор с дюжиной дверей по каждую сторону, разве что медные номерки отсутствовали...

И никого все это не смущало!

Родственнички-Кэндлы — кто бы сомневался! — были в курсе происходящего. Даже младшие дети.

Виктор понял это, когда стал свидетелем крайне неприятной сцены, произошедшей в углу гостиной, в тени картины, на которой был изображен дедушка, старый господин Кэндл.

Беседа велась громким шепотом. Две фигуры — маленькая и большая — напоминали персонажей страшной сказки: их тени падали на стену зловещими непроглядными силуэтами, и в дрожащем свете свечей казалось, будто они стекают чернильными потоками на пол. Маленькая фигура принадлежала Томми, большая — дядюшке Джозефу. Поначалу Виктор предположил, что дядюшку, должно быть, уже утомила светская беседа, но после первых же оброненных слов он понял, что Джозефа просто застали врасплох.

— ...Я думаю, мама не станет с тобой церемониться, — говорил Томми с незнакомыми угрожающими нотками в голосе. Он, кажется, нисколько не боялся нависшую над ним и сжавшую кулаки громадину дядюшки. — Особенно после того, как все узнает. Она сказала тетушке Мегане, я сам слышал, что она только теряет с тобой терпение, и еще хотя бы одна выходка...

На дядюшку было страшно смотреть. Его помолодевшее лицо исказилось от ненависти. Виктор решил, что он вот-вот разорвет Томми голыми руками, после чего с плотоядным восторгом разбросает его куски по всей гостиной.

— Ты! — дядюшка в ярости ткнул пальцем в племянника. Он был так поражен, что казалось, вот-вот задохнется, поскольку просто забудет сделать вдох. — Ты... смеешь являться сюда и угрожать мне? Это... это... это достойно уважения.

— Что? — не поверил Томми собственным ушам. Виктор был озадачен не меньше.

— У тебя есть хребет, — справедливо заметил дядюшка. Судя по всему, дядюшка больше не злился — странное дело, но выглядел он откровенно довольным. — Ты настоящий

Кэндл, не то что твой жалкий папочка или этот тюфяк Виктор. То, что ты отрастил зубки, достойно уважения... Так уж и быть, я сделаю то, что ты просишь. Я сниму с тебя проклятие. Стой и не шевелись.

Томми застыл, будто не в силах поверить, что все прошло так легко, а дядюшка взял его одной рукой за плечо, а другой размахнулся и... пощечина обожгла мальчику щеку. Томми вскрикнул.

Никто из присутствующих не обратил внимания — все были слишком заняты своими делами. Виктор дернулся, но ничего не успел сделать. А еще он подумал, что мальчишка сам заслужил, — он ведь действительно угрожал.

На глаза Томми наворачивались слезы. Мальчик был готов расплакаться от боли и обиды.

— Не смей, — пригрозил Джозеф Кэндл, вцепившись ему в плечо своими кривыми пальцами. — Не порти момент. Не смей реветь, не заставляй меня думать, что я в тебе обманулся.

— Это что, было обязательно? — пытаюсь сдержать слезы, проканючил Томми, потирая щеку. — Только так можно было снять проклятие?

— Нет, но мне очень захотелось, — злобно признался дядюшка. — И еще. Никогда больше не смей мне угрожать, ты, жалкий мальчишка. Иначе поплатишься. Радуйся, что сейчас твоя наглость тебе помогла, но твое везение распространяется только на этот раз. А теперь брысь отсюда, у меня встреча.

Томми последовал приказу, а дядюшка Джозеф, смерив его удаляющуюся фигуру преисполненным подозрения взглядом, кивнул мистеру Греггсону, тому самому, что прибыл в Крик-Холл вместе с женой и дочерьми, и отправился в библиотеку. Мистер Греггсон последовал за ним, ведя за собой, словно на поводке, свою старшую дочь, кашляющую и спотыкающуюся через шаг. Виктор подумал, что ей лучше бы

в постели полежать, чем составлять компанию отцу и дышать всем этим дымом...

Они ушли, и Виктор продолжил наблюдение. Его снова отчаянно заинтересовал кот. Особенно после того, что он слышал.

— Коннелли? Его глаза? Какая жалость! Но ты уверен? Подумать только?! Что бы это могло значить? — удивленным полусшепотом щебетала девушка с брошью и пером в извивающейся волнами прическе. Она говорила с восьмифутовым великаном в дорогом черном костюме-тройке, который был ее немым братом. Хоупы. Джелия и Найджел. Виктор «познакомился» с ними вчера, когда тащил гигантские чемоданы по лестнице, ведь гости, само собой, и не думали заниматься своим багажом.

— Но откуда ты знаешь? — спросила девушка.

Отвечая на ее вопрос, Найджел дернул щекой и приподнял бровь, но Джелия прекрасно все поняла, поскольку тут же продолжила:

— Они сами вырезали их? Должно быть, он их ненавидит. Да, ты прав: ему есть за что их ненавидеть.

Найджел ничего не произнес — он лаконично поджал левый уголок губы и едва заметно прищурил правый глаз. Возмущение Джелии лишь возросло, когда брат дернул кончиком носа.

— Да плевать мне на их кота! Как ты не поймешь: меня волнует, зачем они это сделали! Все предельно просто: то ли им нужно было куда-то заглянуть, то ли что-то подсмотреть, то ли кого-то увидеть. Ты ведь понимаешь, о чем я?

Найджел понимал — это было видно по его расширившимся ноздрям. Но тут он сделал совершенно невероятное — слегка наклонил голову набок, нахмурил лоб и пошевелил губами.

— А я хочу знать точно! — ответила Джелия, неизвестно отчего вдруг впад в ярость, что ее заметно испортило. — Ты ведь догадываешься о том, что она затевает! Думаешь, самое

время рискнуть и подлизаться к ней? Не бойся, она слишком занята своими постоянными ссорами с сестрами. Ты слышал, как она кричала, когда Рэммора отлучилась из кухни без ее ведома?..

Виктор закрыл глаза и потер веки. Он устал от всего этого. От дома, от родственников, от гостей и от тайн... Он хотел просто пойти в свою комнату и лечь спать. И пусть только Ирландцу за стеной вздумается поделиться с ним через вытяжку своими соображениями по какому бы то ни было поводу...

Виктор дождался, пока одно из кресел у камина опустеет, и сел в него. Сцепив руки и уперев в них подбородок, он вновь уставился на одного из гостей, перевел взгляд на другого и продолжил подмечать странности, хоть и не желал этого.

Эти люди будто нарочно пытались «броситься в глаза», они не могли бы привлечь большего внимания, чем делали это сейчас, даже если бы вдруг начали по очереди кричать галкой. У кого-то жили собственной жизнью бокалы и сигары, у кого-то из карманов летели искры. Были даже те, кто уходил из гостиной и появлялся снова, проходя прямо сквозь стену и не утруждаясь поиском двери...

Хмуро и зло глядя на все это, Виктор пытался вспомнить, что же именно заставило его поверить окончательно. Ведь он уже знал — не догадывался, но точно знал. До того, как они с Кристиной вернулись домой, до того, как он попал на это сборище странных людей. На памятном интервью в кафе Кристина сказала, что мама — ведьма. Он поверил уже тогда, хоть всячески и убеждал себя в обратном? Или все случилось после? Когда он следил за Бигглем? А может быть, раньше? Когда услышал голос из-за стены, который исходил из пустой комнаты?

— Эй! — Кто-то ткнул Виктора в бок острым, как спица, локтем. Это была Кристина. Наконец-то Кристина. — Ты здесь не заснул? Вот и я!

Она держала в руках коробку. Сверху был навален ворох старой одежды: дырявое пальто, брюки, жилетка и прочее... И как она только умудрилась поднять все это?

«Ах да... — угрюмо подумал Виктор. — Она тоже, наверное, одна из них...»

— Почему так долго? — спросил он. — Я здесь почти состарился и умер...

— Не начинай, — сказала Кристина и с воодушевленной улыбкой добавила: — Просто не терпится собрать малыша!

Брат с сестрой открыли коробку. Внутри оказалось множество деревянных деталей, металлические крепления и туго набитый кожаный мешок. На картонке была изображена инструкция — схема сборки: «Расчудесное самораскладное пугало» явно не желало самораскладываться.

Возня у камина привлекла внимание — кругом начали собираться заинтересовавшиеся гости. Кристина взялась руководить, а Виктор под всеобщее одобрение — собирать.

— Да не сюда! — ворчала сестра. — Это пальцы! Ты что, не видишь?

У «Расчудесного самораскладного пугала» действительно были пальцы. Деревянные точеные колодки. Увидев, что все суставы нужно присоединять, Виктор ужаснулся — он не разберется с этим пугалом и до завтра.

Но работа пошла быстро. Суставы легко крепились: сочленения обтягивались специальными хомутами и соединялись болтами, которые мягко входили в предназначенные для них пазы. Вскоре деревянная кисть с пятью длинными пальцами была собрана и показана восхищенной публике и еще более восхищенной Кристине.

С плечами и предплечьями все обстояло еще проще: локти двигались на шарнирах... Немного повозившись, Виктор присоединил кисть к руке.

— Что дальше? — спросил он, откладывая готовую часть пугального тела.

— Берись за ногу, естественно, — нетерпеливо велела Кристина. — Я уже почти собрала вторую руку.

С ногами все было совсем просто. Коленный шарнир, шарнир ступни. Болты закрутить, болты затянуть... По сути, все это напоминало сборку куклы. Огромной куклы. Виктор не мог не признать, что ему нравится: действительно, интересное занятие для всей семьи. Вот только не для этой семьи...

Кристина тем временем принялась за вторую ногу.

— Как это вскрыть? — спросил Виктор, пытаясь прощупать то, что находится внутри кожаного мешка, который должен был служить пугалу торсом. Внутри находилось что-то твердое и жесткое — то ли каркас, то ли еще что... По бокам, сверху и снизу из этого мешка наружу торчали деревянные крепления для конечностей и головы.

— Что? — ужаснулась Кристина. — Ничего не нужно вскрывать!

— У него внутри что-то есть, — пояснил Виктор. — Я что-то чувствую. Кажется, туда вшита какая-то деталь...

— Не тронь! — гневно воскликнула Кристина, словно брат собрался играть со спичками, забравшись в духовку. — В инструкции ничего не сказано о вскрытии. Он почти готов. Присоединяй конечности.

— Но...

— Кому сказано?!

— Ладно.

Виктор смирился. Он прикрепил уже собранные ноги и руки к деревянным креплениям туловища. Вкрутил болты и зажал все хомуты.

Кристина в это время занималась сборкой головы, которая представляла собой большую тыкву, только сделанную, как и прочие детали, из дерева и состоявшую из тонких гнутых сегментов. Прорези глаз и оскал пугала выглядели жутко.

— Голову! — пропела Кристина, когда «тыква» была собрана. — Голову цепляй!

Виктор установил пугало вертикально и присоединил голову-тыкву. После чего немного попятился, чтобы окинуть взглядом деревянного здоровяка целиком. Да, это было восхитительное пугало, или, как значилось на коробке, «расчудное». На две головы выше Виктора, вровень с молчаливым Найджелом Хоупом. Если это средний, то какого же размера большой вариант?

— Ты была права... — сказал Виктор. — Занимательная штукавина. Теперь ясно, из-за чего такая шумиха.

— Но он еще не одет! — возмутилась сестра.

— Что?

— На коробке написано, что его нужно одеть. Для этого подойдет любая одежда. Нужно только не прогадать с размером.

Далее последовало одевание. Превратившись в камердинеров для пугала, Виктор с Кристиной натянули на него полосатые брюки, рубашку, жилетку и пальто. Не сказать, что костюм ему не шел, но в нем тыквоголовый вдруг стал выглядеть довольно жутко — в его фигуре, треугольных глазах и зубчатой ухмылке таилось что-то неуловимо мерзкое...

— Он великолепен! — восхищенно восклицала Кристина. — Я так и знала!

Здрав голову и покусывая губу от восторга, сестра влюбленным взглядом оценивала своего «малыша».

Гости соглашались. Они одобряли.

— Что скажете, миссис Петровски? — спросила Кристина. — А вам как, мистер Петровски?

— Да, милочка, чудесное приобретение! — отвечала мадам фокусница.

— Изумительно-изумительно! — кивал мистер фокусник.

Пугало было собрано и одето, Кристина ничего кругом не замечала, демонстрируя его публике, и Виктор решил воспользоваться моментом и сбежать, пока она не заставила его еще что-то делать. Отступив на шаг, он нырнул в толпу.

Ругаясь на «не слишком податливое общество», Виктор пробирался через сгрудившихся у камина гостей и искал взглядом человека, которого одновременно и боялся, и мечтал увидеть. Он хотел поговорить с ней. Попытаться объяснить... самому потребовать ответов. Может, именно сейчас тот самый случай...

— Напрасно ищешь: ее здесь нет, — заметил самодовольный голос за спиной.

Виктор вздрогнул и обернулся — на него со снисходительной улыбкой глядел Сирил. Пришлось приложить усилие, чтобы не скривиться: это бы мгновенно выдало его чувства.

— Что? О чем это ты?

— Да ладно. Я-то прекрасно знаю, кого ты ищешь, — сказал кузен с видом триумфатора. — Она сейчас в моей комнате. Не желает ни встречаться, ни говорить с тобой. Ей противно даже смотреть на тебя.

— Неужели?

Виктор сжал кулаки.

— А на что ты рассчитывал? Что она бросится тебе на шею? Нет уж, она презирает тебя, братец.

— Почему?

— Почему? — усмехнулся кузен. — Да погляди на себя!

— А что со мной не так?

— Нет, вы только посмотрите на него... — с деланой озадаченностью хлопнул себя по бокам Сирил.

— Зачем ты это сделал? — исподлобья глядя на кузена, спросил Виктор.

— Похитил ее у тебя?

— Никого ты не похищал, не лъсти себе. Мы расстались с ней семь лет назад. Ты тогда учился в своей этой престижной закрытой школе для любимчиков богатеньких мамаш. Так зачем?

— Все просто. Это искреннее, глубокое, обжигающее чувство...

— Изжога? — спросил Виктор.

— Любовь, неужели не ясно? — осклабился Сирил.

— Ты не способен на любовь — ты даже слово это не можешь выговорить, чтобы не скорчиться. Ты все это делаешь из желания досадить мне. Из старого чувства соперничества... Скажи мне только одно: как тебе удалось заманить ее в свои сети?

— О, полагаю, ты будешь рад узнать, что она сама проявляла настойчивость.

— Я не верю.

— Вот и не верь, — равнодушно заявил Сирил. — Можешь не верить до того самого момента, как она станет моей женой. Но тогда будет поздно... Хотя... — Он на мгновение задумался. — Для тебя все и так уже поздно.

Виктор развернулся и пошел к выходу из гостиной. Все, что он оставлял за спиной, смешалось для него в единый шум: и бурная радость Кристины, и разговоры гостей, и смех. Может быть, смеялся Сирил, а может, и нет. Ему было все равно.

Виктор почувствовал, что он вот-вот умрет. Умрет от ненависти.

В дверях он споткнулся и остановился. Грудь сдавило, в глазах начало щипать, дыхание перехватило, а сердце заколотилось как сумасшедшее.

Виктор постарался отпустить все мысли. Он отдышался и открыл дверь. Нет, это пока что был не тот момент. Но он должен был скоро наступить. Очень скоро...

Покинув гостиную, Виктор решительно направился вверх по лестнице.

Все, больше это не терпит! Ему срочно нужно поговорить с единственным близким человеком в этом доме. С единственным, кто поймет его. И неважно, что этот человек сделал. Неважно, что собирался сделать. Неважно, Сэр он или нет.

Виктору срочно нужно было увидеть отца.

— Мистер Грин! Какая приятная и неожиданная встреча!

Мегана Кэндл как раз поднималась по лестнице, когда упомянутый джентльмен вышел из своей комнаты.

Для низкорослого человека в строгом черном сюртуке с зеленоватым отливом их встреча ничуть не выглядела приятной, что выражалось в тоскливо поджатых губах.

Что касается Меганы, то встреча эта вовсе не была неожиданной. Какие уж тут неожиданности, когда она вот уже добрых пятнадцать минут прогуливается вверх-вниз по ступеням, ожидая именно мистера Грина.

Мистер Грин боялся оказаться с ней один на один, и на то были причины, прекрасно известные им обоим. Больше всего этому взмохшему хозяину бегающих глазок сейчас хотелось незаметно прошмыгнуть мимо назойливой женщины и поскорее попасть на прием, потому как там, среди гостей, она не посмеет к нему приставать со своими... претензиями.

— Прошу меня простить, мадам.

Мистер Грин совершил попытку протиснуться между перилами с одной стороны и Меганой Кэндл — с другой. Не вышло.

— Знаете ли, вечер уже начался, и меня ждут в гостиной...

— О! Я не отниму у вас много времени!

Горящий алчностью взгляд старшей сестры Кэндл говорил об обратном.

— Уделите мне всего пару минут!

— Что ж, ладно, — мистер Грин неохотно сдался — выхода ему не оставили. Во всех смыслах. — Но только пару минут, не больше. Время, знаете ли, деньги, а *потерянное* время — это *пущенные на ветер* деньги. Полагаю, вы прекрасно осведомлены, как я занят и сколько стоит мое время...

— Осведомлена.

Мегана Кэндл нависала над мистером Грином, как голодная цапля, склонившаяся над обреченно проплывающей

в мутной болотной воде лягушкой. Рядом с этой женщиной крошечный мистер Грин казался ребенком.

— Всего один ма-а-а-аленький вопросик. Где мои деньги, скупой зеленый прохвост?

— А? Что? Какие деньги?

Мистер Грин нервно вытер вспотевшие ладони о брюки и бросил торопливый взгляд назад, на запертую дверь своей комнаты.

— Те самые, которые вы так неосмотрительно пустили на ветер, — язвительно передразнила его ведьма. — Те самые, которые однажды были взяты в долг.

— Я уже все отдал! — пронзительно взвизгнул человек и жалобно добавил: — Трижды! Ну сколько можно?

— Никто ведь не заставлял вас подписывать ту бумагу, правда? — коварно улыбнулась Мегана. — Я ведь могу ее и предъявить... на ужине...

На мистера Грина было жалко смотреть. Этот тип был казначеем ковена, и сам он никогда не смог бы признаться на публике, что не в состоянии выплатить долг, — такого позора Его Скардность просто не пережил бы.

— Вы на меня так пристально смотрите... — пробормотал он. — Даже не моргаете совсем...

— Еще бы, — усмехнулась Мегана. — Чтобы вы тут же исчезли, стоило бы мне моргнуть?

Она вытянула руку раскрытой ладонью вверх и требовательно на нее кивнула.

— Хорошо. Вот, возьмите.

Скряга порылся в кармашке, где уже лежала заготовленная заранее сумма.

— Ровно три золотых соверена. Ни больше ни меньше.

— Значит, полностью не возместите?

— Увы, — обреченно выдохнул коротышка.

— В таком случае — встречаемся через год! — с нескрываемым торжеством в голосе заключила Мегана Кэндл.

Мистер Грин не был беден — напротив, он был по-настоящему сказочно богат. Впрочем, это вовсе не означало, что мистер Грин не мог испытывать финансовых затруднений — золотым слитком или банковским векселем в обычное время расплачиваться не слишком удобно, а горшок с монетами он не таскал с собой уже очень давно. Ради некоторых сделок приходилось что-то разменивать, иногда — занимать на время. Вот однажды и случилось так, что некоему весьма обеспеченному джентльмену в нужный момент не хватило каких-то трех жалких золотых соверенов, из-за чего могла сорваться вся сделка. Тут-то он и попался в ловушку этой бесчестной ведьмы.

«Вот вам три золотых соверена, мой дорогой мистер Грин. Вернете через год, плюс полсоверена в придачу. Если же по каким-либо причинам вы не сможете этого сделать, то будете обязаны возмещать одолженную сумму каждый год, пока не возместите ее плюс процент. Подпишите вот тут и вот тут. Благодарю», — так буднично и по-деловому прозвучал приговор душевному спокойствию мистера Грина, который, к своему стыду, в тот роковой день даже не придавал значения произошедшему.

А затем, едва лишь подошел срок возвращать долг, он просто не смог отдать три с половиной монеты: золотые соверены не делятся на части, а никакими другими деньгами ведьме было не заплатить, о чем недвусмысленно говорилось в договоре! Еще был вариант заплатить больше, но отдать дополнительные полмонеты сверху, которые мистер Грин никому не должен, оказалось выше его сил. К тому же он несколько наивно рассчитывал, что, быть может, в следующем году казначейство и монетный двор Его Величества выпустят наконец монету в полсоверена: есть же полпенни, фартинги и полкроны, в конце концов!

Нужно заметить, что три монеты для мистера Грина были сущей мелочью, но при этом каждый раз доставляли ему

совсем не мелочные душевные переживания. Казалось бы, это ведь совершенно иррационально: что ему стоило отдать немного больше один раз вместо того, чтобы после расплачиваться годами, — но пересилить себя маленький богач не мог. А те, кто сомневается, что подобная абсурдная жадность вообще возможна, попросту никогда не имели дел с лепреконами: об алчности этих коротышек действительно можно слагать легенды.

Вот так мистер Грин и оказался должен бессрочно, а Мегана Кэндл получила пусть небольшой, но зато стабильный доход. При ее образе жизни это золото никогда не бывало лишним.

— Мое почтение.

Хмурый и раздосадованный, мистер Грин поспешил вниз по лестнице, бросив последний изничтожающий взгляд на свою мучительницу.

Мегана подбросила монетки в воздух, и они тут же исчезли, переместившись в шкатулку в ее комнате. Спрятав денежки, ведьма опасливо посмотрела по сторонам: сестер рядом не было. Вот и славно! Если бы те застали ее за вымогательством, все обернулось бы очень неприятным образом. Рэммора уж точно не удержалась бы от какой-нибудь гадости. Например, взяла бы и расторгла ее договор с лепреконом. Нашла бы способ. А Корделия... Та просто пришла бы в ярость и... тоже расторгла бы ее договор с этим коротышкой.

На лестнице раздались шаги — кто-то поднимался!

Полагая, что это может быть одна из сестер, Мегана поспешно отступила в глубину коридора и спряталась в чулане для щеток и швабр. Притворив за собой дверь и выглянув в узенькую щелочку, она дождалась, пока человек покажется, и... вздохнула с облегчением.

Это был всего лишь Виктор. Вероятно, устал от лживой суеты внизу и решил сбежать.

Мегана понимала его: неприятно, а временами просто отвратительно чувствовать себя чужим среди тех, кого считаешь

семьей. Она и сама ощущала себя похожим образом, не получая ни крохи теплого отношения ни от сестер, ни от мужа, ни от взрослых и ставших совсем чужими детей. Оттого и уезжала в единственный в городе светский клуб, полный бездарных напыщенных куриц. Оттого и садилась каждое утро в таксомотор мистера Эндрю... Только вдали от дома, особенно в его компании, она вновь ощущала себя мадам Меганой Кэндл, успешной и ценящей жизнь женщиной, а не тряпкой, о которую все, кому не лень, вытирают ноги.

Племянник тем временем остановился у двери кабинета Гарри и дернул за ручку. Конечно же, дверь заперта. А чего он хотел? Должен был бы уже догадаться, что отца ему не видать. Все еще надеется? Глупый мальчишка...

Виктор стучал в дверь, просил впустить его. Из кабинета ему отвечал голос Гарри. Ну конечно, Корделия позаботилась на случай, если кто-то будет настаивать.

— Папа! Это я, Виктор, твой сын! — не унимался Виктор. — Это важно! Открой! Пожалуйста...

И вновь Гарри сообщает, что он занят. Просит не беспокоить. Обещает выйти к ужину. Конечно же, никто никуда не выйдет. Опять-таки Корделия позаботилась.

— Папа! Открой...

У Меганы даже ком подступил к горлу. Этот чертов мальчишка... Она думала, что ей будет просто, что его возвращение ничего для нее не изменит, — как же она ошибалась!

Чертов мальчишка!

После того как он приехал, ее жизнь стала... другой. Она постоянно о нем думала, а ночами не могла заснуть, глядя в потолок и предаваясь ожившим внезапно воспоминаниям.

Мегана ничего не могла с собой поделать и злилась. Она ведь знала, что он приедет! Знала, что увидит его! Так почему ей не удалось подготовиться? Почему же ей было так больно?

Когда она увидела его в гостиную спустя столько лет, сердце, которому, как она думала, все нипочем, вдруг дало слабину.

Нет, в него ничего не проникло — напротив, кажется, что-то выбралось изнутри, потому что это что-то всегда там жило.

Чертов мальчишка... Да будь оно все проклято!

Не очень понимая, что и зачем она делает, ведьма покинула свое укрытие и направилась к кабинету.

— Тетушка Мегана? — Виктор тут же оставил свои попытки достучаться до отца и, словно пойманный за шалостью ребенок, опустил глаза. — Я только хотел...

— Если хочешь знать правду, — холодно сказала ведьма, — ключ в комнате твоей матери. В верхнем ящике стола.

Не говоря больше ни слова, Мегана Кэндл направилась вниз. Конечно, Корделия взбесится, если узнает. Плевать. Пусть сама расхлебывает то, что заварила.

Виктор недоуменно глядел ей в спину, и Мегана сцепила зубы, сделав над собой неимоверное усилие, чтобы не вернуться и не обнять его.

Нет, она должна держаться! Как держалась все годы, что его не было.

Ей вспомнились ее же собственные слова, которые она говорила своим детям, когда те были маленькими: «Не стоит привязываться к крысе, Сирил. Не стоит любить ее по-настоящему, Мими. Крыса, которую мы с папой поймали для вас, не будет жить с вами вечно. Она умрет, а вы будете горько сожалеть. Играйте с ней, заботьтесь о ней, но ни в коем случае не привыкайте к ней. Однажды крыса умрет, помните это...»

— Крыса умрет... — прошептала Мегана. Одинокая слеза сорвалась с ее ресницы и поползла по щеке.

— ...Кристина! — Виктор негромко позвал сестру.

Он стоял в двери гостиной. Сестра была довольно далеко, но, как ни странно, она его услышала, а может, просто именно в этот момент случайно бросила взгляд в его сторону.

Виктор поманил ее пальцем.

Кристина поморщилась и нехотя оставила свою крайне занимательную, судя по еще недавно восторженным глазам и широкой улыбке «лягушонка», беседу с Мари Петровски.

— Что ты хочешь?! — с ходу набросилась она на брата, подойдя к двери. — И неужели тебе это нужно прямо сейчас?! Я почти вызнала у нее, как делается трюк с хождением по потолку! Надеюсь, у тебя что-то...

— Папа, — перебил ее Виктор. — Он не выходит из кабинета.

— И что?

Кристина обернулась и с сожалением увидела, что Мари Петровски уже весело щебечет с тетушками Эдной, Уиллаби и Макриди, а это означало, что возможность вывести секрет упущена: бедная Мари уже попала в сети трех старых гримз, пусть пока еще и не понимает этого.

Виктор схватил сестру за руку и потянул в холл, подальше от гостиной и тамошней суеты.

— Ну во-о-т! — протянула Кристина. — Ты сейчас снова начнешь занудничать?

— Да. В смысле нет. Послушай. С папой что-то не так. Он *вообще* не выходит из кабинета. Тебе не кажется это странным?

— Ну, в последнее время он много работает, — словно повторяя заученную зачем-то фразу, сказала Кристина. — Может, устал и спит. Он же званые вечера никогда не жаловал.

— И ты туда же, — скривился Виктор. — Никто ничего не знает. Никого ничего не волнует. Но его нет, понимаешь?! Как минимум с моего приезда. Вот ты сама когда его в последний раз видела? Только сама, своими глазами.

— Да что ты заладил?! Я его видела накануне... накануне твоего... приезда, а потом...

Кристина вдруг замолчала.

Она вздрогнула. «Пап, ты отвезешь Кренделька к ветеринару? Я уже опаздываю! Отвези его!» — это были последние слова, которые она сказала отцу.

Папа выглядел усталым — еще больше, чем обычно. И он хотел ей что-то сказать. Но она торопилась: библиотека уже открывалась, а ей еще нужно было заехать по дороге за кофе и миндальным печеньем. Он стоял у подножия этой самой лестницы и негромко звал ее: «Кристина! Мне нужно...», «Кристина! Вернись...» — но она хлопнула дверь и убежала. А потом... После этого...

— ...не видела после того дня. Но... — Кристина словно внезапно очнулась от долгого-долгого сна. Беспокойство Виктора, которое всего минуту назад казалось ей очередным его вздорным занудством, вдруг охватило и ее саму. — Он же в кабинете... Я слышала голос. Ну, когда стучала в дверь. Он должен быть там. Где ему еще быть?!

Виктор взволнованно огляделся.

— Тише! Не кричи так! — он заговорил быстро-быстро. — Я тоже слышал. Только что. Но я не верю, что он там. Это какая-то подделка, колдовская мистификация. Либо его просто заставляют говорить это все. Если бы он был в кабинете...

— Постой-постой! — сестра неожиданно разозлилась. — Ты что, мистер Доморощенный Детектив, решил из папы сделать очередное расследование? Совсем совесть потерял?

— Я волнуюсь и боюсь за него, — сжав зубы, произнес Виктор. Он едва себя сдерживал, чтобы не наругать; сколько ему еще бороться с этой непрошибаемостью и избирательной слепотой окружающих его людей? — Мне нужна твоя помощь. Я-то надеялся, что ты еще не совсем очерствела в этом доме и не успела превратиться в ве...

— Ладно-ладно, — прервала его Кристина. — Я помогу тебе. Но только для того, чтобы ты наконец сам убедился, что все твои домыслы — это очередная чушь вроде банды стариков. Что ты задумал?

Виктор оглядел пустой холл, бросил один подозрительный взгляд на дверь кухни, другой — на дверь гостиной. После чего наклонился к сестре и прошептал:

— Мы проникнем в папин кабинет.

— Отлично. И как мы это сделаем?

Что бы Кристина до того ни говорила, глаза, загоровшиеся азартом, выдали ее с головой: сестра предвкушала нечто не менее захватывающее, чем сборка «Расчудесного самораскладного пугала».

— Я знаю, где ключ. А ты поможешь мне его достать.

Ключ скрипнул и нехотя, словно боясь сломаться, повернулся в замке. Дверь открылась, и Виктору с Кристиной предстало небольшое темное помещение.

Отца в кабинете не было — только если он не решил вдруг сыграть с ними в прятки.

— Папа? — все еще не веря, что здесь никого, кроме них, нет, позвала Кристина.

— Не мешайте, я занят, — раздавалась из темноты уже успевшая набить оскомину фраза, вот только теперь — и это стало отчетливо слышно! — она сопровождалась скрипом иглы и шипением граммофонной пластинки.

— Это не он, — сказал Виктор, глядя на сестру.

— Знаю, — ответила Кристина. Она быстро пришла в себя и взяла лампу с тумбочки у двери. Немного потрясла ее и сообщила: — Керосина нет. Столько пыли — наверное, ею давно не пользовались...

— Как и самим кабинетом, — согласился Виктор. — Где бы взять свет? Газ почему-то не поступает.

Он проверил светильник, установленный на стене возле старого плана города, на котором в детстве любил отмечать свой маршрут до школы, или до парка, или до кондитерской лавки.

Кристина усмехнулась.

— И что бы ты без меня делал, мистер Столичная Беспомощность? Наверное, так и топтался бы на пороге, пока мама тебя не застучала бы. Я сейчас...

И убежала...

Кристины не было пару минут. Вернувшись, она подошла к лампе на стене и быстро зажгла ее.

— Кто-то закрутил вентиль в чулане, — сообщила сестра. — Они явно считали, что свет здесь не нужен.

Виктор закрыл дверь и запер ее изнутри, опасаясь, как бы кто-нибудь не появился, пока они с Кристиной все здесь не осмотрят. После чего убрал ключ во внутренний карман пиджака.

— Итак, его здесь нет, — констатировала очевидное Кристина.

Кабинет был именно таким, каким Виктор его и запомнил. Камин и каминная полка с фотографиями в рамках и цветами в стеклянных футлярах, дубовый письменный стол у стены, коричневое кожаное кресло, в котором мальчишкой он так любил сидеть. В одном углу стоял большой бронзовый глобус, в другом — накрытый пледом старенький диван. И как только отец на нем умещался? Он уже тогда все время спал здесь...

У стены слева от двери громоздились высокие книжные шкафы, плотно заставленные толстыми томами в темных кожаных переплетах, к которым отец испытывал особое почтение. Похожим образом некоторые коллекционируют почтовые марки или рождественские открытки. Гарри Кэндел собирал старые книги. Помнится, мама с ним из-за этого часто ругалась — требовала, чтобы он не устраивал у себя в кабинете склад «всякого бумажного старья», ведь к его услугам в Крик-Холле есть целая библиотека. Но отец, обычно во всем с ней соглашавшийся, в этом остался непреклонен — ни одна книга никуда отсюда не переместилась.

Пока Виктор разглядывал пыльные книжные полки, сестра подошла к столу и осмотрела стоящий на нем граммофон — говорить голосом отца могло только это устройство.

Странное дело: ручку завода граммофона обвивали лозы какого-то вьюнкового растения, растущего в горшке рядом. Земля в этом горшке была мокрой — кто-то недавно наведался сюда и полил цветок. Судя по следу постепенного высыхания земли — а Кристина в этом разбиралась, ведь мама с раннего детства заставляла ее поливать все цветы в доме, — она предположила, что неведомый садовод является сюда регулярно. Но самым странным и совсем уж жутким было другое: витой рог граммофона шевелился, следуя за ее движениями! Он поворачивался к Кристине, стоило ей сдвинуться, будто бессовестно глазел, не в силах отвести взгляд.

— Вик, отойди к двери и позови папу, — попросила брата Кристина.

— Чего? — удивился тот.

— Просто сделай, как я говорю.

— Хорошо.

Виктор встал у порога и, чувствуя себя донельзя глупо, произнес:

— Папа! Ты здесь?

На глазах у изумленных брата с сестрой рог повернулся к Виктору, а растение в горшке ожило и принялось крутить ручку, заводя механизм; платформа с пластинкой медленно завращалась. Игла проигрывателя тут же опустилась на пластинку, и послышался раздраженный голос Гарри Кэндла:

— Здесь! Где мне еще быть?! Дайте поспать! Ночь на дворе!

— Они записали его голос на пластинку и поставили здесь эту штуковину, чтобы никто ничего не заподозрил, — потрясенно прошептала Кристина. — Они что-то сделали с папой...

— Кто это «они»? — в упор спросил ее Виктор.

— Не знаю, но я думаю... — Кристина запнулась, — без мамы точно не обошлось.

— И дядюшки Джозефа, — добавил Виктор, вспомнив странное поведение старшего мужчины в семье. Сколько раз он лгал племяннику насчет отца.

— И дядюшки, — согласилась сестра. — Возможно, и обе тетки причастны.

— Про ключ от кабинета мне рассказала тетушка Мегана.

— Вот видишь? — Кристина была в ярости. Она считала, что никто не смеет ничего делать с ее папой. Даже мама, тетушки или дядюшка. — Я только не понимаю, зачем?

— Может, он им как-то мешал?

— Или он что-то такое узнал о них и решил им помешать, — предположила Кристина.

Виктор подобрался и попытался отыскать где-то на даче у себя репортера, который обязательно, во что бы то ни стало, докопается до правды.

— Итак, мы знаем, что отца похитили, — сказал он. — Догадываемся кто. Нужно осмотреть здесь все и постараться выяснить две вещи: что они с ним сделали и что такого он мог узнать, что мама решила... собственно, тут мы возвращаемся к первому вопросу.

— Умеешь ты разложить все по полочкам, ничего не скажешь, — проворчала Кристина. — Лучше начинай искать.

Виктор так и сделал. Он подошел к столу и, усевшись в кресло, принялся копаться в отцовских бумагах.

На столе в беспорядке лежали папки со счетами и сведениями о банковских переводах, письма в городскую управу, письма в школу — что-то по поводу Томми и его дополнительных занятий — и даже... письмо самому Виктору, которое почему-то так и не было отправлено.

Виктор взял его дрогнувшими пальцами и прочитал:

«Дорогой Вик!

Сначала я хотел написать тебе, как обычно, под Хэллоуин. Но в последние дни я чувствую себя не очень хорошо — все эти проклятые сквозняки (никто никогда здесь не закрывает за собой двери!). Кашель никак не проходит, нос распух и превратился в башмак, еще и мигрень эта... Уже завтра, я чувствую, меня ждет постель, травяной чай и громадная банка рыбьего жира — вряд ли твоя мама в таком состоянии выпустит меня из дома и позволит отправить письмо.

В общем, вот я и решил написать тебе раньше, пока еще могу выскользнуть на почту, — вдруг письмо дойдет быстро, и я получу от тебя ответ как раз на праздник: тогда действительно будет чего ждать от Кануна, а то следующая неделя обещает быть исключительно беспроектной.

В целом у нас все идет своим чередом. Марго растет, Томас учится и все так же сует свой нос куда не следует, но такой уж он неугомонный. Кристина стала совсем взрослой: встретишь ее на какой-нибудь лондонской улице, не узнал бы — очень своенравная дама. Думаю, скоро начнет воспитывать маму или сбежит к тебе в Лондон (как уже не раз нам обещала). Корделия воспринимает ее угрозы всерьез: прячет чемоданы и, насколько я знаю, даже угрожала вокзальным кассирам, чтобы Кристине не продавали билетов. Она явно не понимает, что своей чрезмерной опекой лишь еще больше раздражает дочь. Но ты же знаешь маму. Она никогда не признает, что и тебя выставила из дома таким же образом.

В общем, жизнь течет, но все как-то мимо твоего отца. Все мои попытки выкупить остатки фабрики и землю у муниципалитета ни к чему не привели. Мэр водит меня за нос, всякий раз меняя условия и повышая цену. Думаю, у него все уже договорено с очень важным Кем-то и дело тут вовсе не в цене. Я не сдержался и бросил ему все, что думаю, в лицо. А он лишь смущенно попросил прощения. Собственно, тогда я и понял, что ничего у меня не выйдет. Да и глупая была затея, надо признать.

Скоро Канун. Меня терзает очень неприятное предчувствие. Этот праздник будет не таким, как прошлогодний. Будет много гостей, много суеты, много шума. Конечно же, Корделия постарается из кожи вон вылезти, лишь бы что-то там доказать им всем... Но ты знаешь, меня это волнует не больше, чем постоянные ссоры Мэг и Рэмми. В ругани твоих теток и то больше здравого смысла, чем во всем этом празднике.

А еще придет Скарлетт... Помнишь, я писал тебе о... ну, ты понимаешь, намеках, которые она мне делает? Думаю, ты лучше меня знаешь, что сейчас совершенно другое время и женщины становятся все свободнее в своих взглядах. Скарлетт пишет мне едва ли не два письма в неделю — хорошо, что Корделия не знает. Так вот, твоя тетушка перешла с полупрозрачных намеков на более уверенный слог: она предлагает мне — ты не поверишь! — составить ей компанию на Рождество.

Хочу тебе признаться. Быть может, ты считаешь меня неблагонадежным, плохим человеком, но каждое ее письмо приносит мне больше радости, чем у меня бывает за месяц в этом доме. Я всякий раз жду эти письма с нетерпением и боюсь... боюсь, что сделает Корделия, когда узнает о нашей переписке.

Тебе я могу сказать честно: я мечтаю о том дне, когда дверь Крик-Холла закроется за мной навсегда. Но при этом я знаю, что никуда никогда не уйду, ведь еще трое моих детей находятся здесь, и я не могу их оставить... с ними. Мне придется подыскать подходящие слова, чтобы отказать Скарлетт, но, надеюсь, она поймет.

Напиши, как твои дела, что нового в редакции, как планируешь провести Рождество. О Хэллоуне не спрашиваю — знаю: ты его не жалуешь. Может, на следующий год я все же смогу к тебе выбраться.

*С гордостью в том, что ты — мой сын,
твой отец Гарри Кэндел*

Р. С. Если письма от меня вдруг перестанут приходить, не приезжай. Не возвращайся. Если приедешь, тебя уже не отпустят.

Папа».

— Настенные часы остановились, — сообщила Кристина — пока Виктор читал, она продолжала осмотр комнаты.

— Конечно, — кивнул ей погруженный в невеселые мысли Виктор. — Их ведь никто не заводил.

— А здесь, над диваном, раньше висело зеркало. Сейчас его нет.

— Угу, — не придавал особого значения открытию сестры Виктор. — Молодец. Ищи еще что-нибудь. Более существенное.

— Да ладно тебе, мистер Важная Птица! — возмутилась Кристина. — Сам-то нашел хоть что-то?! Что там у тебя? Дай посмотреть, я тоже читать умею. Что это?

— Да так, ничего особенного.

Виктор сунул письмо в карман. Ему не хотелось, чтобы сестра прочла его. Отец в нем выглядел слишком жалким. К тому же в письме не было ни намека на то, что с ним случилось. Если не считать действительно неожиданных отношений отца и Скарлетт Тэтч и каких-то дел с фабрикой, в этих строках читалась только лишь обычная, хорошо Виктору знакомая тоска отца.

Единственным, что он для себя уяснил, было то, что отец не мог отправить письмо с призывом о помощи за подписью Бетти Сайзмор. Он готовил к отправке совсем другое письмо, противоречащее приглашению. Не было никакого смысла посылать два. Постскриптом озадачил Виктора больше всего.

И тем не менее среди отцовских бумаг было еще кое-что странное, о чем он едва не забыл, обнаружив письмо...

— Я тут нашел пару банковских переводов, — сказал Виктор и взял отложенную ранее подозрительную папку. — Отец каждый месяц перечислял небольшую сумму на один счет в «Банке гг. Горбэнкс». На имя Софии Кроу. Это имя тебе о чем-то говорит?

— Вроде бы нет, — задумалась Кристина.

— Постой-ка! — Одна из лежащих на столе платежных квитанций вдруг привлекла внимание Виктора. — Тут есть небольшая пометка от руки на полях: *«Деньги не доходят. Проверить»*. И еще — внизу: *«Джозеф»*. И рядом большой вопросительный знак.

— Все ясно! — безапелляционно заявила Кристина с видом только что разгадавшего запутанную загадку детектива. — Дядюшка Джозеф зачем-то шантажировал папу, требуя переводить деньги на его счет. И вот, когда папа решил больше ему не платить или не смог заплатить, он... — Кристина замолчала, не в силах продолжать.

— Дядюшка во всем этом залип по самые уши, как муха в сиропе... — кивнул Виктор. Ему вдруг вспомнилась их с Джозефом Кэндлом самая первая после возвращения встреча. — Было кое-что странное... Тогда мне это показалось пустяком, но сейчас... В общем, когда я только приехал, дядюшка возился с какой-то картиной в библиотеке. Упаковывал ее в оберточную бумагу, носился с ножницами. Он сказал, что собирается продать ее старьевщику, и той же ночью отволоч на чердак... Я вот сейчас подумал: зачем тащить тяжеленную картину на чердак, если собираешься продать ее старьевщику? Ему ведь пришлось бы потом спустить картину вниз — не проще ли отнести ее в гараж?

Сестра слушала его очень внимательно. И даже не встала ни единого слова, что было очень на нее не похоже.

Виктор продолжил:

— Ну ладно, если предположить, что дядюшка так уж любит таскать тяжести (а мы с тобой знаем, что он это ненавидит),

то зачем делать это ночью, в потемках? Я видел, как Джозеф волочил эту картину: он явно старался не шуметь и нес ее очень осторожно, словно боялся уронить.

— А может, это была не картина вовсе! — воскликнула Кристина. — Может, внутри было нечто хрупкое, например... зеркало! Зеркало из папиного кабинета! Которое зачем-то сняли.

— Да нет, при чем здесь... — начал было Виктор, бросив взгляд на стену с картинами. Там были: портрет отца на фоне фабрики, чертежи свечей, которые на этой фабрике изготавливали, и несколько изображений ворон (папе вороны всегда нравились). В самом центре располагалось пустое пространство — светлое пятно прямоугольной формы, какие остаются, когда какую-нибудь картину снимают с гвоздика, выделялось на потемневших от времени обоях довольно четко. Именно здесь раньше висело старое отцовское зеркало. А размер светлого пятна приблизительно совпадал с размерами предполагаемой картины, которую дядюшка упаковывал в библиотеке, а после волочил ночью по лестнице.

— А ведь и правда, — пробормотал Виктор. Он не хотел забежать вперед, но, кажется, на этот раз им действительно удалось напасть на след. Кое-что постепенно вставало на свои места в череде бессмысленных событий и странных происшествий. — Это могло быть и зеркало, вот только я правда не знаю, какое отношение имеет зеркало к исчезновению отца, но...

— Значит, нужно искать на чердаке. — Кристина решительно направилась к двери. — Мы прямо сейчас быстренько все и проверим. Если папа там...

— Постой, я ведь запер дверь. — Виктор сунул руку во внутренний карман пиджака в поисках ключа. — Что же касается чердака... Чтобы не привлекать внимание, туда лучше всего лезть ночью, когда все лягут спать. К тому же тебе еще предстоит вернуть ключ от кабинета в комнату мамы, чтобы

она не догадалась, что нам все... — Виктор оборвал себя, не договорив. Он в недоумении разглядывал то, что только что достал из кармана. — Что это еще за... ключ?

На его раскрытой ладони лежал не один ключ — их там было два! Откуда в кармане мог появиться второй ключ? Как давно он там лежит? Что открывает?

Виктор вздохнул. Странностей только за сегодня на него свалилось больше, чем за последние пару лет. И эти странности словно вели его куда-то, будто подводили к чему-то...

Он был прав. Вели. И подводили. Жить ему оставалось совсем недолго...

Виктор прищурился, разглядывая странную находку.

— На ключе что-то написано...

Ударил молния, на миг осветив три человеческие фигуры в огромной темной библиотеке. За окном бушевала гроза — логичное завершение дождливого дня. Свет никто зажигать не торопился, и полутьма укутывала, словно теплое одеяло.

— Чертовы Петровски, — хмуро произнес джентльмен в полосатом темно-синем костюме, похожем на обивку кресла, в котором он с удобством устроился. В одной руке у него дымилась сигара, вальяжно зажатая между пальцами, другой он лениво придерживал бокал вина. — Эти русские такие шумные. Так старательно прикидываются веселыми и эксцентричными, что...

— Что это утомляет, — выпустил струю сигарного дыма изо рта Джозеф Кэндл, сидящий в кресле напротив. — Все верно, мистер Греггсон, все верно.

Из-за стены доносился приглушенный гул: это гости монотонно общались, делаясь впечатлениями от дома, ожиданиями праздника и своими никому не интересными историями.

— Вы ведь не просто так затеяли весь этот разговор, верно, мистер Кэндл? — спросил мистер Греггсон, прищурившись от очередной вспышки молнии.

— Вы сама проникательность, дорогой мистер Греггсон. — Джозеф глядел на черные силуэты дрожащих на ветру за окном деревьев и вслушивался в стук дождя по крыше. — Но когда я просил вас присоединиться ко мне, я предполагал, что наш разговор пройдет тет-а-тет.

Рядом с креслом мистера Греггсона неподвижно и молчаливо стояла его старшая дочь. Девушка была крайне бледна. Опустив взгляд, она глядела в пол, а тяжелые веки наползали на ее глаза, словно портьеры. На мисс Греггсон было кремовое платье, открывающее резко очерченные ключицы и тонкие усохшие руки, похожие на голые кости, обернутые сухой кожей. Голова с поднятой кверху прической сидела на слишком тонкой шее, которая грозила в любой момент надломиться. Можно было подумать, что, если вдруг кто-то сейчас зайдет в библиотеку, от поднявшегося сквозняка девушка завалится и рухнет на пол.

— О, она ничего не понимает, — успокоил собеседника мистер Греггсон. — Вы можете смело говорить со мной при ней.

— И наш разговор останется конфиденциальным?

— Разумеется.

— Адвокатская тайна?

— В некотором смысле, — обнажив подточенные зубы, улыбнулся мистер Греггсон. — Но перед тем как вы что-то скажете, я хотел бы предупредить вас, мистер Кэндл: вы должны учитывать, что Кэндлы — всего лишь ветвь ковена Тэтч, а я верный слуга всего древа.

— Это значит, что мне нужно осторожнее подбирать выражения? — Джозеф недобро прищурился. — Поскольку наш разговор в любом случае дойдет до ушей Скарлетт? В чем же здесь тогда конфиденциальность?

— Мадам Тэтч — глава ковена... — начал мистер Греггсон и вдруг подался вперед, словно передумав. — Но раз уж вы угостили меня таким прекрасным вином и увели из этой душевной гостиной, я сделаю вам одолжение, мистер Кэндл. Из чувства моего глубокого почтения лично к вашей персоне я с удовольствием выслушаю все, что вы скажете, и даже оставляю это при себе. В первый и в последний раз.

— О, я полагаю, что второго раза не будет, — заверил Джозеф, понимая, что Греггсон на самом-то деле не верит в такое понятие, как почтение к кому бы то ни было, а всего лишь идет на поводу у своего любопытства. Должно быть, сейчас его изнутри гложет: «Что этот Кэндл может мне предложить такое, чего мне не предлагал никто ранее?» Джозеф мысленно усмехнулся — о, у него был не один козырь.

— Вы так уверены в себе? — удивился мистер Греггсон. — В силе собственного убеждения?

— Скорее в вещах, которые способны изменять отношение людей к чему-либо, — уклончиво уточнил Джозеф.

— В общем-то, признаться, я ожидал что-то подобное, — усмехнулся мистер Греггсон.

— Правда?

— Да. Ни один шабаш не проходит без интриг в темных углах и игр во влияние.

— Что ж, тогда все становится еще проще. Мне нет нужды тратить время на придумывание прелюдий.

— Вы можете говорить откровенно. Со мной иное не проходит. Но... — Он замолчал, нахмурившись.

— Вас что-то беспокоит? — спросил Джозеф.

— Если вы так хотите моего внимания, отчего держите меня за дурака? — многозначительно проговорил мистер Греггсон. — Кое-кого не хватает...

— Простите, но я вас не совсем...

— Оставьте это, — оборвал собеседника мистер Греггсон. — Вы прекрасно меня понимаете. Я осведомлен обо всех

переплетениях ветвей древа ковена Тэтч. И ветвь Кэндл явно неполна. Госпожа Джина Кэндл, три ее дочери, две дочери миссис Корделии Кэндл, двое ее сыновей и близнецы — ваши с миссис Меганой Кэндл дети. А также вы, уважаемый мистер Джозеф Кэндл. Это те, кого я видел в Крик-Холле по приезду. Не хватает вашего брата.

— Ах, это... — проворчал Джозеф. — Ваши познания делают вам честь.

— Это всего лишь моя работа, мистер Кэндл, — напомнил мистер Греггсон. — Древо ковена Тэтч — это то, чем я, как вы знаете, заведую. И я не могу понять, отчего вы не потрудились сообщить мне, глашатаю, или, если угодно, секретарю собрания, об изменениях, произошедших в вашей семье? Если Гарри мертв, я должен был об этом узнать раньше вашего семейного врача, раньше душеприказчика. Если жив, то отчего я не имел чести с ним поздороваться? Если покинул вашу семью, то...

— Ах, дорогой мистер Греггсон! — перебил Джозеф. — Само собой, мы бы сразу же уведомили вас, случись что с моим любезным братцем, но все дело в том, что ему просто нездоровится.

— Вы совершенно напрасно пытаетесь так нелепо отшучиваться, мистер Кэндл.

— О нет, нисколько. Я говорю вам чистую правду. Само собой, есть некоторые оговорки, но они несущественны. Гарри жив и относительно здоров. Он не выходит к гостям. Но пригласил я вас говорить вовсе не о моем брате.

— Да, я догадался.

— Вы ведь знаете, что приурочено к нынешнему шабашу?

— В приглашении все было пояснено весьма доступно, — покивал мистер Греггсон. — Ваша ветвь желает инициировать вашу племянницу Кристину. И провести ритуал Триединства. Подобный ритуал не проводился уже больше сотни лет — это исключительное и торжественное событие. Именно поэтому

ковен собирается в Крик-Холле. И я должен был бы вас поздравить, но помимо поздравлений я хотел бы также и предупредить. Мадам Тэтч осведомлена о том, что в приглашении заявлено далеко не все. Вы ведь рассчитываете провести не только ритуал Триединства, верно, мистер Кэндл?

Джозеф вздрогнул. Судя по всему, этот Греггсон не блефовал. А если это так, то все кончено. Все рухнуло, не начавшись. Все планы Корделии теперь яйца выеденного не стоят.

— Скарлетт уже знает? — Джозеф ухватился за соломинку. — Или ей *дадут знать*?

— Рад, что на сей раз вы не отпираетесь, мистер Кэндл. Но вынужден вас огорчить: мадам Тэтч уже все знает, и она весьма недовольна. Признаться, она в ярости. В ярости из-за того, что ее попытались провести.

Джозеф на мгновение представил себе, что сделает с ними всеми Скарлетт, и ему стало дурно.

Мистер Греггсон продолжал:

— А отчего, вы думали, она выказывает Кэндлам свое неудовольствие, собравшись приехать лишь в последний день? И ее нельзя винить...

Джозеф не поверил своим ушам:

— «Выказывает неудовольствие»? «В последний день»? То есть она все же приедет?

— Разумеется! А как же иначе? Собирается весь ковен, а Верховной не будет? Она зла из-за того, что вы пытались скрыть часть своих планов, но она не может пропустить инициацию своей любимицы, Кристины. Тем более Триединная Линия в вашей ветви значительно укрепит весь ковен. Да и сам Самайн — не шутка.

Джозеф понял, что поторопился с выводами. Он-то полагал, что Скарлетт раскусила тайный план Корделии и игру с Иеронимом, но здесь дело явно было в чем-то другом. До поры не позволяя себе облегченно вздохнуть, он попытался осторожно выведать, что же на самом деле известно главе ковена.

— Я понимаю, что кое о чем умолчать в приглашении было ошибкой, — начал Джозеф. — Я и сам не люблю недомолвки, но Корделия... вы ведь ее знаете. Я хочу поинтересоваться, что вы сами думаете о том, о чем мы не упомянули.

Мистер Греггсон задумался.

— Ну, мистер Кэндл, я даже не знаю, — сказал он. — Грядущий Канун — это определенно день Кэндлов, с этим никто не спорит. Ваша племянница пройдет инициацию и станет наследной ведьмой. Джина, Корделия и Кристина выстроят Триединую Линию. Бабка, дочь и внушка... Да только чтобы увидеть Триединую Линию, стоит, по меньшей мере, собрать чемоданы.

— Вы забыли про коронный пирог с куропаткой Корделии! — пошутил Джозеф.

— Разумеется, — без тени улыбки кивнул мистер Греггсон. — Ваша ветвь станет самой могущественной во всем колене Тэтч, могущественнее, чем сама мисс Скарлетт. Она с этим смирилась — более того, она искренне ждала инициации Кристины, но Крестовина Линар... для мисс Скарлетт это уже слишком. В колене ходят разговоры о том, что Корделия Кэндл попытается сместить мадам Тэтч. И все знают, что мисс Скарлетт в таком случае в одиночку не выстоять. Ее обида понятна: вы ни слова не написали о Крестовине Линар, хотя все уже и так всё просчитали, — для нее это было откровенным оскорблением.

— Значит, Скарлетт понимает, что при новых обстоятельствах Кэндлы обязаны встать во главе колена. Я рад, что она смирилась...

— О, вот с этим она несколько не смирилась, — с угрозой в голосе заверил мистер Греггсон. — Она попытается как-нибудь выкрутиться в последний момент, только чтобы Крестовина не выгорела. Но две линии могущества... — угроза сменилась восторженным шепотом. — Подумать только! Бабка, дочь, внушка. А при этом и три сестры!

— И не говорите, — удрученно вздохнул Джозеф. — От этих женщин и так житья нет...

— И в центре обеих линий Корделия... Даже мне страшно представить подобное могущество... Появление Крестовины Линар — это историческое — нет! — эпохальное событие! Прошлая была чуть ли не в тринадцатом веке!

— Неужели Скарлетт не понимает, что мешать этому нельзя?

— Я скажу вам честно, мистер Кэндл. — Греггсон затянулся сигарой и выпустил струю дыма. — Во всем ковене не наберется и пяти человек из тех, кто уважает или любит Кэндлов. Джина в свое время достаточно постаралась, чтобы рассориться со всеми. И все завидуют. Никто не хочет, чтобы Кэндлам досталась такая сила. Ковен поддерживает мисс Скарлетт, которая все эти годы вела гибкую политику и благодаря своим... гм... подаркам и личному вниманию к каждому из членов ковена добилась того, что за нее готовы умирать и убивать. И боюсь, у вас попросту нет никаких доводов, чтобы кого-то переубедить. До ритуала может и не дойти. Как мне кажется, мисс Скарлетт потребует каких-либо ограничений, отменяющих Крестовину Линар.

— Или избавится от одной из сестер... — процедил Джозеф.

— Ну, это ведь совсем крайние меры...

— Папа... — подала голос дочь мистера Греггсона. Она коснулась его плеча, но тот так дернулся в ответ, что девушка едва не отлетела в угол.

— Ты должна молчать! — железным голосом проговорил мистер Греггсон. — Где твои манеры?

— Папа... мне нехорошо... — прошептала девушка. Кажется, она вот-вот упадет в обморок.

— Стой на месте и молчи, иначе придется тебя наказывать!

Дочь схватилась за спинку отцовского кресла. Другую руку она положила на живот. Ее мутило. Создавалось впечатление, что из нее вот-вот что-то вылезет наружу.

Разговор продолжался.

— Вы должны поддержать нас, мистер Греггсон, — напрямую заявил Джозеф.

— И отчего я должен так поступить?

Джозеф выдержал паузу и, прищурившись, спросил:

— Вы всегда таскаете с собой семейные привидения?

Мистер Греггсон стиснул зубы и побелел — его лицо вдруг довольно четко проступило во мраке библиотеки.

— Кажется, наша беседа, как говорят в моих краях, нырнула в колодец, — сказал он, едва сдерживая ярость. — Вы пытаетесь залезть на дно колодца, мистер Кэндл?

Джозеф проигнорировал угрозу с улыбкой.

— Да, я прекрасно знаю, зачем вам постоянное присутствие супруги и дочерей. Скажите только одно... Как они на вкус, сочные? Хотя, если трезво оценивать... — он с сомнением кивнул на старшую дочь мистера Греггсона.

Джозеф знал о мистере Греггсоне кое-что такое, о чем тот не стал бы рассказывать первому встречному. Еще бы, ведь ни много ни мало он питался энергией и жизненной силой находящегося поблизости человека — поэтому-то мистер Греггсон и возил с собой запас «еды». Нечего удивляться, что его дочери и супруга похожи на призраков. Еще бы — он ведь медленно поедает их.

— Вы совершенно напрасно пытаетесь мне угрожать.

— Я не угрожаю, мистер Греггсон, — заметил Джозеф. — Совсем наоборот. Вы должны понимать, что Скарлетт действует лишь из зависти. Это эгоистично и недальновидно. Она погубит ковен. И вы напрасно считаете, что у нас нет средств убеждения. По крайней мере, нам есть что предложить лично вам...

— И что же вы можете мне предложить? — усмехнулся мистер Греггсон.

— Полагаю, вы видели некую молодую особу...

— О нет! — мистер Греггсон даже закашлялся. — Если вы имеете в виду ту молчаливую молодую даму, которая приехала

с вашим сыном, то она ведь полусырая! Ее и на неделю не хватит! Плохой, лежалый товар...

— Но почему же? — возразил Джозеф. — Я уверен, что в ней есть множество скрытых черт, которые весьма придутся вам... по вкусу...

— Нет, — категорично сказал мистер Греггсон. — Я не хочу обременять себя тяжелыми полупустыми консервами. И знаете, мой дорогой мистер Кэндл, — осторожно заметил он, — если уж вы так озабочены моим меню, то я, так и быть, рискнул бы поделиться с вами своими предпочтениями...

— Говорите.

Джозеф мысленно усмехнулся: этот тип клюнул. Как он и полагал, Греггсона подкупить было нетрудно. Осталось лишь сойтись в цене.

— Но я спешу заверить, что нисколько не хотел бы показаться грубым...

— Не бойтесь.

— Или вызвать у вас сомнения в моей почтительности...

— Да вы скажете уже, наконец?

Джозеф уже устал выслушивать все эти подготовительные речи.

— Ваша дочь, — поспешно проговорил мистер Греггсон.

— Мими? — поразился Джозеф. — Но почему? Что в ней такого особенного?

— Если позволите, — расхрабрился мистер Греггсон, — она выглядит довольной жизнью, вполне счастливой, энергичной и полной сил. Она физически цветет и...

— Это значит, что она толстуха? — хмуро уточнил Джозеф. — Прошу вас, называйте вещи своими именами.

— Да, ее хватит надолго, не то что этих... — проворчал мистер Греггсон, покосившись на дочь, но, увидев выражение лица собеседника, по-настоящему испугался и, переменившись в собственном, затараторил стандартную официозную чепуху: — О, я прошу вас простить мою дерзость. Я повел

себя не как хороший гость. Сам полез в колодец, и мне нет прощения. Я просто излагал свои мысли вслух и отвечал на вопрос в меру лишь собственной искренности и...

— И только? — усмехнулся Джозеф. — Всего лишь толстуха Мими?!

Повисла пауза.

— Я хочу уточнить, — осторожно начал Греггсон. — То есть вы не держите на меня обиду за то, что я посмел покуситься на вашу дочь?

— Да бога ради! — рассмеялся Джозеф. — Ну вы меня и напугали своими «не сочтите за дерзость» и «показаться грубым»! Я уж полагал, что вы хотите отхватить кусок моего собственного локтя! И собирался бороться за него до последнего!

— Да, вышло очень забавное недоразумение, — вздохнул с облегчением мистер Греггсон.

— Так мы договорились? — спросил Джозеф. — Вы почите Мими, а я — вашу поддержку.

— Погодите, но я не полагал, что вы так легко согласитесь! — воскликнул Греггсон. — Неужели она вам совсем не нужна?

— А зачем она мне? — искренне удивился Джозеф. — Когда-то я полагал, что получу море удовольствия, наблюдая, как они с Сирилом начнут грызть друг другу глотки за мое наследство. Но потом понял, что они слишком привязаны друг к другу, так что забавы не выйдет. Вся их полезность уже иссякла.

— Но их мать! Неужели мадам Мегана так просто отдаст свою дочь?

— Да и ей она без надобности. А если вас это так беспокоит, мы скажем Мегане, что отдаем Мими вам на воспитание. Вас это устраивает? Вы согласны, мистер Греггсон?

— Хорошо. Давайте так: вы отдаете мне вашу дочь, и, когда в ковене начнутся свары, если все решится мирно, я поддержу

Кэндлов. Если все дойдет до открытого противостояния, то я вынужден буду сохранять нейтралитет.

— Ловко.

— Благодарю...

Дочь мистера Греггсона вдруг покачнулась.

— Папа, мне... — прошептала она, — мне дурно...

— Я тебе что сказал? — гневно поднял руку мистер Греггсон.

Но наказать дочь он уже не успел. Ее ноги подкосились, и она начала падать...

Глухой удар головой о ручку кресла...

Совершенно белое, без единой кровинки лицо...

Растекающаяся по виску и скуле багровая клякса...

Девушка была мертва.

Мистер Греггсон бросил на нее лишь один-единственный взгляд. Оценив гибель дочери как нечто незначительное, словно потеря пятифунтовой бумажки, он хладнокровно поглядел на собеседника, как будто ничто даже не думало прерывать их разговор.

В тот же миг по окнам прошелся похожий на луч маяка свет от фар. С улицы донесся рев двигателя, а за ним последовали гудки: кто-то просил открыть ворота.

— Опять тыквы привезли, — усмехнулся Джозеф Кэндл, глядя на труп молодой девушки. — Быть беде...

Ключ повернулся в замке два раза по часовой стрелке, поднялся на второй уровень замочной скважины, после чего крутанулся еще один раз, но уже в обратную сторону. Дверь чердака открылась, пропуская человека. Спустя мгновение закрылась снова.

Человек, вошедший на чердак, был одет не слишком подходяще для посещения пыльных мест, забитых старым хламом, до которого никому нет дела. Вишневый костюм-тройка — с иголки. Ванильная роза в петлице сюртука. Жилетка

с золотыми пуговицами вся расшита тонкой вязью в виде переплетения плюща. Такой же узор покрывает и повязанный вокруг белоснежного воротничка галстук. Туфли блестят лаком...

Мужчина в вишневом костюме чиркнул спичкой и зажег свечу. Дрожащий свет вырвал из темноты чердака лицо Джозефа Кэндла.

Покосившись на громоздкий предмет, стоявший напротив входа и накрытый пыльным полотнищем, он поспешил запереть дверь: все те же манипуляции с ключом, только в обратном направлении.

Убедившись, что дверь заперта, Джозеф поставил свечу на старый письменный стол, после чего спрятал ключ во внутренний карман сюртука. Подойдя к высокому предмету, стоявшему напротив двери, аккуратно, чтобы не испачкать перчатки, взялся за край полотнища.

То, что под этим полотнищем скрывалось, своей формой напоминало огромную картину, размером с дверь, но, когда старший Кэндл сдернул ткань, оказалось, что никакая это не картина, а зеркало в резной черной раме. В одном месте на стекле виднелись засохшие багровые полосы, оставленные будто окровавленными пальцами.

— Ну-ну, — невесело усмехнулся Джозеф, достав из кармана большое кроваво-красное яблоко и длинный нож.

Он поставил стул, развернув его спинкой к зеркалу, и сел так, чтобы не видеть свое отражение. После чего начал резать яблоко.

Разделив его ровно на девять кусочков, Джозеф начал есть. Один за другим он методично пережевывал и проглотил восемь кусочков, последний же, оценив как самый неказистый, выбросил, швырнув его через левое плечо.

Девятый кусочек яблока угодил точнехонько в зеркало, но вовсе не сполз по его гладкой поверхности, оставляя за собой мутный и липкий след, как можно было ожидать, — он

впитался в нее с такой легкостью, словно ее вообще не существовало.

В тот же миг в самом зеркале что-то изменилось. Как будто его сперва залили чернилами, а после протерли. Черные пятна расплзлись по углам, обнажая нечто скомканное в темных глубинах. Если бы не отражение чердака, можно было бы решить, что зеркало — это дверь, пробитая прямо в воздухе и ведущая в другую комнату.

На пыльном дощатом полу за порогом рамы, скрючившись, лежал человек.

— Угощайся, — сказал Джозеф и, развернув стул, снова уселся.

Человек в зеркале поднял голову. Возле его лица лежал кусочек яблока, слегка рассыпавшийся при падении и покрывшийся пылью. И тем не менее мужчина жадно схватил его и, даже не протерев, быстро сунул в рот.

Джозеф Кэндл закинул ногу на ногу и откинулся на спинку стула, наблюдая за ним.

Узкое лицо человека в зеркале было совершенно белым, на высоком, похожем на точеную кость лбу темнели пятна сажи, а всклокоченные черные волосы с седыми прядями торчали во все стороны. Из-за слоя пыли костюмные штаны и жилетка казались серыми. Закатанные до локтей рукава клетчатой рубашки обнажали разбитые в кровь кисти. Было очевидно, что пленник повредил руки о зеркальную стену, безуспешно пытаясь разбить ее. Подле стояли потерянные туфли, которые он только что использовал вместо подушки.

— Славно выглядишь, — ехидно заметил Джозеф.

— Твоими стараниями, — хрипло ответил пленник, поднявшись и сев на полу. Его голос шел словно бы из-за стены, но при этом каждое слово было превосходно различимо.

— Тебе там не холодно? — с фальшивой заботой поинтересовался Джозеф.

— О, любопытно? — вымученно поглядел на своего тюремщика человек в зеркале. — Так, может, сам проверишь?..

— Исключительно научный интерес.

— Нет, здесь не холодно. И не жарко. Здесь вообще никак. Это ведь зазеркалье — всего лишь отражение. Ты принес мне газету?

— Ой, прости! — Джозеф улыбнулся. — Я-то полагал, что после прошлого раза это бессмысленно.

— Что, новости перестали печатать за то время, что я здесь? — удивился пленник.

— Нет, но ведь газета, которую я тебе принес в тот раз, оказалась слегка... нечитаемой. Не моя вина, что надписи отражаются в зеркале и с твоей стороны превращаются в полнейшую тарабарщину.

— И тем не менее я научился читать зеркальное отражение — а что мне здесь еще делать?

— Вы только поглядите! — восхитился Джозеф. — Кто бы мог подумать, какие таланты! Но прости, в этот раз я не принес тебе газету, братец.

Гарри Кэндл поднял на него тяжелый взгляд. А затем дотронулся разбитыми пальцами до зеркала со своей стороны — легонько, едва касаясь, словно решив проверить, наличествует ли вот прямо сейчас эта тонкая прозрачная грань, что разделяет два мира-близнеца.

От этого движения брата Джозеф Кэндл весь подобрался и бросил взгляд на сорванное полотнище.

— Не нужно. — Гарри понял его беспокойство. — Я ничего не собираюсь делать.

В подтверждение своих слов он даже отодвинулся немного. Джозеф тут же успокоился.

— Я гляжу, ты разоделся, — заметил Гарри.

— Я ведь хозяин в этом доме, как-никак, — важно заявил Джозеф. — Должен соответствовать.

— А, — понял Гарри и бросил взгляд через плечо своего тюремщика на чердачную дверь. — Значит, гости уже собрались...

— Самое время, — самодовольно усмехнулся старший брат. — Самое время...

— Тогда почему же ты не блещешь внизу, в гостиной? Почему ты здесь?

— Решил навестить любимого брата, — ехидно ответил Джозеф. — Покормить тебя...

— Ясно, — безразлично ответил Гарри.

— Постой-ка! — снисходительно поглядел на брата Джозеф. — А ты решил, что я пришел тебя освобождать?! Вот именно из-за подобной наивности ты и оказался там, где оказался, Гарри.

— Неужели? — прищурился пленник. — А я-то думал, я здесь потому, что ты — подлая, бесчестная тварь, Джозеф.

— Я ведь так и сказал: непроходимая наивность... — Джозеф Кэндл вдруг привстал и придвинул стул ближе к зеркалу. — Знаешь, меня интересует всего одна вещь. Как ты это сделал? Как выбрался с чердака? — Видя непонимание на лице брата, он уточнил: — Я имею в виду, со своей стороны. Чердак ведь и в отражении должен быть заперт — дверь на замке, а ключом ты никак не мог бы завладеть, потому что он у меня всегда с собой. Я был очень осторожен: не показывал его тебе, не отдергивал полотнище, прежде чем спрятать его. Тогда скажи как? Как тебе удалось открыть чердак и спуститься?

— Я все время был здесь! — запротестовал Гарри Кэндл. — В этом проклятом месте, куда вы с Корделией меня засунули!

— Я видел тебя! — зарычал Джозеф — ни следа благодушия в нем не осталось.

— Я не могу выбраться из зеркала! — Гарри спрятал разбитые руки за спину. — Я пытался!

— Да, я знаю, — кивнул Джозеф. — Но ты ведь и не выбирался из него. Ты просто нашел способ немного прогуляться

по дому со своей стороны. Вышел с чердака, заглянул в прихожую, побывал еще невесть где.

— Что ты такое несешь?

— Я видел тебя! — Джозеф уже откровенно злился — он не предполагал, что брат станет так долго спорить. — Хватит отпираться!

— Говорю тебе, я все время был здесь!

— Ну ладно. Можешь не признаваться, — гневно сузил глаза Джозеф. — Это все равно ничего не изменит. Я так понял, твоя тюрьма оказалась для тебя слишком просторной — не беда, сегодня я ее немного уменьшу... Вот только я не понимаю одного: на что ты рассчитывал? На то, что тебя увидят и спасут?

— Нет, — покачал головой пленник.

— На то, что Виктор тебя увидит?

— Он здесь? — Гарри еще сильнее помрачнел: тени под глазами углубились, кожа стала блее. Теперь он выглядел так, будто его нарисовали простым карандашом. — Он в Крик-Холле?

— Разумеется. А ты как думал?

— Но почему? — в отчаянии простонал Гарри. — Зачем он вернулся?

— Его пригласили.

— Или, вернее, заманили, — уточнил пленник.

— Называй, как хочешь, — равнодушно бросил Джозеф.

— Какой он? — спросил Гарри, безуспешно пытаясь скрыть от брата страх и тревогу. — Лондон его сильно изменил?

— Он стал еще глупее, чем был, — презрительно заявил Джозеф. — Хватит вопросов о Викторе, Гарри. Ему нет до тебя дела, и он тебе не поможет. Он даже себе не в состоянии помочь. — Джозеф самодовольно потер руки в перчатках. — Мне же здесь недосуг с тобой всю ночь рассиживаться.

— Если только Скарлетт узнает... — начал было Гарри, но брат перебил его громким безжалостным смехом.

— То что? — спросил он. — Она не станет перечить Корделии. Что бы она о себе ни думала, этот Канун наш. Скарлетт Тэтч — всего лишь гостя. Пусть даже и гостя с непомерными запросами и амбициями. К тому же она все равно еще не приехала, так что твоя затея была совершенно бессмысленной.

— Если бы я еще что-то делал! — Гарри уже устал повторять. — Но ты ошибся. Я все время был здесь! Посмотри на меня! Куда я мог бы пойти в таком состоянии!

— Это уже не важно. Видишь мелок? — Джозеф достал из кармана брюк коробок, а из коробка — белую рассыпающуюся в пальцах палочку. — Это твоей дочери. Милой Марго. Я поймал ее, когда она проказничала на втором этаже. Рисовала на паркете. Совсем вы ее разбаловали: даже чертовка Кристина подобного не вытворяла. Придется Марго немного полежать в постели... скажем, до следующего вторника.

— Не смей... — угрожающе начал было Гарри.

— А что тебе не нравится? — удивился Джозеф. — Ты ведь не в состоянии воспитывать собственных детей. Придется мне за тебя это делать. Вон маленький проныра уже свое получил.

— Что ты сделал с Томасом?

Гарри похолодел — и это несмотря на то, что в зазеркалье невозможно было испытывать озноб.

— Он заслужил, можешь мне поверить, — жестоко заверил Джозеф. — Наш славный Томас вдруг узнал, что у него, оказывается, есть *еще одна* бабушка, и он решил ее навестить. А старуха Кроу, та, которую ты по привычке зовешь мамой, очень мило с ним поболтала. Вот мне и пришлось преподавать ему урок, чтобы не совал нос в наши дела. Подобного рода любопытство — это, я тебе скажу, похуже, чем рисуночки на паркете.

— Мои дети!.. — простонал Гарри. — Что вы делаете с моими детьми?!

— Нужно было раньше думать, — назидательно заметил Джозеф, не став уточнять, что с Томаса проклятие он уже снял. Пусть брат помучается: ему полезно.

— Раньше? Когда вы разрушали мою жизнь?! — воскликнул Гарри.

— Кто это «вы»?

— Ты и... *она*... — Гарри больше не мог произнести имя жены, которая и была главной виновницей происходящего.

— Легко винить других, — со злой усмешкой заявил Джозеф. — А на самом деле все это происходит с тобой потому, что ты не ценил того, что имел.

— Я не мог уже выносить эту женщину... — отчаянно зашептал Гарри Кэндл.

— Тогда не нужно было красть ее у меня!

Лицо Джозефа исказилось.

— Я не крал!

— Ты ведь сам прекрасно знаешь, что это ложь, братец.

— Это вечный спор, — смирившись, сказал Гарри. — И мне тебя не переубедить.

Повисло молчание.

Джозеф встал на ноги и, склонившись к полу, начал чертить мелком большой круг, заключая в него зеркало.

Он проворчал:

— Ты бы знал, как меня тошнит от всех этих гостей, Гарри. Но что поделаешь — приходится терпеть их ради нашего дела. Ждем только Скарлетт — она решила «выказать неудовольствие» и явиться в последний момент...

— Значит, время почти пришло...

— Время — оно такое, всегда когда-нибудь приходит. — Джозеф соединил два конца круга и вновь уселся на свой стул. Проговорил задумчиво: — Жизнь была такой серой все эти годы... Дни сменяются днями, и вот ты не замечаешь, что живешь от одного Хэллоуина до другого. Все ждешь у окна приезда тыкв и... — он вдруг встрепенулся. — Да, кстати,

о тыквах... Корделия не хотела, что бы ты знал, но мне плевать: Джимми больше нет с нами. Печально, но это так.

— Еще и Джимми?! — ужаснулся Гарри. — Он-то чем вам помешал?

— А это не мы, — с улыбкой наблюдая за реакцией брата, беззаботно протянул Джозеф. — Это наш разлюбозный друг, Человек в зеленом, твой старый знакомый Иероним.

— Ты лжешь! — процедил Гарри Кэндл. — Ни за что не поверю, что ты не приложил к этому руку. Зачем? Джимми же был совершенно безобидным!

— Ну, ты понимаешь, Джимми Гэррити стал слишком навязчивым, — безжалостно пояснил Джозеф. — Он являлся едва ли не каждый день, стучался в кухонную дверь и все пытался выведать: «Где Гарри?», «Что с Гарри?», «Почему он не заходит?» Джимми стал задавать слишком много вопросов. Начал кое о чем догадываться. Со временем его вопросы несколько изменились: «Что вы сделали с Гарри?», «Куда вы его запрятали?» Единственное, на что он не решался, трус несчастный, так это на прямые обвинения. Вот было бы забавно глянуть, как он вызывает полицию и констебли перекапывают сад в поисках твоего трупа. Мол, Гарри Кэндла убили сговорившиеся подлые родственнички, чтобы завладеть частью его наследства. Всегда любил подобные истории, но ты ведь знаешь, Корделия не допустила бы подобного. И от Джимми было решено избавиться. После того как Рэммора, ничтожная курица, не смогла его даже в лягушку превратить, вместо этого наградив бессонницей, у Корделии появилась весьма интересная идея. Тебе понравится... — Джозеф рассказывал все это, наслаждаясь как воспоминаниями о произошедшем, так и реакцией брата. — Она решила спровоцировать Иеронима, заставить его раскрыться. Ну, чтобы легче было к нему подблизиться... Она сказала Джимми, что тебе нужна помощь и что если он действительно переживает, то помочь в его же интересах. Она рассказала ему о том, кто такой Иероним, — все,

до мельчайших подробностей. Представляешь, какой риск? Но это того стоило. Корделия выдала ему также, где Иероним *скрывается*. — Джозеф сделал выразительное ударение на это слово, отчего Гарри сжал дрожащие от гнева кулаки. — А я обещал Джимми направить Иеронима прямо к нему. Ну а то, чем все закончилось, можно легко себе представить... Мораль проста: не стоит, дружок, провоцировать страшных злых духов.

— Убийцы... — прошептал Гарри.

— Ну, тише-тише, — с улыбкой проговорил Джозеф. — Но раз уж ты сам заговорил об этом... Кажется, пришло время закончить начатое. Наше исключительно семейное дело...

— Нет, — бессильно прошептал Гарри. — Только не Клара. Она и так...

— Что «и так»? — презрительно рассмеялся Джозеф. — И так столько всего перенесла? А какое мне дело до этого?

— Она ведь и твоя сестра тоже! — напомнил Гарри.

— У меня больше нет сестры, — бесстрастно ответил Джозеф. — Давно нет. И неужели меня в этом можно винить? Ты ведь помнишь, как носилась с ней старуха? Ведьма всегда предпочтет сыну дочь. Дочь — продолжательница традиций. А если повезет, и у дочери родится своя дочь, тогда для нее совсем все хорошо сложится, ведь она станет частью Триединой Линии.

— Ах вот оно что! — Гарри прищурился. — Все дело в простой и банальной зависти, так, Джозеф?

— Ох, Клара, Клара, — презрительно проговорил Джозеф, проигнорировав слова брата. — Скоро ее хлипкая воронья шейка хрустнет...

— Это слишком жестоко даже для тебя, Джозеф! Поступить так с ней после того, что мы у нее отняли!..

— Еще не отняли, — сказал Джозеф и поднялся со стула. Он взял полотно и подошел к зеркалу. — Но все к этому идет. Клара скоро умрет, и ты не в силах этому помешать...

— Нет! — закричал Гарри Кэндл. Вскочив на ноги, он бросился к брату. — Не делай этого!

Джозеф размахнулся и набросил полотнище на зеркало. Крик Гарри тут же стих. От удара с той стороны зеркало дрогнуло, но устояло. А потом замерло.

Джозеф Кэндл усмехнулся, погасил свечу и покинул чердак.

— Лично я ничего не вижу, — разочарованно сказала Кристина. — Пыль, пыльный пол и пыльный хлам. Ты уверен, что тебе вообще не почудились какие-то голоса? Или сколько там было голосов? Один?

Они стояли в коридоре второго этажа, у открытых настежь дверей гостевой комнаты. Виктор поймал себя на мысли: «Как странно, что в дом приехало столько гостей, а такая большая спальня, которая специально предназначена для приезжих, пустует». А еще укорил себя за то, что не подумал об этом раньше.

В гостевой комнате все было по-прежнему. Серая унылость и нафталиновая затхлость. Картины, завешенные полотнищами, мебель в посеревших чехлах, адохлых мух на подоконнике, кажется, лишь прибавилось.

— Ты права, — признал Виктор с каменным лицом. — Разумеется, мне почудилось. Как и то, что папа исчез, как и то, что Биггль открыл мне двери дома, как и еще множество других вещей, в существовании которых я пытался тебя убедить, а ты не верила.

— В том, что ты король зануд, меня убеждать не надо, — проворчала Кристина. — Ты будешь еще долго ждать? Люди, которые могут долго не поддаваться любопытству, стареют раньше.

— А я просто не любопытен.

— Расскажи это кому-нибудь другому, мистер Я-Расследую-Все-Что-Мне-Кажется-Станным. Хватит болтать, ты будешь это делать или нет? Если нет, то я иду спать!

Виктор не стал отвечать. Он крепко сжал в пальцах старый ржавый ключ. Витая головка этого ключа представляла собой сложное переплетение шипованных цветочных стеблей, а на стержне было выгравировано: «*Эиган фе-лас Аои*».

Хоть Виктор и не понял смысл незнакомых слов, но сразу же догадался, что это что-то по-ирландски. Лишь только увидев эту надпись на неизвестно каким образом оказавшемся в его пиджаке ключе, он мгновенно понял, что этот ключ открывает...

С глубоким вздохом Виктор закрыл дверь гостевой спальни. Проверил, хорошо ли она закрылась, до конца ли повернута ручка, нет ли зазоров. Почему-то в данный момент все эти мелочи казались ему невероятно важными, как и мерзкое, словно постель, выложенная мокрым кафелем из ванной, предчувствие. Ему вдруг перехотелось проверить свою догадку. Ему перехотелось открывать эту дверь еще раз...

Кристина нетерпеливо засопела. Виктор поглядел на нее в надежде получить хотя бы какую-то поддержку. Ему вдруг стало страшно.

— Давай же, — больше приказала, чем подбодрила, сестра.

Виктор засунул ключ в замочную скважину до упора — тот подошел. Затем проверил, крутится ли он, — ключ крутился. Виктор сделал один оборот, сделал второй — каждый сопровождал шелчок.

Осторожно взявшись за ручку, Виктор повернул ее. Преступно медленно, как казалось Кристине, он потянул дверь на себя.

Догадка Виктора подтвердилась мгновенно и непреложно, как удар киркой по затылку. Гостевой спальни как не бывало. Ее место нагло и бесцеремонно занимала собой другая комната, темная и сырая. Чего здесь точно не было, так это пыли, и стоило двери открыться, как в коридор потянуло болотной влагой и отвратительной затхлостью. Запах стоял, как на дне

почти полностью высохшего колодца. Разве что жабы не квакали.

— Это что, вторая спальня тетушки Рэмморы? — восхищенным шепотом спросила Кристина.

— И как ты можешь сейчас шутить? — хмуро пробормотал Виктор и шагнул в комнату.

В темноте почти ничего нельзя было разобрать, разве что забранное кованой решеткой окно да очертания громоздкой и башнеобразной мебели. В дальнем углу, там, где сходились две стены и потолок, тьма была еще гуще, чем во всей комнате. Благодаря тусклому свету, льющемуся из коридора, Виктор решил, что весь тот угол затянут паутиной. По крайней мере, в первое мгновение он подумал, что это паутина. И неудивительно: прямо из стены и потолка росли тонкие нити, сходящиеся к огромному кокону, который подрагивал в них и чуть заметно покачивался. Внутри кокона кто-то находился.

— Это он! — прошептала Кристина. — Тот, кого я видела!

Приглядевшись, Виктор различил торчащую из кокона голову. Она имела странную форму — ему показалось, что из нее растут шипы.

— Иди в мою комнату и принеси лампу...

— Что? Сейчас? Я тебя здесь не оставлю.

— Бы-стро, — сквозь зубы велел Виктор.

По его тону Кристина поняла, что сейчас не тот момент, когда нужно спорить, и стремительной птичкой выпорхнула за дверь.

Виктор стоял на пороге до самого ее возвращения — он не решился приблизиться к пленнику в полной темноте. Кто знает, что еще могло находиться в комнате?

Кристина вернулась. В руках она держала уже зажженную керосиновую лампу с его письменного стола.

Стоило сестре подойти, мрак, укрывающий помещение, немного рассеялся, но лучше бы он этого не делал. То, что открылось Кэндлам, пугало.

Комната, которая скрывалась под личиной гостевой спальни, была самым настоящим застенком — и вовсе не по причине ее месторасположения относительно спальни Виктора. В этой темнице страдали и умирали люди — это ощущалось здесь во всем. Спертый и вонючий воздух в комнате обдавал отчаянием.

Стены были сплошь обиты бурой тканью с едва читающимся узором в виде лилий и чертополоха. Эти «обои» в некоторых местах зияли прожженными проплешинами и выглядели столь древними, будто комната появилась здесь еще раньше, чем сам дом. У окна стоял огромный резной гардероб с точеными дверцами, бронзовыми витыми ручками и даже башенками; его украшал резной орнамент в виде листьев плюща. В углу примостилось пианино, напоминающее отросшую от грязно-бурой стены опухоль. Напротив пианино замерла, словно скальный утес посреди моря, старинная кровать с истлевшим пологом. Все пространство под ней было заполнено... костями! Хватило одного лишь взгляда, чтобы понять: человеческими. И их там было так много, что они даже вываливались из-под дубовой рамы.

Потрясенная Кристина зажала рот рукой. Виктор дернул головой, но не позволил себе даже отшатнуться. Сейчас, когда рядом сестра, он должен быть храбрым...

В углу, под потолком, действительно висел человек. Сплошь обмотанный алыми нитями и теми же нитями привязанный к стенам, он едва мог пошевелиться в своих путах. На его руках ржавели суставчатые латные перчатки, а на ногах — остроносые кованые башмаки, в которые были заправлены засаленные коричневые штаны. Больше на нем не было ничего, если не считать короны с длинными — не менее чем два фута каждый — зубцами.

«И как она не спадает с его головы? — подумал Виктор. — И как такие тонкие нити удерживают его во всем этом железе?»

На кровати были грудой свалены вещи и оружие пленника: камзол, тяжелый с виду плащ, доспехи, меч и арбалет — все порченное временем и ржавое, словно долгое время хранилось в земле. Запах, который шел из комнаты, внутри оказался еще сильнее, и исходил он от незнакомца.

«Как будто этот человек целый год провел в куче опавших листьев», — вспомнились Виктору слова Кристины на интервью в «Брауни Инн». Точнее и не скажешь...

Свет не только позволил Кэндлам увидеть того, кто находился в комнате, но и ему — увидеть их. Стоило огню лампы упасть на лицо пленника, как он задергался в своем коконе. Виктор и Кристина, не сговариваясь, отшатнулись, но нити, несмотря на всю их кажущуюся непрочность, держали надежно.

— Горящие слезы, вываренные из черной крови! — закричал незнакомец, и его крик резанул обоих Кэндлов по ушам. — Горящие слезы!

— Не кричите! Хватит!

Виктор захлопнул дверь, чтобы никто в доме, не дай бог, не услышал.

Незнакомец не повиновался и дергаться не прекратил. Он продолжал вещать свою бессмыслицу.

— Горящие слезы, вываренные из черной крови! — проскрипел пленник, не сводя безумных глаз с лампы в руках Кристины. — Горящие слезы!

— Что?

Виктор недоуменно поглядел на сестру и вдруг понял, что речь идет о керосине, а «черная кровь» — это, вероятно, нефть, из которой его получают.

— Думаю, он спятил, — прошептала Кристина, но пленник ее услышал.

— Еще одна *кейлекс*! — в отчаянии провыл он, прожигая Кристину ненавидящим взглядом. — Да смилуется надо мной Печальная Пустошь.

Кристина ничего не поняла.

— Что он говорит? — нахмурилась она. — Как он меня обозвал?

— Кейлех — это значит «ведьма», — пояснил Виктор. — Ничего не говори, — мгновенно оборвал он попытки сестры что-то на это ответить.

И тут его осенило. Тайна исчезновения ирландских словарей раскрылась сама собой. Очевидно, все устроила мама, чтобы избежать излишних недоразумений вроде беготни младших Кэндлов по коридору с воплями: «Мам, тут кто-то обзывает тебя ведьмой за стенкой!», «Мам, тут кто-то сыплет проклятиями по-ирландски!»...

Виктор расхрабрился и подошел ближе. Кристина осторожно шагнула за ним.

Свет лампы полностью вырвал из темноты лицо пленника. Оно было узким, отощавшим: скулы выпирали, щеки, напротив, ввалились, а челюсти под кожей проступали пугающе четко. Сама кожа незнакомца, пепельно-серая, казалась невероятно сухой. Глубоко посаженные глаза зло и колко выглядывали из-под тяжелых век, над ними нависали темно-красные мохнатые брови. Такого же цвета волосы, слипшиеся от пота, неровными прядями свисали с его головы, которая...

Виктор вздрогнул. Вопрос о том, как именно может держаться на голове такая высокая корона, отпал. Зрелище было жутким и невероятно мерзким, и в животе начинало мутить от одного только взгляда на это. Красноволосого пленника пытали — судя по всему, очень давно. Ржавая корона была то ли вшита, то ли вплавлена в его голову, а кожа, покрытая сморщенной сеткой ожогов, давно вросла в нее. То же обстояло и с латными перчатками: их заварили прямо на его руках — до самых локтей тянулись чудовищные ожоги. Помимо этого, все тело пленника было покрыто шрамами. Самый длинный из них — очень старый, белоснежный и при этом

грубо сшитый — располагался на боку слева и наискось шел поперек ребер. Из-под уродливого рубца явственно выпирала кость — судя по всему, неправильно сросшаяся.

Красноволосый пленник кашлял и хрипел. Его грудь судорожно и надрывно сокращалась с такой силой, что кожа в любой миг грозила лопнуть и разорваться на ребрах. Бурая пена проступала на нещадно потрескавшихся губах.

— Не подходи близко, вдруг он заразный... — предупредила Кристина.

Но брат не послушал и сделал еще шаг.

— Зачем ты явился? — прохрипел пленник, исподлобья глядя Виктору в глаза, и в его голосе отчетливо почудилось царапанье древесных ветвей по раме окна. — Забрать мою душу?

Кажется, он испугался Виктора, поскольку снова задержался в своем коконе — на сей раз в безуспешной попытке отстраниться. При этом все его мышцы напряглись, а глаза налились злобой и отчаянием.

— Пусть явится сама *кейлек* и вырвет мне горло крюком, — прорычал он, словно загнанный в капкан зверь. — Пусть освежает и вставит горящие свечи мне в уши. Пусть делает, что хочет, но не забирает душу! Не забирай... мою душу...

— Что? — удивился Виктор. — Зачем мне ваша душа? Успокойтесь. И прошу вас, не кричите. Мы пришли помочь...

— Если не душа, тогда что?

— Да не слушай его! — Кристина попыталась воззвать к голосу разума. — Он точно спятил! Недаром мама его упрятала! Крюки, свечи, свежевание... Что за ужасы?!

И тут Виктору стало дурно. То ли из-за затхлости застенка, то ли пленник действительно его чем-то заразил. В глазах помутилось, Виктор покачнулся точь-в-точь как недавно, в гостинной.

Он поглядел на подвешенного в нитях незнакомца, и тот уже не выглядел, как прежде. Уродливое, но до сего момента

человеческое лицо изменилось. Рот превратился в пасть, и клыки перестали в нем умещаться, зрачки удлинлись и стали напоминать птичьи. Также вырос и нос. Он загнулся крюком и покрылся кровью, как будто его рвали когтями или же пленник использовал его в виде пишущего пера и окунул в багровые чернила. Длинные красные волосы зашевелились и поднялись, точно живые, они обвили железную корону. Вокруг головы жуткой твари начал клубиться туман, а ноги и руки закутались в дым. Кожа на месте сердца почернела, и по ней во все стороны зазмеились смоляные разводы вен. Они начали расслаиваться и ветвиться, постепенно затягивая все тело пленника, покрывая его сетью...

Наваждение прошло столь же внезапно, как и появилось. Перед Виктором по-прежнему висел истерзанный красно-волосый пленник с пепельно-серой кожей.

— Вы ведь не человек, верно? — спросил Виктор.

— Что ты такое говоришь? — удивилась Кристина. — Конечно, он...

— Я не происхожу из рода людей, как все *кейлех* в этом доме, — с дрожью в голосе от чудовищной смеси собственных злобы и бессилия произнес пленник. — Мой народ зовется *Дорха Крой*, темные сердца...

— Кровавые гоблины, — испуганно прошептала Кристина. — Я читала...

— Меня сегодня уже ничто не удивит, — поморщился Виктор. — После выходок Биггля, трюков Петровски и исчезновения отца даже гоблин в гостевой комнате уже не кажется чем-то таким уж...

— Пусть отсохнет язык того, кто еще раз произнесет это слово, — скрежетнул зубами пленник. — Гоблин?.. Люди называют вещи не так, как они зовутся, а так, как им хочется, чтобы они звались. Они непочтительно относятся к тому, чего не понимают, пока им не вырвут сердце.

Вы ничего не знаете. Даже черного зверя, которому скармливают человеческое горло, вы называете псом. Но сердце зверя — это не то же самое, что песье сердце. А я... даже здесь, даже связанный, все равно остаюсь *Дорха Крой*. Что ты можешь знать о гордости, *fear*?! Что ты можешь знать о подлинном горе... — он поморщился и перевел: — ...человек?

— Я слышал ваш голос из-за стены. Вы жаловались на...

— Я не жаловался! — оборвал его пленник, и Виктор вдруг почувствовал боль в висках, как будто их кольнули острые шпоры. — Никто из моего рода не жалуется. Нам набивают легкие гвоздями и подковывают босые ноги, но мы не жалуемся. Я горевал. И проклинал.

— Прошу прощения, — кивнул Виктор, и боль тут же отступила. — Вы правы.

— Зачем ты явился сюда, *Глеаас ФEAR*?

— Глеаас?

Пленник промолчал. Он отвернулся и поглядел в зарешеченное окно. Ночь не ответила ему, поэтому он снова установился на человека перед собой и одарил его презрительной усмешкой.

— Это то, что живет в твоем сердце, — сказал он. — Это одежда, которую ты носишь. И глаза, которые глядят на меня.

— Это цвет, — догадалась Кристина. — Зеленый! Он назвал тебя Зеленым Человеком!

— Зачем вы явились сюда? — повторил свой вопрос пленник. — Вы — те самые палачи *кейлех*, которые отведут меня к месту казни? Тварь из ветров, ночей, фонарей, падающих листьев и тумана распнет меня на дыбе и вырвет ребра железными клещами? А маленькая *кейлех* будет резать мои глаза острой бумагой?

— Что? — Виктор вздрогнул. — Нет! Мы не собираемся вас казнить. Мы хотим помочь...

— Помочь? — удивился пленник. Он не верил — полагал, что это очередная изощренная пытка его тюремщицы.

— Вы ведь хотите сбежать? — спросил Виктор. — На взморье. Муир... как там было дальше?.. Которое сыто и голодно одновременно...

— Это мои слова...

— Я услышал их через стену и пришел освободить вас.

— Если это так, то... — начал было пленник, подавшись вперед. Глаза его загорелись опасным блеском. В них тлели искры злобы, которые все разгорались и могли вылиться в любую подлость.

— Нет! — воскликнула Кристина. — Нельзя его освобождать! Он ведь даже не человек! Мы не знаем его!

— Мое имя *Иарран Ри*!

Голос пленника походил на скрежет металла по точильному кругу, а его имя прозвучало, как треск пламени, в который швырнули щепотку пороха.

— Железный Король... — сказал Виктор.

— У меня больше нет королевства, — хрипло проговорил пленник. — Осталось только имя. Мятежники захватили власть. *Фуир'теах* из рода *Круаллах-Крой* взошел на трон, убив девятых враньих сенешалей. Им перерезали глотки и сбросили с моста в пропасть-ров у моего дома. Вся моя семья мертва. *Грыаш Греххар*, Королева-мать... ее заперли в чугунном колоколе и начали звонить. Язык колокола изломал ее тело. *Шанта Хеннар*, королева и моя супруга... ей вырвали зубы и вырезали глаза, а в глазницы влили расплавленный металл. *Хеад*, *Виу*, *Триу*, *Сеатру*, *Суижиу*, *Сеу* и *Сеахту*, семеро моих детей, — их убивали по очереди. Первым был *Хеад*, мой старший сын: ему скормили зубы его матери — они разорвали все его внутренности. Мертвое тело предатели сырым скормили моей старшей дочери *Виу*. Ее тело — ее младшей сестре *Триу*. И так, пока не остался младший *Сеахту*, младенец... Его схватили и...

— Хватит! — закричала Кристина.

Ее глаза были полны слез, она с ужасом слушала рассказ Железного Короля, а когда тот стал перечислять, что сделали с его семьей, ей показалось, что она вот-вот потеряет сознание от потрясения. Но только лишь речь зашла о младенце, девушка поняла — у нее не хватит сил справиться с собой, если ей сейчас скажут, что с ним сделали.

— Как вы сбежали? — спросил Виктор.

— *Кейлех* мне помогла. А другая *кейлех* помогла мятежникам захватить власть всего за какую-то беззвездную ночь.

— Вы знаете ту, другую *кейлех*? — спросил Виктор, сам не понимая почему, ведь намеревался спросить совершенно иное.

— Нет. Но я слышал, что она тоже огневолосая.

— Огневолосая? — удивился Виктор.

— Как ты, — сказал Иарран Ри, со злобой уставившись на него.

Виктор многозначительно поглядел на Кристину. Та отрицательно покачала головой. Сестра не могла поверить в то, в чем так пытался уверить ее его взгляд.

Пленник опустил голову. Длинные ржавые острия короны при этом нацелились в грудь Виктора.

— *Фуир'теах* из рода *Круаллах-Крой* похвалялся перед телами моих герцогов, что за свою гибель они должны благодарить огневолосую ведьму и ее слепого кота...

— Нет, — в отчаянии прошептала Кристина. — Она не могла...

Виктор поглядел на сестру с жалостью. Она вот-вот все осознает. Нет, она уже все осознала, просто пока что борется с собой, не хочет смотреть правде в глаза.

— Знаешь, сегодняшний вечер многому меня научил, Крис, — сказал он. — И самое главное — это то, что порой наступает такой момент, когда дальше уже просто невозможно продолжать себя обманывать. Она могла. Потому

что это как раз в ее духе. Поверь, Крис: она могла и сделала это.

— Но они все... — Кристина по-прежнему отказывалась верить. — Его жена и дети...

— Да, она их всех убила, — едва слышно произнес Виктор.

— Что вы говорите? — прищурившись, спросил Иарран Ри.

Виктор не собирался рассказывать Железному Королю о том, что его мать неизвестно зачем сперва помогла мятежникам прийти к власти, убить герцогов, сенешалей и всю его семью, а после помогла бежать ему самому. Кто знает, к каким последствиям привело бы данное признание. Этот пленный гоблинский король считает, что там были две разные ведьмы, — пусть так и думает, а мама... Кто-нибудь когда-нибудь заставит ее ответить за то, что она сделала...

Виктор только не понимал: зачем? Зачем она потворствовала казням и убийствам детей-гоблинов и как она может жить с тем, что натворила?

— Это мятежники с вами сделали? — спросил Виктор, указывая на корону.

— Нет. Это мой отец, — ответил Иарран Ри с мгновенно поблекшими глазами. — Перед смертью он велел *Габха Беанн*, королевскому кузнецу, вспороть ему голову, вырезать вкованную в нее по воле прежнего короля железную корону и вковать ее в мою голову. Так у *Дорха-Крой* принято наследовать трон. Они вырезали корону из головы старого короля, и он уплыл на огромной яичной скорлупе в безбрежное море одиночества. Потом меня обстригли и вковали железную корону в мой череп. Мятежнику *Фуир'теах* она досталась бы только с моей головой. Моя жизнь — это насмешка над всеми из рода *Круаллах-Крой*. Но насмешка эта не стоит и обломка иглы, ведь я скован, я в плену, и я не могу даже попытаться отомстить.

— Мы поможем вам, — сказал Виктор. — Отомстить. И мы освободим вас.

— Ты лжешь, — дернул головой Иарран Ри. — Ты пришел меня пытаться. Дать мне ложную надежду. Но я не верю тебе, тварь из ветров, ночей, фонарей, падающих листьев и тумана.

— Не называйте меня так. Никакая я не тварь... э-э-э... чего-то там... — сказал Виктор. — Послушайте, Иарран Ри, я действительно помогу вам. Я и сам... — он запнулся. — Я и сам вражду с обеими огневолосыми *кейлех*. Я помогу вам освободиться и сбежать, но вы должны пообещать мне, что не станете мстить ведьмам, пока не отомстите мятежнику Фиртейху.

— *Фуир'теах!* — прорычал Иарран Ри и дернулся в своих путах.

— Да, верно, простите. Пока не отомстите ему и его приспешникам, вы не вернетесь сюда. Кейлех, которая вас сковала, могущественна. Она намного... намного страшнее, чем война, от которой вы сбежали...

— Вик, что ты делаешь? — Кристина многозначительно округлила глаза, пытаясь заставить брата одуматься.

— Разве не видно?

— Ты уверен, что мама...

— *Что* мама? — перебил Виктор. — Не одобрит? Будет ругаться? Накажет нас? Мне нет дела до того, как она отреагирует.

— Я имела в виду, ты веришь ему? — прошептала сестра. — Может, она не зря держит его так?

— Неужели? И чем можно заслужить подобное?

Кристина не могла справиться с сомнениями:

— Мне кажется, у нее были причины запереть его здесь.

— Ну конечно, ее причины — это не дать ему узнать, что именно *она* все это с ним сделала, — прошептал, чтобы не услышал пленник, Виктор. — Тебе не жаль его семью? Его детей? А вдруг она сделает с ним еще что-нибудь ужасное?

Последнее король все же услышал.

— *Кейлех* пообещала, что отправит меня в мясной пирог, если я буду сопротивляться, — сказал Иарран Ри. — Она говорила, чтобы я не кричал, поскольку меня все равно никто не услышит.

— Ты еще сомневаешься? — укоризненно покосился Виктор на сестру.

Она не ответила, но хмуриться не прекратила.

— Что вы скажете, Иарран Ри? — Виктор поглядел на пленника. — Вы поклянетесь? Поклянетесь мертвыми детьми, что не станете мстить кейлех, которая вас пленила, до тех пор, пока не отомстите вашему врагу-мятежнику и его прихвостням?

Иарран Ри молчал. Сжав зубы, он глядел в упор на Виктора. На его лице читалась внутренняя борьба: презрение и недоверие сошлись в схватке с надеждой. Лишь отдаленно похожие на людские, зрачки подрагивали и какое-то время то сужались, то расширялись...

— Клянусь, — прохрипел он наконец.

Виктор кивнул и подошел, взялся за одну нить и попытался ее разорвать. Не вышло. Тогда он собрал все силы и попытался вновь, но и эта попытка не увенчалась успехом.

Пленник хрипло рассмеялся, глядя на безуспешные потуги своего «освободителя».

— Эти нити не разорвать и не перерезать ничем, кроме...

— Кроме чего?

— *Шиошур кейлех*.

— Сейчас нет времени переводить! — воскликнул Виктор. — Скажите по-английски!

— Я не знаю, как это называется на вашем языке, — гневно признался Иарран Ри. — Странное оружие. Два ножа на гвозде.

— Ножницы! — воскликнула Кристина. — Нам нужны мамины ножницы!

- Ты знаешь, где они лежат? — спросил Виктор сестру.
- Да, у нее в комнате. В корзинке с вязанием. Я достану...
- Только осторожнее...
- Не волнуйся — ее сейчас заботят только гости.

Кристина поставила лампу на пол и опрометью бросилась к двери. Выглянула, удостоверилась, что никого поблизости нет, и исчезла в коридоре.

— Теперь поговорим еще кое о чем, — сказал Виктор, когда шаги сестры стихли. — Что вы знаете о планах кейлех?

— Она постоянно твердила, что этот Канун станет последним, — нехотя признался гоблинский король. Он не желал говорить так сильно, что на всю комнату скрежетал зубами, — судя по звуку и искрам, заплывавшим на его губах, его зубы тоже были выкованы из металла.

— Что это значит? — Виктор напрягся: неужели он сейчас все узнает? — Для кого последним?

— Я не знаю. — Иарран Ри клацнул зубами. Искра впиалась в его губу и с шипением прожгла в ней нору. — Мне нет дела до бредней кейлех.

— Что-то еще? Ну же... — взмолился Виктор. — Мне нужно знать.

Иарран Ри пристально поглядел на человека, стоящего перед ним. Взгляд гоблина выражал презрение и насмешку. Все переживания этого ничтожного огневолосого *феар* не стоили и крохи его внимания. И тем не менее Железный Король был осторожен и подозрителен. Он видел ту ртуть, что текла у этого дерзкого мальчишки-*феар* внутри, он различал чернильную тьму на дне его глаз. От него не ускользнули шипованные лозы, которые заменяли ему жилы, и даже его, бесстрашного и отчаявшегося короля в изгнании, испугали те крошечные изумрудные лепестки, шевелящиеся в этих якобы человеческих зрачках, которые кажутся прочим идеально круглыми. Эта тварь опасна, он знал. Опаснее всего, с чем он раньше сталкивался. Ее нельзя так просто оставлять

за спиной, и договориться с ней не удастся. Дать ей то, что она хочет? А что же она хочет? Ответы?.. Это слишком просто...

— Она говорила о Деве-без-Матери, — сказал Иарран Ри, с холодным и липким страхом отмечая, как лепестки изумрудных зрачков зашевелились, будто на невидимом ветру. Обычный человек ни за что не разглядел бы подобного явления, но Железный Король не был человеком.

— О ком? — не понял Виктор. Снова загадки. Сколько их еще предстоит выслушать прежде, чем удастся разгадать хотя бы одну? — Что еще за дева?

— Она убьет ее. — Железный Король снова заставил изумрудные лепестки зрачков твари шевелиться. — Отдаст на съедение какому-то... Иери... Иеритону.

— Иерониму? — Виктор вздрогнул.

Красноволосый пленник увидел, как при упоминании этого имени изумрудные лепестки зрачков отсоединились, словно их кто-то оторвал, и разлетелись по белкам глаз. На какое-то мгновение остались лишь темно-зеленые, почти черные сердцевинки, которые в следующий миг тут же снова обросли лепестками.

— Может быть, — процедил гоблинский король и отвернулся. — Меня это не волнует.

— Она не говорила, зачем вы ей нужны?

— Когда *кейлех* отводила от меня гончих мятежников, она сказала, что я буду должен помочь ей собрать того, кто разорвал себя на части.

— Что это значит?

Чертова очередная загадка...

Пленник не ответил.

— Она замечала мои следы, — начал бормотать Железный Король, невидящим взором уставившись в ночь за окном. — Но тогда я был благодарен, тогда я еще не догадывался, что никто и никогда не узнает, где я.

Виктор понял, что больше ничего не добьется, и начал говорить вслух, размышляя:

— Последний Канун, Дева-без-Матери, которую отдадут Иерониму, человек, который разорвал себя на части...

— Я не говорил, что это человек. — Пленник вдруг странно поглядел на него. — Разве *феар* так умеют? Разрывать себя на части?

— Умеют, — мрачно заверил Виктор. — Вот только собрать их потом уже нельзя.

Из коридора послышался топот, как будто скакал кавалерийский полк, — оказалось, что это была всего лишь сестра.

— Я достала! — радостно воскликнула Кристина с порога.

Закрыв за собой дверь, она ринулась к пленнику и начала без труда перерезать нити одну за другой. Сейчас ни за что нельзя было поверить в то, что они совсем недавно не желали рваться. Кокон покачнулся...

— Помните о своей клятве, Иарран Ри, — сказал Виктор.

Кристина перерезала почти все нити, и освобожденный пленник рухнул на пол. Виктор бросился ему на помощь. Он поддержал Железного Короля под руку и помог ему подняться.

Иарран Ри дернул закованным в латную перчатку указательным пальцем по длинному белому шраму у себя на боку. Заточенный край металла мгновенно расшил шов. Тут же потекла кровь. Освобожденный пленник засунул пальцы в рану и вырвал из тела нечто длинное и острое.

Виктор так ничего и не понял. И когда окровавленный нож вошел ему в живот, он лишь удивленно поглядел на Железного Короля.

Бывший пленник ударил еще раз и еще...

— Я помню, — усмехнулся Иарран Ри в ухо Виктора и оттолкнул его от себя прочь. — *Кейлех* — на закуску.

Крестину сковал ужас. Она глядела на то, как ее брат падает на пол, а кровь растекается вокруг ран на его груди и животе.

— Крис... — прохрипел он, и это вырвало ее из оцепенения.

— Виктор! — закричала Кристина и бросилась к брату.

Удар по голове латной перчаткой наотмашь отбросил ее, будто куклу. Она рухнула в беспамятстве на пол.

— Нет... — прохрипел Виктор, глядя на неподвижную сестру. — Нет...

— Вы все одинаковые... — сплюнул Иарран Ри. Слюна у него оказалась ржавой. — Проклятые ублюдки *кейлех*. О, враньи души, какие же вы глупые! Освободить своего врага... Таких, как вы, пожирают каждый день!

Железный Король переступил через окровавленного Виктора и направился к кровати. Подойдя к ней, он быстро надел рубаху и камзол, закрепил на плечах плащ.

— Глупые *феар*. Всем *Дорха-Крой* из королевского рода в детстве вшивают в тело *Диора-Снахаад*, нож последнего мгновения. Многие хотят убить наследников трона. И когда ни стража, ни мечи больше не в силах помочь, нож последнего мгновения вонзится в горло мятежника, покусившегося на королевскую кровь.

Железный Король взял в руки перевязь с мечом. Тетива на арбалете была порвана, и он его оставил. Отойдя от кровати, Иарран Ри дернул головой и откинул волосы с лица. В мочке его левого уха в виде серьги торчало потрескавшееся коричневое семя. Он вырвал его и швырнул в стену с окном.

Стукнувшись о нее, семя упало на пол и треснуло сильнее. Оно вздрогнуло, и из него показался белоснежный росток. За считанные мгновения росток начал увеличиваться, расссыпаться листьями и ветвиться.

— Расти, мой *Даир*! Расти! — подзадоривал его гоблинский король.

Но росток и сам знал, что ему делать. За каких-то десять секунд он уже напоминал небольшое деревце, еще пока что хиленькое и хрупкое. За двадцать — его корни уже ушли в пол и стены, пробив паркет и кладку, и начали покрываться узлами и морщинами. На ветвях появились почки, а за ними развернулись и листья. Кора перестала быть нежной и гладкой — она погрубела, покрылась трещинами. Раздался скрежет — она ломалась, словно старая кожа, новые грубые ветви разделялись надвое, натрое, из них прорастали все новые и новые... Комната наполнилась треском.

Это был дуб. Белоснежный, будто облитый краской и мгновенно высохший, дуб. На ветвях черными пятнышками появлялись желуди. Дерево продолжало увеличиваться...

— *Иарран Ри* сбежит, когда *Даир* прорастет!

И его дуб пророс.

Ветви удлинлись, расширились и налились силой. Перед ними возникла преграда, но прекращать расти они не собирались. С диким грохотом крона выбила окно, решетку и ставни. Изломанными щупальцами ветви поползли в образовавшуюся дыру, откалывая при этом все больше и больше каменной кладки. Пролом расширялся, он был уже размером с два дверных проема...

Виктор лежал в луже собственной крови. Холод растекался по его телу, он уже не чувствовал пальцев, словно их отрезали. Он уже почти не дышал и не моргал, он не мог пошевелиться, но глядеть ему никто не запрещал. Жаль, Кристина сейчас ничего не видела, — какую красоту она пропускала! Вот это было настоящее волшебство, в отличие от тех жалких уродливых фокусов, которые проделывали гости там, внизу, в гостиной.

Дуб уже заполнил собой почти половину скрытой гостевой спальни. Одна часть его кроны, которая находилась в помещении, упираясь в потолок, подгибалась и нависала над всей

комнатой белоснежным древесным сводом. Другая вышла наружу, где ничто не ограничивало ее свободу.

Виктор представил себе, какое это, должно быть, замечательное и величественное зрелище, если смотреть с улицы: огромное белое дерево, растущее прямо из стены второго этажа, его узловатые разлапистые ветви, тянущиеся к небу, словно сотни крючковатых рук, и пышная, будто отлитая из серебра, крона. Дерево, казалось, даже немного светилось в ночи — оно рассеивало вокруг себя нежное, обволакивающее кожу тепло и невероятный чарующий запах. Как будто под крышей Крик-Холла разлилось море — соленое, пахнущее корицей и рассветной осенней влагой, с примесью аромата начинающегося дождя, капающего в огонь, море.

Дерево выросло. Треск затих, ему на смену пришел мягкий звон — это ветер зашевелил белоснежные листья.

— В путь, — прохрипел гоблинский король. — *Иарран Ри* собирается в путь... *Муир* ждет... Месть зовет...

Иарран Ри положил руку на ствол дуба, и рука постепенно начала в него вращаться; бывший пленник становился его частью...

Виктор глядел на цветущее дерево и на то, как фигура в плаще постепенно сливается с ним. И это было настолько завораживающе, что он уже ничего другого не замечал, не думал ни о чем и ничего не чувствовал. Взгляд его потускнел, зеленые зрачки, словно увянув, стали карими, и одинокая слеза скатилась из уголка глаза.

Виктор Кэндл умер.

...Дверь с грохотом распахнулась и повисла на одной петле. На пороге застыли три женщины. Одна — та, что стояла в центре, — рыжеволосая, в зеленом платье, была разгневана, две другие (высокая и широкая в кости в темно-красном вечернем платье и сухая, тонкая в платье фиолетовом) — решительны.

Корделия Кэндл мгновенно оценила обстановку и стиснула зубы: ее пленник, ради которого она потратила столько сил и времени, сбегал. Проклятый мальчишка его освободил!

Мегана Кэндл сбросила туфли — она не хотела их портить, да и они больше подходили для званого ужина, чем для того, что грозило здесь вскоре разразиться. Хотя...

Рэммора Кэндл и не думала следовать примеру сестры — она просто обожала свои туфли на длинных каблуках и ни за что бы их не сняла, тем более что оба каблука снова были целыми. Ведьма языком передвинула сигарету из правого уголка рта в левый...

Иарран Ри обернулся, и глаза его налились огнем. Он не успел! Кейлех, которая пленила его, пришла помешать ему сбежать! И она привела с собой двух сестер, двух других кейлех!

— *Муир*, заberi меня... — отчаянно прошептал он, уперев лоб в иссеченный трещинами ствол двухсотлетнего дуба. Кончики красных волос погрузились в кору и начали вращаться в дерево. — Скорее... заberi меня...

Корделия Кэндл с яростью, до неузнаваемости искажившей ее лицо, глядела на беглеца. Собственных детей, распростертых на полу, она не удостоила ни единым взглядом.

— Никуда ты не уйдешь, — прошептала она.

Мегана и Рэммора одновременно прыгнули вперед. Мегана раскрыла сжатые кулаки и швырнула что-то в гоблинского короля. С ее пальцев сорвалось несколько капель воды. На невидимом ветру они понеслись к беглецу, разрастаясь и заостряясь. На половине пути до него капли выросли, удлинились и превратились в тонкие хрустальные иглы.

Иарран Ри даже не обернулся. Ветви белого дуба, нависающие сводами над головами ведьм, резко опустились и со звоном разбили колдовские иглы.

Корделия словно и не собиралась принимать никакого участия в происходящем. Она опустила руку, и из нее

вывалился конец длинной желтоватой веревки. Закрыв глаза, она начала завязывать на ней узелки, уделяя отдельное внимание каждому. И хотя видимых изменений ни с комнатой, ни с кем-либо в ней не происходило, средняя сестра Кэндл не зря тратила сейчас столь драгоценное время. Вережка эта представляла собой ведьмовскую лестницу. Каждый узел в ней был своеобразной ступенью — заклятием, которое являлось частью общего, намного более сложного заклятия. Ничего хорошего Железному Королю все это не предвещало. Он это понимал, и страх поднимался в нем волной...

Рэммора тем временем резко обернулась вокруг себя и исчезла в огненной вспышке. В следующее мгновение она оказалась прямо за спиной гоблина и, сомкнув ладони вокруг тлеющего огонька сигареты и щелкнув языком, словно колесиком зажигалки по кремню, развела руки в стороны. Пальцы ведьмы соединили тонкие огненные нити...

Зрачки гоблина превратились в узенькие полоски. Он взмахнул рукой, и живые ветви дуба зашевелились, повинаясь его воле. Они взметнулись и, со свистом разрезав воздух, ударили, будто собранными вместе хвостами плети-кошки.

Рэммора уже опускала свою огненную вязь на соединенную с дубом руку беглеца, намереваясь их разделить, и успела лишь повернуть голову. Ветви ударили ее в живот с силой едущего на полной скорости школьного автобуса, и, словно жертва автомобильной катастрофы, ведьма отлетела в стену.

Младшая сестра Кэндл со всего размаху ударилась о пианино. Раздался совсем немелодичный грохот. Во все стороны полетели щепки и клавиши. Ведьма не шевелилась. Из развороченного вишневого корпуса пианино торчала окровавленная кисть, похожая на шитую руку тряпичной куклы.

Воспользовавшись тем, что беглец отвлекся на сестру, Мегана вдруг... рухнула на пол. И стоило ей лишь коснуться

древних досок, как она исчезла, а уже в следующий миг выпала из кроны точно на голову гоблинского короля.

Падая, она вскинула перед собой руки, скрючив, будто в судороге, пальцы. Острые зубцы железной короны были уже прямо под ней, когда в обеих руках старшей сестры Кэндл появились ее вечерние туфли. Штыки, растущие из головы беглеца, миновали ведьму лишь чудом — она извернулась в воздухе, как кошка, размахнулась и ударила гоблина обеими туфлями. Один острый каблук вонзился ему под скулу, а другой прошел соединенную с деревом руку выше латной перчатки.

Иарран Ри закричал. Мегана пробила ему лицо и предплечье насквозь. И все же он изловчился и прямо в воздухе схватил ведьму свободной рукой за запястье. Он крепко сжал латную перчатку, и старшая сестра Кэндл взвыла от боли. Раздался хруст, и из-под закованных в металл пальцев потекла кровь. Железный Король с пронзительным птичьим криком разжал руку и, когда ведьма упала на пол, схватил ее за ключицу. Левая кисть Меганы была перемолота, как в мясорубке.

То же сейчас происходило и с ее плечом. Железные пальцы сдавливали ключицу, ломая все, что было под ними. Ведьма захлебнулась криком и потеряла сознание.

Иарран Ри разжал хватку. В тот же миг сморщенные корни дерева с грохотом и треском вырвались из пола и начали оплетать безвольное тело ведьмы. Сверху к ней потянулись ветви. Белый дуб собрался разорвать Мегану Кэндл.

Корделия будто и не замечала происходящего. Она стояла, закрыв глаза, и все продолжала шептать и завязывать свои узелки.

В комнате вдруг зазвучала музыка. Железный Король повернул голову.

Ожившее пианино играло само по себе. Клавиши, словно листья, подхваченные ветром, взмывали в воздух и вставали на свои места, струны натягивались, щепки вращались в изломанный корпус.

Перед инструментом стояла ведьма в фиолетовом платье и с неизменной сигаретой в зубах. На ее одежде в нескольких местах зияли дыры. Хуже дело обстояло с лицом: оно было все в крови, ведьма сломала нос, а нескольких зубов неоставало. Но больше она явно переживала из-за туфель. Каблук на одной был сломан. Снова!

Иарран Ри ткнул в ведьму рукой, и к младшей сестре Кэндл стремительно потянулись ветви белого дуба. Но тут вдруг раздался натужный треск, и ветви остановились в каком-то фуге от безумно улыбающейся Рэмморе Кэндл.

Это ожил древний гардероб. Деревянные, покрытые резными листьями стебли отделились от дверец шкафа и, налившись зеленым, обхватили ветви и корни белого дуба, волоча их к себе. Створки были распахнуты настежь, и петли скрипели, из глубин шкафа начала просачиваться в комнату, перекатываясь через порожек, клубящаяся тьма.

Рэммора вновь проделала свой трюк с сигаретой, и в очередной раз ее пальцы соединили огненные нити. Она шагнула к беглецу, расчищая себе дорогу от пытающихся до нее добраться ветвей и корней, превращая их своей сетью в пепел. Она была уже всего в трех-четырех шагах от Железного Короля, и казалось, ей удастся остановить его...

К этому моменту Иарран Ри соединился с деревом обеими ногами, рукой и кончиками волос. В грубый белый ствол уже встал его правый бок. Он не мог позволить, чтобы ведьма помешала ему сбежать. Свободной рукой гoblin выхватил из ножен меч и швырнул его в Рэммору.

Младшая сестра Кэндл вскинула перед собой руки, намереваясь защититься, как-то отбить клинок в сторону. И у нее это почти вышло. Она коснулась меча рукой, и тот вдруг распался, рассыпавшись в пыль — в целую тучу ржавой пыли. Ведьма усмехнулась, но пыль и не подумала оседать. Бурое облако, издавая едва различимое жужжание, устремилось к ней.

Рэммора пыталась жечь этот ржавый рой огненными нитями, но крошечные насекомые, составлявшие ранее меч гоблинского короля, были явно невосприимчивы ни к огню, ни к прочим ее чарам.

Ведьма отбивалась от роя уже голыми руками, пытаясь прикрывать лицо, и хотя общая бурая туча вроде бы даже поддавалась, деформируясь с каждым ее взмахом, но единичные песчинки все же опускались на ее запястья.

Мелкие ржавые твари начали впиваться в кожу. Кисти и пальцы ведьмы тут же покрылись язвами — рыжие термиты прогрызали в них дыры. Рэммора поняла, что она уже ничего не сделает, — насекомые просто сожрут ее...

— Корделия! — закричала она. — Помоги! Помоги мне! Ты сделаешь хоть что-нибудь, наконец?!

— Я занята, — прошептала средняя сестра Кэндл скорее себе самой, чем Рэмморе. — Я очень занята, и меня нельзя... нельзя отвлекать.

Ее пальцы продолжали вязать узлы на веревке. Глаза ведьмы были по-прежнему закрыты так, словно она и думать забыла обо всем происходящем вокруг.

— Тебе не остановить меня, проклятая огневолосая *кей-лех*! — закричал Иарран Ри. — Не остановить!

И тут, обернувшись к Корделии, он вдруг увидел то, что пробудило в нем отчаяние и ужас.

О ноги ведьмы терся полосатый кот с повязкой на глазах. Слепой кот огневолосой кейлех...

Железный Король мгновенно все понял, и осознание это стало тем самым рычагом, который и перекинул его: за единственный короткий миг Иарран Ри по-настоящему сошел с ума. В ярости и безумии он впился зубами в собственную нижнюю губу и, сомкнув челюсти, откусил ее.

— Будь ты проклята! — заревел он, и брызги крови вместе со слюной полетели во все стороны. — Будь ты проклята, кровавая *кейлех*! Будь ты проклята!

Средняя ведьма Кэндл открыла глаза.

— Мне не нравится, когда в этом доме ругаются, — строго сказала Корделия и разжала пальцы.

Веревка беззвучно упала на пол. Ведьмовская лестница превратилась в петлю — оба ее конца были связаны прочнейшим мертвым узлом. В тот же миг, как этот узел сплелся, последнее заклятие дало жизнь всей лестнице, но Иарран Ри понял это не сразу.

Корделия Кэндл ступила в петлю ногой, и в тот же миг Железный Король исчез.

На том месте, где он только что стоял, уже никого не было, но у основания белого дуба, среди его корней, на полу лежала большая прямоугольная картина в вишневой раме. На ней в мельчайших деталях была изображена вся комната: и кровать, и пианино, и гардероб, и дуб, и остатки кокона в углу. И даже два тела, лежащие на развороченном паркете, — неподвижные брат и сестра. Отсутствовали лишь ведьмы. В застывшем масле были тонко переданы цвета и оттенки, свет и тени, текстуры поверхностей. Корделия выбрала перспективу изображения так удачно, что даже без долгого и внимательного всматривания создавалось ощущение глубины и объема. Картина напоминала маленький люк, через который глядишь на настоящую комнату. Единственное отличие между изображением и реальностью заключалось в том, что на картине присутствовал также Железный Король, наполовину вросший в дерево, с отчаянием и ненавистью на лице, с болью в глазах.

Корделия была довольна. Она оглядела комнату. Дерево больше не проявляло никаких признаков противоестественной жизни. Его листья едва шевелились на заползающем внутрь через пролом в стене ветру. Рой ржавых насекомых бурой пылью оседал вокруг все еще отмахивающейся и кричащей Рэмморы. Мегана, уже свободная от корней и ветвей, приходила в себя на полу. Дверцы гардероба медленно

закрылись — плющ вновь стал всего лишь фигурной резьбой на них; плавно опустилась крышка пианино.

Виктор и Кристина по-прежнему лежали там, где и все время до этого.

Мегана поднялась на ноги. Ее левая кисть представляла собой жуткое месиво, на плече кровоточила рваная рана, как будто кто-то откусил часть ее ключицы. Рэммора наконец поняла, что все закончилось, и принялась яростно топтать мертвых металлических насекомых, но добилась лишь того, что сломала и второй каблук. Опомившись лишь через минуту, она подошла к старшей сестре и, привалив Мегану к своему плечу, повела ее к Корделии. Когда ведьмы подошли, она злобно уставилась на петлю, лежащую на полу.

— Сразу видно, что ты не торопилась! — Рэммора быстро пересчитала все «ступени». — Здесь слишком много узелков! Слишком много для того, чтобы просто запереть его в картину!

— Ну, мне ведь еще нужно было позаботиться и о других вещах...

— Каких еще вещах?

— К примеру, я сделала так, чтобы внизу ничего не было слышно. Вы тут сильно пошумели.

— Я не могу поверить! — возмущенно затараторила Рэммора. — Чтобы эти напыщенные гости ничего не узнали... Чтобы всего лишь не допустить раскрытия твоих тайн...

— Ты едва не позволила нам умереть! — с упреком встала Мегана. — Копалась до последнего!

— Вы ведь знаете, что ведьмовская лестница — это трудоемкое занятие, — пожав плечами, сказала Корделия.

— Да, и в драке не слишком применимое! — скривилась Рэммора. — Спасибо на том, что хоть не побежала на кухню варить какие-нибудь зелья или вовсе не отправилась

в любимое кресло с вязанием ждать более подходящего стечения звезд и светил!

— Хватит скулить! — бросила Корделия. — Вы прекрасно знаете, как себе помочь! Этот гoblin нам нужен, не забывайте! Я не для того рисковала, когда ловила его, чтобы потом взять и просто убить!

— Нужно было охранять его получше... — проворчала Рэммора.

— Что ты сказала?

Корделия глянула на сестру с такой злостью, что в этот миг она просто обязана была облысеть. Но та не испугалась. Взгляд средней ведьмы Кэндл встретили ехидная змеиная усмешка и презрение в глазах. Подобного Рэммора еще ни разу себе не позволяла. Нет, может, исподтишка, но не так, в открытую.

— Что делать с ними? — спросила Мегана, указывая на Виктора и Кристину. — В чулан их или закопать?

— В свои комнаты, — отчеканила Корделия.

— Ты думаешь, что... — начала было Рэммора, но Мегана не дала ей договорить.

— Были бы это мои дети, ты бы их разорвала на куски за то, что они сделали!

— Вот и радуйся, что это были не твои дети, — ледяным голосом ответила Корделия.

— Все верно, — сказала вдруг Рэммора. — Кристину ждет инициация, а Виктор...

— Хватит болтать, — оборвала ее Корделия. — Кристину запереть в ее спальне. Придет в себя — будет наказана. А этот... — Она подошла и равнодушно поглядела на белое как полотно лицо мертвого сына. — Не думай, дружок, что тебе так просто позволят сбежать. Смерть — это слишком просто. А я, уж поверь, ни за что тебя не отпущу.

— А что делать с деревом? — спросила Рэммора.

— С деревом? — удивилась Корделия. — Пусть себе растет...

Дождь стучал по крыше старого особняка на холме Ковентли. Молнии били и прорезали черные клубящиеся тучи, словно ножи, испарывающие подушки. Гроза над небольшим городком, затерянным в сердце графства Эссекс, разыгралась такая, что казалось, вот-вот от города и всех, кто имел глупость оказаться в нем в преддверии Хэллоуина, ничего не останется...

И вдруг, когда очередной громовой раскат прошел где-то в вышине над Холмовым районом Уэлихолна, а очередная молния сверкнула и извернулась хлыстом, все стихло.

Струи дождя зависли над старым особняком, а внутри самого дома застыли огоньки на канделябрах и газовых лампах. Стрелки многочисленных часов, находившихся в этот момент под крышей Крик-Холла, дрогнули и встали.

Тик...

Присутствовавшие в доме люди тоже словно выключились.

В своей комнате у окна застыла старая ведьма Джина Кэндл. Она нащупывала что-то у себя на затылке, и со стороны могло показаться, будто старуха просто поправляет волосы, но это было не так... далеко не так. В тот миг, как время остановилось, она безразлично глядела на стоявший неподалеку от гаража ржавый грузовичок, кузов которого был сверху наполнен тыквами...

У ворот гаража стоял Томми Кэндл, с ненавистью во взгляде смотревший на старого беззубого фермера, который и привез описанную выше очередную партию тыкв. В тот миг, как время остановилось, мальчик пытался натянуть на руки громадные садовые рукавицы...

Заставивший племянника заниматься тыквами Джозеф Кэндл, как обычно в последние дни, был в библиотеке. Он замер у окна, положив руку на плечо своей дочери Мими, которая взирала на него расширенными от ужаса и непонимания глазами. В тот миг, как время остановилось, он как раз

рассказывал ей, что принял решение отдать ее на воспитание мистеру Греггсону...

Брат-близнец Мими, Сирил Кэндл, в это время лежал у камина в гостиной, раскинув руки в стороны. Рядом валялся заколдованный бокал, из которого растеклось по полу бесконечное рубиновое вино. В тот миг, как время остановилось, вино, которое Сирил самозабвенно поглощал весь вечер, окончательно победило его, и он забылся во сне...

Его невеста тем временем была в их комнате — стояла в темном углу, повернувшись лицом к стене. Она была наказана: жених часто ее наказывал. В тот миг, как время остановилось, она, как и до того, безучастно глядела на темные обои перед собой...

Бывший возлюбленный Саши, окровавленный и бездыханный Виктор Кэндл, лежал в своей комнате на кровати, упреков пустой поблекший взгляд в потолок. В тот миг, как время остановилось, он, как и десять минут назад, был мертв...

Его ледяную белоснежную руку сжимала Мегана Кэндл. Она сидела на краешке кровати Виктора и глядела на него, не в силах моргнуть. На ее лице застыли слезы. В тот миг, как время остановилось, она прижимала мертвую руку племянника к губам и плакала, чувствуя, что сердце ее вот-вот разорвется на куски, и ведьму совершенно не волновало, увидит ли ее кто-то из сестер...

Младшая сестра Меганы, Рэммора Кэндл, сейчас находилась в коридоре. Она замерла, делая шаг. В одной руке у нее была зажата сигарета, в другой — нога племянницы, Кристины Кэндл, которая по-прежнему была без сознания и которую заботливая тетюшка волочила по полу в ее комнату. В тот миг, как время остановилось, Рэммора как раз сообщала племяннице, что лучше бы на месте той была Марго: с малявкой бы она, мол, управилась в два счета, не то что с тяжелой Кристиной, у которой еще и нос постоянно цепляется за края старых паркетин...

Другая племянница Рэммори, Марго, в этот момент была не где-нибудь, а в комнате самой Селен Палмер. Старуха спала в своей кровати, натянув на глаза бархатную маску. Весь ее вид выражал сущую безмятежность — еще бы, ведь она сегодня довела до сердечного приступа не меньше трех человек! А еще она приняла парочку коробок снотворного и опустошила фляжку джина. Старуха чувствовала себя в безопасности, ведь заперла дверь на восемьдесят восемь замков (да, в ее двери было именно столько замков, и ни замком меньше). Вот только мадам Палмер не знала, что кое для кого все эти замки преградой не являются. В тот миг, как время остановилось, Марго Кэндл, маленькая семилетняя девочка в одной ночной рубашке, забралась на грудь спящей гостье и принялась облизывать ее покрытое толстым слоем пудры лицо, как какая-то кошка... ну, или кот...

Семейный кот Кэндлов, Коннелли, сейчас был на чердаке — сидел напротив затянутого полотнищем зеркала. Он следил за тем, чтобы Гарри Кэндл, которого он всегда презирал, даже и думать не смел о том, чтобы выбраться на волю... В тот миг, как время остановилось, он проскользнул прямо сквозь запертую дверь, отправленный сюда своей любимой хозяйкой, которая... которая...

Корделия Кэндл спустилась по лестнице и оказалась в холле. На миг замерев у ее основания, она прислушалась: тихо... так невероятно, оглушающе тихо! Никто не ссорится, никто не смеется, никто не сопит, не пыхтит, не фыркает, не топает своими треклятыми ногами по чистому полу! Никто ни с кем не разговаривает и даже ни о чем не думает! Миг спокойствия, миг тишины... Это ведь все, что, по сути, нужно самой обычной уставшей женщине. Просто чтобы никто ничего не делал, ни о чем не спрашивал, не дергал по пустякам, не переворачивал вверх дном всего минуту назад возвращенный в нормальное положение дом! Какой-то миг! Один лишь миг не быть мамой, сестрой, женой и дочерью,

кухаркой и уборщицей, ведьмой и заговорщицей. Всего миг для того, чтобы просто побыть... собой...

Корделия Кэндл зажмурилась от удовольствия, по-кошачьи потянулась, повела из стороны в сторону шеей и сделала то, чего не позволяла себе многие годы. Она вдохнула — широко, всей грудью. А затем выдохнула.

Ее вздох облегчения прокатился по всему дому... Вот только никто его не услышал, потому что все до сих пор пребывало там же, где и замерли, вместе со своими недосказанными словами и недодуманными мыслями...

Корделия Кэндл постояла немного, подумала о разном, а потом снова вдохнула, на этот раз с сожалением, и проворчала:

— Ну ладно, хватит.

А затем шелкнула пальцами.

В тот же миг дождь на улице продолжил лить, раздался гром и сверкнула молния. Дом ожил.

...так, тик-так. Снова пошли часы, а все (или, вернее, почти все), кто в доме находился, вернулись к прерванным делам, даже не заметив того, что время останавливалось.

Ну а тот единственный, кто все заметил, мотнул головой и поморщился. Он почувствовал, как дрогнуло время, с такой же легкостью, как кувшинка чувствует рябь на поверхности пруда, на котором растет. Если кувшинки вообще могут что-то чувствовать.

Мистер Эвер Ив был в этом не уверен, так как лично не имел удовольствия свести знакомство ни с одной кувшинкой. Зато он давно свел знакомство с подлостью и коварством. И сейчас то, что с ним сделали, как раз-таки и отдавало упомянутыми подлостью и коварством, как дохлые свиньи воняют... дохлыми свиньями.

К слову, о дохлых свиньях мистер Ив подумал не случайно, ведь то, что ему подложили, несомненно, было самой дохой и самой свиной из всех возможных дохлых свиней.

— Та-ак, — протянул мистер Эвер Ив, ежась от внезапно охватившего его холода.

Он был один в пустом доме, который буквально тонул в каких-то бумажках. Бумажки эти носились повсюду, подхваченные ветром, громоздились кучами по углам да под стенами, сыпались с потолка, летали по коридорам. Мистер Ив поймал одну из них, перевернул ее и отметил, что это не просто «бумажка», а листок отрывного календаря. Стоявшая на нем дата его обеспокоила. Он схватил еще один листок, а затем еще и еще один. На всех стояла та же дата...

— Что-то не нравится мне все это, — проворчал мистер Эвер Ив, уже по колено бредя в загромодивших дом маленьких прямоугольных листках. — Шутка, конечно, выдалась смешной, но пора и честь знать. Посмеялись — и хватит. Какое там у нас уже октября на календаре? Да-да, скоро Хэллоуин. А у меня еще столько важных дел! Срочных, неотложных, ужасно-прекрасных дел! Кажется, пришло время будить этого соню...

Оглавление

Глава 1. Дом, милый дом	7
Глава 2. Когда не все дома	65
Глава 3. Человек в зеленом	113
Глава 4. День, когда зажгли фонари	172
Глава 5. Интервью под рулетки из мертвечины	229
Глава 6. Зеркала, смотрящиеся в гостей	295
Глава 7. Котлы на ведьминой кухне	360
Глава 8. Гость поневоле	445

МИО Проза

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО МАСШТАБА

ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

mifbooks

Литературно-художественное издание
Red Violet. Темные миры

Торин Владимир
Яковлев Олег

Мистер Вечный Канун

Уэлихолн

Руководитель редакционной группы *Анна Неплюева*
Ответственный редактор *Дарина Андреевна*
Арт-директор *Вера Голосова*
Иллюстрация обложки *Полина Граф*
Верстка *Владимир Снеговский*
Корректоры *Татьяна Бессонова, Анна Быкова*

В макете использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,
д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru
vk.com/mifbooks

БОЙСЯ ЧЕЛОВЕКА В ЗЕЛЕНОМ... БЫТЬ БЕДЕ!

Туманный Уэлихолн, затерянный в графстве Эссекс. Получив таинственное письмо, Виктор Кэндел возвращается в город детства, где происходят мрачные и загадочные события, уходящие корнями далеко в прошлое. Старинный семейный особняк полнится заговорами. Все родственники ведут себя очень странно, а вокруг творятся необъяснимые вещи. В дом прибывают необычные гости, среди которых явно есть тот, чье присутствие все отрицают...

БЛИЗИТСЯ ХЭЛЛОУИН...

«Восхитительно хэллоуинская атмосфера, в которую так приятно окунуться. Пугающие тайны, что скрывают улыбки, похожие на оскал. Ты не знаешь, чего ждать от следующих страниц, и продолжаешь цепляться за каждую новую строчку, не в силах оторваться от истории».

@monstrum.somnia

#МистерВечныйКанун

Иллюстрация на обложке – Полина Граф (Dr.Graf)

МИО mann-ivanov-ferber.ru @mifbooks